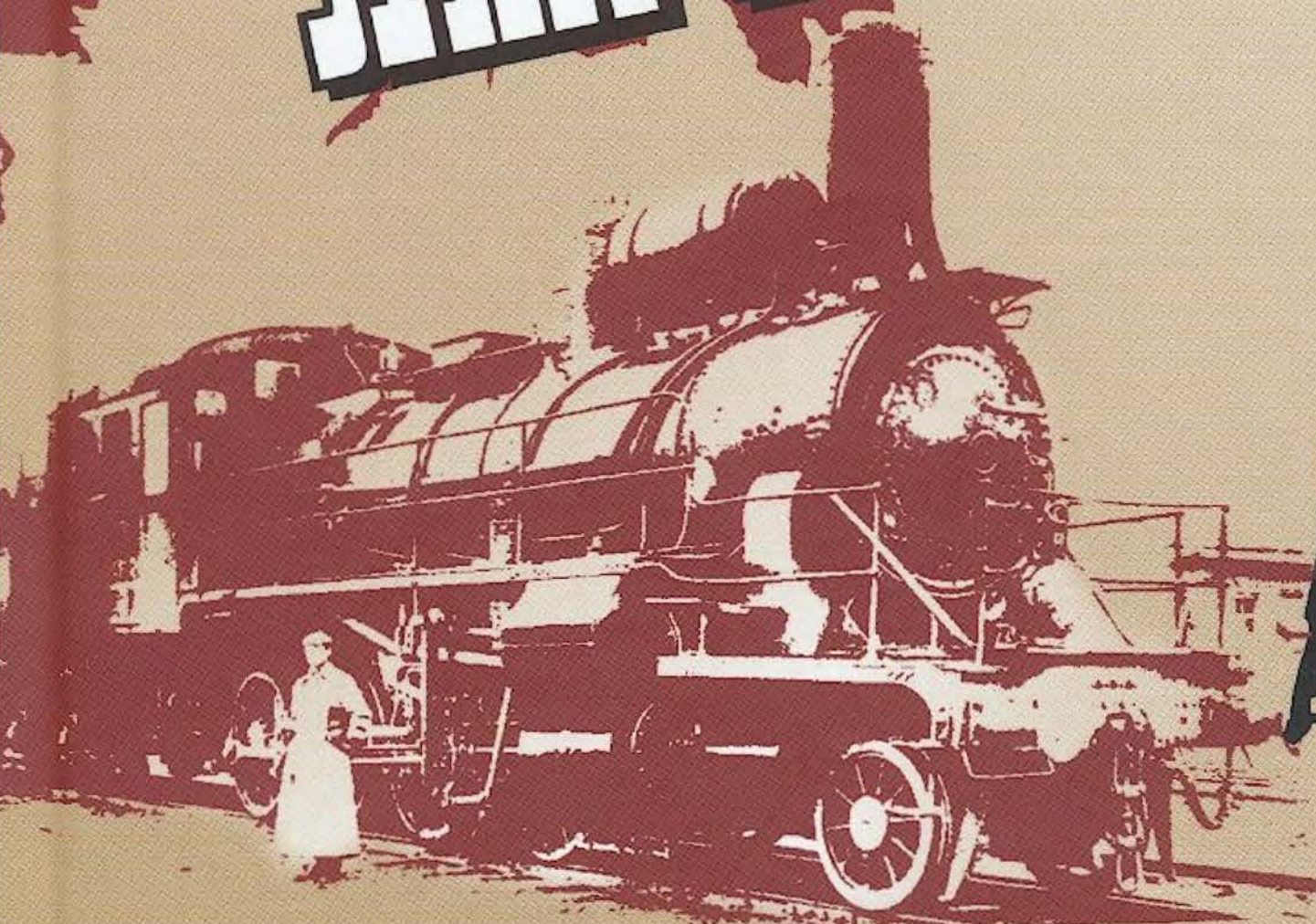

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ЯНА ГАМАРНИКА

Здание Дальревкома
в Хабаровске, 1925 г.

ПРИАМУРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.И. Дубинина

Дальний Восток Яна Гамарника

Документально-историческое повествование

Хабаровск
2011

PRIAMURSKIJ DEPARTAMENT
OF GEOGRAPHICAL SOCIETY

FAR-EASTERN STATE UNIVERSITY
OF HUMANITIES

N.I. Dubinina

Far East of Yahn Gamarnik

Documentary-Historical Narration

Khabarovsk
2011

УДК 95
ББК 63.3
Д 79

Рецензенты:

почетный член Приамурского географического общества Г.Г. Лёвкин,
ученый секретарь Приамурского географического
общества, его почетный член А.М. Филонов

Дубинина Н.И.

Д 79 Дальний Восток Яна Гамарника. Документально-историческое повествование. — Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011. — 432 с.

Написанная доктором исторических наук, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Н.И. Дубининой книга впервые в историческом контексте 1920—1930 годов полно раскрывает вклад Я.Б. Гамарника в социально-экономическое строительство Дальнего Востока, в создание его военно-промышленного потенциала. В основе книги лежат опубликованные и неопубликованные документы и материалы, большинство которых впервые вводится в научный оборот. Ранее в серии «Генерал-губернаторы Приамурского края» автором уже были изданы книги о генерал-губернаторах Н.Л. Гондатти (Хабаровск, 1997), Н.И. Гродекове (Хабаровск, 2001), П.Ф. Унтербергер (Хабаровск, 2008).

Для широкого круга читателей, интересующихся российской историей.

Работа выполнена при поддержке Правительства Хабаровского края и содействии Центра исследований Северной Азии университета Тохoku (г. Сэндай, Япония).

ISBN 978-5-88570-301-7

Dubinina N.I.

Д 79 Far East of Yahn Gamarnik. Documentary-Historical Narration. — Khabarovsk: TGUE «Khabarovsk territory printing house», 2011. — 432 p.

The book written by Doctor of History, Honoured Scientist of Russian Federation N.I. Dubinina, fully presents Gamarnik's contribution into the construction of the Far-Eastern social-industrial potential in 1920—1930 years.

Published and unpublished documents and materials, the majority of which are involved in scientific circulation for the first time, are the basis of this book.

This author has published several books earlier in series «Governorgenerals of Priamurskij Region»: about Governorgenerals: N.L. Gondatti, Khabarovsk, 1997; N.I. Grodekov, Khabarovsk, 2001; P.F. Unterberger, Khabarovsk, 2008.

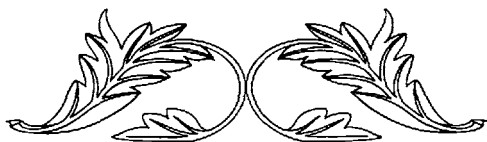
«Far East of Yahn Gamarnik» brings together an outstanding set of original papers that will be of great value to anyone interested in Russian history.

The research has been fulfilled with the support of Khabarovsk Territory Government and the assistance of the Center for North Asia Studies of Tohoku University (Sendai, Japan).

© Дубинина Н.И., 2011

© КГУП «Хабаровская краевая типография», 2011

Прозорливость первого руководителя Дальневосточного края

Уважаемые читатели! Перед вами книга, посвященная видному советскому государственному деятелю Яну Борисовичу Гамарнику (1894—1937).

Его имя носят улицы в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, но по ряду причин оно сравнительно мало известно широкой дальневосточной аудитории.

Книга «Дальний Восток Яна Гамарника», написанная профессором ДВГГУ Н.И. Дубининой, убедительно раскрывает роль Гамарника в социально-экономическом строительстве Дальневосточного региона в 1920—1930-е годы, в создании здесь военно-промышленного потенциала, что имело важное значение в достижении Великой Победы в кровопролитной войне против немецко-фашистских захватчиков и в целом во Второй мировой войне.

С именем Гамарника связано появление девиза «Дальневосточный край — аванпост СССР на Тихоокеанском побережье», ныне приобретшего современную форму и глубокое содержание, отражающее приоритетное значение Дальнего Востока в государственной политике новой России.

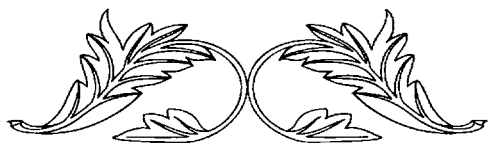

Под руководством Гамарника был разработан десятилетний план социально-экономического развития Дальнего Востока СССР, который, по существу, стал первой комплексной программой развития Дальневосточного региона, предтечей современных региональных программ.

На основе многоплановой источниковой базы автору удалось создать привлекательный портрет человека, любившего дальневосточную землю и многое для нее сделавшего, но, к сожалению, человека трагической судьбы. Для современных руководителей и управленцев, для молодого поколения созидательная деятельность и яркая жизнь Я.Б. Гамарника может стать примером самоотверженного служения Отечеству, родному краю. Широкий исторический контекст усиливает значимость книги и, надеюсь, сделает ее востребованной всеми, кто интересуется историей Хабаровского края и Дальнего Востока в целом.

*В.И. Шнорт,
Губернатор Хабаровского края*

От автора

*Чтобы песок забвения
не засыпал нашу память.*

Исследование деятельности генерал-губернаторов российского Дальнего Востока в XIX — начале XX вв., естественно, логично вывело автора на проблему деятельности на советском Дальнем Востоке первых партийно-политических руководителей. Было любопытно выяснить, что это были за люди, чем их деятельность отличалась от службы главных начальников дореволюционной поры, что им удалось сделать для Дальневосточного края и его жителей. Так вызревал замысел книги.

Почти все партийно-государственное руководство образованной летом 1923 г. в составе РСФСР Дальневосточной области формировалось в столице. Это была исключительная прерогатива ЦК Коммунистической партии. Зачастую посланцы партии через один-два года отзывались с Дальнего Востока, а на их место назначались новые. В этом кадровом движении оказалась одна личность, которая двигалась на Дальнем Востоке в вертикальном направлении, поднимаясь с одной ступеньки на другую в номенклатурной лестнице. Это был Ян Борисович Гамарник (1894—1937 гг.), который за пять с половиной лет работы на Дальнем Востоке (1923—1928 гг.) исполнял обязанности председателя Приморского губернского исполкома Совета, председателя Дальревкома, председателя Далькрайисполкома, секретаря

Дальневосточного краевого комитета Коммунистической партии. За это время он основательно изучил особенности Дальневосточного края и стал компетентным региональным руководителем советской формации.

В качестве сталинского выдвиженца Я.Б. Гамарник вошел в состав высшей партийно-государственной номенклатуры Советского Союза. Более семи лет (1929—1937 гг.) он являлся начальником Политуправления Рабоче-крестьянской Красной армии (ПУ РККА), в 1930—1934 гг. — первым заместителем наркома по военным и морским делам и заместителем председателя РВС, в 1934—1937 гг. — первым заместителем наркома обороны СССР. Как активный участник модернизации Красной армии, строительства военно-промышленного комплекса СССР, частью которого стало создание системы защиты и обороны Дальнего Востока, Гамарник был главным ответственным лицом партии и государства, которое отвечало за создание военно-промышленного потенциала этого региона страны. Он возглавил Дальневосточную комиссию ЦК ВКП(б) и Совнаркома по вопросам укрепления обороноспособности Дальнего Востока (Дальневосточная комиссия). В этом качестве он координировал всю работу по промышленному и военному строительству, находясь ежегодно в Дальневосточном крае в длительных командировках.

Однако роль Я.Б. Гамарника в истории Дальнего Востока 1920—1930-х гг. оказалась в должной мере не оцененной. В течение 20 лет его имя, как участника «предательской, контрреволюционной военной фашистской организации в РККА» (Приказ Наркома обороны СССР, 1937 г.), наряду с М.Н. Тухачевским, И.Э. Якиром, И.П. Уборевичем и другими военачальниками, осужденными и расстрелянными в 1937 г., находилось под строгим партийным запретом. После реабилитации во второй половине 50-х гг. появились воспоминания о Я.Б. Гамарнике¹. В 1964 году, в год 70-летия Я.Б. Гамарника, Н.И. Салехов опубликовал очерк о его жизни и деятельности². В целом было опубликовано свыше 50 журнальных и газетных статей, в том числе на украин-

---

ском и белорусском языках. В 1990 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Военно-политическая деятельность Я.Б. Гамарника (1917—1937 гг.)»³. В постсоветский период в ряде публикаций, посвященных репрессиям в отношении командно-начальствующего состава Красной армии в 1930-е годы, авторы неоднократно упоминали имя Гамарника, касались его деятельности на посту замнаркома обороны СССР.

Во всех этих публикациях раскрывалась революционная, военная, партийно-политическая деятельность Гамарника на Украине в годы Гражданской войны, в меньшей степени на посту начальника Политуправления РККА и замнаркома обороны. Что же касалось его деятельности на Дальнем Востоке, то о ней говорилось вскользь, фрагментарно, что, безусловно, обедняет биографию и заслуги Яна Борисовича. Предлагаемая читателю книга призвана этот пробел восполнить.

Цель книги состоит во всестороннем раскрытии деятельности Я.Б. Гамарника по социально-экономическому развитию и созданию военно-промышленного потенциала Дальнего Востока в контексте истории Советской страны 1920—1930-х гг. Реализация этой цели дает возможность коснуться таких важных вопросов, как становление и эволюция регионального управления, взаимоотношения центральной и региональной властей в послереволюционные годы. Более того, этот ракурс исследования позволяет раскрыть неизвестные и уточнить малоизвестные факты, события, имена и тем самым вписать новые страницы в межвоенную историю Дальнего Востока и Советского государства в целом.

Несмотря на сравнительно узкие территориальные рамки — Дальний Восток СССР — и ограниченный хронологический формат — 1922—1937 гг., содержание книги выходит за региональные пределы и касается недостаточно исследованных, дискуссионных вопросов отечественной историографии, в том числе и такого болезненного, как политические репрессии военачальников 1930-х гг.

Приступая к работе над книгой о Я.Б. Гамарнике, автор для себя поставил вопрос: нужно ли, интересно ли сегодня знание о человеке, который свято верил в социалистические идеалы, входил в состав сталинской партийно-политической номенклатуры и разделил трагическую участь многих тысяч советских людей в 1930-е годы? Ведь по сравнению с героем книги мы живем в начале другого, XXI в., в другом общественно-политическом измерении. С научной точки зрения ответ на этот вопрос однозначен, поскольку сегодня есть понимание, что в историческом процессе главным является человек, и раскрытие действий отдельных людей со всеми их личностными качествами — приоритетное направление в отечественной историографии.

Но и в общественном сознании все четче стал проявляться интерес людей к своим генеалогическим корням, к своим предкам. А прадеды и деды большинства россиян, живущих в начале XXI в., — это современники Я.Б. Гамарника. Поэтому книга о нем может помочь понять людей того времени, их интересы, стремления, беды и радости.

Совершить движение вспять в 1920—1930-е гг., когда формировалось советское государство и общество, полезно для выяснения историко-культурных корней тех проблем, с которыми политико-государственная элита России сталкивалась на каждом ответственном этапе своей деятельности. И судя по всему, столкнулась и в XXI веке, когда увлеченная «догоняющим-опережающим» типом развития России, сосредотачиваясь на информационно-технократическом направлении, теряет из виду, лишает своего внимания гуманитарные, национальные, морально-нравственные проблемы духовного здоровья общества.

Для автора работа над книгой имела и субъективный мотив, который дополнил во многом документальную картину жизни 1930-х гг. личностными штрихами. Дело в том, что родители автора — Иван Филиппович Качалов и Мария Павловна Качалова (урожденная Петрова) — потомственные крестьяне издревле русского Ярославского края, были современниками Я.Б. Гамарника. Да и автор книги может

считать себя в некотором роде тоже современницей своего героя, поскольку несколько лет раннего детства пришлось на последние годы его жизни. Поэтому книга о Гамарнике, о его времени является в какой-то мере выражением благодарной памяти родителям, всем советским людям, жившим в межвоенный период.

Представляющая собой монографическое исследование книга «Дальний Восток Яна Гамарника» имеет основательный документальный фундамент. В научный оборот введены доклады, статьи, записки Я.Б. Гамарника, посвященные как экономическим, так и военно-политическим проблемам. Хотя на них и лежит печать идеологических стереотипов своего времени, тем не менее можно обнаружить самостоятельную оригинальную мысль Гамарника, его стиль.

Копии нескольких статей и докладов Гамарника, а также воспоминания о нем современников и др. материалы помещены в Приложениях.

Многие аспекты деятельности партийно-политического руководителя Дальневосточного края (ДВК) и начальника ПУ РККА стало возможным раскрыть благодаря вышедшим в последние 10—15 лет фундаментальным сборникам документов из Архива Президента РФ, Российского государственного военного архива и др., ранее не доступных исследователям.

В основе книги также лежат документы и материалы, извлеченные автором из фондов Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива РФ, Российского государственного военного архива, Государственного архива Хабаровского края и др. Были использованы материалы периодической печати, а также изучен большой объем литературы, посвященной различным аспектам советской истории 1920—1930-х гг., в особенности теме репрессий в отношении командно-начальствующего состава Красной армии.

Появление книги стало возможным благодаря доброжелательной помощи руководства и сотрудников Государственного архива Хабаровского края, ГНУК Хабаровского

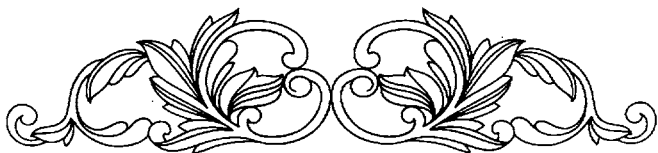

краевого музея им. Н.И. Гродекова, Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Автор признателен Т.И. Косициной, В.П. Бельцову, Л.В. Салеевой, А.М. Жукову, С.В. Гончаровой, В.Н. Токарскому, Ж.Б. Жалсаповой за помощь в розыске документов о Я.Б. Гамарнике и своим неизменным помощникам А.Н. и М.А. Дубининым.

Особые чувства благодарности автор выражает японскому профессору Киосукэ Тэраяма за действенную помощь в процессе работы над книгой «Дальний Восток Яна Гамарника» во время стажировки в 2009 г. в Центре исследований Северной Азии университета Тохоку (г. Сэндай, Япония).

Дан приказ: ему — на восток

В самом начале 1923 г. председателя исполкома Киевского губернского Совета Я.Б. Гамарника срочно вызвали в Москву, в Центральный Комитет партии. Из ЦК он вышел с мандатом уполномоченного ЦК РКП(б) и командировкой на Дальний Восток, около трех месяцев назад вошедшего в состав РСФСР. Как пелось в советской песне о Гражданской войне: «Дан приказ: ему — на запад, ей в другую сторону», Гамарник получил приказ «в другую сторону» — на неведомый ему Дальний Восток. В Киеве сборы были скорыми: дела по исполкому передал своему заместителю, сходил на «Арсенал» проститься с коллективом крупного завода, на котором часто выступал, был избран депутатом. На митинге Гамарник сообщил, что его направляют на Дальний Восток. В ответ с добрым напутствием выступили рабочие, которые на прощание вручили Гамарнику фотоальбом о заводе. Он был растроган искренностью и теплотой, царившей на прощальной встрече. В Москве на Ярославском вокзале он сел в поезд Москва — Чита и отправился в неизвестное близкое будущее. Заранее запасаясь кое-какой литературой о Дальнем Востоке, он дня за три с ней справился и тогда все внимание сосредоточил на пейзажах, медленно проплывавших за окном вагона. Снежная гладь равнины завораживала своей грустью. Ред-

ко встречались небольшие селения, дома которых были засыпаны снегом до окон, из них в сумраках утра виднелись слабые огоньки, а из труб строго вертикально шел белый дым. Поезд часто останавливался на каких-то полустанках, иногда — в городах с приличными каменными зданиями вокзалов.

Я.Б. Гамарник впервые совершал такую длительную поездку. Уже много лет он ездил по дорожным маршрутам Киев — Харьков — Одесса — Москва. А тут уже несколько суток в пути. Он впервые открывал свою страну, оказавшуюся неожиданно такой огромной. Через девять суток поезд прибыл в Читу, где располагались дальневосточные властные структуры.

Его тепло приветствовали секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) Н.А. Кубяк и председатель Дальревкома П.А. Кобозев. Из представленных документов они узнали, что Я.Б. Гамарник родился 21.05.1894 в Житомире, еврей. Окончил гимназию в Одессе, год учился в Петербургском психоневрологическом институте, почти два года — в Киевском университете на юридическом факультете. В 1916 г. вступил в большевистскую партию. В 1917 г. — член и секретарь Киевского комитета партии большевиков, затем — на подпольной партийной работе на Украине. С 1919 г. — председатель Одесского губкома партии, член РВС Южной группы войск 12-й армии. После разгрома деникинцев был направлен на партийную работу в Одессу. В последнее время возглавлял Киевский губисполком.

Было очевидным, что на Дальний Восток, испытывавший острый голод в опытных партийных кадрах, ЦК РКП(б) направил большевика с серьезным опытом партийной, советской и военной работы, на которого возлагались большие надежды. Дальневосточных руководителей не смутила молодость Гамарника — ему шел 29-й год. К тому же черная густая борода старила его на пять-шесть лет.

Одним из тревожных районов была тогда Приморская губерния с портовым городом Владивостоком, в котором находилась масса иностранных граждан и военных. Туда

Председатель Дальневосточного Революционного комитета П.А. Кобозев

направлялся уполномоченный ЦК РКП(б). Н.А. Кубяк и П.А. Кобозев в общих чертах обрисовали обстановку во Владивостоке и Приморье, о которой они и сами, находясь на расстоянии почти трех тысяч километров от Владивостока, при слабости коммуникаций, имели приблизительное представление. Тем более, что вся жизнь и обстановка на Дальнем Востоке находилась в режиме постоянных перемен.

Из Читы во Владивосток Гамарник ехал в числе первых пассажиров только что возобновившегося движения по железной дороге. С восстановлением железнодорожного сообщения с Читой дальневосточники стали выезжать в центральные районы страны, минуя КВЖД, где пассажирам требовалось запастись китайскими визами, пропусками и

разрешениями. Курьерский поезд Чита — Владивосток курсировал один раз в неделю, имел вагоны с электрическим освещением. У Хабаровска он шел по временному рельсовому пути, проложенному прямо по льду Амура.

Владивосток чем-то напомнил Яну Борисовичу незабываемую Одессу, где прошла его юность и где в годы Гражданской войны в катакомбах проходил революционную школу. Он с жадностью вдыхал морской воздух, отличая его от черноморского, любовался бухтой Золотой Рог, приглядывался к колоритной толпе, в которой наряду с военными разных стран деловито сновали в черной одежде китайцы, встречались с кукольными лицами молодые китайки с птичьей походкой.

На главной улице Светланской обращали на себя внимание красивые здания архитектуры начала века. В основном же город состоял из деревянных домиков, рассыпанных, словно горох, некоторые из них отважно взбирались на сравнительно крутой берег бухты Золотой Рог.

Первым делом Гамарник пошел в губернское бюро РКП(б), чтобы встать на партийный учет и познакомиться с секретарем. Здесь уже знали о приезде уполномоченного ЦК партии. Секретарь бюро К.Ф. Пшеницын встретил его как старого знакомого. Каждый член партии был у него на счету, тем более что прибывший имел опыт партийной работы. В ходе беседы выяснили: оба они активные участники Гражданской войны — один в Приморье, другой — на Украине. Это их сблизило, и они сразу же подружились. Живой, коммуникабельный, открытый Пшеницын, к которому многие обращались по имени, помог Гамарнику быстро адаптироваться не только в городе, но и в сельской местности, куда нередко они вместе стали выезжать для знакомства с положением дел в уездах и волостях.

Председатель Приморского ревкома Л.Н. Бельский при встрече подробно рассказал Гамарнику о тех неотложных делах, которые срочно пришлось решать губревкому, возникшему на следующий день после занятия Владивостока частями Народно-революционной армии ДВР, т. е. 26 ок-

тября 1922 г. Новая власть в наследство получила пустые кассы, разгромленное хозяйство и полную дезорганизацию жизни в городах и в сельской местности. По Приморью бродили банды из разбитых белогвардейских армий, население было деморализовано, в городе процветали притоны и опиекурильни — сосредоточение воров, спекулянтов и проституток. Губерния и особенно Владивосток страдали от демографической перегрузки, созданной временно осевшими здесь мигрантами военного времени, занесенными Гражданской войной, эвакуацией и беженцами. Преобладали военные — бывшие солдаты и офицеры белых армий, по тем или другим причинам не эмигрировавшие в Маньчжурию или другие страны.

Информируя о первых итогах работы ревкома по стабилизации положения в губернии, председатель рассказал о ликвидации прежних административных органов — наследия белых правительств и ДВР, об организации новой власти на местах, создании милиции. Создали также комиссию по выяснению убытков, понесенных от интервенции, и комиссию по учету имущества лиц, бежавших с белогвардейцами. Имущественные споры иногда доходили до центра. В начале 1923 г. Совет труда и обороны РСФСР своим постановлением одобрил все распоряжения, сделанные во Владивостоке после ухода белых, по учету и реализации госфондов, признал, что «все чаи на таможенных территориях бывшей ДВР» должны принадлежать Дальревкому¹.

Были объявлены регистрация и эвакуация беженцев империалистической войны и военнопленных, а также регистрация иностранцев. В короткий срок во Владивостоке зарегистрировали, без корейцев и китайцев, около четырех тысяч человек. Кого только революционный и военный шторм не занес на край России. Помимо чехословаков, австрийцев, германцев, прибалтийских народов здесь оказались представители Турции, Франции, Англии, США, Португалии и др. стран мира².

Даже поверхностное наблюдение за жизнью в городе позволило Гамарнику заключить, что ревком за три месяца

сделал немало. Но это только начало утверждения Советской власти в Приморье.

По решению партийно-политического руководства власть в Приморье должна претерпеть существенные изменения: перейти от ревкома — назначаемой, чрезвычайной — к конституционной, избираемой — губернскому исполнительному комитету губернского Совета. 10 марта 1923 г. во Владивостоке состоялся первый губернский съезд Советов, на котором был избран Приморский исполнительный комитет под руководством Я.Б. Гамарника. Он стал первым председателем исполкома Приморской губернии.

На фото, запечатлевшем группу только что избранных членов Приморского исполнительного комитета, в центре сидят Гамарник и Пшеницын — два первых руководителя Приморья, два лидера. Они оба в шинелях, что делало их даже внешне похожими. По свидетельству М.Б. Кузеница, Гамарник «очень любил и ценил» Пшеницына, к которому обращался на «ты», в то время как со всеми, в какой бы близости ни находился, был на «вы». Дружбу с Константином Федоровичем Пшеницыным он пронесет через всю оставшуюся жизнь.

Год и три месяца Я.Б. Гамарник трудился на посту председателя исполкома Приморской губернии. Тогда для него время было до отказа спрессовано, приходилось брать на себя бремя огромной ответственности, решать самые разнообразные вопросы жизни людей в городе и в деревне.

Летом 1923 г. пришло известие о том, что в районе Аяна и Охотска действует отряд под руководством генерала А.Н. Пепеляева. На ликвидацию его направили экспедиционный отряд красноармейцев под командованием героя Гражданской войны С.С. Вострецова. Комиссаром отряда был К.Ф. Пшеницын. На кораблях «Индигоирка» и «Ставрополь» отряд высадился на побережье, окружил охотский и аянский гарнизоны и взял их в плен. «Сам Пепеляев, генерал, георгиевский кавалер, сложил свое оружие перед красным командиром — кузнецом тов. Вострецовым», — позднее написал Б.М. Фельдман³, командир 17 стрелкового

Члены Приморского исполнительного комитета. 1923 г.

корпуса. В плен было взято 450 офицеров и рядовых, огромное количество военного имущества, пушнины⁴. Охотск и Аян стали советскими, над ними реяли советские флаги.

В июле 1923 г. новая экспедиция во главе с венгром-интернационалистом Э.Г. Светецем направилась на пароходе на Колыму, где орудовала белая банда. Отряд достиг Среднеколымска и ликвидировал банду. Вскоре люди поняли — придется зазимовать в этих местах. Однако недостаток продовольствия заставил отряд отправиться в зимний путь. В 45—50-градусный мороз, пройдя около 300 верст пути, отряд попал в засаду бандитов и погиб в неравной схватке.

Все эти действия напрямую не сказывались на деятельности губисполкома, но они были важны в утверждении советской власти на всей без исключения территории Дальневосточной области, образованной летом 1923 г. В нее вошли Прибайкальская, Забайкальская, Амурская, Приамурская,

Приморская и Камчатская губернии. Губернии объединили уезды и волости.

Новая власть нуждалась в новых символах, в сохранении памяти о своих героях, новых событиях. В апреле 1923 г. президиум Приморского губернского исполкома принял постановление о переименовании улиц Владивостока: Алеутская стала называться 25-го Октября, Фонтанную переименовали в Дзержинскую, Петра Великого — Первого Мая, Нагорную — Суханова, Полтавскую — Лазо, Последнюю — Уткинскую, Невельского — Володарского, Успенскую — Жертв революции, Ботаническую — Всеволода Сибирцева⁵.

Дальний Восток, не испытывавший влияние политики «военного коммунизма», на первых порах особенно не чувствовал и перемен, связанных с введением новой экономической политики. Во Владивостоке стабильно действовали небольшие частные предприятия, многие из них принадлежали китайцам. Они выпускали товары народного потребления и продукты питания. Почти все швейно-портняжные мастерские, предприятия по выделке кожи и изготовлению обуви также принадлежали китайцам. Кроме того, китайцев было много среди obsługi в ресторанах, гостиницах, в больших магазинах. Для владивостокцев это казалось привычным. Вместе с тем включение экономики Дальнего Востока, в том числе и наиболее развитого Приморья, в экономическое пространство СССР на основе новой экономической политики оказалось делом чрезвычайно тяжелым. Государственные предприятия должны были перейти на хозяйственный расчет, но у большинства из них отсутствовали оборотные средства. Гордость Владивостока судоремонтный Дальзавод принес в 1923 г. 200 тыс. руб. убытка⁶. Пришлось одну часть завода законсервировать, другая перешла на изготовление сельскохозяйственных орудий. Добыча угля выросла, но встал вопрос о новых рынках сбыта. Пришлось поставить на консервацию и спичечную фабрику, поскольку ее продукция оказалась не конкурентноспособной с импортной.

Конечно, для Владивостока первостепенная задача — восстановить порт и морской транспорт. Уже к концу 1923 г. была отремонтирована половина причалов, восстановлена треть пакгаузов, установлены полученные из-за границы ленточные транспортеры для погрузки сыпучих грузов⁷. Работа порта возобновилась в основном за счет обслуживания иностранных судов и их грузов транзитного экспорта.

В конце октября 1922 г. в порту находилось всего 3 судна из 20, принадлежавших Доброфлоту. Остальные оказались за границей. Благодаря усилиям советского правительства и дипломатов во Владивосток стали возвращаться пароходы Доброфлота. В летнюю навигацию 1923 г. дальневосточное отделение Доброфлота во Владивостоке имело в своем распоряжении 10 транспортных судов⁸.

В большинстве торговля находилась в частных руках. На сектор государства и кооперацию приходилось только 35% торговли. Превалирование внешнего вывоза — экспорта над ввозом — импортом создавало благоприятный внешне-торговый баланс, но негативно отражалось на населении. Все свое внимание Ян Борисович сосредоточил на составлении бездефицитного губернского бюджета. Сделать это было тяжело, ввиду дефицита в 450 тыс. руб. за предыдущий год. Ввели плановое начало в руководстве экономической жизнью губернии, но проблем здесь осталось больше, чем позитивных решений.

Губисполком отвечал и за стабилизацию денежного обращения, изъятие из оборота иностранной валюты, прежде всего японской иены, и введение советских банкнот. А председатель губисполкома Гамарник одновременно был и председателем губернского экономического совещания (ЭКО). К тому же он стал редактором журнала «Экономическая жизнь Приморья», органа Приморского губернского экономического совещания. Первый его номер вышел в 1923 г. Всего в 1923—1924 гг. вышло восемь номеров журнала, на страницах которого были опубликованы обстоятельные статьи о сельском хозяйстве Приморья; о морских

промыслах губернии; о маньчжурском экспорте через Владивосток; об электрификации Приморья; о работе дальневосточного банка во Владивостоке; дискуссионная статья об организации вольной гавани во Владивостоке и др. Журнал и областная газета «Красное знамя» стали настольными изданиями Гамарника, помогавшими вникнуть в непростые экономические проблемы края.

Во время поездок по губернии Гамарник убеждался: для большинства населения главным было занятие сельским хозяйством. По статистике за последние пять лет сельское население увеличилось на 75 тыс. человек (рост около 22%), возросло количество хозяйств, произошло их дробление. Половина всех хозяйств приходилась на сторожильческие, которым принадлежало до 60% всех удобных плодородных земель. Были и безземельные и малоземельные крестьяне, среди которых немало корейцев. А еще были и казачьи станицы, имевшие землю, но не занимавшиеся земледелием. Часть казаков промышляла контрабандой, а свою землю сдавала в аренду корейцам. В сторожильческих, как правило больших и благоустроенных, селах председатель губисполкома встречал немало выходцев с Украины и общался с ними на родной мове. Введенный сельхозналог у крестьянства, не знавшего подразверстки, вызвал глухое недовольство. Льготы, данные беднякам и «низшим слоям середняков», внесли разлад в некоторых селах. Становилось очевидным, что необходимы серьезные землеустроительные и мелиоративные работы, крестьянские хозяйства нуждались в ветеринарной помощи, в посевных ссудах и сельскохозяйственном кредите.

Губернская газета «Красное знамя» в официальном отделе время от времени публиковала распоряжения и постановления губисполкома за подписью Гамарника. Так, 1 февраля 1924 г. опубликован совместный документ губисполкома и губернского ОГПУ о начале проведения в губернии всероссийской переписи оружия, что было весьма актуально для Приморья. Для этого создали особую комиссию и утвердили порядок ее работы.

Пришлось губисполкому сделать серьезное предупреждение начальникам некоторых гражданских и военных ведомств, самовольно производившим реализацию казенного имущества. «Такие сделки, — предупредил губисполком, — недействительны, и проданное имущество будет отбираться обратно в казну в бесспорном порядке»⁹.

Постоянной заботой председателя губисполкома стали низовые органы власти, чтобы повысить уровень их работы. Гамарник сосредоточил внимание на установление непосредственной живой связи с председателями волостных и уездных исполкомов Советов, которые регулярно приглашались на созываемые пленумы губисполкома. С этой же целью ежемесячно проводились взаимные отчеты, использовались личные письма, специально созданные инструкторские комиссии обследовали состояние работы в Уссурийском, Иманском и Хабаровском уездах. Председатели двух волостных комитетов отчитывались о своей работе непосредственно на пленуме губисполкома. А чтобы на местах своевременно получали информацию о решениях губернской и общероссийской власти, наладили регулярную рассылку документов, стали издавать двухнедельный информационный бюллетень губэкосо, еженедельные «Известия вика» и ежемесячный журнал губернского ЭКОСО. В связи с решением Дальревкома об укрупнении волостей в апреле 1924 г. под председательством Гамарника было проведено первое совещание председателей волисполкомов губернии.

В траурные дни в связи с кончиной В.И. Ленина, под впечатлением нахлынувших воспоминаний Гамарник поместил в губернской газете «Красное знамя» сравнительно небольшую статью¹⁰, как он писал, «несколько маленьких и малозначащих эпизодов». Он вспомнил лето 1918 г., когда перед конференцией подпольных большевистских организаций Украины, в оргбюро, находившемся в Москве, возникли разногласия по вопросу о тактике борьбы. Решили послать делегацию к Ильичу, в составе которой оказался и Гамарник. «Пришли, уселись у Ильича в кабинете. Ждем

его. Быстро вошел. Сел. Хитро прищурил глаза. «Ну, давайте ваши разногласия. Читайте резолюции». Слушает и одновременно рассматривает совнаркомовские бумаги... Слово Ильича: «Резолюции длинные, похожи на простыню. Надо писать коротко, четко, ясно для украинского рабочего и особенно крестьянина...» Ряд замечаний и поправок. Он все уловил, все подметил и дал директивы. Ушли от Ильича. Велик, гениален и прост. Он — вождь». Далее Гамарник вспомнил, как будучи в Одессе на подпольной работе по поручению партийного комитета написал воззвание к одесским рабочим, в связи с ранением Ильича. Как по поручению одесских большевиков он и еще двое товарищей-делегатов украинской партконференции, которая проходила в Москве, везли посылку винограда начавшему выздоравливать Ильичу. Везли через оккупированную немцами Украину, минуя сеть шпиков, германо-советскую границу.

Гамарник написал свои воспоминания с большим пietetом к Ленину, без официального пафоса, вложив в них глубокое личное чувство, обращаясь к нему так, как часто в народе обращались к уважаемому близкому человеку.

В траурные дни во Владивостоке началось движение за создание в городе памятника В.И. Ленину. По решению властей, поддержанному частью городского общества, центральная улица Светланская была переименована в Ленинскую.

В лице Гамарника секретарь губкома РКП(б) К.Ф. Пшеницын нашел опытного, грамотного партийного пропагандиста и агитатора, который умел беседовать с аудиторией и убеждать ее. По поручению Пшеницына Гамарник часто выступал в партклубах на собраниях членов и кандидатов РКП(б). Так 20 января 1924 г. в губпартклубе, в связи с предстоящей дискуссией о новых задачах экономической политики, Гамарник выступил с докладом «Очередные задачи новой экономической политики». А в феврале по разнарядке бюро РКП(б) в клубе железнодорожников он выступил с докладом «Международное и внутреннее положение СССР в связи с признанием Англией». «Рабочий класс и партия» —

тема выступления председателя губисполкома на общегородском собрании рабочих, вступавших по ленинскому призыву в РКП(б).

Я.Б. Гамарник нередко являлся главным докладчиком на мероприятиях, проводимых Владивостокским горсоветом. Например, газета «Красное знамя» информировала читателей, что 21 января 1924 г., в 7 часов вечера, в здании клуба им. Воровского — Пушкинский театр — состоится заседание Владивостокского горсовета с представителями фабрично-заводских комитетов, профорганизаций Красной армии и Флота. Повестка дня: Экономическое положение СССР и наши задачи. Доклад тов. Гамарника. На организованном горсоветом торжественном собрании, посвященном 6-й годовщине Красной армии, с докладом выступил председатель губисполкома.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что на этих собраниях В.К. Арсеньева не было. Бывший царский подполковник каждый месяц должен был являться на регистрацию в губотдел ОГПУ. Это правило распространялось на всех белых офицеров и военных чиновников. Пока не удалось обнаружить какие-либо документы или свидетельства о личном знакомстве в это время Гамарника с Арсеньевым. Но, бесспорно, председатель губисполкома мог немало знать о Владимире Клавдиевиче, ученом, путешественнике и писателе, и это знание еще более укрепилось в связи с его активной гражданской позицией. Глубинная любовь к Дальнему Востоку привела Арсеньева к мысли о том, что власти приходят и уходят, а дальневосточная земля остается российской, и необходимо беречь ее от хищнической эксплуатации. После того как в 1923 г. совершил экспедицию на Командорские острова, он подготовил для губревкома доклад о положении на островах и неотложных мерах по спасению их обитателей — и людей, и зверей. В докладе автор напомнил, что в 1922 г., чтобы спасти жителей островов от голода, а промысел от разорения, бывшее рыбное управление заключило договор с фирмой «Демби, Кушнарев и К^о», согласно которому фирма стала комиссио-

нером по поставке на острова продовольствия и предметов первой необходимости и получила право продавать приобретенную на островах пушнину на мировом рынке.

«Ныне, когда договор аннулирован, — отмечал Арсеньев, — право эксплуатации промысла и снабжение жителей островов продовольствием и промысловым снаряжением принадлежит казне, Внешторгу, и на это ежегодно потребуется 110 тыс. руб. Реализация же пушнины, доставленной с островов во Владивосток, даст казне от 200 до 240 тыс. руб.»

В.К. Арсеньев предлагал немедленно приступить к закупке продовольствия, которое с началом навигации надо отправить жителям Командорских островов. «Вопрос этот является весьма срочным и не терпящим отлагательства и перерешения»¹¹, — заключил Арсеньев, и подписал — специалист по морским звериным промыслам. Наряду с докладом он направил свои предложения телеграммой председателю Дальревкома Кобозеву.

В письме к уполномоченному комиссариата иностранных дел Арсеньев писал, что согласно статье 5 постановления Вашингтонской конвенции от 12.12.1911 г. на Командорских островах установлена 3-мильная зона, за предел которой не могут приближаться иностранные подданные и суда. Однако за последнее время от начальника Командорских островов получены две телеграммы с требованием принять самые решительные меры к прекращению хищничества шхун и скупки шкур командами приходящих судов, а также принять меры к недопущению высадки на островах команд иностранных судов без надлежащего разрешения. От имени Дальневосточного управления рыбы и охоты Арсеньев просил войти в соглашение с консулами Англии, Японии и США на предмет ограждения Командорских островов от хищничества иностранных судов, шхун, занимающихся убоем морских зверей и скупкой незаконно добытой пушнины¹².

С этими и другими подобными арсеньевскими письмами, проникнутыми заботой о сохранении промыслов на островах, о включении их в сферу государственной по-

литики, Я.Б. Гамарник, безусловно, был знаком. Позицию Арсеньева Ян Борисович целиком разделял и поддерживал.

В число социальных проблем, решением которых занимался губисполком, входила безработица. Весной 1923 г. во Владивостоке насчитывалось 17,6 тыс. безработных¹³. Несмотря на принимаемые меры, уровень ее падал медленно.

Отдел народного образования губкома приступил к ликвидации детской беспризорности — прямого следствия Гражданской войны. С целью трудового воспитания и обучения детей во Владивостоке были открыты фабрично-заводская школа и детский дом для дошкольников. В начале 1924 г. в учреждениях губоно находилось 1177 беспризорных детей и 500 детей числилось за деткомиссией. Средств на их содержание катастрофически не хватало.

Была также начата кампания по ликвидации неграмотности, пока в основном в городах. В помещении Пушкинского театра Владивостока открыли показательную школу по ликвидации неграмотности, в которой обучалось 23 человека. К 1 мая 1923 г. в городе насчитывалось шесть ликбезов и две школы, а в следующем году было уже 23 пункта ликвидации безграмотности и появились пункты обучения грамоте корейцев и китайцев. В этой работе участвовали учителя, студенты Государственного дальневосточного университета (ГДУ) и учащиеся старших классов¹⁴.

Довольно быстро в губернии было налажено школьное образование. Уже к началу 1924 г. в Приморье действовало 558 школ первой ступени (начальная школа), в том числе в сельской местности таких школ насчитывалось около 500, в том числе 80 корейских. В губернии было 27 школ второй ступени (семилетка). В одном из выступлений Гамарник позволил себе привести сравнение численности школьников на тысячу жителей в Приморской губернии с Московской областью. В Приморье этот показатель равнялся 91 учащемуся, в Московской области — 77¹⁵. Председатель делал вывод, что школьная сеть в губернии довольно густа и школьное дело находится в удовлетворительном состо-

янии. Но при этом он забыл сказать, что большая часть этой школьной сети создавалась в дореволюционный период.

Жилищная проблема во Владивостоке была острейшей. Введение декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. об отмене частной собственности на недвижимость, в т. ч. строения в городах, в условиях нэпа воспринималось не совсем уместным. Поэтому местная власть ввела его в ограниченном виде. В связи с этим наркомат юстиции настаивал на введении декрета 1918 г. в полном объеме. А вот решение наркомата внутренних дел (НКВД) было сдержанным. В нем говорилось, что, в связи с советизацией ДВ и учитывая своеобразие политических и экономических условий края, НКВД полагает целесообразным проводить во Владивостоке следующие меры по жилищному вопросу: выяснить размеры жилища, площадь, количество населения, нуждающегося в жилье, установить жилищную норму, но не менее 16 кв. аршин* на человека, при излишке жилплощади предоставить право владельцу в течение двух недель подыскать себе сожителей и самоуплотниться; обязать всех домовладельцев и арендаторов домов выделить 10% жилой площади и сдать ее в наем в двухнедельный срок в распоряжение жилищных органов. Этот фонд должен быть использован ими для расселения рабочих и мелких служащих, не имевших жилья. Так же должны быть муниципализированы домовладения, оставшиеся бесхозными¹⁶.

В начале марта 1924 г. во Владивостоке состоялась 2-я губернская партийная конференция, на которой с отчетным докладом выступил секретарь Дальбюро РКП Н.А. Кубяк. Характеризуя партийную организацию Дальневосточной области, он подчеркнул, что она слишком молода, в основном ее составляют коммунисты, стаж которых исчисляется в 1—3 года. Членов РКП(б) с дореволюционным стажем на весь Дальний Восток насчитывалось всего 26 человек. Другим недостатком партийных организаций

---

* Аршин равен 71,12 см.

являлся их социальный состав, т. к. 63 процента коммунистов были выходцами из непролетарских слоев¹⁷.

На конференции с отчетным докладом выступил и председатель губисполкома Я.Б. Гамарник, в котором он подчеркнул, что за год удалось укрепить советский аппарат в губернии и принять губернский бюджет. Подводя итоги прений, Гамарник обратил внимание на то, что выступавшие товарищи требуют не только от Дальбюро, но и от самих себя больше, чем они могут выполнить. При этом они не учитывают такие объективные условия, как слабый по составу советский аппарат и очень ограниченные денежные ресурсы. «Мы должны себе ставить только такие задачи, — заключил он, — которые соразмерны с нашими силами»¹⁸.

На областной партийной конференции Я.Б. Гамарник был избран делегатом на XIII съезд РКП(б), и в начале мая 1924 г. дальневосточная партийная делегация из Читы скорым поездом отправилась в столицу на партийный съезд. Спустя более года работы во Владивостоке Ян Борисович впервые ехал в Москву. У него было ощущение, что не год, а несколько лет прошло с тех пор, как он приехал на Дальний Восток. Это ощущение усиливалось тем, что за окном скорого поезда мелькали поляны, усыпанные диковинными цветами, вдоль речек благоухала черемуха, и каждый день приближал Москву, встречу с родными и друзьями.

XIII съезд РКП(б) был первым после кончины В.И. Ленина. На нем произошло событие, которое вызвало оживленные и неоднозначные суждения в кулуарах. Но никто не мог предположить огромного влияния его на будущее партии и общества. На закрытом заседании по делегациям было оглашено ленинское «Письмо к съезду»¹⁹, которое было посвящено тому, как предотвратить возможный в партии раскол — смертельную опасность для существования Советской власти.

Рассуждая о причинах возможного раскола, автор письма выделил фактор объективного характера. Он состоял в том, что партия опиралась на два класса, рабочих и крестьян, и в случае возникновения между ними серьезных

противоречий раскол партии неизбежен, и никакие меры не окажутся способными его предупредить. Но этот случай Ленин считал «слишком невероятным событием, чтобы о нем говорить».

Устойчивость партии находилась в прямой зависимости от субъективного фактора — отношений таких членов Центрального Комитета, как Сталин и Троцкий. «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, — писал Ленин, — и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»²⁰. Поэтому он предложил товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места. Назвав Троцкого «самым способным человеком в настоящем ЦК», Ленин отметил его такой недостаток, как чрезмерная самоуверенность и чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела. Это показала его борьба против ЦК по одной из проблем. К тому же Ленин написал о «небольшевизме» Троцкого. Столь же неоднозначные оценки Ленин дал молодым «выдающимся силам» — Бухарину и Пятакову.

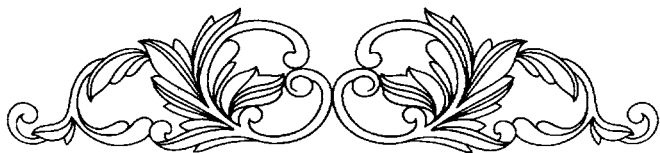
В качестве гарантии от раскола, для придания партии устойчивости и прочности Ленин предложил увеличить число членов ЦК до 50—100 человек, привлечь многих рабочих в ЦК. Он считал, что привлечение рабочих сможет улучшить «аппарат, который из рук вон плох»²¹.

Съезд частично принял ленинские рекомендации, увеличил состав ЦК за счет партийных функционеров, но решил оставить Сталина на посту генсека. По решению пленума ЦК ленинское «Письмо к съезду» не подлежало воспроизведению и стало партийной тайной.

Для Гамарника, как и для многих делегатов с мест, «Письмо к съезду» явилось настоящим ленинским открытием, о котором в партии многие годы не было принято вспоминать.

Скорее всего Н.И. Кубяк, воспользовавшись нахождением в столице, поставил вопрос в ЦК РКП(б) о председателе Дальревкома. После отозванного многоопытного руководителя Дальревкома П.А. Кобозева в середине

1923 г. центр направил на пост председателя Дальревкома В.Н. Павлова, который испытывал большие трудности в овладении обстановкой в ДВО. При усложнении задач, которые приходилось решать Дальревкому, на посту председателя была необходима другая личность. Возможно, Кубяк и предложил кандидатуру Я.Б. Гамарника на пост председателя Дальревкома.

Председатель Дальревкома

В июне 1924 г. ВЦИК назначил Я.Б. Гамарника председателем Дальневосточного революционного комитета (Дальревкома, ДРК). В Москве при назначении на этот высокий пост главным доводом в пользу выдвижения Гамарника посчитали его знакомство с особенностями региона, в первую очередь, с проблемной его частью — Приморьем, где он за короткое время заслужил авторитет. Несомненно, учитывались его высокие партийно-политические качества и организаторские способности. При этом молодость кандидата не стала препятствием для назначения, т. к. существовал острый дефицит кадров, особенно для работы в таких удаленных от центра местах, как Дальневосточная область.

Так, тридцатилетний Я.Б. Гамарник стал, как говорили до революции, главным начальником Дальнего Востока. Такого молодого руководителя край еще не знал.

Известно, что во второй половине XIX в. среди российских губернаторов самым молодым оказался Н.Н. Муравьев, к моменту царского назначения генерал-губернатором Восточной Сибири в 1847 г. ему исполнилось 38 лет. В то время это был уникальный случай. В конце XIX — начале XX вв. генерал-губернаторами Приамурского края назначались заслуженные генералы старше 50 лет. Первый главный гражданский начальник Н.Л. Гондатти (1911—1917 гг.) возглавил Приамурский край в 50 лет.

Назначение Я.Б. Гамарника председателем Дальревкома, оказавшегося по счету третьим председателем после П.А. Кобозева и В.Н. Павлова, во времени совпало с переносом административного центра советского Дальнего Востока из Читы в Хабаровск. В ноябре 1922 г. в силу военно-стратегических и политических обстоятельств центром Дальнего Востока стал главный город Забайкалья — Чита. Уже первые действия новой власти столкнулись не только с политическими проблемами (их хватало с избытком), но и с коммуникационной удаленностью от важнейших политических и социально-экономических центров, отстоявших от Читы на несколько тысяч километров на восток. Оторванность административного центра от субъектов власти в городах и уездах снижала эффективность руководства, стала тормозом в управлении Дальневосточной областью. Во время поездки по Дальнему Востоку в начале декабря 1923 г. председатель ЦИК СССР М.И. Калинин положительно отнесся к предложению о переносе центра. Дальревком и Дальбюро ЦК РКП(б) приняли решение о переносе административного центра из Читы в Хабаровск. Это решение было утверждено ЦИК и ЦК РКП(б).

При обсуждении на местном и центральном уровнях вопроса о переносе административного центра Дальневосточной области, кроме Хабаровска, других вариантов не было. Геополитические, стратегические, управленческие преимущества Хабаровска перед другими дальневосточными городами были неоспоримы. Они заключались в том, что город находился на пересечении Транссибирской железнодорожной магистрали с крупнейшим речным путем по Амуру. Это обеспечивало связь Хабаровска с центром России, с северными территориями, с Тихоокеанским побережьем и соседней Маньчжурией. Важным обстоятельством являлась равноудаленность Хабаровска от крупных городов области. С годами все убедительнее подтверждался прогноз, сделанный в конце XIX века, о том, что выгодное местоположение Хабаровска обещает ему «прочную будущность».

Амурский мост после взрыва

Передислокация властных структур из Читы в Хабаровск, а это значило преодолеть расстояние почти в 2,5 тыс. километров, оказалась делом непростым и нелегким. Тут целый букет проблем: финансовых, транспортных, коммунальных, множество организационных и технических вопросов. Недаром председателем созданной комиссии по переезду областных учреждений в город Хабаровск назначили И.П. Уборевича, командующего 5-й армией РККА.

На заседаниях комиссии, которая собиралась регулярно, был установлен порядок переезда областных учреждений в Хабаровск, вовремя решались организационные и технические вопросы, связанные с переездом людей и размещением их в новом городе. Было решено: от Читы до станции Сретенская следовать по железной дороге, а далее — на пароходах «Амур» и «Троцкий». Первыми переезжали сотрудники Дальбюро ЦК РКП(б), Дальбюро РКСМ, канцелярия Дальревкома, редакция областной газеты «Дальневосточный путь». Перевозились архив и личный состав партийной школы. Во вторую очередь переезжали служащие штаба 5-й армии и ОГПУ. Решили перевезти на новое место «все ценное оборудование». У Дальбюро ЦК РКП(б) оно составило десять письменных столов,

30 стульев и два несгораемых шкафа¹. Поскольку в Хабаровске приобрести мебель было почти невозможно, отъезжающим рекомендовалось взять все необходимое с собой.

Так сказать, в благодарность за гостеприимство Дальбюро ЦК партии передало в распоряжение Забайкальского губкома РКП(б) центральный партийный клуб, общежитие со всем оборудованием, а также главное средство передвижения — лошадь.

В Дальбюро ЦК РКП(б), как и в административных и силовых структурах, были составлены списки сотрудников, переезжавших в Хабаровск. Большинство технических работников оставались в Чите, и в списки они не вносились. Для переезжавших полагались командировочные. На заседаниях комиссии не раз шла речь о сокращении расходов на переезд. Рекомендовалось ограничить личный багаж сотрудников. Планировалось в Хабаровске предоставить на семью до трех человек одну комнату, на семью, состоявшую из четырех-пяти человек, выделить две коммунальные комнаты. Для выяснения квартирного вопроса в Хабаровск направили специального представителя.

Что же представлял собой тогда Хабаровск? К этому времени город во многом утратил признаки главного центра Дальнего Востока. Дома и улицы приобрели запущенный и неухоженный вид. По словам журналиста областной газеты, которая стала называться «Тихоокеанская звезда», улицы и переулки города заросли травой, бродили стада гусей и свиней, гоготанье и хрюканье которых создавали звуковой фон города. Старые деревянные тротуары пришли в негодность и представляли угрозу пешеходам. Достопримечательностью города была «барахолка» — «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний». В отличие от полупустых кооперативных магазинов на «барахолке» можно было купить все, состоявшее в основном из контрабандных товаров.

Пожалуй, одной из самых трудных городских проблем города была квартирная. В годы Первой мировой войны, а тем более Гражданской, строительство новых зданий

почти прекратилось, многие дома не ремонтировались. И хотя по сравнению с довоенным периодом, когда в Хабаровске насчитывалось свыше 50 тыс. жителей, численность населения значительно сократилась, к 1924 г. в городе проживало 34 тыс. человек², найти жилье было почти невозможно. Как утверждал журналист «Тихоокеанской звезды», квартиру в Хабаровске найти так же трудно, как апельсин в Якутске.

При расселении новых жителей хабаровские власти использовали испытанный в годы революции прием — «уплотнение жильцов» и конфискацию домовладений, что не могло не вызвать недовольство и возмущение хабаровчан, особенно старожиллов.

Размещение в Хабаровске областной администрации, партийных и военных структур прошло сравнительно безболезненно. Отремонтированное здание бывшего кадетского корпуса заняли военные, а дом Архипова, называемый «Чашка чая», — Дальревком. В Городском разместились Дальбюро ЦК партии, в бывшем доме Военного собрания — Дальбюро ВЦСПС.

Существовало опасение, что одномоментное вливание в среду горожан нескольких сот приезжих может привести к спекулятивному росту цен на продукты питания и, более того, к недостатку их в городе. В связи с этим на основе постановления Хабаровского уездного комитета РКП(б) в начале мая 1924 г. состоялось специальное совещание, которое обсудило возможное спекулятивное повышение цен на хлеб и продукты первой необходимости и наметило меры борьбы с этими явлениями. Совещание установило: город располагает достаточным количеством муки и перебоев в снабжении хлебопродуктами не ожидается. Недостаток на рынке жиров, сахара и других продуктов питания совещание считало возможным ликвидировать за счет переброски их из Владивостока³.

Чтобы исключить факты агрессивных действий по отношению к представителям советской власти, органам ОГПУ рекомендовалось очистить Хабаровск от уголовных

и белогвардейских элементов, а также усилить контроль за въезжающими в город⁴.

В отличие от большинства членов областной администрации Я.Б. Гамарник приехал в «столицу» Дальнего Востока из Владивостока. Председателя Дальревкома с семьей поселили на улице Хабаровской (ныне Дзержинского), 88, в доме Г.П. Рословича, потеснив семью домовладельца, что не могло не вызвать у того негативной реакции. По словам хабаровского краеведа А.М. Жукова, память об этом сохранилась и у потомков Рословича.

Под председательством Кубяка прошло совещание заведующих областными учреждениями, на котором было решено «немедленно приступить к нормальной работе... Отпуска ответственным работникам предоставлять только по медицинским показателям»⁵.

Так, город Хабаровск вновь занял свое центральное административное положение на российском Дальнем Востоке.

Одной из первоочередных задач областных органов советской власти стала разгрузка территории от «избыточного» населения — важное условие стабилизации общественно-политической обстановки. В 1923 г. с участием Дальревкома были эвакуированы австро-венгерские, германские и турецкие военнопленные, которых направили на Дальний Восток в годы Первой мировой войны. Во второй половине 1924 г. в Дальревкоме было рассмотрено около тысячи документов с заявлением на выезд граждан лимитрофных государств, т. е. отделившихся в ходе революционных событий — Литвы, Латвии, Эстонии и Польши. Отдел управления ДРК обращал внимание на обязательность выезда с дальневосточной территории в течение определенного срока тех граждан, которые при регистрации получили свои удостоверения о выборе гражданства, так называемых оптантов. В противном случае они подлежали выселению в принудительном порядке, если не возьмут гражданства СССР. Дальревком удовлетворил просьбу на эвакуацию 448 чел. в Польшу, около 200 чел. — в Латвию, Литву и

Эстонию, из них 443 человека получили удостоверение на льготный проезд⁶.

Одновременно был установлен упрощенный порядок приема в советское гражданство корейских трудящихся, переселившихся на Дальний Восток до 1918 г. Корейцам предоставлялось советское гражданство без предъявления национального паспорта, на основе удостоверений волостных исполкомов и сельсоветов, а также свидетельств о лояльном отношении к советской власти. Они освобождались от оплаты гербового сбора и от особых поручительств⁷.

Своими своевременными действиями Дальревком предупредил захват иностранцами принадлежавших СССР островов. В августе 1924 г. экспедиция под началом Б.В. Давыдова на корабле «Красный Октябрь» подняла государственный флаг Советского Союза на острове Врангеля, на котором группа канадцев занималась браконьерством. Президиум Дальревкома по докладу начальника экспедиции на остров Врангеля (декабрь 1924 г.) отметил «исключительную энергию участников экспедиции, ее начальника т. Давыдова и комиссара Г. Доминиковского по водружению флага СССР на острове Врангеля» и признал «необходимость введения специальных значков для участников похода»⁸.

В сентябре 1924 г. команда американского торгового судна подняла американский флаг на острове Геральд в 40 милях к востоку от острова Врангеля. Советскому Союзу пришлось специальным циркуляром от 20 октября 1924 г. заявить «всем державам, что указанные острова являются нераздельной частью территории Советского Союза»⁹. Кстати, Дальревком отвечал на запрос ВЦИК о возможности переименования острова Врангеля в остров Красного Октября. Ответ был краток: Дальревком не видит никаких оснований для переименования.

Главный представитель Советской власти в пограничной Дальневосточной области Я.Б. Гамарник непосредственно участвовал в реализации внешней политики СССР в Восточной Азии, представлял и отстаивал государствен-

*Торжественное поднятие флага СССР экипажем «Красный Октябрь»
на острове Врангеля*

ные интересы в участвовавших переговорах с официальными лицами и предпринимателями Японии. Пришлось ему осваивать и тонкости дипломатии.

Серьезным и ответственным делом стало завершение процесса принятия от японцев Северного Сахалина и включение его в состав Дальневосточной области. В годы Гражданской войны японские войска высадились не только на материковую часть Дальнего Востока, но и оккупировали Северный Сахалин, который по Портсмутскому договору 1905 г. принадлежал России. Оккупировав север острова, японские власти рассматривали эту территорию как свою, вновь приобретенную и настойчиво проводили политику японизации. С русским населением они не только не считались, но и старались вытеснить его с острова. В результате в 1920—1921 гг. наблюдался отток населения с севера острова в Николаевский, Хабаровский, Ольгинский и другие уезды на материке.

Когда установилась Советская власть на Дальнем Востоке, японские правящие круги, а также предприниматели, заинтересованные в сахалинских природных богатствах — нефти и угле, зондировали почву, чтобы получить Северный Сахалин в аренду или даже купить его за 150—200 млн иен¹⁰. После отказа Японии вести переговоры о Северном Сахалине в 1922—1923 гг. (Дайренская и Чаньчунская конференции) в январе 1925 г. в Пекине была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. Согласно Конвенции устанавливались дипломатические и торгово-экономические взаимоотношения между двумя странами и признавалась принадлежность Северного Сахалина Советскому Союзу. Япония обязалась вывести свои оккупационные войска с Северного Сахалина к 15 мая 1925 г., а советское правительство согласилось предоставить японским компаниям концессии на нефтяные и угольные месторождения на севере Сахалина с уплатой определенного процента с валовой добычи. Таким образом, открывался путь для установления нормальных добрососедских отношений между СССР и Японией. Чтобы реализовать эти договоренности, предстояла ответственная дипломатическая, организационно-политическая работа, выпавшая в основном на долю местной дальневосточной власти. Следует заметить, впервые принятие Северного Сахалина от японцев произошло после Русско-японской войны (1904—1905 гг.), в ходе которой японцы захватили принадлежавший России весь остров Сахалин. Тогда решением вопроса о разграничении территории между Россией и Японией на острове, согласно Портсмутскому договору, определением границы по 50 градусу северной широты занимались русская и японская разграничительные комиссии. По оценке Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, обе комиссии работу выполнили тщательно, без всяких недоразумений. Граница была отмечена четырьмя астрономическими пунктами, просекой и подробной топографической съемкой.

Теперь на Сахалине предстояло решать обширные ди-

пломатические и политические задачи. Постановлением Дальбюро ЦК РКП(б) от 23 января 1925 г. на Я.Б. Гамарника было возложено руководство предварительной комиссией для выработки плана принятия от японцев Северного Сахалина. На совещании под руководством Гамарника обсудили вопросы о персональном составе приемной комиссии, сроках ее отправки и маршруте следования на Сахалин, об административном аппарате на острове, о порядке занятия острова, о возврате имущества, принадлежавшего СССР, о финансовой работе и т. д.¹¹ Через неделю президиум ДРК постановил создать на Сахалине революционный комитет с временным непосредственным подчинением ДРК¹².

По просьбе наркомата иностранных дел под руководством Гамарника — председателя Дальневосточной концессионной комиссии — была подготовлена аналитическая справка об острове Сахалин, его природных богатствах. Отправляя документ в наркомат иностранных дел Г.В. Чичерину, Гамарник в сопроводительной записке написал: «Прилагая ...наспех собранный материал по острову Сахалин... более подробных данных, характеризующих естественные богатства острова Сахалин, в распоряжении Дальневосточной концессионной комиссии не нашлось. В материалах отсутствуют соображения концессирования острова. Этот вопрос более сложен и будет проработан дополнительно»¹³.

Выработанные под руководством Я.Б. Гамарника мероприятия были рассмотрены и приняты Дальревкомом и Дальбюро ЦК партии. В комиссию по приему Северного Сахалина вошли член Дальревкома В.А. Масленников, заведующий отделом Дальревкома — И.Б. Кацва, от Дальбюро ЦК РКП(б) — Р.А. Шишлянников как его уполномоченный, а также Н.Г. Рудаков и В.В. Красников. Трем посланцам Дальбюро ЦК партии предстояло установить на севере острова власть Сахалинского ревкома. К тому же Шишлянникову поручили выяснить вопросы о возможном сроке ввода на русскую часть острова гарнизона войск ОГПУ и милиции, о порядке приема от японцев отечественного имущества и др. После присоединения к комиссии

представителей народного комиссариата иностранных дел она приобрела статус Полномочной комиссии ЦИК СССР. Председателем ее являлся работник наркомата иностранных дел В.Я. Аболтин.

Выезд комиссии на Северный Сахалин был назначен на 1 марта 1925 г. Из Хабаровска до Николаевска-на-Амуре комиссия продвигалась на конских обозах, для чего у местных крестьян заимствовали 22 лошади с оплатой по 10 копеек за лошадь с версты. Через лед Татарского пролива и по острову переезд совершался на 27 нартах, для снаряжения которых потребовалось 300 собак, собранных со всех окрест лежавших гилляцких (нивхских. — *Н. Д.*) стойбищ¹⁴.

Полномочная комиссия благополучно прибыла в административный центр Александровск 19 марта 1925 г. Вместе с ней приехали два работника ОГПУ, 12 красноармейцев и два связника. Всего 29 человек.

Население Северного Сахалина, насчитывавшее около пяти тыс. жителей, находилось в полном неведении о действительном положении Союза ССР, о сущности советской власти и о своем будущем. В течение продолжительного времени единственным источником информации на острове оставалось японское командование, настраивавшее население против СССР. Поэтому первым делом Полномочной комиссии стало ее обращение к населению Сахалина, которое типографским способом заранее отпечатали и разослали в населенные пункты. В нем говорилось, что северная часть Сахалина является частицей Союза ССР, которая была оккупирована японскими войсками. В силу заключенного 20 января 1925 года соглашения о восстановлении нормальных взаимоотношений между СССР и Японией японские войска эвакуируются до 15 мая с. г., и на всем Северном Сахалине восстанавливается полный суверенитет СССР. Полномочная комиссия ЦИК СССР призвала всех граждан, проживающих на воссоединяемой территории, продолжать заниматься мирным трудом и оставаться на месте. Она объявила, что с момента передачи японским командованием власти советским органам будут приняты все

меры, «обеспечивающие гражданам без различия подданства и национальности мирное течение жизни и установление твердого порядка на основе советского закона»¹⁵.

Руководителем японской делегации был уполномоченный правительства этой страны, командующий японской, так называемой экспедиционной армией генерал-лейтенант Ионуэ, три года служивший военным атташе в США. Начавшиеся переговоры сразу же показали, насколько тяжелыми они станут для Полномочной комиссии. По словам ее руководителя В.Я. Аболтина, «японцы повели на нас упорную атаку по целому ряду вопросов, идущих вразрез с постановлениями Пекинского договора»¹⁶. Они касались вопросов о концессиях, об условиях для японцев, остающихся на севере острова, о сроках вывода японских войск, о возвращении имущества и т. д. При всей твердости Полномочной комиссии в выполнении Пекинских договоренностей и соблюдении государственных интересов стороны постепенно, шаг за шагом продвигались в переговорном процессе.

Наряду с трудностями дипломатического характера было немало сложностей и другого рода. На первых порах у членов Полномочной комиссии возникли трения с В.Я. Аболтиным, которого В.А. Масленников охарактеризовал так: хороший парень, но неопытный и самолюбивый. Вышел из строя И.Б. Кацва, у которого кровь пошла горлом, но он отказался возвращаться в Хабаровск. А тем временем возникло «несколько досадных недоразумений» в городе между прибывшими соотечественниками и их женами, с одной стороны, и японскими торговцами, с другой. Они возникли на почве «покупок в магазинах и расчетов с японскими торговцами». Пришлось Р.А. Шишлянникову — уполномоченному Дальбюро ЦК партии — написать служебную записку с разъяснением того, что «грубое отношение и высокомерный взгляд на японцев ни в коей мере не может способствовать успешности установления нормальных отношений с японским командованием»¹⁷.

Несмотря на все трудности и непредвиденные обсто-

ительства, переговорный процесс был завершен, и 14 мая 1925 г. состоялось подписание заключительного акта уполномоченных правительств СССР и Японии, которым подтверждалось, что все японские войска выведены с Северного Сахалина и на нем восстановлен суверенитет Союза ССР. В лице Сахалинского ревкома здесь установилась Советская власть. Полномочная комиссия ЦИК СССР успешно выполнила свою миссию.

3 сентября 1925 г. в Хабаровск прибыл японский генеральный консул господин Нихей. При его встрече значимость событию придали почетный караул кавалерийского полка и оркестр, исполнивший гимн двух стран. Как сообщала газета «Тихоокеанская звезда», генеральному консулу были отведены комнаты в коммунальной гостинице № 1. Для японского консульства предоставили здание бывшей железнодорожной школы на Барановской улице (ныне ул. Ленина).

Как и положено, первый официальный визит господин генеральный консул нанес председателю Дальревкома товарищу Я.Б. Гамарнику, который впервые принимал столь высокого иностранного гостя. Сказав о важности решения сахалинского вопроса, Гамарник выразил надежду на развитие взаимовыгодных торгово-экономических отношений СССР и Японии. В интервью газете «Тихоокеанская звезда» господин Нихей подчеркнул, что он является на Дальнем Востоке первым генеральным консулом. «Вашу страну я знаю весьма хорошо, — сказал он, — и всегда являлся сторонником русско-японского сближения... Моей ближайшей задачей является установление прочных торговых взаимоотношений Дальневосточной области с Японией и упрочение вообще наших обоюдных дружеских взаимоотношений»¹⁸. Господин генеральный консул заявил, что с русскими частниками у японских предпринимателей нет абсолютно никаких договоров. Переговоры о концессиях на Сахалине ведутся в Москве, и вопрос о нефти и угле уже решен. Сахалинские рыбные промыслы эксплуатируются японской стороной пока на основе временных договорен-

ностей. Генеральный договор об этом еще предстоит заключить. В конце интервью господин Нихей признал, что японцы слабо знакомы с Россией. «Мне с трудом поверили, что в России можно безопасно ходить по улицам городов. В Японии рассказывают сказки о том, что чуть ли не на каждом шагу здесь грабежи и убийства»¹⁹. Генеральный консул Нихей производил впечатление доброжелательного человека и опытного дипломата. Он довольно продолжительное время работал в японском консульстве, был первым секретарем японского посольства в Москве. Желая поближе познакомиться с руководящими работниками области, генеральный консул устроил официальный прием, на который пригласили членов президиума Дальревкома, руководителей областных советских и хозяйственных органов, представителей японской промышленности, находившихся по концессионным делам в Хабаровске.

В Хабаровск стали прибывать японские торгово-промышленные делегации. Областная газета «Тихоокеанская звезда» информировала читателей, что японские промышленники в Хабаровске посетили Я.Б. Гамарника, внешторг, Хабаровский музей и товарную биржу, руководство которой в честь гостей устроило банкет. Председателю Дальревкома Я.Б. Гамарнику нанес визит член японского парламента господин Сейго Накано, который в Хабаровске осмотрел Дворец труда, ознакомился с работой Дальбюро ВЦСПС, структурой советских профсоюзов, посетил кинотеатр «Совкино», исправительно-трудовой дом, где его заинтересовала исправительно-трудовая система²⁰.

Японский парламентарий Каджиро Мацуката, заключивший договор с Уссурийской железной дорогой на поставку для нее некоторых технических деталей, прислал Гамарнику письмо, опубликованное краевой газетой. «Заключив приятное турне по русскому Дальнему Востоку, — писал парламентарий, — шлем вам, председатель, сердечную благодарность за те радушие и теплоту, которые были оказаны нам во время пребывания во Владивостоке, Хабаровске и в пути». Далее он писал, что поездка рассеяла

как дым все подозрения о современных условиях жизни в Советском Союзе, которые внедряются в головы японцев. «Буду счастлив направить взаимоотношения наших великих народов в русло совместной работы на почве культурного и экономического возрождения», — утверждал автор письма. По его мысли в этом «неоценимую услугу окажет посещение Японии ответственными руководителями административных и хозяйственных органов СССР для непосредственного ознакомления с нуждами и возможностями каждой из сторон. Будучи уверен в скором свидании с вами в нашей стране — Мацуката»²¹. Напрасно господин Мацуката надеялся встретиться с Я.Б. Гамарником в Японии. Подобные контакты не поощрялись Москвой.

Одной из эффективных форм привлечения внимания предпринимателей к развитию советско-японского взаимодействия явилась организация выставок. В сентябре 1925 г. в Осаке состоялась Русская выставка, на которой экспонировались образцы сельскохозяйственной и промышленной продукции советского Дальнего Востока, в том числе образцы бревен, руды и пушнины. Для ознакомления японского населения с бытовыми условиями жизни и труда дальневосточников на выставке были представлены всевозможные этнографические предметы²². По инициативе общества «Сближение Японии и СССР» через год в Осаке состоялась выставка «Современная Россия».

А газета «Тихоокеанская звезда» (ТОЗ), информируя своих читателей о посещении японцами советского Дальнего Востока, о деловых и культурных контактах с ними, достаточно много внимания уделяла политической и экономической жизни самой Японии. Во второй половине 1925 г. она напечатала в нескольких номерах очерки о японской экономике, знакомявшие с состоянием и проблемами экономической жизни Страны восходящего солнца. В них был сделан вывод, что после землетрясения 1923 г. «в общем промышленность улучшает свое положение»²³. Газета писала о миллионах переселенцев на остров Хоккайдо. Согласно плану за 20 лет на остров должны переселиться

1 млн 770 тыс. крестьян из густо заселенных южных районов страны. Утверждалось, что ежегодно до 90 тыс. японцев переселяются в Корею, Маньчжурию и Южную Америку²⁴. Собственный токийский корреспондент газеты на ее страницах изложил содержание одной из речей виконта Тото, который считал, что Япония должна войти в тесные отношения с северной державой и сохранить свое доброе имя в семье великих держав. Виконт считал необходимым достижение договоренности с СССР в деле поселения в Сибири японских эмигрантов²⁵. Нередко читатели газеты могли почерпнуть знания о культурной жизни соседней страны. Так, в статье «Книжное дело в Японии» говорилось, что японцы очень много читают. По изданию книг страна занимает второе место в мире. Наряду с этим все чаще информация из Японии касалась проблем наращивания военной мощи. Говорилось об увеличении морских сил Японии, о создании морского авиационного флота, о строительстве японцами железной дороги в Маньчжурии и так далее. В целом газетой давалась обширная информация о Японии, которая позволяла советским и партийным руководителям Дальнего Востока понять, насколько сложным делом является выстраивание отношений с соседней страной. В первую очередь это понимал Я.Б. Гамарник, главный представитель Советской власти на дальневосточной окраине.

Важное значение для стабилизации положения в Дальневосточной области с ее протяженной границей имело заключение советско-китайского договора 31 мая 1924 г. и дублирующего его во многих деталях Соглашения между правительством СССР и правительством Автономных трех восточных провинций Китайской республики, возглавлявшимся Чжан Цзалином (20 сентября 1924 г.). В соответствии с этими документами КВЖД стала совместным советско-китайским коммерческим предприятием с управлением на равноправной основе. Работать на нем могли только советские или китайские граждане. При этом подтверждалась законность декрета 1920 г., переводившего все судебные и административные вопросы в ведение китайских властей.

Необходимо сказать, что в это время партийно-политическое руководство СССР считало Китай, раздираемый внутренней борьбой различных сил, в которой участвовали Гоминдан, Компартия Китая и несколько милитаристских групп, передовым отрядом национально-освободительного движения, нуждавшимся в помощи и поддержке СССР. Вместе с тем советское руководство связывало с КВЖД участие Советского Союза в международном прибыльном бизнесе — вывозе соевых бобов из Маньчжурии через КВЖД — Уссурийскую дорогу, порт Владивосток — на мировой рынок. На советской линии КВЖД создаются советская администрация, предприятия и инфраструктура, оперативно подчинявшиеся Дальревкому.

Полномочный представитель СССР в Китае Л.М. Карahan в мае 1924 г. из Пекина направил письмо И.В. Сталину, в котором информировал об обстановке в Китае и положительно оценивал действия «военных ребят» — советских военных советников, направленных в помощь Гоминдану. В частности, он писал, что В.К. Блюхер «хорошо приспособился, он как раз подошел для живой работы в сложной кантонской обстановке». «Был здесь Кубяк с Гамарником, — писал полпред. — Взаимно информировались. Поездка была очень полезна, ознакомились с положением здесь, легко будет улаживать с ним (Гамарником) дела. А он во многих отношениях может помочь мне»²⁶.

Каждые три месяца Дальревком должен был представлять в ЦК РКП(б) свой отчет о работе. В первом отчете Я.Б. Гамарника за июль — сентябрь 1924 г. говорилось, что состоялось 14 заседаний ДРК, на которых рассмотрено 234 вопроса. Характеризуя аппарат власти, ДРК считал, что губернские комитеты работали удовлетворительно, волостные структуры вполне работоспособны, сельский же аппарат слаб, мало активен, происходит частая смена председателей сельсоветов в основном по причине низкой материальной обеспеченности²⁷. При средней зарплате в ДВО в 1925 г. 46 руб. 58 коп. председатели сельсоветов, делившиеся по числу населения на три группы, имели оклад от 5 до 20 руб.²⁸

Президиум Дальневосточного революционного комитета

В длинной цепи задач, не терпящих отлагательства, молодой председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник выделил основное звено — укрепление Советской власти на Дальнем Востоке, повышение ее авторитета среди дальневосточников, формирование работоспособного аппарата.

В органы Советской власти на местах — губернские, уездные, волостные исполнительные комитеты советов и сельские советы — были выдвинуты сотни людей, которые, как правило, не обладали каким-либо организаторским опытом, имели слабую политико-правовую под-

готовку и в большинстве были малограмотными. Чтобы помочь советскому аппарату, обучить и воспитать его, Дальревком начал регулярно ставить на заседаниях своего президиума отчеты о работе исполнительных комитетов и сельских советов. Так, в октябре 1924 г. обсуждены отчеты о работе Николаевского-на-Амуре и Хабаровского уездных исполкомов, в 1925 г. — Ундинского, Черниговского, Мазановского, Бичурского, Бароташевского волостных исполкомов, а также Подойницкого, Дмитриевского и других сельских советов. Например, на расширенном заседании президиума Дальревкома в июне 1925 г., на котором присутствовало около 40 человек, председатель Черниговского волысполкома (Приморская губерния) М.Д. Пинеев рассказал о работе комитета²⁹. В волости насчитывалось около 28 тыс. жителей. В сельские советы волости избран 321 человек, в том числе 25 женщин (около 8%), членов Коммунистической партии — 7 человек. Большинство сельских советов состояло из бедноты и середняков. В президиуме волостного комитета, состоявшего из трех человек, один беспартийный.

Председатель признал, что сельское хозяйство в волости ведется по-дедовски, примитивно. В кооперативы входило менее 10% населения. В школах, большинство зданий которых пришло в ветхость, обучался 1371 ученик. Из детей школьного возраста обучением охвачено лишь немногим больше половины. Имелось десять пунктов ликвидации неграмотности взрослых, в которых учится 300 человек. В волости находились одна больница и один фельдшер, а также Дом крестьянина. Пинеев сообщил: у них зафиксировано свыше двух тыс. рождений детей, 566 браков и полсотни разводов, а это означало, что жизнь сельского населения вошла в свое общечеловеческое русло. Дальревком оценил работу волысполкома удовлетворительной, при этом высказал пожелания и рекомендации.

Как правило, отчеты с портретами председателей и решениями Дальревкома печатались в «Тихоокеанской звезде». Тем самым газета участвовала в распространении

Торжественная закладка памятника Ленину в Хабаровске. 1925 г.

в области даже небольшого позитивного опыта, который вскрывался при обсуждении. Например, при публикации отчета Мазановского волостного комитета (Амурская губерния) газета выделила следующие подзаголовки: «Увеличиваем площадь запашки», «Не указом, а показом», «Связь с сельскими советами слабовата», «Народное собрание», «Здравоохранение», «Работа изб-читален», «Кооперация», «Делегатки», «Борьба с контрабандой»³⁰.

В помощь сельсоветам и волисполкомам Дальревком издал брошюру «Основные положения о работе волостных исполнительных комитетов и сельсоветов». Работу так называемого низового аппарата — волостных комитетов и сельских советов — обследовала Рабоче-крестьянская инспекция. Ее доклад был обсужден на президиуме Дальревкома (ноябрь 1925 г.). Обследовалось девять волостных комитетов (по три из каждой губернии) и 18 сельских советов. Был привлечен значительный советский, партийный актив, устраивались совещания, созывались общие сельские собрания, расширенные заседания с участием широ-

кого крестьянского актива, на которых выступило свыше 300 крестьян. Согласившись с выводами обследования, президиум в резолюции отметил слабую вовлеченность женщин и бедняцких слоев в работу советского актива, недостаток «живого инструктажа», слабую работу изб-читален и недостатки по ликвидации неграмотности и др.

Выступая на первом областном совещании секретарей и заведующих организационных подотделов губернских исполкомов в июне 1925 г., Гамарник говорил о необходимости строгого соблюдения революционной законности. Он решительно осудил проявлявшуюся в советском аппарате канцелярскую волокиту и игнорирование запросов граждан, отсутствие внимания к людям... Он говорил о необходимости установить такой порядок, согласно которому готовились бы срочные ответы «на все бумажки, откуда бы они ни шли: от ДРК или от рядового крестьянина. Пишет мужик, пусть даже о пустяках — ответ ему должен быть дан своевременно»³¹. Он подверг критике губисполкомы за бессистемность обследования на местах и проводимых инструктажей, которые зачастую носили характер налета и эпизода, а не продуманной плановой работы. В связи с этим сослался на заголовок ленинской статьи «Лучше меньше, да лучше». Когда в середине 1925 г. в составе волостных комитетов не оказалось ни одного процента азбучно неграмотных членов — это считалось достижением. В вопросах же советского законодательства они оставались в большинстве неграмотными. Гамарник поставил задачу всемерного укрепления связей губисполкомов с комитетами в уездах и волостях, с сельскими советами, добиваться исполнения ими революционной законности. Вообще в то время о соблюдении революционной законности советские органы заботились особо. Под «революционной законностью» понималось соблюдение советских законов. По словам Гамарника, от прежнего законодательства, представлявшего «помесь» царского, советского и местного дальневосточного законодательства, переход на советское законодательство был совершенно естественным. Вместе с тем целый ряд особен-

ностей «заставлял нас проявлять некоторую осторожность, потратить на это дело примерно около года, пока край в основном, в целом перешел к советскому законодательству»³². Поэтому введение и соблюдение законности потребовали от Дальревкома особых усилий.

Заслушав отчетный доклад областного прокурора (октябрь 1924 г.), президиум Дальревкома определил основную задачу органов прокуратуры и всего судебно-карательного аппарата в дальнейшем укреплении борьбы со всеми видами преступлений. Необходимо усилить популяризацию основ революционной законности среди широких масс рабочих и крестьян, укрепить следственный аппарат, связь с первичными ячейками советской власти — волостными исполкомами и сельсоветами. Органы прокуратуры, координируя карательную деятельность судов и нарсудов, должны были усилить борьбу с основными видами преступности: контрабандой, нарушением законов о переходе границ, а также должностными, налоговыми и хозяйственными преступлениями³³.

В 1925 г. имелось несколько сот случаев опротестования прокуратурой постановлений местных комитетов, которые противоречили советскому законодательству. На местах допускалось немало всякого налоготворчества, всевозможных принудительных сборов, неправомочных административных взысканий. Органы прокуратуры не могли справиться с валом подобных нарушений на местах. Чтобы советский аппарат научился действовать в правовом поле, требовалось немало усилий и времени.

Пленум Дальревкома, проходивший в июле 1925 г., по докладу «Советское строительство деревни» постановил органам Советской власти обратить внимание на все проявления нарушений революционной законности на селе. На пленуме говорилось, что в нашей деревне во многих местах со стороны представителей власти нередки проявления самодурства, заносчивости и прочие отрицательные явления, подрывающие престиж Советской власти. Большая часть таких явлений выносилась на страницы газет сель-

скими корреспондентами. Пленум вменил в обязанность всем исполкомам строго следить за подобными явлениями и ни одного из них не оставлять без внимания и расследования, принимая меры для их устранения. Было предложено губисполкомам в составе орготделов образовать «столы газетных вырезок». В развитие этого постановления президиум Дальревкома разослал губисполкомам разработанную председателем ДРК инструкцию об организации и работе «столов газетных вырезок». «Столы» учреждались в губернских и уездных комитетах, где имелись свои газеты. Они должны были следить за местной прессой и по каждому сообщению о ненормальностях в состоянии и работе местных органов и их отдельных должностных лиц производить по распоряжению и от имени секретаря исполкома проверку и расследование факта нарушения революционной законности или ненормального явления, подрывающего престиж и авторитет Советской власти.

Приморский губисполком первым организовал «стол газетных вырезок», работа которого была увязана с работой прокуратуры и бюро жалоб Рабоче-крестьянской инспекции.

Я.Б. Гамарник не устал говорить, что «революционная законность должна вводиться твердо, что нужно карать за всякие нарушения законности на местах, что каждый рабочий в крае должен твердо знать, что не может быть произвола отдельных представителей Советской власти, что есть советское законодательство, которое «обязательно для каждого отдельного гражданина, для каждого отдельного советского работника, несмотря на его «чин» и звание»³⁴.

Каждый раз большим испытанием для Дальревкома и всех органов Советской власти области являлись организация и проведение выборов в советы, которые в целом проводились открыто. Такие выборы за время существования Дальревкома состоялись трижды — в 1923, 1924 и 1925 гг. Общие политические установки к проведению выборов сводились к двум главным требованиям:

1. Обеспечить представительство бедноты и середняков,

блокировать проникновение в советы буржуазных и кулацких элементов.

2. Добиться повышения в составе депутатов числа коммунистов и комсомольцев, которые рассматривались органами власти в качестве своей социальной опоры.

Результаты перевыборов советов в конце 1925 г. не принесли чего-то неожиданного. Например, в Спасском уезде Приморской губернии в выборах сельских советов участвовало менее половины крестьян. В сельские советы избрали 130 человек, в том числе десять женщин и шесть партийцев и комсомольцев. На многих собраниях крестьяне выступали против выдвижения женщин. В крестьянских наказах избранным сельским советам речь шла о восстановлении школьных зданий, пришедших в ветхость, о восстановлении дорог и мостов, о повышении окладов председателям и секретарям сельсоветов, о лучшей организации ликвидации неграмотности, увеличении числа красных уголков и др.³⁵

Всего в 1925 г. в сельсоветы на Дальнем Востоке было избрано 19 600 человек вместо 14 221 в предыдущую избирательную кампанию.

В целом выборы прошли организованнее, чем предыдущие, «без какого бы то ни было административного нажима».

Анализируя итоги выборов, выступления крестьян на сельских собраниях, Я.Б. Гамарник сделал вывод: «...мы всюду и везде видим, что в общем и в целом работа низового аппарата сейчас может быть признана удовлетворительной. Удовлетворительно в целом мы можем назвать работу наших волисполкомов. Несколько слабее работа сельсоветов»³⁶.

Кто бывал в то время в дальневосточных деревнях, тот знал, в каких обветшалых зданиях, иногда в домах-развалинах, размещались сельские советы, не имевшие возможности провести зимой и в непогоду общее собрание (летом они по традиции проводились под открытым небом), создать красный уголок и т. д.

В соответствии с лозунгом «Лицом к деревне» ДРК разработал типовой проект образцового здания сельсовета, способного удовлетворить все общественные интересы деревни как в области управления, так и в культурно-просветительской и общественной работе. Газета «Тихоокеанская звезда» не только дала сообщение об этом, но и поместила изображение образцового сельсовета и его описание, в котором говорилось, что здание является постройкой городского типа, снаружи обшивается тесом и окрашивается, а внутри его все стены оштукатуриваются. Здание состояло из зала собраний, рассчитанного на 200 человек, комнат отделов, просторной комнаты для общественных организаций деревни, а также комнаты для приезжавших в командировки и подсобных помещений. В таком благоустроенном доме сельсовет получал комфортабельные условия для работы с людьми. Как писала газета, «в хорошее помещение с удовольствием пойдет на общее собрание крестьянин, зная, что там не будет духоты, ни давки, слышно будет каждое слово»³⁷.

Дальревком разослал план и смету постройки образцового сельсовета для ознакомления и руководства всем губисполкомам. Для начала он решил построить по одному зданию в Приморской, Амурской и Забайкальской губерниях. На эти цели было отпущено свыше 31 тыс. руб. Дальревком дал задание губисполкомам немедленно приступить к строительным работам. Для удешевления построек было возбуждено ходатайство перед земельными органами об освобождении лесоматериалов для новых сельсоветов от обложения платою. «Надо надеяться, — писала газета, — что и население постарается удешевить постройку и помочь общими силами в деле организации бесплатной доставки леса».

К тому времени, как Я.Б. Гамарник возглавил Дальревком, в области уже велась работа по восстановлению разрушенного в годы войны и военной интервенции народного хозяйства. Целью восстановления являлось достижение уровня 1913 г., кстати, самого благополучного в начале

XX в. В первую очередь восстанавливались отрасли, которые определяли экономическую жизнь Дальнего Востока и заинтересованность центра, — рыбная, угольная, лесная, золотодобывающая. С одной стороны, было стремление вывести по возможности их из-под влияния иностранной зависимости и частного капитала, а с другой — расширить экспорт их продукции на внешнем рынке.

Такие районы, как Камчатка и Сахалин, нуждались в серьезной помощи Дальревкома. С этой целью в августе 1924 г. заслушали доклад Камчатского губревкома, с которым выступил его председатель М.П. Вольский. Его знали как активного участника партизанского движения на Дальнем Востоке. В декабре 1922 г. как командующий экспедиционным отрядом освобождал Камчатку от остатков белогвардейских банд, а затем по решению Дальревкома сформировал и возглавил Камчатский губревком. На долю М.П. Вольского выпала тяжелая доля проведения советизации полуострова. Дальревком принял развернутое постановление, в котором учитывались предложения губревкома. Так возбуждалось ходатайство перед ВЦИК об упразднении Командорского уезда как административной единицы. Предлагалось Командорские острова считать государственными промыслами Дальрыбохоты, включив их в Петропавловский уезд. Было решено признать Камчатскую губернию в полном объеме промысловым районом и освободить ее от обложения единым сельскохозяйственным налогом. Уполномоченный народного комиссариата финансов должен был срочно рассмотреть сметы Камчатки и решить вопрос о подкреплении Охотска денежными знаками, а Дальплан — проработать вопрос о снабжении и организации скупок пушнины³⁸.

Через три месяца Дальревком обсудил представление Дальплана об Охотско-Камчатском акционерном рыболовном обществе (ОКАРО). Дальревком констатировал, что основной задачей ОКАРО является «охват рыбной промышленности Охотско-Камчатского побережья, эксплуатация морских и крупных речных промыслов». Наряду с

этим оно получило от снабжающих Камчатку организаций преимущественное право скупки пушнины и золота на коммиссионных началах в районах рыбных промыслов, арендуемых обществом.

Решено было изжить существовавший параллелизм и конкуренцию между ОКАРО и Дальморепродуктами, распределив между ними районы промысла. Было признано, что применяющийся способ приготовления рыбной продукции японским засолом нерационален и подлежит изменению. Предлагалось ОКАРО разработать проект организации консервной промышленности, приступить в 1925 г. к оборудованию консервного завода на реке Камчатке с расчетом пуска его в эксплуатацию в сезоне 1926 г. Для увеличения добычи морских богатств предлагалось в виде опыта применить лов рыбы траловым способом.

Комиссии по кредитованию поручали рассмотреть заявку ОКАРО в 1 млн руб.³⁹ Центр, заинтересованный в увеличении рыбной продукции, идущей на экспорт, многие предложения Дальревкома удовлетворил.

Чтобы наиболее правильно использовать рыбные богатства Дальнего Востока и поставить все рыбное хозяйство на строго научную основу, Дальревком в 1924 г. принял решение об учреждении Тихоокеанской ихтиологической лаборатории — родоначальницы Тихоокеанского института рыбного хозяйства.

Значимая для советского государства золотопромышленность Дальнего Востока переживала кризис. Добыча золота производилась в основном старателями, значительная доля дорогого металла контрабандой уходила за границу, не удавалось наладить учет оборота золота в области. Согласно декрету о трестах и постановлению президиума ВСНХ РСФСР (декабрь 1924 г.) Дальревком постановил организовать трест государственного значения «Даль-золото».

Принципиальным для восстановления сельского хозяйства было решение Дальревкома о землеустройстве в ДВО (август 1924 г.)⁴⁰. При этом власть исходила из того,

что Дальний Восток имеет достаточные земельные ресурсы для колонизации, что существующее землеобеспечение крестьянства крайне неравномерно и для землеустройства требуются государственные средства. Областному управлению сельским кредитованием было предложено образовать специальный землеустроительный фонд по долгосрочному кредитованию крестьянства на проведение землеустроительных работ. С организацией кооперации связывалось освобождение крестьянства от эксплуатации кулачества. Была названа приблизительная доля в сельском населении кооперированных крестьян — 9%, которые владели третью всех орудий производства. Отмечена интересная тенденция: в селе увеличились посевы технических культур — льна, сои и риса. Считалось, что с созданием кооперации сельское хозяйство будет связано с рынком, и это даст сильный импульс для развития сельскохозяйственного производства.

Что касается организационной формы сельскохозяйственной кооперации, то было высказано мнение: основной ее формой должно стать универсальное сельскохозяйственное товарищество с кредитными функциями. Наряду с этим должны получить «широкое развитие коммуны, колхозы и прочие». Главные средства и силы для строительства сельскохозяйственной кооперации решено было искать в самодеятельности самого населения.

Областное земуправление обязывалось в месячный срок разработать вопрос о землеустройстве корейского населения в Приморье, согласовать его с губернскими организациями и внести на утверждение Дальревкома.

Учитывая важность вопроса, Дальбюро ЦК партии провело областное совещание о сельскохозяйственной кооперации в области, на котором был обсужден доклад руководителя Дальземуправления.

Взаимодействие советского и партийного руководства области проявлялось в том, что постановления Дальревкома по актуальным вопросам Дальбюро ЦК партии затем выносило на обсуждение областных партийных совеща-

ний. Тем самым партийно-советский актив области мобилизовался на практическое решение наиболее значимых проблем. Одной из них была торговля. Председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник выступил с докладом о торговле на областном партийном совещании (сентябрь 1924 г.)⁴¹. В докладе подчеркивалось, что слабо изучены такие вопросы, как емкость рынка, снабжение области российскими товарами, кредитование, контрабанда и др. Констатировалась преимущественная роль частной торговли на Дальнем Востоке, вместе с тем интенсивно развивалась государственная и кооперативная торговля, для которой существенное значение имело товароснабжение из Центральной России. С этой целью решили пересмотреть железнодорожные тарифы и водные фрахты, планомерность и срочность снабжения Дальнего Востока советской продукцией. Совещание высказалось за сохранение бездефицитного баланса внешней торговли. Оно признало нецелесообразным ввоз хлеба из портов Черного моря при возможности снабжения области более дешевой пшеницей сибирского и заграничного рынков.

С введением монополии внешней торговли на Дальнем Востоке увеличился контрабандный ввоз из Маньчжурии мануфактуры, спирта, табака и нелегальный вывоз из края золота и пушнины в значительных размерах. В 1924—1925 гг. стоимость нелегально ввозимых товаров в область достигла 12% всей товарной массы (в 1913 г. она составляла один процент). Жизнь показала, что одними административными и карательными мерами нельзя добиться эффективности в противоборстве с контрабандой. Необходимо принять ряд экономических мер — снизить цены на товары советского производства, предназначенные для массового потребления, уменьшить на них накладные расходы, установить льготные цены на товары в пограничных районах и т. д. Совещание высказалось за укрепление состава областных и губернских аппаратов торговли.

Наркомат внешней торговли строго следил за ходом внешней торговли на Дальнем Востоке, добивался еже-

годного сокращения импорта и увеличения экспорта товаров. Так, уполномоченный внешторга Дальнего Востока Р.И. Андрианов летом 1924 г. рассказал о длительных дебатах в Москве вокруг плана по импорту в 17 млн руб., предложенного ДВО. Москва настаивала сократить его до 12 млн руб. Р.И. Андрианов, ссылаясь на то, что Дальний Восток всегда снабжался преимущественно импортными товарами, а сокращение импорта неизбежно приведет к росту контрабанды, смог получить разрешение считать товары, завезенные для Камчатки и для рыбалок, вне плана. К тому же разрешили ввезти сверх плана на 200 тыс. руб. радиоимущества. Это расценивалось как своего рода удача⁴². Ссылаясь на большую оторванность от Центра, своеобразие Дальневосточной области, Дальревком добивался учета ее особенностей и представление большей инициативы местной власти. Следует сказать, что в отличие от подобных органов Советской власти в других регионах СССР Дальревкому предоставили право передвижения средств финансирования из одной статьи бюджета в другую и даже частично приостанавливать действия постановлений центральных органов. Вместе с тем отношения Дальревкома с наркоматами и СНК РСФСР порой становились напряженными, его разумные просьбы и предложения зачастую не находили в Центре понимания и поддержки. Так, Дальревком тревожило, что детская беспризорность в области приняла слишком большие размеры. Несмотря на принимаемые меры, число беспризорных детей оставалось значительным. Недостаток средств затруднял работу по ликвидации беспризорности детей. Суммы от различных общественных организаций путем добровольного пожертвования были весьма скромными. Чтобы увеличить средства на борьбу с детской беспризорностью, в начале ноября 1925 г. ДРК признал необходимым ввести местный налог на спиртные напитки, которые продавались в городах ДВО. В зависимости от сорта напитков планировалось взимать налог в две коп. с бутылки хлебного вина (водки), до 50 коп. с бутылки вина иностранного производства. Взимание нало-

га намеревались производить, наклеивая особые марки на посуду. ДРК обратился в СНК РСФСР с просьбой утвердить это постановление.

Наркомфин РСФСР возразил против удовлетворения этого ходатайства, т. к. подобного рода обложения являлись ничем иным, как повышением акциза на эти напитки. Отрицательное отношение к установлению целевых местных налогов наркомфин объяснил тем, что они дезорганизуют проводимую налоговую политику. СНК РСФСР на основе этого мнения отклонил ходатайство Дальревкома⁴³.

ДРК получил отрицательный ответ и на другую инициативу. Из полосы отчуждения КВЖД в адрес Детской комиссии был получен груз товаров и продуктов. Обращение в СНК РСФСР с ходатайством о беспошлинном и безакцизном пропуске прибывших из-за границы пожертвований в адрес Детской комиссии и о распространении льготного тарифа на провоз грузов было отклонено⁴⁴. Подобные ответы воспринимались как излишне жесткие и формальные, игнорировавшие специфику Дальневосточной области.

Наряду с беспризорностью детей и безработицей последствиями продолжительной Гражданской войны перед новой местной властью во весь рост встала и еще одна социальная проблема — неграмотность жителей области.

По переписи 1923 г. на Дальнем Востоке из 100 человек 63 были неграмотными. Другими словами, грамотные среди всего населения составили 37 процентов.

Заслушав вопрос о ликвидации неграмотности в Дальневосточной области (октябрь 1924 г.), президиум Дальревкома постановил признать работу по ликвидации неграмотности в Дальневосточной области недостаточной. Утвердив представленный областным отделом народного образования план работы по ликвидации неграмотности в Дальневосточной области на 1924—1925 гг., было предложено губернским исполнительным комитетам срочно выделить для работы по ликвидации неграмотности специального

Детский дворец им. В.И. Ленина (г. Владивосток)

работника на каждый уезд. Председателем Дальневосточного областного бюро «Долой неграмотность» был утвержден председатель Дальревкома Гамарник⁴⁵.

Конечно, эта комиссия была не единственная у Яна Борисовича. Ему приходилось возглавлять немало комиссий, организаций, советов. В период подготовки к проведению в 1924 г. в Хабаровске Первой дальневосточной спортивной олимпиады председатель Дальревкома возглавил совет физкультуры ДВО. По решению ДРК выделили 100 руб. на призы победителям олимпиады. Тогда же Хабаровск получил около 15 тыс. руб. на приведение в надлежащий порядок ул. К. Маркса и мостовых, ведущих к вокзалу. Олимпиада стала резонансным событием на Дальнем Востоке, в ней участвовали спортсмены не только из ряда городов ДВО, но и несколько спортсменов из Харбина. Ян Борисович, любивший легкоатлетику и конькобежный спорт, немало сделал для развития физкультуры в ДВО. Только в 1927 г. секретариат Далькрайкома ВКП(б) освободил Гамарника, тогда уже секретаря краевого комитета партии, от

*Я.Б. Гамарник и М.Б. Кузнец среди участников
первой спортивной олимпиады*

обязанностей председателя краевого совета физкультуры, назначив председателем т. Ради́на⁴⁶.

Гамарник имел непосредственное отношение и к возрождению авторитетного до революции местного отдела Русского географического общества. Инициатором реанимации общества стал В.К. Арсеньев, который в ноябре 1924 г. приехал в Хабаровск, чтобы занять пост директора Хабаровского краеведческого музея. В нем он директорствовал еще до революции, в 1910—1917 гг. Заручившись поддержкой некоторых советско-партийных работников, Арсеньев составил документ об учреждении Дальневосточного краевого отдела Русского географического общества, под которым поставили подписи М.П. Малышев, заведующий отделом народного образования, Я.Б. Гамарник, М.И. Целищев, К.Я. Лукс и другие, всего 20 человек. В конце ноября этот документ поступил в Дальревком. «Организационная группа нижеподписавшихся лиц в качестве учредителей, — говорилось в нем, — обращаются с просьбой зарегистрировать краевой отдел Русского географического

общества. Цель общества состоит в том, чтобы собирать, обрабатывать и распространять географические и статистические сведения, объединяя лиц, научно работающих в этих отраслях знания. О перспективах дальневосточной земли в документе было сказано так: «Богатая, изобильная в буквальном смысле слова, дарами земными Дальневосточная область может с полным правом именовать себя страной будущего. Здесь возможна благодаря обилию металла, минералов, каменного угля, лесов, богатой фауны и даров моря широкая индустрия, прямо неслыханная в Европе»⁴⁷.

Дальревком зарегистрировал устав общества. Чтобы вступить в него, достаточно было не принадлежать к имущему классу и заплатить членские взносы пять руб. в год. Участие в научно-исследовательской работе считалось желательным, но не обязательным. Избрали постоянный совет отдела. Отдел существовал в суровых условиях — не было помещения, финансирования, только членские взносы. Правда, для публикаций членов общества был открыт издававшийся с 1923 г. ежемесячный журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока». В 1925 г. журнал напечатал три большие статьи В.К. Арсеньева: «Дельфиний промысел», «Гижигинский промысловый район», «Пути из Хабаровска на Советскую Гавань», статьи Я.Б. Гамарника «Советская колонизация Дальневосточной области», Л.П. Крылова «Задачи планирования» и др.

К сожалению, идейный вдохновитель и организатор восстановления дальневосточного отдела Географического общества В.К. Арсеньев в конце 1925 г. вынужден был уехать из Хабаровска. Более года он жил, по его словам, «за занавеской, в проходной комнате гражданина Бабикова», старожила края, одного из членов-учредителей Приамурского отдела РГО в 1894 г. Семье Арсеньева, состоявшей из пяти человек, городская власть в течение продолжительного времени не предоставляла жилья. Зампредседателя ДРК М.И. Целищев написал письмо начальнику городского жилищного отдела, в котором он констатировал, что вопрос о предоставлении Арсеньеву квартиры тянется около года.

«Имея в виду, что гражданин Арсеньев является ценным и нужным работником, знатоком края и, кроме того, занимает ряд административных и ученых должностей, — говорилось в письме, — в целях предоставления ему возможности работать и выполнять возлагаемые на него поручения предлагаю Вам сделать распоряжение о немедленном отводе Арсеньеву соответствующей квартиры с предоставлением по закону дополнительной площади. Об исполнении мне донести»⁴⁸.

Областное руководство, судя по всему, с уважением относилось к В.К. Арсеньеву. Я.Б. Гамарник безоговорочно распорядился выдать Арсеньеву 300 руб. на поездку в Москву и Ленинград на празднование 200-летнего юбилея Академии наук. Арсеньев представлял на этих торжествах научную общественность Дальнего Востока. Однако областное руководство не смогло решить «квартирный вопрос» Арсеньева, успевшего сделать немало полезного для новой власти. В середине декабря 1925 г. Владимир Клавдиевич с тяжелым сердцем вернулся во Владивосток, что, безусловно, негативно отразилось на научной и культурной жизни Хабаровска.

Большим тормозом в распространении влияния Дальревкома на население области стало, по существу, отсутствие надежной связи его с уездами, волостями, сельскими советами. Радиофикация давала возможность преодолеть эту техническую преграду. Тогда решили срочно приступить к радиостроительству в ДВО, для чего создали комиссию под председательством Целищева. При этом допускалась возможность привлечь иностранный капитал.

Дальревком, все его экономические службы испытывали острый дефицит в информации о состоянии и возможностях социально-экономического развития Дальнего Востока, имевшего такие удаленные и мало исследованные территории, как Камчатка, Чукотка, Сахалин, тихоокеанские острова. Для определения перспектив развития области часто не хватало систематических статистических данных. Чтобы изменить эту ситуацию к лучшему, Я.Б. Га-

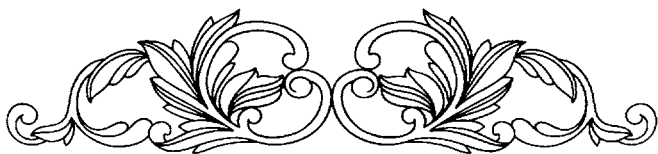
Радиостанция на Русском острове (г. Владивосток)

марник в 1925 г. инициировал издание отчета Дальревкома и Дальэконо ДРК за 1923—1924 гг. в виде объемной книги. Объясняя во введении необходимость издания годового отчета, он писал: «Уже больше двух лет ДВО живет Советской жизнью, но только в последнее время медленно, постепенно Дальний Восток перестает быть *terra incognita* — неизвестной землей не только для Москвы, Центральных соваппаратов, но и для соваппаратов самой ДВО. Только в последнее время приведен в ясность ряд старых материалов, кое-какой, пока чрезвычайно незначительный, новый материал по экономике ДВО. Мало, плохо мы знаем Дальний Восток... Поэтому каждый новый статистический материал, каждая монография, каждый с виду скучный, но деловой, цифровой, ведомственный материал представляет вклад в чрезвычайно бедную библиотеку по экономике ДВО. Вот что заставило ДРК издать настоящий годовой отчет».

С точки зрения председателя ДРК и Дальэконо, чтобы работа была успешной, необходимы следующие условия.

Во-первых, Москва должна помочь ДВО средствами, как по линии банков, так и по возможности непосредственным усилением промышленности, предоставить областному центру максимум инициативы в работе. Во-вторых, дальневосточные органы должны все лучше и лучше хозяйничать. Средств мало, работы непочатый край, поэтому надо во все дела внести плановое начало, разворачивать их по средствам, выбирая для этого наиболее ударные участки. В-третьих, всему советскому аппарату ДВО — от областного центра до сельсовета — иметь местную взаимосвязь, которая включала отчетность, взаимную информацию, инструктаж и плановое руководство.

Сформулированные Я.Б. Гамарником положения, по существу, являлись в то время главными условиями успешной деятельности Дальревкома по восстановлению и развитию Дальнего Востока. А молодой талантливый экономист М.И. Целищев в своих очерках первым выделил отличия состояния экономики Дальнего Востока от положения экономики центральных регионов к началу осуществления новой экономической политики, принятой X съездом РКП(б) (1921 г.). Он писал: «Периода военного коммунизма Дальний Восток не пережил, крестьянство не знало здесь продразверстки, национализация не коснулась ни промышленности, ни торговли; короче — хозяйственный облик края к началу 1923 хозяйственного года сохранил почти старую физиономию...»⁴⁹ Без учета этого своеобразия Дальнего Востока нельзя было выстраивать социально-экономическую политику в регионе.

1925 год: Дальневосточный край — аванпост СССР на берегах Тихого океана

Поразительно, что тезис: «Дальневосточный край является аванпостом СССР на берегах Тихого океана» сформулирован на третий год установления Советской власти и стал концептуальным в разработке региональной властью планов экономического развития Дальневосточного края. Этот интереснейший факт, а также обстоятельства, с которыми он был связан, в исторической литературе, по существу, обойдены вниманием. Не названы и люди, которые в середине 1920-х гг. поднялись до такого высокого геополитического понимания роли и значения для СССР его дальневосточной окраины.

В 1925 г. сложились чрезвычайные обстоятельства, проявившиеся в том, что Дальревком, возглавляемый Я.Б. Гамарником, открыто выразил свое несогласие с Госпланом СССР по вопросу о перспективах развития советского Дальнего Востока.

В связи с проходившим в стране районированием Госплан СССР подготовил секретный печатный доклад, в котором предусматривалось образование новых админи-

стративно-территориальных структур, планировались их границы, перспективы экономического роста. На востоке РСФСР предлагалось образовать Ленско-Байкальский и Дальневосточный края. Хозяйственная проблема Дальневосточного края в постановке Госплана СССР была представлена несколькими положениями. Констатировалось, что наш Дальний Восток — более тихоокеанская страна, чем органическая часть территории СССР. Это положение стало той печкой, от которой «танцевал» Госплан в своих рассуждениях о перспективах Дальнего Востока. Что касалось общей характеристики состояния современного хозяйства Дальневосточной области, то в целом давалась объективная картина, подчеркивался сырьевой характер его промышленности. Признавалось, что «борьба за упрочение наших хозяйственных позиций на Дальнем Востоке будет весьма трудна, и процесс перехода от сырьевой промышленности к экспорту готовых изделий будет весьма сложен»¹. Причины этого усматривались в процессе хозяйственной и политической борьбы на рынках Тихого океана, в низкой стоимости за границей «желтого труда» и в больших материальных финансовых и транспортных ресурсах соседних стран. Далее речь шла о необходимости вложения больших средств и широкого подхода к реорганизации нашей рыбопромышленности, лесопромышленности и транспорта с попыткой освобождения от экономической зависимости от Японии.

Вместе с тем в докладе была выдвинута проблема более интенсивного хозяйственного и военно-стратегического освоения Камчатки в силу ее политического и военного значения на случай войны между Японией и Америкой.

Конечный вывод, сделанный в докладе Госплана СССР, сводился к следующему: «Дальний Восток самостоятельно не может служить опорной базой Союза в Восточной Азии»². Намеченные меры к укреплению Дальнего Востока включали: создание нового флота, хозяйственной и стратегической базы в Петропавловске-на-Камчатке, создание

мощного треста для эксплуатации Камчатки и проведение колонизации Дальнего Востока.

С большинством положений доклада Госплана СССР Дальревком категорически не согласился, о чем заявил в специально подготовленном докладе о районировании Дальневосточного края, адресованном ВЦИКу, Совнаркому РСФСР и Госплану РСФСР.

К этому времени в Дальревкоме под руководством Я.Б. Гамарника сложился работоспособный коллектив специалистов, включавший талантливых экономистов — в лице М.И. Целищева (Дальплан), И.Т. Мамонова, Н.Ф. Старикова и др. Возглавивший экономическое совещание (ЭКОСО), Я.Б. Гамарник умело объединял их усилия, концентрировал на главных направлениях. Глубоко вникнув в социально-экономические и международные проблемы Дальнего Востока, они самостоятельно разработали концепцию развития дальневосточной территории, которая резко контрастировала с предложениями Госплана СССР. В докладе Дальревкома и были изложены принципиальные и фактические с ним расхождения.

Исходной точкой расхождения стала западная граница Дальневосточного края. По мнению дальневосточников, Забайкалье должно войти в состав Дальневосточного края, поскольку оно принадлежит к единой системе водных путей Амурского бассейна. Разделение бассейна с отнесением судоходных рек Амурского бассейна, Шилки и Аргуни, ровно как и начальной пристани Амурской водной системы, Сретенска, к Ленско-Байкальской области (с центром в Иркутске) приведет к необоснованной и вредной ломке установившихся экономических и хозяйственных взаимоотношений в Дальневосточном крае. Более того, Дальревком считал, что кольцевая сеть железных дорог — Китайско-Восточная, Уссурийская и Читинская, увязанная с речными и морскими сообщениями, должна входить в пределы единой области для удобства регулирования транспортной и тарифной политики ДВК. Только при условии включения Забайкалья в состав Дальневосточного края,

развития комбинированных железнодорожно-водных и морских перевозок возможны развитие экспортного потенциала края и борьба за маньчжурский экспорт.

Кстати, в начале 80-х гг. XIX в., когда в правительстве шло обсуждение вопроса о создании Приамурского генерал-губернаторства, тоже дискутировался вопрос о включении Забайкальской губернии в новую административно-территориальную единицу. Основным доводом в пользу включения Забайкалья в состав Приамурского края тогда являлся военно-стратегический фактор — возможность в случае военных действий использовать военные и материальные ресурсы области. И эту миссию тогда она вполне выполнила. Из состава окрепшего Приамурского края Забайкальская губерния была выведена в 1906 г. Однако в годы Гражданской войны и интервенции Забайкалье снова было втянуто в дальневосточные проблемы. Но об этих политических моментах в докладе упоминалось лишь вскользь. Целесообразность включения Забайкальской губернии в состав Дальневосточного края доказывалась географическими и экономическими аргументами. Представления Дальревкома о понимании народно-хозяйственной сущности Дальнего Востока, его экономических перспектив разошлись с общей пессимистической оценкой Госплана. «Общая пессимистическая оценка дальневосточных хозяйственных проблем основана на коренных недоразумениях и на недостаточном осознании той сложной хозяйственной и политической обстановки, которая создается на Дальнем Востоке»³, — считал Дальревком.

В противоположность госплановской достаточно пассивной хозяйственной политике Дальревком выдвинул и обосновал свою активную политику. Ядром ее являлось следующее принципиальное положение: в Дальневосточном крае «должна проводиться интенсивная, энергичная, активная политика развертывания производительных сил края, сочетаемая с большим планом колонизации и планом капитального строительства. Только в этом залог нашего дальнейшего обладания Дальневосточным краем СССР»⁴.

У руководителей Дальревкома никаких колебаний и сомнений в отношении этих перспектив Дальнего Востока не существовало.

Активная дальневосточная политика должна была учитывать весь комплекс международных проблем, особенно скрещивание в Маньчжурии интересов СССР, Японии и США. Предвиделось, что «Маньчжурия может быть и вероятнее всего будет плацдармом громадных военных операций на пути разрешения Тихоокеанской проблемы во всей ее полноте и сложности»⁵. Поэтому по линии хозяйственного, колониционного и политического строительства главный фронт края, Приморья и Приамурья будет вплотную соприкасаться прежде всего с Маньчжурией. При этом Камчатка и Сахалин будут иметь важное, но фланговое значение.

Хозяйственная проблема Дальневосточного края в постановке Дальревкома в противовес Госплану включала несколько важнейших отправных положений. Из них концептуальное значение имело следующее положение: «Дальневосточный край в составе территории, заключающей Забайкалье, является аванпостом СССР на берегах Тихого океана»⁶. Учитывая, что Тихий океан приобретает все большее значение в мировом хозяйстве, задача СССР состоит в укреплении Дальневосточного края как мощного хозяйственного и политического аванпоста Союза. Другими отправными положениями решения хозяйственной проблемы Дальневосточного края были: преобладающее перспективное значение промышленности по сравнению с сельским хозяйством, тесное хозяйственное и политическое взаимодействие края с сопредельными Китаем (Маньчжурией), Монголией и Японией, осуществление общесоюзной политики во внешней торговле на рынках Дальнего Востока. Подчеркивались экономическое тяготение Дальневосточного края к тихоокеанскому побережью, необходимость более действенного освоения и закрепления окраинных и малонаселенных краевых пространств, учета крупной роли «желтого труда», китайской торговли

и противостояния контрабанде, взаимодействия в области транспортного хозяйства с КВЖД. Итоговым положением закрепления владения Дальним Востоком СССР, как подчеркивалось в докладе, являлось осуществление большого плана колонизации и плана капитального строительства.

В докладе Дальревкома содержались основные «измерители», т. е. показатели, индексы народного хозяйства Дальневосточного края, которые начинались с территории — 2495,4 тыс. кв. верст и численности населения по переписи 1923 г. — 1625,8 тыс. человек, в том числе — 1194,8 тыс. человек — сельское и 431,0 тыс. человек — городское население. По материалам Всесоюзной переписи 1926 г., количество населения в Дальневосточном крае исчислялось в 1818 тыс. чел., т. е. почти на 200 тыс. больше. К числу потенциальных ресурсов были отнесены запасы древесины, ископаемых углей, нефти, гидравлической энергии, запасы железа, золота, серебра, свинцовых руд, запасы редких ископаемых — вольфрама, молибдена, висмута, радиоактивных руд, самоцветных камней и т. д.

Вопреки пессимистической точке зрения Госплана о бесперспективности Дальневосточного края для СССР, по крайней мере, на ближайшие годы, Гамарник и его команда в сравнительно короткий срок всесторонне обосновали важное место советского Дальнего Востока в экономической, политической, внешнеполитической, военной, международной жизни Советского Союза. Они на десятилетия вперед определили перспективы развития Дальневосточного края как аванпоста СССР на Тихом океане.

Профессионализм региональных руководителей и специалистов проявился в первую очередь в том, что перспективы развития Дальневосточного края разрабатывались в контексте развития сопредельных стран — Китая и Японии, их внешней политики и экономических планов.

Амбициозные планы экономического развития советского Дальнего Востока учитывали богатейшие запасы природных и минеральных ресурсов, транспортную инфраструктуру, опирались на накопленный научный потен-

циал, состоявший из сохранившихся в крае кадров ученых, а также из результатов исследований российского Дальнего Востока, которые довольно активно велись в дореволюционный период.

На последнем положении следует остановиться особо, т. к. интенсивные исследования Дальнего Востока в начале XX в. во многом стали исходными для дальневосточных экономистов. В них они обнаружили провидческие идеи о будущем Приамурья и Приморья. Пожалуй, самые масштабные исследования Приамурского края были проведены финансируемой правительством Амурской экспедицией в 1910—1911 гг. под руководством Н.Л. Гондатти⁷. Перед экспедицией была поставлена задача всесторонне исследовать местность, прилегающую к линии постройки Амурской железной дороги, в особенности естественных богатств и пригодности заселения, а также составить предложения о развитии здесь промышленно-экономической жизни. В состав экспедиции вошло около 100 специалистов, ученых и практиков, работавших по следующим направлениям: почвенно-ботаническому, агрономическому, статистическому, гидротехническому, лесному, дорожному и геологическому.

С самого начала работы экспедиции стало ясно, что такие общие колонизационные проблемы, как содействие торгово-промышленному и культурному развитию края, борьба с наплывом мигрантов соседних стран и с экономической зависимостью от иностранной торговли и промышленности, не могут изучаться только в отношении территории Амурской магистрали. Поэтому под руководством Н.Л. Гондатти была выработана особая программа по изучению различных отраслей колонизационного дела в Забайкальской, Амурской и Приморской областях, а также северной Маньчжурии.

Несмотря на всевозможные трудности, Амурская экспедиция осуществила крупномасштабное и всестороннее обследование огромного региона. Труды экспедиции, изданные в Петербурге более чем в 30 томах с картами, схе-

мами, диаграммами, содержали богатые материалы по всем вопросам колонизации края и представляли собой ценный вклад в изучение российского Дальнего Востока. В общем отчете экспедиции ее руководитель Н. Л. Гондатти отметил ряд существенных недостатков, присущих колонизационной политике правительства. Это — ее односторонность, ориентированность исключительно на военную защиту края и переселение исключительно крестьян-землепашцев, нерешенность ряда вопросов, в особенности, перспектив района Николаевска, Владивостока и др.

Неопределенность во внутренней политике осложнялась колебаниями и неустойчивостью внешнеполитического поведения правительства по отношению к восточным соседям — Японии и Китаю.

Предложения, направленные на превращение дальневосточной окраины в развитый край, надежный оплот России на тихоокеанском побережье, в основном сводились к следующим положениям:

- создать законодательное, организационное и финансовое обеспечение переселенческого дела, правильного использования земель края;

- наряду с переселением крестьянства организовать переселение в край рабочих для промышленного развития окраины;

- на основе материалов экспедиции разработать «колонизационный план», который бы придал освоению дальневосточного края планомерный, устойчивый, комплексный характер, не зависящий от личного состава центральной и местной власти.

Есть полное основание считать, что Гамарник, Целищев и другие руководители ДВО ознакомились с материалами исследований Амурской экспедиции, о чем имеется в докладе прямая ссылка на экспедицию Гондатти⁸. Главное же заключалось в том, что идеи и предложения Амурской экспедиции через 15 лет оказались востребованными региональной властью, тем не менее позиционировавшей свою противоположность власти, существовавшей до 1917 г. в России.

В цепи больших вопросов развития производительных сил края Дальревком с начала 1925 г. поставил во весь рост колонизационную проблему. Наряду с перспективным 10-летним планом был разработан и оперативный на 1925/26 гг. план колонизации, который и стал первым годом советской колонизации края.

В сентябрьском номере 1925 г. журнала «Экономическая жизнь Дальнего Востока» была опубликована статья Я.Б. Гамарника «Советская колонизация ДВО». Несмотря на ее четко выраженный идеологизированный характер, автор в целом правильно выделил такие особенности «царской колонизации», как ее прерывистость, связанная с военным положением России в отношении сопредельных стран и внутривнутриполитическим положением, и ее военно-стратегический характер. Автор однозначно подчеркнул, что колонизация не обеспечивала интересы переселенцев, что «вся работа была насквозь пропитана сугубо чиновным духом и полицейским держимордством»⁹, а промышленная колонизация была незначительной. При этом Гамарник не упомянул о тех льготах, которые были предоставлены в начале XX в. переселенцам, об усилиях местной власти, направленных на создание необходимых условий для новоселов, и о том, что в 1916 г. на российском Дальнем Востоке уже проживало около миллиона человек.

Справедливо утверждалось, что советская колонизация Дальневосточного края представляет собою как для всего СССР, так и для края огромную народно-хозяйственную задачу. Решим ее — превратим Дальний Восток «в богатый и цветущий» край и поможем снять всесоюзную проблему — аграрного перенаселения деревни в центральных районах страны.

Поставив так вопрос: промышленная или сельскохозяйственная колонизация, Гамарник писал, что он решен Дальэконом, которое определило в плане на десять лет переселение 300 тыс. душ по линии сельского хозяйства и примерно 100 тыс. душ по линии промышленности. Обосновывая такую структуру переселенцев, автор сослался на большой

дефицит в крае сельскохозяйственной продукции и на главный источник переселенцев, состоявший преимущественно из населения аграрных районов страны. Что касается темпа колонизации, то он «будет определяться темпом роста экономики края, всего Советского Союза и суммами, отпускаемыми государством на дело колонизации»¹⁰. Ориентировочно на десять лет край просил у государства на хозяйственное восстановление, капитальное строительство, колонизацию около 300 млн руб., в среднем ежегодно 30 млн руб. «Капиталы, вложенные центром в ДВК, сторицей окупятся. Эти суммы надо рассматривать как заем краю на выгодных для государства и края основаниях»¹¹.

Одновременно с планом колонизации Дальревком разработал и план капитального строительства Дальневосточного края на десятилетие 1925—1935 гг.

Для действенного противопоставления мощному хозяйству и промышленности Северной Маньчжурии с ее народонаселением, возросшим за последние 25 лет с двух миллионов до 13-ти миллионов, и с развивающейся сельскохозяйственной продукцией (свыше 130 млн пудов экспорта) — требует создания на Дальнем Востоке СССР территориального единого и мощного образования, определяемого естественным стратегическим рубежом в виде озера Байкал¹².

Общие задачи построения экономики Дальневосточного края планировались исходя из планомерной и гармоничной увязки промышленности и сельского хозяйства. Обширные территории неосвоенных сельскохозяйственных и золотопромышленных пространств края, исключительное богатство и разнообразие пушного промысла, лесопромышленности и особенно рыбопромышленности требуют увязки местной промышленности с сельским хозяйством, использование гидравлических и тепловых энергетических ресурсов, — все это создает благоприятные условия для преобладания в крае промышленности.

При этом подчеркивалось, что основным фактором экономики Дальневосточного края является взаимодей-

ствие с сопредельными рынками Монголии, Маньчжурии и Японии. Будучи реалистами, авторы плана считали: значительное применение «желтого труда» и развитие китайской торговли, что было характерно для довоенной экономики края, сохраняют достаточно актуальное значение для экономики Дальневосточного края.

Учитывая, что развитие контрабандной торговли по всей границе Дальневосточного края с Северной Маньчжурией и Монголией наносит существенный ущерб экономике страны, предусматривалось единство административных и экономических мероприятий противодействия ей.

План капитального строительства Дальневосточного края на десятилетие 1925—1935 гг. предусматривал вложения в край 256 млн рублей, из них: 48,4 млн руб. (около 20%) — на работы по переоборудованию и развитию промышленности и 54,4 млн руб. (свыше 21%) — на мероприятия по сельскому хозяйству и колонизации. Другими словами, на промышленность и сельское хозяйство края приходилось около 40% всех капиталовложений, а 60% (164 млн руб.) планировалось потратить на развитие в крае транспортной инфраструктуры. Она включала достройку Амурской железной дороги (постройка вторых путей, новых веток, новых изысканий и пр.), прокладку грунтовых и шоссейных дорог, строительство портов — всего 132 млн руб. Остальные средства предусматривалось израсходовать на подсобные сооружения железной дороги, на приобретение судов морского торгового флота и на работы по водному транспорту. Подобное распределение ресурсов в плане капитального строительства в тех условиях следует признать вполне целесообразным. Создание транспортной инфраструктуры являлось залогом экономического развития дальневосточной территории, решения ее военно-стратегических задач, хотя последнее положение и не подчеркивалось.

Таким образом, в 1925 г. Дальревкомом были разработаны варианты двух перспективных десятилетних планов — колонизации и капитального строительства, которые учи-

тивали геополитическое положение края и его огромные потенциальные возможности. При этом интересы Дальневосточного края и СССР в целом сходились в формуле: «Дальневосточный край является аванпостом СССР на берегах Тихого океана».

Детальная проработка перспективного плана Дальневосточного края была связана с деятельностью нового выборного органа региональной власти — Далькрайисполкома (март 1926 г.).

На состоявшейся во второй половине ноября 1925 г. 7-й краевой партийной конференции Я.Б. Гамарник выступил с докладом об экономическом строительстве Дальневосточного края. Докладчик заявил, что «организационный этап 3-летия Советской власти закончен, и мы вступили в полосу планово-перспективной работы». Поэтому необходимо наметить основные вехи перспектив краевой экономики, дать контуры целевой установки для развития Дальневосточного края. Я.Б. Гамарник сообщил о возникших разногласиях Дальревкома с Госпланом СССР по вопросу о путях развития дальневосточной экономики и роли ее в общей экономической системе Советского Союза. Доклад он закончил призывом: «Край надо изучить, устроить, заселить, использовать его естественные богатства на пользу людям и стране».

«Будущее края — в промышленности, и это должно определить нашу линию в строительстве края...», — записала конференция в своем решении. Вместе с тем она считала необходимым дальнейшее развитие сельского хозяйства, повышение материального и культурного уровня трудящихся. На конференции впервые вместо назначаемого Центральным комитетом Дальневосточного бюро был избран Дальневосточный краевой комитет партии, в состав которого избрали и Я.Б. Гамарника. Секретарем Далькрайкома стал Н.А. Кубяк — признанный, опытный руководитель дальневосточных коммунистов. Конференция избрала делегатов (11 — с решающим и 2 — с совещательным голосами) на XIV съезд партии, который состоялся во второй

половине декабря 1925 г. в Москве. Для Я.Б. Гамарника это было второе участие в работе высшего органа Коммунистической партии — съезда.

По традиции, заложенной Кратким курсом истории ВКП(б), XIV съезд в советской историографии считался съездом социалистической индустриализации, хотя о ней в документах съезда речь шла в самой общей и лаконичной форме. Но принципиальное положение об экономической самостоятельности СССР, которая могла быть достигнута путем «развития производства средств производства», содержалось в документах съезда. Главным же на съезде стала борьба с так называемой «новой оппозицией», во главе которой стоял тогдашний секретарь Ленинградской партийной организации, видный деятель партии — Г. Зиновьев. Оппозиция (Зиновьев, Каменев, Сокольников и др.) выступила против сталинского курса на построение социализма в отдельно взятой стране — СССР, главное же — против личности Сталина. Цель их выступления — смещение с поста генсека, поскольку «он не может выполнить роль объединителя большевистского штаба». Однако съезд поддержал сталинское большинство, в результате оно укрепило свои позиции руководящего партийного ядра.

На XIV съезде Я.Б. Гамарника избрали кандидатом в члены Центрального комитета ВКП(б). Можно сказать, что тем самым он был включен в высшую номенклатурную орбиту Коммунистической партии.

В начале января 1926 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял декрет «Об образовании и районировании Дальневосточного края», основу которого составил план Дальревкома. В составе Дальневосточного края фактически осталась та же территория, что и входила в Дальневосточную область. В административном отношении она делилась на девять округов, включавших 75 районов, с центром в г. Хабаровске¹³. Губернии, уезды и волости упразднились. Вводилась окружная и районная система административного устройства, что способствовало приближению советского аппарата к широким трудящимся крестьянским массам, а

также уменьшало расходы на содержание аппарата. В январе были сформированы районные и губернские исполкомы советов.

Переход от Дальревкома к Далькрайисполкому должен был осуществить первый краевой съезд Советов. Готовясь к нему, администрация под руководством Гамарника издала в виде объемной книги отчет Дальревкома «3 года советского строительства в Дальневосточном крае». Как подчеркнула редакция, сборник не являлся ведомственным отчетом в буквальном смысле слова, но был построен на ведомственном материале в форме статей. Редакция так определила цель издания: подытожить практический опыт советского хозяйственного строительства за период с 15 ноября 1922 г. по 1925 г. включительно, т. е. когда руководство и управление Дальневосточной областью лежало на Дальревкоме. «Три года — небольшой промежуток времени для жизни края. Но об этих годах можно, не преувеличивая, сказать: мало прожить, много пережить». Авторами статей стали более 30 чел., в том числе Крылов, Лобов, Мамонов, Кацва, Андрианов, Фельдман. Первую статью «Итоги и задачи» написал Гамарник. «К съезду советов, — говорилось в ней, — над всем краем, из конца в конец реет красное знамя Советов, и край в мирной, трудовой обстановке разворачивает свои производительные силы. А развернуть есть что — естественные богатства края огромны. А развернуть мощно есть кому — рабочие и крестьяне края страшно хотят, напрягая все свои силы, край казарм и каторги превратить в хозяйственный, мощный, политически крепкий советский аванпост на Дальнем Востоке»¹⁴. Книга была снабжена таблицами, графиками, диаграммами, фотографиями, которые сегодня воспринимаются раритетами.

Первый краевой съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов Дальнего Востока открылся в середине марта 1926 г. в Хабаровске. С отчетным докладом Дальревкома о советском строительстве в крае с момента перехода власти от ДВР к Советам выступил последний его председатель Я. Б. Гамарник. Он сказал: «Пере-

Делегаты I-го краевого съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов Дальнего Востока. 1926 г.

до мной стоит чрезвычайно большая, сложная, трудная и ответственная задача: отчитаться ...за всю советскую работу истекших трех лет, за все советское строительство в Дальневосточном крае»¹⁵. С этой задачей докладчик успешно справился, представив депутатам убедительную картину огромных преобразований, проведенных на Дальнем Востоке за три года существования здесь Советской власти.

Характеризуя общие итоги хозяйственной работы по таким элементам, как производство, товарная масса и бюджет, докладчик сказал, что рост налицо, но уровень 1913 г. не достигнут. И если производство в 1926 г. подходило к довоенной черте, то по другим элементам «до довоенной черты далеко».

При общем росте сельского хозяйства оно не удовлетворяло даже минимальные хозяйственные нужды края. Площадь посевов была равна половине процента всей площади Дальневосточного края. При хлебофуражном дефиците в край ежегодно ввозилось до 7 млн пудов хлебофуражных продуктов.

В области промышленности тоже не был достигнут довоенный уровень, но есть движение вперед в области «организации форм и существа работы». Произошло оформление основных отраслей промышленности: создан трест «Дальлес», объединивший государственную лесную промышленность, трест «Дальзолото», объединивший золотопромышленность. Рыбное хозяйство объединили два органа: Акционерное общество ОКАРО и Госрыбтрест. Угольное хозяйство Приморья объединила организация «Примуголь». Вновь начали работать фанерный завод во Владивостоке, спичечная государственная фабрика в Благовещенске. Накануне пуска находился Спасский цементный завод, до этого бывший в консервации. К числу достижений Я.Б. Гамарник отнес активность внешнеторгового баланса, т. е. превышение вывоза над ввозом. В 1923/24 г. вывезли продуктов и товаров из края на 9 млн рублей больше, чем ввезено. Это лес, рыба, пушнина. Была поставлена задача вместо импорта пшеницы и других припасов ввозить то, что необходимо для развития наших заводов и фабрик.

Митинг по случаю восстановления Амурского моста

Во внешнеторговом обороте нерешенной проблемой оставалась контрабанда — традиционное явление на Дальнем Востоке, которое подрывало монополию внешней торговли и приносило значительный ущерб, исчислявшийся в 20 млн рублей ежегодно. «Если мы учтем эти цифры, — подчеркнул докладчик, — то получается, что в значительной степени идут насмарку все достижения во внешней торговле»¹⁶.

Приведя факт, что делегаты с Сахалина ехали до Хабаровска более 20 суток, Я.Б. Гамарник говорил об особом значении для края железнодорожного сообщения, которое в годы войны сильно пострадало, о мучениях в течение двух лет с восстановлением Амурского моста, об увеличении грузооборота Уссурийской железной дороги за счет перевозок из Маньчжурии, об огромном экономическом значении Владивостокского порта, об износе торгового флота и т. д.

Докладчик с нескрываемой гордостью сообщил съезду о том, что в мае в Хабаровск прибудет заказанная в Америке

радиостанция, которая даст возможность передавать по радиотелефону речи, статьи из газет, важные сообщения для самых отдаленных от центра районов в радиусе полторы тысячи верст. Кстати, делегатам съезда и всем горожанам была продемонстрирована сила радио. В день открытия съезда его заседание транслировалось громкоговорителями, впервые установленными у здания Дворца труда и на улице Карла Маркса.

Положительные сдвиги произошли и в финансовой сфере. Дальревкому «достаточно гибко, без каких-либо осложнений для народного хозяйства края удалось вытеснить иностранную валюту, на долю которой приходилась 1/3 денежного обращения. Вместо девяти банковских отделений, которые были в 1923 г., имелось 33 отделения в 1925 г. К тому же в банковском обороте почти 96% теперь приходилось на советские капиталы¹⁷.

Перед отчетом председателя Дальревкома на съезде выступил посланец ВЦИК, председатель Комитета содействия народностям северных окраин П.Г. Смидович. Он представил доклад Советского правительства первому краевому съезду Советов, в котором наряду с другими вопросами был затронут вопрос о привлечении в народное хозяйство частного и иностранного капитала через концессии. Оттолкнувшись от этого положения, Я.Б. Гамарник сообщил, что поступили заявления с просьбой о предоставлении 68 концессий. «Все заявления просматриваются, тщательно изучаются, и мы сдаем концессии на условиях, которые приносят пользу и Дальневосточному краю, и республике в целом». Всего сдано 11 концессий.

Я.Б. Гамарник рассказал о содержании разработанных планов капитального строительства и колонизации на десять лет. «План этот, конечно, перспективный, требует дополнительной разработки, проверки и изучения из года в год. Но общий план составлен нами для того, чтобы не вслепую идти вперед»¹⁸. Цена этого плана — 256,9 млн руб. По словам Я.Б. Гамарника, Президиум ВЦИКа по его докладу записал первым пунктом постановления, что он счи-

тает первоочередной задачей развитие производительных сил Дальнего Востока, его заселение. «Важно, чтобы и наш съезд, — подчеркнул докладчик, — в своей резолюции подтвердил это положение».

Значительное место в докладе было уделено культурному строительству, в особенности — народному образованию, а также здравоохранению и др. Заканчивая доклад, Я.Б. Гамарник выразил твердую веру в то, что «мы и дальше будем идти рука об руку все вместе сверху донизу, от сельсовета до крайисполкома, и двигать вперед строительство нашей дальневосточной окраины. Мы будем наш край развивать, будем развивать его производительные силы и будем это делать в тесном союзе рабочих и крестьян и с активной помощью нашей трудовой интеллигенции».

Придавая особое значение развитию народного образования на Дальнем Востоке, на съезде на эту тему представили доклад, в котором констатировались сдвиги в ликвидации неграмотности и росте учащихся в школе. Съезд выдвинул целую программу развития народного образования, связывая ее с планом колонизации и капитального строительства.

На съезде произошла любопытная беседа Я.Б. Гамарника с делегатами-крестьянами, среди которых начались разговоры о том, что «наши денежки идут не туда, куда бы следовало». Так они реагировали на украшение города лозунгами, возведение арки на улице Карла Маркса. Эти разговоры дошли до президиума съезда, решено было созвать неофициальное совещание делегатов-крестьян. Открыл совещание П.Г. Смидович, который сказал: «Что ж, давайте потолкуем по этому вопросу. Пусть товарищ Гамарник, как председатель ревкома, объяснит нам, а мы посмотрим что к чему». Ян Борисович повел разговор в форме беседы. Обращаясь к крестьянам, он задавал вопросы, на которые сразу получал ответы.

- К празднику забиваете кабана?
- Забиваем, а как же можно иначе.
- К празднику украшаете избу, моете, чистите?

— Конечно.

— К празднику ставите на стол все лучшее, что запасли, зовете гостей и съедаете то, что целый год берегли?

— Не без этого. Как все, так и мы, это же праздник!

— А съезд Советов — праздник или не праздник для народа?

— А кто же против? Конечно, праздник!

— Ну а если праздник народа, так почему же не украсить город, в котором этот праздник происходит? Разве делегаты не самые лучшие и желанные гости этого города?

— Ну что там! Кто-то сказал, не подумавши. Разве мы не понимаем?

Смидович очень серьезно спросил:

— Ну как обсудим разъяснение товарища Гамарника?

— Не надо, не надо, все ясно! Чего там обсуждать¹⁹.

Я.Б. Гамарник никогда не боялся беседовать с людьми о самых острых вопросах, он умел разговаривать с людьми труда, и они ему отвечали полным доверием.

В резолюции по отчетному докладу Я.Б. Гамарника краевой съезд Советов целиком и полностью одобрил деятельность Дальревкома. В ней говорилось, что под правильным и организующим руководством Дальревкома проходила планомерная советизация края, создан в целом работоспособный аппарат, связанный с рабочими и крестьянскими массами. В крае сложилась обстановка, гарантировавшая мирный, спокойный труд, ликвидирован бандитизм.

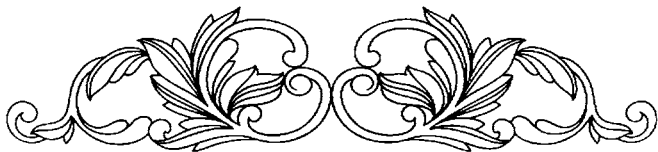
Отмечалось, что в промышленности и торговле значительно выросли государственный и кооперативный сектора, в финансовой сфере введено общесоветское денежное обращение. Особо были подчеркнуты успехи в общеплановой работе, в разработке планов капитального строительства и колонизации края. Выделена большая работа по обеспечению прав наравне с другими трудящимися — нацменов и туземцев, по привлечению их к активному участию в советском строительстве. Были отмечены успехи в народном образовании и здравоохранении, в улучшении материального положения рабоче-крестьянских масс в крае.

Среди других достижений называлось твердое проведение принципов революционной законности, значительное укрепление рядов войск Красной армии, улучшение их бытового положения, а также проведение реформы районирования²⁰.

В постановляющей части резолюции особо был выделен тезис о проведении в ДВК линии на освобождение всех отраслей хозяйства от какой бы то ни было зависимости от других стран, на большую смычку экономики края со всей экономикой Советского Союза. Определили первоочередные задачи: изучение, заселение края, строительство путей сообщений²¹.

В соответствии с Конституцией РСФСР был избран Дальневосточный краевой исполнительный комитет Советов (ДКИК) в составе 75 человек. Съезд выразил убеждение, что избранный краевой исполнительный комитет выполнит все директивы съезда, укрепит Советскую власть и значительно двинет вперед экономическое и культурное строительство.

На первом пленуме Дальневосточного краевого исполкома Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (ДКИК) 23 марта 1926 г. был избран президиум этого высшего краевого органа советской власти. В его состав вошло 11 чел., в том числе Я.Б. Гамарник — председатель Далькрайисполкома, Н.А. Кубяк — секретарь Далькрайкома ВКП(б), М.А. Брискин — председатель Далькрайкома ВЦСПС, М.И. Целишев — руководитель Дальплана, Н.Ф. Стариков — председатель Дальневосточного совета народного хозяйства, П.Т. Мамонов — руководитель Дальземуправления, Ф.Д. Медведь — полномочный представитель ОГПУ и др. Таким образом, высший руководящий орган Дальневосточного края был сформирован путем выборов. Дальневосточный край (ДВК) включил девять округов (Читинский, Сретенский, Зейско-Алданский, Амурский, Хабаровский, Владивостокский, Николаевский-на-Амуре, Сахалинский и Камчатский), состоявших из 75 районов.

Туземный съезд ДВО

Председателю Дальревкома Я.Б. Гамарнику пришлось довольно основательно вникать в совершенно новую, неизвестную ему проблему — привлечение проживавших в Дальневосточной области коренных малочисленных народов, которых тогда называли «туземцами», к строительству новой жизни.

Еще в начале XX в. такие исследователи, как И.А. Лопатин, В.К. Арсеньев, били тревогу по поводу вымирания, как тогда было принято говорить, инородческого населения Дальнего Востока. Понимая значение для него рыболовства и охоты, местная власть в лице генерал-губернаторов вводила рыбоохранные и лесоохранные меры, которые, несмотря на половинчатый и временный характер, в какой-то степени охраняли среду бытования аборигенов.

В течение почти восьми военных лет инородческое население Северо-Востока, Приамурья и Приморья являлось объектом хищнической эксплуатации со стороны японских, американских и маньчжурских предпринимателей, которые безнаказанно грабили природные богатства тайги, рек и морей. В то же время контрабандный ввоз спиртоводочной продукции достиг необычайно высоких размеров. В результате в природе и в аборигенных сообществах были серьезно подорваны естественные процессы воспроизводства. В середине 1920-х гг. они проявились в заметном уменьшении лососевых рыб в Амурском бассейне, в упад-

ке охотничьего и оленеводческого промыслов, составлявших основу существования коренных народов Дальнего Востока. За военные годы по их хрупким сообществам, во многом зависевшим от природной среды, был нанесен удар большой силы, приведший к обнищанию и одичанию коренного населения, к отказу от жизненных традиций и в конечном счете к вымиранию. Новая власть должна была дать ответ на этот вызов. Согласно Всесоюзной переписи (1926 г.), общая численность коренных народов на российском Дальнем Востоке была 39 088 человек, что составляло около 2% от общей численности населения региона¹. Это были чукчи, эскимосы, коряки, айны, орочи, гольды (нанайцы), гиляки (нивхи) и другие малочисленные народы, часть которых вела кочевой или полукочевой образ жизни. Наибольшая по численности народность — чукчи — 11 040 человек, самая малая — юкагиры — 45 человек². В качестве первоначальной задачи Дальревком выдвинул политическую социализацию коренных народов. В Дальревкоме существовал туземный подотдел, который разработал Временное положение об управлении туземными племенами, проживающими на территории Дальневосточной области. Положением устанавливалась структура родовых органов управления — от общего родового собрания до районного родового съезда и исполнительного комитета. Решения принимались путем открытого голосования простым большинством. Поскольку коренные жители не знали грамоты, все дела велись устно. Родовые органы самоуправления, согласно Положению, работали под контролем специальных уполномоченных, назначавшихся Дальревкомом в каждый район и наделенных значительными полномочиями. Помимо обеспечения работы родовых структур в задачу уполномоченного входила защита коренного населения от эксплуатации со стороны русских и иностранных предпринимателей.

В районах компактного проживания коренных народов Приморья, Приамурья и Забайкалья были учреждены туземные подрайоны. Всего их было организовано 15: три — в

Амурской губернии, одиннадцать — в Приморской губернии (шесть — в Хабаровском районе и пять — в Николаевском районе) и один — в Забайкальской губернии. Несмотря на огромный кадровый голод, в туземные подрайоны удалось направить уполномоченных.

Совершенно неожиданно Дальревком столкнулся с новой проблемой. Во взаимоотношениях родовых самоуправленческих структур и созданных на местах органов советской власти возникали противоречия и инциденты, которые отягчались неумелыми действиями руководителей местных советских органов.

Так, партийные и советские власти Охотского уезда (Камчатская область) обложили тунгусское население налогами, вдвое превышавшими обложения царского времени, запретили частную розничную торговлю и традиционные ежегодные ярмарки, незаконно взыскали часть старых долгов по хлебозапасным магазинам. В результате тунгусские племена оказались на грани голода. Последней каплей, переполнившей чашу терпения, стали преследования отрядами красноармейцев и ОГПУ участников так называемого антисоветского движения на охотской земле.

В июне 1924 г. в Нелькане состоялся съезд аяно-нельканских, охотских, аркинских и маймаканских тунгусов, который принял решение отделиться от РСФСР в самостоятельное государство и избрал свое Временное Тунгусское национальное управление, состоявшее исключительно из тунгусов³. Попытка подавления тунгусского неповиновения привела к кровопролитию. Состоявшийся в январе 1925 г. второй съезд представителей тунгусских родов Охотоморья подтвердил требование отделения и отстранения от власти коммунистов. Тогда по указанию ЦК РКП(б) была сформирована специальная комиссия, призванная разрешить инцидент политическими методами. В результате переговоров с представителями тунгусских родов, амнистии участников «восстания», обновления состава партийных и советских органов уезда и введения в их состав авторитетных тунгусов удалось стабилизировать обстановку в Охотском уезде. В августе 1925 г.

Временное Тунгусское национальное управление и штаб тунгусских повстанческих отрядов самоликвидировались⁴.

Уроки «тунгусского восстания» подтолкнули партийно-политическое руководство в центре и на Дальнем Востоке к более внимательному отношению к проблемам коренных народов.

С 1924 г. при ВЦИК СССР существовал Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), которым руководил П.Г. Смидович. Комитет призван был помочь местным органам власти в организации работы среди туземных народов Севера и Дальнего Востока. Согласно постановлению ВЦИК от 23 февраля 1925 г., при президиуме Дальревкома был создан Комитет содействия народам северных окраин, который возглавил председатель Дальревкома Я.Б. Гамарник, что являлось свидетельством значимости работы среди коренного населения.

Комитет должен был осуществлять надзорно-экспертные функции за деятельностью предприятий и учреждений на территориях традиционного проживания туземных народов, изучать места обитания и вести учет коренного населения, анализировать динамику развития его хозяйственной деятельности, заниматься снабжением продуктами и товарами, оказывать помощь коренному населению в случае голода и т. д. Комитет Севера обладал правом законодательной инициативы, его предложения становились предметами рассмотрения Дальревкома и Дальбюро ЦК партии.

Комитет и его руководитель Гамарник испытывали острый дефицит в объективной информации о численности, этнических особенностях, хозяйственном укладе аборигенных племен. Данные о дальневосточных этносах, содержащиеся в трудах дореволюционных ученых, по идеологическим соображениям и временной дистанции считались неактуальными и не были востребованы.

В этих условиях партийно-политическому руководству важно было узнать мнение непосредственно представителей коренных народов о решении их жизненных проблем, о степени их готовности участвовать в строительстве новой

жизни. Инициированное Я.Б. Гамарником решение Дальревкома о созыве съезда представителей коренных народов Дальнего Востока, поддержанное Дальбюро ЦК, в Комитете Севера при ВЦИК СССР оценили как разумное и целесообразное и поддержали тоже.

Туземный съезд работал в Хабаровске с 15 по 23 июня 1925 г. В главный город Дальнего Востока делегаты прибывали в основном по Амуру. Это были представители семи народностей — орочи, нивхи, негидальцы, ульчи, тунгусы (эвенки и эвены), нанайцы и якуты, которые представляли аборигенные народы со всех территорий их компактного расселения, за исключением Камчатки, делегаты которой не смогли добраться до Хабаровска. Делегатов было 30 человек — 27 мужчин и три женщины. От Хабаровского уезда на съезд прибыло 14 делегатов, среди них — участники партизанского движения Михаил Бельды, Богдан Ходжер, Алексей Заксор и Тимошка Самар. В качестве гостей с совещательным голосом из ближайших районов на съезд было приглашено еще 60 человек. Участниками съезда являлись уполномоченные по туземным делам В. Гайдук (Хабаровск), А. Липский (Николаевск-на-Амуре), К. Иванов (Благовещенск), С. Широков (село Зюльзя Забайкальской губернии), руководители Дальревкома и Дальбюро ЦК партии, представители общественности.

15 июня 1925 г. в восемь часов вечера огромный зал Дворца труда был переполнен, здесь царил праздничная атмосфера. В первых рядах сидели делегаты в ярких национальных костюмах. В президиуме наряду с Гамарником, Вольским, Пшенициным места заняли орочен Пономарев, тунгус Диодаров, гольд Богдан Ходжер, гольдка Екатерина Удинкан и др.

Открывая Дальневосточный съезд народностей Севера, председатель Дальревкома и дальневосточного Комитета Севера Я.Б. Гамарник сказал: «Советская власть идет на помощь туземцам со школой, больницей и кооперацией». При этом он подчеркнул, что туземцы сами будут решать вопросы своей жизни.

Под звуки оркестра Гамарник вручил делегатам ружья-берданки с коробками патронов и портреты В.И. Ленина. «Мы вручаем туземцам берданки, — говорил он, — для добывания средств пропитания, а также для борьбы против тех, кто посягает на завоевания нашей революции. Туземцы — хорошие стрелки. Мы знаем, что если на берегах Тихого океана начнется борьба против Советской власти, то туземцы будут лучшими стрелками в Красной армии»⁵. Многие делегаты свободно общались с Яном Борисовичем на товарищеском ужине, устроенном в саду на веранде. Они с удовольствием откликнулись на приглашение сфотографироваться вместе с Гамарником и другими руководителями области. Самую большую делегацию, состоявшую из гольдов (нанайцев) Хабаровского района, председатель Дальревкома принял в своем кабинете.

Перед открытием съезда было немало тех, кто рассуждал так: «Темные, некультурные, забитые дикари, приехавшие из неведомых лесных дебрей, из глухой тайги, — что они смогут сказать на съезде? Смущенные, подавленные

незнакомой, чуждой им обстановкой, они будут, вероятно, молчать, безучастно, покорно поднимая руки лишь при голосовании резолюции».

Съезд развеял эти предположения. Делегаты проявили необычную активность, умение ориентироваться в сложных вопросах действительности. Многие делегаты участвовали в прениях, говорили в большинстве по-русски, некоторые — на родном языке. Выступали толково, деловито, вносили разумные предложения. К счастью, сохранившиеся фотографии делегатов съезда позволяют убедиться в том, что это были самостоятельные, знающие себе цену, отважные охотники и рыбаки, которые быстро адаптировались в новой городской обстановке. Они с интересом ознакомились с Хабаровском, побывали в кино, музее, в военных лагерях.

Судя по изданным в 1925 г. в Хабаровске материалам съезда⁶, работа его строилась своеобразно. Каждый районный уполномоченный по туземным делам выступил с докладом, в котором характеризовались особенности района с точки зрения образа жизни туземцев, говорилось о проблемах их жизни, о появившихся новых тенденциях в быту, вносились предложения. Выступления же областных ответственных работников были посвящены какой-то одной проблеме: административному устройству, медицинскому обслуживанию, школьному образованию, оказанию помощи охотникам и оленеводам и т. д.

Одним из центральных был доклад об административном устройстве туземного населения, с которым выступил заведующий туземным подотделом Дальревкома И.Ф. Федоров. Власти царя, генералов и казаков, бравшей с угнетенных и обманутых туземцев ясак, он противопоставил советскую власть, народную власть. К числу заслуг Дальревкома он отнес освобождение туземцев ДВО от всех налогов и сборов, издание постановления, запрещающего купцам и частным лицам, торговавшим спиртными напитками, самовольный въезд в районы расселения северян. С помощью отпущенных центром 200 тыс. руб. было создано девять туземных кооперативов и 21 промысловая артель,

а также удалось ликвидировать угрозу голода в селе Карги (Хабаровский уезд). Туда доставили необходимые продукты, в первую очередь — муку. Как о достижении докладчик сказал, что создали несколько фельдшерских пунктов и открыли шесть школ в районах проживания этих народов. И.Ф. Федоров убеждал делегатов строить самим свою власть, для чего создать родовые советы, выбрать из своего рода его руководителей. Предлагалось создавать родовой совет одного кочующего племени с населением не менее 400 человек. Этот совет должен избрать своих делегатов на районный туземный съезд, который, в свою очередь, изберет комитет для решения всех дел по различным вопросам. А если он не может разрешить их, нужно обращаться к своему районному уполномоченному по туземным делам. В случае, если и он не поможет, в Хабаровске есть Дальневосточный Революционный Комитет — высший орган Советской власти в области, при нем организован комитет содействия туземцам. В этом комитете будут разрешаться наиболее серьезные вопросы: об отводе для туземцев лесных угодий, о народном образовании, здравоохранении, о кооперации. «Председателем его является тов. Гамарник, вы видели и знаете его», — подчеркнул докладчик.

В некоторых выступлениях делегатов прозвучала критика в адрес районных уполномоченных по туземным делам. Так, делегатка из Николаевского района сказала, что уполномоченный их района тов. Липский приезжал к ним один раз и только на несколько часов. «Так не должно быть: уполномоченный должен часто бывать у нас»¹.

Заявление уполномоченного по Хабаровскому району В. Гайдука о том, что «консервирование рыбы, изготовление из нее так называемой юколы якобы нерационально», вызвало несогласие делегатов, прозвучавшее в целом ряде энергичных выступлений. Так, Николай Тумали, возражая, сказал: «Мы должны соблюдать свои интересы и сказать, что нам нужно... Нам говорят, что мы должны перестать делать юколу, но нам нельзя прекращать делать юколу. Без нее нам нечем будет на охоте самим кормиться и кормить со-

бак»⁸. Его поддерживал и Михаил Актанка, который, кстати, сослался на русских охотников, они ведь с собой на охоту берут не хлеб, а сухари, потому что они легче. Вот «туземец вместо рыбы берет юколу»⁹. Канчи Бельды доказывал, что производство юколы вполне рационально. Когда туземец наловит рыбу, он ее делит. «Себе засушить, а из костяков и голов собакам корм заготовить. Из каждой рыбы две трети себе и одну треть собакам. Нельзя нам обойтись без юколы»¹⁰, — категорично закончил он свое выступление.

Говорилось и об угрожающем для туземного населения уменьшении лососевых в Амуре и его притоках. На прозвучавшее заявление о том, что северяне «много рыбы уничтожают понапрасну», член президиума съезда Палаган Аюмкан заявил: «Туземец никогда этого не делает».

Делегат с Верхнего Амура говорил, что положение туземного населения тяжелое: нет ни продуктов, ни мануфактуры. Особенно сильно не хватает муки и охотничьих боеприпасов. Были случаи, когда не с чем было идти на охоту. Из-за недостатка боеприпасов пушной промысел год от года падает. Другой делегат из Амурского района высказал тревогу о состоянии оленеводства, олени болеют чесоткой. Лечит оленей шаман, но он не умеет хорошо лечить. Надо, чтобы наших оленей лечил скотский доктор. Необходимы срочные меры помощи, а то все олени пропадут. А без оленей тунгусу жить невозможно.

Когда обсуждали вопрос об объединении в кооперативы, делегаты не высказывались против их создания, но приводили факты плохой их работы: мало завозят товаров и по высокой цене. Так, один из охотников сказал, что в их районе кооператив работает ничего себе, только припасов в нем мало.

Конечно, в своих выступлениях делегаты не обошли вниманием и такое явление, как шаманство. По этому вопросу делегаты высказывали прямо противоположные суждения. Николай Тумали был категоричен: шаманство есть обман, оно приносит много вреда, но как с ним бороться, он не знает. Варвара Чудинова заявила, что у тунгусов Кер-

Делегаты Туземного съезда. В центре Я.Б. Гамарник и И.Ф. Федоров

бинского района «почти нет шаманов», но нет и доктора. Есть только фельдшер, который вечно пьян, плохо обращается с русскими, а еще хуже с туземцами. «Туземцы еще верят шаманам, — сказал негидалец Н. Соловьев, — с этим надо считаться. Они если даже и лечатся у доктора, то очень часто, когда шаман скажет, что не надо принимать лекарство, то туземцы его выбрасывают». Актанка Кончи считала, что «на месте доктор может лечить своими лекарствами. А вот если кто из тайги долго не приходит и дома не знают, живой он или уже умер, так шаман в таком случае возьмет свой бубен и узнает, жив человек или нет, и как ему там, хорошо или плохо»¹¹.

Делегаты особо настаивали на создании школ. Михаил Актанка говорил, что в дореволюционное время в Сикачи-Алян была школа, и население узнало ее пользу. Он просил открыть школу вновь. Делегат Ульчского подрайона Н. Тумали прочитал наказ, который ему дали одноплеменники:

«Первое, что должно быть осуществлено в области текущего строительства — это организация сети туземных школ — или хотя бы серьезно поставленных школпунктов»¹². При создании школ имелось два серьезных препятствия. Во-первых, не было учителей со знанием туземного языка. Во-вторых, отсутствовала письменность. Школы можно было создавать только на русском языке. На съезде диссонансом прозвучал факт о том, что в 1912 г. на территории русской части бассейна Амура было 43 школы для туземцев, а сейчас их девять. Правда, те школы были миссионерскими, но даже они сравнительно хорошо снабжались пособиями и приборами. «Школа, советская школа туземцу — вот одна из главных задач нашей деятельности среди туземцев»¹³, — считали выступавшие.

По предложению Тимошки Самар было принято решение открыть в Кондоне кооперативный торг Охотсоюза, медицинский пункт, направив фельдшера и акушерку, учредить при нем три койки, открыть школу с интернатом, уволить бывших торговцев, запретить китайцам торговлю в стойбищах на реках Горюн и Амгунь, определить сроки охоты на соболя, белку, лисицу и хорька с 15 ноября по 15 февраля.

Заинтересованно прошло обсуждение доклада «Положение женщины при Советской власти», с которым выступила представительница отдела работниц Дальбюро ЦК партии Перевозникова. Прения начали мужчины. Михаил Актанка (гольд) между прочим сказал: «Вот вчера нам показали картину (накануне была продемонстрирована кинолента «Аборт»), и мы теперь видим, что делается у женщины, когда она беременна. Это большая для нас польза, и мы это теперь хорошо знаем. Нас надо учить»¹⁴. Другой выступавший, Николай Тумали (гольд), подчеркнул: «У нас женщинам плохо — дикое положение: отец держит у себя дочь, никуда не пускает. Только если он соглашается, она может выйти замуж. А хочет он этого только тогда, когда ему калым дали... Но еще несчастье — женщины очень часто бросают своих детей, мужа и уходят к отцу. Этого тоже

не должно быть». Гостя съезда Мария Данкан (гольдка) не вытерпела и возразила: «Не женщина виновата в том, что уходит от мужа, а причина та, что отец и братья пользуются своей властью и несколько раз продают, потом отбирают женщину, заставляя уходить. Надо запретить продавать женщину»¹⁵. Мария Удинкан добавила: «Раньше нас, женщин, продавали еще в зыбке (колыбели), меняли, как шляпу. Сейчас нас так же продают, как и прежде. Нужно запретить продавать нас, как скот»¹⁶.

Ценным признанием на съезде прозвучало выступление делегата Хабаровского района Гаврила Актанка, гольда, 65-летнего старика с белой бородой. «Женщинам у нас плохо, — сказал он. — Нехорошо женщин продавать. Нужно запретить это делать. Уже многие старики наши так думают: нужно, чтобы женщина по своему желанию замуж выходила. Только надо запретить женщинам идти к корейцам и китайцам, а сделать так, чтобы женщины только к нашим шли, у наших многих людей нет жен потому, что богатые китайцы и корейцы покупают себе жен, и нашим беднякам не остается»¹⁷.

Варвара Чудинова, тунгуска из Николаевского района, рассказала, что давно ее 17-летнюю продали за 100 руб. старику 60 лет. Она утверждала, что среди тунгусов «теперь этого почти нет: сейчас у женщины спрашивают желания. И поэтому женщине замужней легче жить стало»¹⁸.

«У туземцев существует продажа девочек, продают, как скот, — сказала Екатерина Удинкан, делегатка Хабаровского района, гольдка. — Так не надо делать, нужно прекратить этот обычай. Судьба женщины еще до сих пор прежняя — отец по нескольку раз то продает свою дочь, то отбирает и вновь продает. Нужно установить порядок, как и у русских, чтобы женщины выходили замуж по своему согласию и без продажи их, чтобы девочки не выдавались замуж до тех пор, пока не вырастут»¹⁹.

В принятой съездом резолюции были учтены пожелания и предложения делегатов. В ней говорилось: «Считать недопустимым продавать и покупать жен и дочерей, ибо они

являются равноправными гражданами Советской России; всех, кто будет продавать или покупать жен, — привлекать к советскому суду... Необходимо организовать медицинскую помощь женщинам на время родов, для чего открыть специальные медпункты для рожениц... Организовать выдачу специального пособия на кормление ребенка и давать советы по уходу за ним»²⁰.

По жизненно важным социально-экономическим проблемам съезд принял четыре резолюции: «Об оленеводстве», «Об охране рыбных богатств», «Об охотничьем промысле и охране лесов» и «Кооперирование туземного населения ДВО».

Признавая катастрофическое положение в оленеводстве, которое гибло главным образом вследствие различных болезней, съезд решил организовать в туземных районах постоянные ветеринарно-врачебные пункты. Следует заметить, что ветеринарный врач в то время был большой редкостью в области. Поэтому создавать в туземных районах постоянные ветеринарные пункты скорее было пожеланием, чем возможностью. Хотя проблема поставлена, и ее надо было решать.

Съезд констатировал: с каждым годом уменьшаются запасы лососевых (кеты и горбуши) в реке Амур и ее притоках. С принятыми ранее мерами — нормирование лова, запрет его на нерестилищах — делегаты согласились и оценили их целесообразными. Хотя на 1925 г. государство не нормировало лов лососевых для туземного населения, тем не менее съезд высказался за бережное отношение к вылову и расходованию рыбы. Он рекомендовал перейти к промыслу частичковых рыб как для личного продовольствия, но главным образом для корма собак.

Считая состояние охотничьего промысла, имевшего исключительно крупное значение для туземного населения, «угрожающим существованию самого промысла», съезд постановил оказать «земельным органам всемерное содействие в проведении в жизнь законов об охоте и мероприятий, направленных к сохранению пушного зверя и дичи»²¹.

Особо говорилось о необходимости привлечения к этому туземного населения. В резолюцию съезда был включен следующий пункт: «Просить земельные органы помочь туземцам в организации зверовых питомников». Идея о создании зверовых питомников, конечно же, была рациональной. Но механизм ее реализации в тех условиях мог быть другим — создание государственных питомников, которым туземное население могло оказать помощь.

Единственным путем решения всех социально-экономических проблем туземного населения съезд считал его кооперирование, подчеркнув, что районные кооперативные союзы «уделяли слишком мало внимания вопросу организации туземной кооперации».

Также были приняты резолюции о работе среди молодежи, о судоустройстве туземных племен ДВО, о медпомощи, о школьно-просветительской работе среди туземного населения и др.²² Показательно, что помимо резолюций съезд принял решения по докладам с мест, разделив их на общие и районные.

Общие вопросы, относящиеся ко всему туземному населению ДВО, в основном адресовались Комитету содействия народностям северных окраин. Они включали просьбы о заблаговременном и точном объявлении лимитных цен на пушнину и упрощении способа ее сортировки, об учете интересов туземного населения при сдаче концессий иностранцам, об освобождении от платы за лесорубочные билеты для собственных нужд, т. е. приравнять в этом коренных жителей к русскому населению, о предоставлении кредитов и земельных угодий тем, кто решил заниматься сельским хозяйством, о бесплатной регистрации оружия — нарезного и дробового — и др. В этой резолюции содержался пункт о необходимости изучения туземных племен Дальнего Востока кафедрой народоведения Дальневосточного государственного университета.

В резолюциях по районам содержались совершенно конкретные плановые показатели.

Так, в резолюциях по Зюльзинскому району Забай-

кальской губернии, по Амурской и Приморской губерниям указывались места организации дополнительных райисполкомов и родовых исполкомов, открытия медицинских пунктов и школ. Постановляющая часть, касающаяся Хабаровского и Николаевского районов, была наиболее полной. Например, в Хабаровском районе планировалось открыть пять школ с интернатами в селениях Сикачи-Алян, Толгон, Боулень (Болонь. — Н. Д.), Кондон; акушерско-медицинские пункты с тремя койками в селениях Толгон, Боулень и один на реке Хор. Русские медицинские пункты обязаны были оказывать бесплатную медицинскую помощь туземному населению.

Завершая работу съезда, И.Ф. Федоров подчеркнул, что делегаты ознакомились с властью, которая стоит на защите интересов коренных народов, а потому важно поддерживать с ней связь. «Если кто-нибудь обидит вас на местах, обращайтесь прежде всего к своим уполномоченным, а если они сами не смогут разрешить вопрос, пишите сюда нам, мне — Федорову, Гамарнику», — сказал оратор.

«Мы будем заботиться о вас, стараться, чтобы ваши племена не вымирали, чтобы туземцы были умными, образованными, здоровыми и сильными, чтобы могли своими руками строить свою жизнь так, как этого хотят они сами»²³.

— Этот съезд не последний. Мы еще не раз соберемся и обсудим наши дела. И на съезде будет не 30—35 человек, а гораздо больше, — сказал Федоров.

Сделавший так много, чтобы съезд северян области состоялся и нашел положительный отклик в сердцах простых охотников и рыбаков, И.Ф. Федоров не мог предположить, что он станет последним.

Вместе с тем съезд положил начало политической социализации коренных народов, заложил фундамент культурного и хозяйственного строительства среди них. Очевидно, это понимали и делегаты. Один из них даже предложил день открытия съезда — 15 июня — считать туземным праздником. Это был первый туземный съезд в СССР и первый — во всем мире.

Под влиянием съезда Дальревком решил создать при отделе народного образования комиссию по разработке туземного алфавита и объявить конкурс на составление словарей и азбук коренных дальневосточных народов.

Материалы Дальневосточного туземного съезда были изучены в Комитете Севера при ВЦИК РСФСР и во многом помогли разработать и законодательно утвердить новую структуру управления народов Севера Российской Федерации.

Можно сказать, что документы Дальневосточного туземного съезда в целом представляли развернутую и конкретную программу действий Советской власти среди северных народностей. И Я.Б. Гамарник стоял у истоков ее разработки и реализации.

Материалы съезда — доклады, выступления, постановления — с многочисленными фотографиями участников были изданы Комитетом содействия народностям северных окраин при Президиуме Дальревкома в 1925 г. Эту книгу под названием «Первый туземный съезд ДВО (протоколы съезда с вводной статьей А. Липского)» разослали по туземным районам.

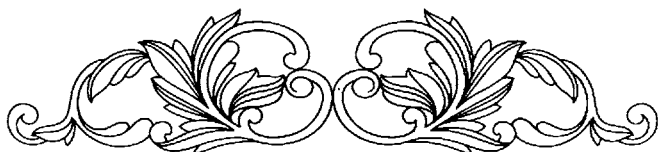
Был также снят кинофильм под названием «Первый туземный съезд ДВО», который демонстрировался в Хабаровском, Николаевском и других районах и в некоторых стойбищах.

Учитывая, что по объективным условиям — из-за дальности пути в краевой центр — часть туземного населения не смогла делегировать своих представителей на съезд, с одобрения Дальбюро ЦК по решению Охотского уездного бюро ВКП(б) в августе 1925 г. в Охотске состоялся I туземный съезд Охотского побережья. На съезде присутствовали 56 делегатов, в том числе 32 эвена и эвенка и 6 якутов, а также все представители и секретари волостных ревкомов побережья и 60 гостей. Съезд обсудил доклад о деятельности уездного ревкома, доклады с мест о работе волостных ревкомов, вопросы об организации родовых советов, о судостроительстве, налогах, о народном образовании, медицин-

ской и ветеринарной помощи, о снабжении населения необходимыми товарами²⁴.

Уже в 1926 г. были открыты школы для коренных народов в Амурской губернии — 3, Хабаровском районе — 4, Николаевском — 2. В ответ на возбужденное Дальревкомом ходатайство Центр ассигновал 46 тыс. руб. на открытие школы с интернатом. Вопросы работы среди коренных народов регулярно рассматривались и решались Дальревкомом.

Отношение центральных партийных и государственных органов к северным народностям в 1920—1930-е гг. не было стабильным: менялись акценты, организационные формы, принципы, все менее проявлялось стремление считаться с особенностями, своеобразием, уникальностью этих народов.

Первый председатель Дальневосточного исполкома, секретарь краевого комитета ВКП(б)

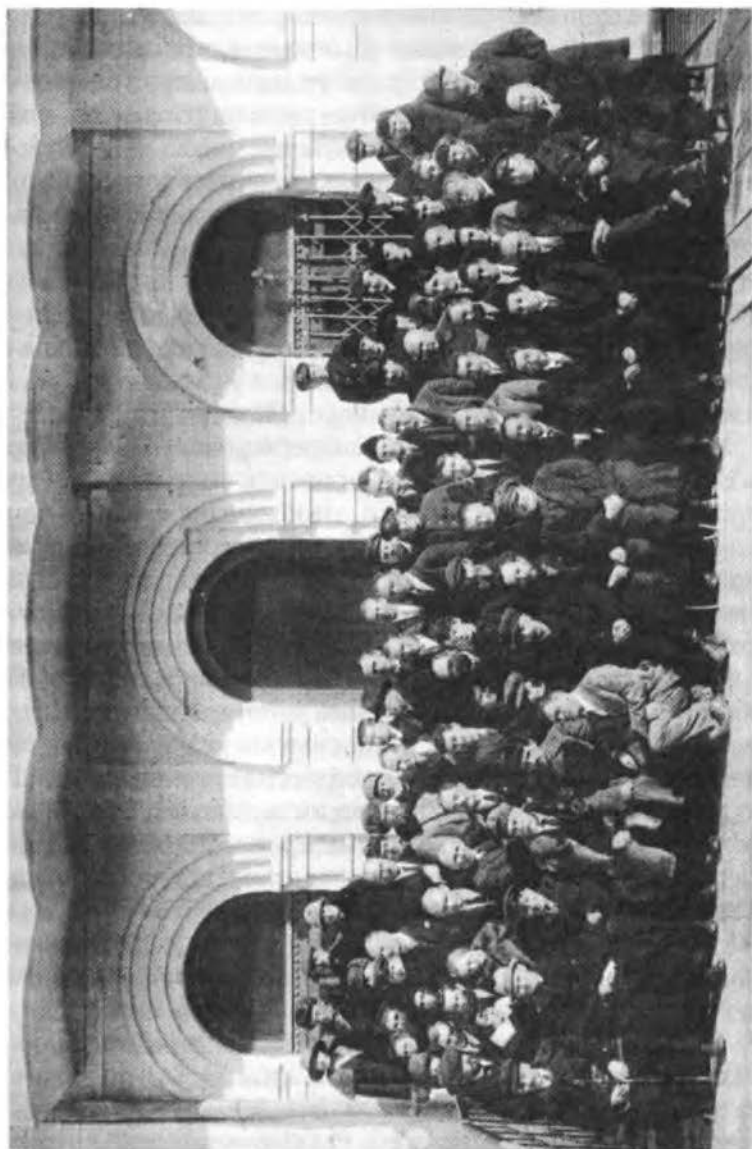
Активно включившись в разработку научной концепции развития Дальнего Востока, Я.Б. Гамарник вместе со своими коллегами испытал острый дефицит обобщенных знаний о природных ресурсах края. Выступая на первом съезде Советов (март 1926 г.), он подчеркнул: «Ничтожно мало знаем Дальний Восток. Конечно, имеем сведения, которые говорят, что наш край представляет большую хозяйственную ценность для всего Советского Союза. У нас имеется золота полмиллиона пудов, 3 млрд тонн угля, 9 млн тонн железной руды, 700 тыс. пудов серебра, 140 тыс. пудов вольфрама, большое количество нефти, неизученной еще на Сахалине, 82 млн десятин леса и огромные рыбные водоемы»¹.

Еще раньше в докладе на краевой партийной конференции он признавался, что работать при ничтожном знании края очень трудно, нужно вкладывать деньги на его изучение. Так вызревала идея о проведении научной конференции о развитии производительных сил Дальнего Востока. В начале января 1926 г. бюро краевого комитета партии приняло решение о проведении краевой конференции по

изучению производительных сил Дальневосточного края². Возглавить оргбюро по созыву конференции Далькрайисполком поручил В.К. Арсеньеву. Со стороны Далькрайисполкома вся подготовительная работа по проведению конференции легла на плечи М.И. Целищева, который временно исполнял и обязанности председателя краевого исполкома, поскольку Я.Б. Гамарника вызвали в ЦК партии, и он уехал в Москву. Как оказалось, на несколько месяцев.

Первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока работала 11—16 апреля 1926 г. в Хабаровске³. Участниками конференции были известные исследователи Дальнего Востока — В.К. Арсеньев, лесовод Б.А. Ивашкевич, геолог П.И. Полевой, директор Дальневосточного научно-исследовательского института, профессор В.М. Савич, ученые из Москвы и Ленинграда, представители советских и партийных органов края. В работе конференции участвовало более 30-ти членов только что возрожденного Дальневосточного отдела Географического общества. Были приглашены ученые из-за рубежа — Японии и Китая, но откликнулась только Япония. В конференции участвовали два молодых ученых, Ширазова, заявивший доклад на тему «О лесах стран, окружающих Японское море», и Х. Тераго с докладом «Современный прогресс в деле улучшения растений Японии в связи с акклиматизацией риса в более холодных районах».

Цель конференции — выработать предложения и рекомендации по организации в крае исследовательской работы для объединения усилий ученых и практиков в наиболее полном определении перспектив развития советского Дальнего Востока. Она нашла выражение в девизе «Через единение труда и науки к мощному социалистическому хозяйству». В своем приветствии участников конференции секретарь крайкома ВКП(б) Н.А. Кубяк обратил внимание на то, что край является своего рода «колонией для Японии». В определении перспектив развития местных производительных сил ученые должны учитывать международную ситуацию, одной из составляющих которой оста-

Участники первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока. 1926 г.

валось довольно широкое проникновение иностранного капитала в экономику Дальневосточного края. Конференция может заложить прочный фундамент политических и экономических отношений с сопредельными странами⁴. С приветственным словом от Географического общества выступил К.Я. Лукс, который в духе времени заявил: «Нужно привлечь все население к задаче изучения края. Это может показаться странным — неужели мы сможем простого крестьянина использовать как научного работника? Да, можем и должны»⁵.

О главных основах хозяйственного развития Дальневосточного края говорилось в одном из первых докладов, с которым выступил Л.В. Крылов — ученый секретарь Дальневосточной плановой комиссии. К ним были отнесены запасы земли, леса, минеральные ископаемые и рыба. Чтобы привести их в действие, включить в хозяйственный оборот, по мнению докладчика, необходимо глубоко познать их ресурсы и условия использования, значительно пополнить запасы труда и средства производства. С этой целью важно повысить уровень исследовательской работы, увеличить расходы на нее. Докладчик особо остановился на актуальных транспортных задачах, которые виделись в том, чтобы соединить производственные районы с выходами на мировой рынок, использовать преимущества транзитного положения региона и связать производящие и потребляющие районы внутри края. Докладчик во многом задал тон конференции — научное изучение производительных сил края рассматривать через призму практической разработки его природных богатств.

Доклад руководителя Лесного факультета ДВГУ, участника лесоустроительных работ в Приморье Б.А. Ивашкевича «Типы лесов Приморья и их экономическое значение» во многом носил установочный характер. Докладчик назвал состояние лесного хозяйства края примитивным в силу хищнической вырубki леса, немногим менее опустошительной, чем лесные пожары. Он предложил рубить лес в определенных местах с учетом возраста и роста деревьев,

изыскать способы использованного фаутного (поврежденного) леса, создать лесные заповедники для сохранения «первобытной природы». Решение этих задач докладчик видел на основе планомерной экономической политики государства. Проблеме изучения лесов Дальнего Востока Б.А. Ивашкевич посвятил отдельный доклад, в котором содержались важные рекомендации. Конференция высоко оценила выступления Ивашкевича, что было отражено в резолюции по докладу, в которой были закреплены все предложения докладчика.

При обсуждении лесной темы выступавшие вели речь о необходимости улучшить качество вывозимого на экспорт леса, использовать современные достижения техники и квалифицированный труд. Докладчики полагали, что со временем, благодаря улучшению качества вывозимой продукции, удастся поставить в зависимости от советского производства ряд внешних рынков.

Большое место на конференции было отведено обсуждению горного дела — еще одной основы хозяйственного развития Дальневосточного края. Первостепенное значение в нем занимала добыча золота, которое непосредственно пополняло казну СССР. При отсутствии в золотодобыче крупного производства добычей золота занимались старатели, среди которых традиционно было немало китайцев. Перебои с поставками продовольствия на прииски и увеличение налогов негативно отражались на золотодобыче.

Сравнительно молодая отрасль народного хозяйства — угледобыча — страдала низкой рентабельностью. Опираясь на положительный зарубежный опыт, выступавшие считали необходимым внедрение механизации и сокращение накладных расходов производства.

О перспективах развития нефтедобычи на Дальнем Востоке на конференции выступил знаток геологии Дальневосточного края директор Дальневосточного отделения Русского геологического комитета П.И. Полевой. По его мнению, нефтяное хозяйство СССР на Дальнем Востоке может обеспечить широкий сбыт продукции в Китае и Японии.

О значении рыболовства в хозяйственном развитии края свидетельствовал тот факт, что оно занимало первое место в валютных поступлениях в казну. В то же время рыболовство характеризовалось сильным проникновением в него японского капитала. В тихоокеанских водах Советской России промысел лососевых практически полностью попал в руки японских рыбопромышленных компаний. Выступивший с заглавным докладом Г.У. Линберг предложил перейти к «интенсивному рациональному ведению рыбного хозяйства», используя опыт североамериканской рыбной ловли. Работа «американского масштаба», по мнению докладчика, потребует больших денежных средств и работников, колоссального труда и напряжения.

Выступивший И.Ф. Правдин доказал, что американский рыбный промысел находился в состоянии угасания по причине «нездоровой рыбной политики прошлого». В резолюцию конференции было включено положение о нецелесообразности строить планы на основе угасающего американского рыболовства. Все научно-промысловое изучение тихоокеанских вод СССР конференция рекомендовала сосредоточить в Тихоокеанской научно-промысловой станции, которая должна объединить местные и центральные исследования.

Среди участников конференции, безусловно, заметной фигурой являлся В.К. Арсеньев, признанный знаток Дальнего Востока, выступивший с двумя докладами, которые были посвящены переселенческой политике. Он высказал сомнение в эффективности плана колонизации, разработанного краевыми организациями. По мнению ученого, Дальний Восток нуждается в здоровых и крепких людях, а не ослабленной бедноте. Новоселам, как отмечал ученый, необходимо было бы предоставить только совокупность льгот (военных, налоговых, земельных, правовых), а не везти их в край за счет государства, обрекая на постоянную нужду в дотациях. В плановом государственном переселении он видел «хозяйственный регресс», поскольку переселенцы — обезличенные и неимушие люди, обрекались

на гибель, занимаясь непродуктивным хозяйством. Земледелие на Дальнем Востоке, ведущееся в экстремальных условиях, не способно обогатить крестьянина. По мнению Арсеньева, большая часть Дальневосточного края предрасположена к промышленно-промысловой колонизации. Однако идеи Арсеньева поддержки не получили. Материалы конференции, изданные в 1926—1927 гг. в семи томах, составили основу Записки о состоянии и нуждах Дальневосточного края, в которой обосновывалась необходимость форсированного развития народного хозяйства Дальнего Востока.

Значение конференции состояло в том, что посредством тесного сотрудничества ученых и практических деятелей состоялось широкое компетентное обсуждение экономических проблем и перспектив развития региона в момент разработки государственных решений. Конференция наглядно продемонстрировала необходимость вложения средств государства в исследования Дальнего Востока, которые могут быть эффективны и перспективны. В качестве особенностей конференции следует выделить ее ярко выраженный интерес к зарубежному опыту, плюрализм мнений при обсуждении целого ряда проблем, их практическую направленность. Несомненно, конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока стала резонансным событием в СССР и в сопредельных азиатских странах. Не случайно на Тихоокеанском научном конгрессе, который прошел в декабре 1926 г. в Токио, профессору Пентегову было предложено выступить на пленарном заседании конгресса с докладом «Исследовательские организации на советском Дальнем Востоке»⁶. На конгрессе с участием 600 представителей большинства стран Тихого океана — Китая, Японии, СССР, Америки, Австралии и др., дальневосточные ученые и ученые, предметом исследования которых являлся Дальний Восток, — академик Комаров, профессор Берг, профессор Штернберг, профессор Пентегов, главный геолог Дальневосточного края Полевой, выступили с шестью докладами, которые были напечатаны

большинством японских газет. Советские ученые получили приглашение участвовать в следующем конгрессе, обсуждалась возможность проведения одного из будущих конгрессов во Владивостоке.

8 августа 1926 г. «Тихоокеанская звезда» сообщила, что сегодня со скорым поездом в Хабаровск после долгого отсутствия возвращается председатель Дальневосточного исполнительного комитета тов. Гамарник. Весной т. Гамарник уехал из Хабаровска в Москву для участия в работе III сессии ЦИК СССР. В Москве он серьезно заболел, перенес операцию. Отдохнув на Кавказе, т. Гамарник возвращается для продолжения работы в нашем крае.

В конце августа на расширенном собрании Хабаровского партийного актива Я.Б. Гамарник сделал доклад об июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором Сталин выступил против оформившегося на базе троцкизма — блока Зиновьева, Каменева и Троцкого. Пленум поддержал Сталина.

Знакомясь с периодической печатью 1920-х гг., в особенности с газетой «Тихоокеанская звезда», невольно обращаешь внимание на то, что она довольно свободно себя чувствовала, в ней находили отражения реалии повседневной жизни и даже мечты о будущем. 7 ноября 1926 г. «Тихоокеанская звезда» опубликовала опус «Как журналист Вард улетел в 2026 год (Совершенно необыкновенные приключения)». Что же журналист увидел в 2026 году? «Тротуаров нет — ползут ленты, станешь на нее — она тебя везет. Встали и поехали от Плюснинки к Чардымовке. По дороге — апельсиновое дерево, сорвал апельсин... Жители все на стадионе. Сегодня сто девятая годовщина Октябрьской революции и 74 год Всемирного Октября. ... Грандиозное здание — стекло и сталь. Это Крайстатбюро. А где крайком? — У нас сейчас ни партии, ни комсомола, ни профсоюзов нет. Всем производством и распределением ведает Статбюро. Деньги вышли из обращения еще 20 лет назад...» Такое апельсиновое будущее с Плюснинкой и Чардымовкой без партии, комсомола и профсоюза виделось

журналисту-мечтателю, скорее всего очень молодому человеку.

А несколько раньше в газете можно было прочитать статью «Быт Плюснинки». «Ни один большой город, — утверждал бытописец, — не обходится без своей «хитровки». Подобие ее в Хабаровске — Плюснинка, от Лисуновской до Протодьяконской». Она имеет свой дальневосточный колорит. Здесь быт русского торговца переплетается с жизнью китайца и корейца. Бродишь днем по Плюснинке, знаешь наперечет все пять-шесть десятков нагроможденных здесь построек, видишь десятки людей. Только к четырем часам утра она раскроет свою тайну. Вот со всех сторон зашуршали, затопали тысячи пар ног, и, как тараканы при выкуривании, изо всех щелей, изо всех дверей, из подвалов, из подполий, из мансард, с вышек, с сеновалов, из скотских стойл — валом валят китайцы. Они «самоуплотнены» до отказа. К взаимной выгоде хозяина и квартирантов»⁷. Как утверждал автор, большинство китайцев проникало в Хабаровск без всяких средств. Здесь они находили поддержку у китайца-ростовщика, который давал им средства на разносную торговлю, беря за ссуду львиный процент.

В ходе проведения Всесоюзной переписи населения в 1926 г. переписчики испытали большие трудности при переписи китайского населения городов края, т. к. китайцы проживали зачастую без прописки в скученном виде. Счетчики считали постели на нарах, число которых соответствовало числу жителей. Например, в Хабаровске в одной из квартир было прописано 8 жильцов, а на самом деле проживало 30 человек. Несмотря на то, что перепись зафиксировала 70 тыс. китайского населения в крае, по мнению статистиков, его было значительно больше⁸.

Китайцы, готовые за небольшое вознаграждение выполнить любую работу, придавали своеобразный колорит дальневосточным городам, в том числе и административному центру — Хабаровску, и журналисты стремились отразить это на страницах краевой газеты.

В газете существовала рубрика — «Хабаровский день»,

где печатались городские новости. 26 августа 1926 г. под заголовком «20 лет работы. К юбилею доктора Пионтковского» было опубликовано поздравление Я.Б. Гамарника. Вынужденный нередко обращаться за помощью к врачам, он высоко ценил их труд. В силу уникальности документа для того времени можно привести его полностью. «Уважаемый Леонид Федорович. Дальневосточный краевой исполнительный комитет в день 20-летия Вашей работы в должности главного врача Хабаровской окружной больницы шлет Вам свое приветствие и пожелание дальнейшей плодотворной работы.

Цена Вашу работу и как практического врача с большим опытом, и как руководителя больницы, отдающего свои познания и силы интересам края, с удовлетворением отмечает Вашу высокополезную роль как одного из наиболее видных работников на культурном поприще края»⁹.

В отделе печати ЦК ВКП(б) была изучена роль краевой газеты «Тихоокеанская звезда» в борьбе за режим экономии. Результаты изучения сообщили Далькрайкому письмом. Указано, что газета вместо повседневной разъяснительной и организационной работы ограничивалась публикацией информационных материалов на эту тему. Было предложено усилить руководство газетой и рекомендовано начать в «Тихоокеанской звезде» широкую кампанию борьбы за режим экономии¹⁰.

Конечно, режим экономии имел первостепенное значение для Дальневосточного края, испытывавшего острую нехватку денежных средств. В 1925—1926 гг. краевой бюджет составил 20,2% по отношению к довоенному (к 1913 г.). Правда, в отличие от довоенного бюджета, состоявшего в основном из дотаций царского правительства, теперь региональный бюджет состоял исключительно из средств, полученных краем. В 1926 г. впервые государство выделило некоторые средства на нужды железнодорожного транспорта в виде погашения дефицита железных дорог. Краевой бюджет формировался в основном за счет взыскания арендной платы и сборов в рыбном хозяйстве, т. е. за

счет неналоговых поступлений. При этом в краевую казну шла та часть неналоговых поступлений, которая превышала центральное задание по неналоговым поступлениям. С скромный краевой бюджет, который имел тенденцию к росту, не мог помочь промышленности, испытывавшей острую нужду в инвестициях.

Государственные задания краю в области экспорта из года в год росли. Объем краевого экспорта увеличивался благодаря росту продажи на внешних рынках леса, рыбы, угля, пушнины. При этом добычу природных ресурсов вели государственные предприятия, и продажа их на внешних рынках тоже находилась в руках государства, поскольку существовала государственная монополия на внешнюю торговлю. Более двух третей экспорта — рыба и лес — направлялись в Японию. Однако выполнять растущие государственные задания по экспорту для края становилось все труднее и труднее потому, что не хватало трудовых ресурсов.

Далькрайисполком, его экономические службы продолжали корректировать и уточнять перспективные планы экономического развития Дальневосточного края. В конце декабря 1926 г. состоялся пленум Далькрайисполкома, на котором был обсужден план капитального строительства Дальнего Востока на десять лет — 1926—1936 гг.

Важным направлением деятельности краевого исполкома стала борьба против застарелой болезни — контрабанды — незаконного ввоза и вывоза продуктов и товаров. За годы Гражданской войны и военной интервенции объемы контрабанды значительно выросли по сравнению с дореволюционным периодом, а скороспелое введение в январе 1923 г. на Дальнем Востоке монополии внешней торговли и таможенного тарифа способствовало еще большему ее росту. Контрабандный товарооборот в середине 1920-х гг. на Дальнем Востоке достигал около 40 млн руб. (импортная контрабанда 20 млн руб. и экспортная контрабанда — 19,5 млн руб.), что на семь млн руб. больше объема всего внешнего товарооборота Дальневосточного края¹¹. Тем самым ущемлялись государственные интересы, тормозилось

развитие, что негативно отражалось на безопасности Дальневосточного края. Борьба с контрабандой приобрела общегосударственное значение. Значительная доля ее выпала на Дальневосточную комиссию по борьбе с контрабандой, председателем которой был А.К. Флегонтов.

Принятые административно-правовые, экономические и торговые меры привели к снижению объемов контрабанды в крае. Но оказалось, что одним из препятствий в преодолении ее является менталитет населения пограничных районов. Традиционно казаки и крестьяне этих районов в незаконном ввозе и вывозе товаров и продуктов видели средство для выживания и не считали это правонарушением. В некоторых пограничных районах до 80% жителей занималось контрабандным водворением заграничных товаров и вывозом пушнины и лошадей в пограничные районы Маньчжурии. Они действовали без всякого риска быть задержанными, поскольку жители этих районов взаимно осведомляли друг друга о всех действиях пограничной охраны. Более того, сельские советы не только не участвовали в борьбе с контрабандой, но в некоторых случаях косвенно покровительствовали контрабандистам, которых хорошо знали в селах, а иногда и приобретали у них контрабандные товары. За подписью председателя крайисполкома Гамарника в начале 1927 г. всем окружным исполкомам было направлено специальное письмо с требованием сделать срочные и энергичные распоряжения на места о принятии сельсоветами активного участия в борьбе с контрабандой. Особо подчеркивалось: всех виновных в содействии контрабанде должностных лиц «привлекать к законной ответственности»¹².

С первых лет советизации Дальнего Востока проблеме народного образования, ликвидации неграмотности партийно-советское руководство уделяло большое внимание. В связи с разработкой плана капитального строительства эта проблема приобрела исключительное значение. В августе 1926 г. на заседании президиума Далькрайисполкома на основе доклада заведующего Далькрайоно А.А. Лобова

был принят план ликвидации неграмотности в крае. План предусматривал полную ликвидацию неграмотности в 1932/33 учебном году. Планировалось обучить 307 тыс. человек, в том числе 77 тыс. переселенцев и свыше 2 тыс. туземцев. Учитывалось, что каждый год будет давать до 20% рецидива неграмотных. В текущем году было запланировано обучить грамоте 50 тыс. человек, в первую очередь членов профсоюзов, молодежь, допризывников. Намеревались создать «островки грамотности» — в селе или в районе, где все население будет грамотным. В городах намечалось ликвидировать неграмотность в 1926/27 учебном году. Предусматривалось создать специальный персонал ликвидаторов, опорно-инструктивные пункты, проведение индивидуального и группового обучения. Школы должны обучить к 1933 г. 62 тыс. малограмотных. По расчетам сотрудников отдела, стоимость обучения каждого неграмотного обходилась в 5 руб. 37 коп., малограмотного — 8 руб. 96 коп. Президиум крайисполкома утвердил представленный план, который давал ориентиры, исходные базовые материалы для составления годовых оперативных финансовых планов. Для ликвидации неграмотности туземного населения отделу образования было поручено подготовить учителей из туземцев и подготовить учебные пособия на национальных языках¹³.

При обсуждении оперативного плана крайисполкома на 1926—1927 гг. было обращено внимание на организацию семилетних школ в сельской местности. В постановлении крайисполкома (4 ноября 1926 г.) отделы народного образования окружных комитетов обязывались в 1926—1927 гг. в шести районных центрах, охватывающих сельскую местность, в 30 школах, имевших 4-классное обучение, организовать пятые классы с тем, чтобы в последние два года вернуть в них полное семилетнее образование¹⁴.

При рассмотрении вопросов о ликвидации неграмотности всегда присутствовала в той или иной степени тема беспризорности детей. Хотя доля беспризорных детей в крае была гораздо ниже, чем в центральных районах, тем не

менее беспризорность как социальная проблема продолжала существовать, несмотря на принимаемые властью меры. Этому способствовали расслоение семей «старого уклада», пропаганда внебрачных отношений, низкий материальный уровень, потеря кормильца в семье, наплыв в города сельского населения, не имевшего возможности на месте получить работу. Другими словами, в существовании беспризорности детей отражались многие социальные проблемы.

Произведенный в марте 1925 г. в Хабаровске учет безнадзорности детей показал, что в 2640 обследованных семей в хороших условиях жили только 7,4% несовершеннолетних¹⁵. Беспризорные подростки в условиях существования безработицы пополняли ряды правонарушителей. Лидирующее положение среди преступлений, совершенных ими, занимала контрабанда, а также хулиганство.

Борьбу с безнадзорностью детей вели краевые партийно-государственные органы, в том числе и народного образования, а также специальные общественные организации — «Дальневосточное общество Друзей детей» (ДОДД) и отделение Российского общества Красного креста. Все заметнее в этом важном деле становилась роль комсомола и пионерской организации.

В августе 1926 г. президиум Далькрайисполкома обсудил вопрос о состоянии беспризорности детей в крае. Работа Далькрайисполкома по борьбе с этим злом была признана правильной. Она включала организацию детских домов, трудовых мастерских, трудовых колоний. Вместе с тем констатировалось, что затраты больших средств нужных результатов не дали. Причины этого виделись в слабости и непрофессионализме аппарата работников детских домов, плохо подобранном персонале, нерациональном расходовании средств. Решено было увеличить краевой денежный фонд им. В.И. Ленина, создать детские фонды в округах. Учли такое предложение: беспризорных и часть детей из детдомов передать в трудовые крестьянские семьи, не более двух детей в семью. Крестьянским дворам, которые приняли на воспитание детей, в том числе и подростков, опреде-

лили их на работу, выдавать 50 руб. Помимо пособия этим крестьянам будет выделяться дополнительный надел удобной земли из запасного фонда с освобождением от сельскохозяйственного налога на три года. Несмотря на обещанные льготы, эта мера снижения безнадзорности детей и девиантного поведения детей, подростков не получила в крае большого распространения. Основную роль в борьбе с беспризорностью выполняли органы народного образования и специальные общественные организации, способствовавшие обучению и трудоустройству трудных безнадзорных детей.

Когда в декабре 1926 г. на пленуме крайисполкома принимался десятилетний план капитального строительства Дальневосточного края, прозвучали резонные мысли о том, что без всеобщего народного образования трудно, скорее невозможно осуществить план намечаемого строительства, т. к. народное хозяйство для своего успешного развития требует повышения культуры в массе населения. Вопрос о всеобщем начальном обучении в крае был вынесен в качестве самостоятельного. В резолюции говорилось: провести в жизнь программу обязательного обучения всех детей в возрасте 8—11 лет в центральных районах края в 1931—1932 гг., в остальных — в 1933—1934 гг. Особым пунктом записали — разработать и включить в общий план капитального строительства план капитального школьного строительства, предусмотреть ремонт существовавших школьных зданий, постепенно заменяя их специально выстроенными помещениями, предусмотрев расширение школьной сети¹⁶.

На основе приведенных документов можно убедиться, насколько Далькрайисполком и его отделы квалифицированно ставили и решали сложные проблемы народного образования, ликвидации неграмотности в Дальневосточном крае.

В литературе можно встретить утверждение, что Я.Б. Гамарник якобы поддерживал украинизацию Дальнего Востока. Архивные данные не подтверждают этот тезис. Вопрос об открытии школ с преподаванием на украинском языке был поднят населением некоторых деревень При-

морской области сразу же после Февральской революции. В 1921 г. население 38 деревень вынесло приговор с требованием ввести в школах преподавание украинского языка. Эта инициатива тогда исходила от Украинской рады. В октябре 1921 г. по распоряжению Министерства просвещения Дальневосточной Республики в 22 школах Хабаровского уезда и девяти школах Амурской губернии преподавание перевели на украинский язык¹⁷. Но в 1926 г. Далькрайисполком получил из ВЦИКа письмо, в котором сообщалось, что в отдел национальностей поступили сведения, будто проживающие на Дальнем Востоке граждане украинской национальности лишены возможности обучать своих детей на родном языке, что работе среди украинцев на местах не уделяется никакого внимания. Между тем, по данным переписи 1923 г., на Дальнем Востоке проживает около 400 000 украинцев. В письме содержалось требование представить точные данные о численности украинцев и ведущейся среди них работе в области советского строительства и народного образования¹⁸.

В подготовленной отделом народного образования справке говорилось, что по статистическим данным переписи 1923 г. на Дальнем Востоке СССР живет украинцев 356 644 человека, что составляло 22,7% общекраевого населения: в Амурской губернии — это 32%, Забайкальской — 2%, в Приморской — 50%. Украинцы переселились из Черниговской, Полтавской и Киевской губерний в конце XIX и в начале XX вв. Преимущественно живут в сельской местности, среди городского населения их насчитывается около 3%. Утверждалось, что вопрос об украинизации школ в ходе советизации нигде не ставился, никаких заявлений об этом во властные структуры не поступало. В крае школы на украинском языке отсутствовали.

Реагируя на запрос ВЦИК, Дальоно предложило всем губернским отделам народного образования изучить вопрос о необходимости и целесообразности открывать украинские школы. На предложение об открытии таких школ многие выходцы с Украины называли себя «перевертнями», говори-

ли: нас 20—40 лет переделывали, снова — нет смысла. Была высказана идея о том, что вопрос искусственно раздут¹⁹.

Перепись населения на Дальнем Востоке 1926 г. свидетельствовала, что украинцами себя назвали 122 423 чел., что почти в три раза меньше, чем в 1923 г. Причина этого, конечно же, не в естественной убыли украинцев и не в эмиграции их с Дальнего Востока. В условиях политической и экономической стабилизации в крае значительная часть выходцев с Украины стала идентифицировать себя с русскими. К тому же возросло число межнациональных браков молодежи. Было открыто всего несколько школ с преподаванием на украинском языке. Вопрос об украинизации с новой силой встал в самом начале 30-х гг., когда несколько тысяч учеников края получили возможность получать образование на украинском языке.

Благодаря проведенной в конце 1926 г. Всесоюзной переписи населения краевое руководство получило в свое распоряжение объективные данные о демографической обстановке в Дальневосточном крае. Это было важно для принятия социально-экономических решений и определения перспектив развития края. Согласно переписи, население ДВК составило 1 817 941 чел. Распределялось оно чрезвычайно неравномерно. В сельской местности проживало 2/3 населения и 1/3 — в городских поселениях. Выросло число городов — их стало 17. Особенности населения края была его многонациональность, в том числе наличие туземных народов и выходцев из сопредельных азиатских стран. Другая особенность состояла в том, что среди городского населения преобладали мужчины. Разносторонние данные о демографической обстановке были использованы при разработке перспективных и оперативных планов развития Дальневосточного края.

На пленуме Далькрайкома партии в конце декабря 1926 г. сообщили, что ЦК ВКП(б) отзывает с Дальнего Востока секретаря крайкома партии Н.А. Кубяка. Член партии с 1898 г., делегат V съезда РСДРП (1907), участник революции 1917 г., председатель Петроградского комитета пар-

тии — Н.А. Кубяк, несомненно, на Дальнем Востоке был самым опытным партийным руководителем. ЦК РКП(б) направил Н.А. Кубяка на Дальний Восток в октябре 1922 г., где он стал секретарем бюро ЦК РКП(б), активным проводником линии партии, борцом за установление Советской власти и ее укрепление на восточной окраине страны.

Одним из важнейших показателей работы партийного руководителя принято было считать рост рядов возглавляемой парторганизации. За четыре года ряды дальневосточных большевиков выросли в 3,5 раза — с 5 до 18 тыс. человек. Была стабилизирована политическая и экономическая ситуация в Дальневосточном крае, выполнялись государственные задания по экспорту. На пленуме Далькрайкома ВКП(б) были подчеркнуты заслуги Н.А. Кубяка и высказана уверенность, что «с таким же энтузиазмом и преданностью он будет отдавать свои силы, свои способности нашей партии и стране».

В выступлении на пленуме Н.А. Кубяк между прочим сказал, что «тяжелая телега советского строительства ...из плохой грунтовой дороги вытащена на проторенную дорогу, но трудности еще велики». Краевая газета опубликовала графический портрет Н.А. Кубяка и его обращение ко всем членам партии дальневосточной организации, в котором он выразил искреннюю благодарность всем, кто помогал ему и краевому комитету партии в трудной работе по укреплению советов. Отъезд Н.А. Кубяка явился для Я.Б. Гамарника весьма чувствительной потерей. А ранее в распоряжение ЦК партии был отозван и К.Ф. Пшеницын, весьма близкий ему человек.

В Центральном комитете ВКП(б), исключительной прерогативой которого являлись кадровые вопросы, решили сделать кадровую рокировку — передвинуть Гамарника, имевшего позитивную репутацию, на пост секретаря крайкома партии, а председателем краевого исполкома назначить нового человека. Им стал С.Е. Чуцкаев.

18 февраля 1927 г. на заседании бюро крайкома партии была оглашена телеграмма ЦК ВКП(б) об утверждении се-

кретарем Далькрайкома т. Гамарника. Уже в эти годы считалось, что руководящий партийный пост по сравнению с аналогичным советским является более значимым и престижным. Ян Борисович с полным основанием мог считать, что ЦК ВКП(б) доверил ему еще более высокий пост. При этом доверии, конечно, учитывалось, что Гамарник имел опыт партийной работы в подполье, был секретарем Киевского комитета партии.

Три года Я.Б. Гамарник энергично выполнял обязанности руководителя советского Дальнего Востока, как говорили до революции, главного начальника края. Любопытно сравнить положение и политику регионального руководителя советского Дальневосточного края 1920-х гг. с положением генерал-губернатора Приамурского края в начале XX в., точнее гражданского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, завершившего плеяду генерал-губернаторов российского Дальнего Востока.

Наверное, Я.Б. Гамарник осудил бы за такую постановку вопроса. Он и сам нередко противопоставлял политику советской региональной власти политике местной власти при царизме, которая, по его словам, была «насквозь пропитана сугубо чиновным духом и полицейским держимордством»²⁰. Тем не менее он воздерживался от резких необъективных заявлений, принятых в коммунистической среде, когда генерал-губернаторов называли царскими сатрапами, временщиками, пекущимися об орденах, званиях и пенсиях.

В вопросе о сравнении можно привести аргументы, скорее касающиеся внешних условий, а не сущности властных полномочий. Во-первых, Дальневосточный край в основном включал территорию дореволюционного Приамурского края. Во-вторых, несмотря на другие названия административно-территориальных единиц (в ДВК — округ, район), в значительной мере учитывались границы между нами, сложившиеся в дореволюционные годы. В-третьих, главные начальники Дальнего Востока до и после революции назначались верховной властью. В отличие от прежних генерал-губернаторов последний главный начальник При-

амурского края был гражданским генерал-губернатором, его компетенция ограничивалась исключительно гражданской сферой и не распространялась на войска, расположенные на территории края. Компетенция Я.Б. Гамарника тоже была ограничена только гражданской сферой, хотя он номинально и входил в состав РВС Сибирского округа.

Несмотря на разные политические режимы и социально-экономические основы, существовавшие в стране в начале XX в. и после революции 1917 г., в управленческой деятельности председателя крайисполкома Дальневосточного края Я.Б. Гамарника и генерал-губернатора Приамурского края Н.Л. Гондатти можно обнаружить немало сходного. Так, они считали дальневосточную окраину ценной территорией России, придающей ей характер тихоокеанской державы, перспективным краем, богатым природными и минеральными ресурсами. Оба руководителя заявляли о заинтересованности в ускорении социально-экономического развития Дальнего Востока. Шталмейстер Н.Л. Гондатти предложил правительству разработать колонизационный план Дальнего Востока. Под руководством коммуниста Я.Б. Гамарника был разработан 10-летний план социально-экономического развития ДВК, в который вошли колонизационный план и план капитального строительства. Н.Л. Гондатти ратовал за то, чтобы наряду с крестьянами в числе переселенцев из центральных районов страны были бы и промышленные рабочие — основа развития края, он добивался ограничения использования труда азиатских мигрантов. Эти идеи можно обнаружить и в 10-летнем плане ДВК. Конечно, речь идет не о заимствовании, а о глубоком понимании обоими руководителями особого положения Дальнего Востока. Характерно, что региональные администраторы до революции и 1920-х гг. ставили перед центром вопрос о расширении своих полномочий, о наделении дополнительными правами и компетенциями.

Естественно, региональная власть до и после революции представляла разные политические режимы, и она не могла не иметь коренных различий. Одно из них — пред-

седатель крайисполкома имел бюджет, придававший региональной власти иллюзию самостоятельности и самоуправления. Краевой бюджет формировался из средств, добываемых в крае. Правда, он был нищенским, за его расходованием приходилось держать ответ перед наркоматом финансов.

Главной же особенностью новой региональной власти был, несомненно, метод формирования административных органов — от сельского до краевого советов, а также их состав. Установившаяся в результате революции диктатура пролетариата в форме Советской власти позиционировала себя как власть трудового народа и для народа. Она подняла широкие народные слои рабочих и крестьян к участию в избирательных кампаниях и в местных органах власти. Существовал строгий контроль за количеством избирателей, за их «классовым составом». От участия в выборах были отстранены представители буржуазии и состоятельных слоев города и деревни, бывшие участники борьбы против Советской власти. Так, в 1926 г. избирательная комиссия городского совета Хабаровска насчитала около 3000 человек, лишенных избирательных прав. Списки лишенных прав горожан вывешивали на щитах около здания окрисполкома и ставили их в положение изгоев²¹. Конечно, три тысячи человек составляли сравнительно небольшой процент — всего 6%, но для, как говорили тогда, «лишенцев» — это не имело значения. Тогда же появился в сельской местности абсентеизм — массовый отказ крестьян от участия в выборах как средство давления на власть.

Еще более строгий контроль осуществлялся за «классовым» составом избранных советов. Так, отчет о классовом составе сельских советов включал следующие группы: крестьяне без лошадей, крестьяне, освобожденные от налога, прочие крестьяне, рабочие и батраки, служащие и лица интеллигентного труда. Чем выше был процент коммунистов, избранных в советы, тем выше оценивались результаты избирательной кампании.

Была еще одна категория населения, за участием кото-

рой в избирательном процессе существовал строгий контроль. Это женщины. В.И. Ленин справедливо считал, что без участия миллионных масс трудящихся женщин в государственной и общественной деятельности нет подлинной демократии²². II съезд Советов (ноябрь 1917 г.) провозгласил равные избирательные права женщин с мужчинами. Это было первое в истории мировой цивилизации провозглашение ликвидации женской дискриминации.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что формирование региональных административных органов власти в 1920-е гг. происходило демократическим путем. Хотя демократизм был непоследовательным, зачастую формальным, но и в его рамках к политической жизни впервые привлекали массы рабочих и крестьян. В отличие от генерал-губернатора в распоряжении советского регионального руководителя находились избранные разветвленные разнородные структуры власти (окружные и районные исполкомы, сельские советы), а также значительный аппарат. Коллегиальное принятие решений происходило на уровне президиума и пленума исполнительного комитета.

Существовала еще одна весьма важная особенность функционирования региональной власти, в дальнейшем эволюционировавшая в сущностную черту. Речь идет о постоянно действующем партийном надзоре, контроле за действием региональной власти со стороны краевого партийного комитета, его секретаря, бюро, пленума и конференции. Региональная вертикаль партийного контроля напрямую выходила на Политбюро ЦК ВКП(б), на его секретариат и генсека. Как свидетельствует анализ повесток дня заседаний Политбюро ЦК партии в 20-е гг., на его заседаниях принимались окончательные решения по кадровым вопросам, касавшиеся властных структур Дальнего Востока, в том числе и состава Дальревкома, Далькрайисполкома, их председателей. Политбюро принимало решения и по ключевым вопросам экономической политики в крае. Например, в июле 1926 г. Политбюро по докладам Фрумкина и Кубяка приняло решение об импортном плане для Даль-

невосточной области и о Камчатском акционерном обществе²³, в августе 1926 г. — о японских лесных концессиях на Дальнем Востоке²⁴, в 1927 г. (август) — о концессионной политике на Дальнем Востоке²⁵ и т. д.

Что же касается регионального уровня, то в 1920-е гг. краевая партийная власть в отношении Советской власти проявляла, если можно так выразиться, определенную корректность, воздержание от диктата и директивности. В советских органах тогда существовали коммунистические фракции, объединявшие коммунистов, работавших в них, через которые партийная власть и проводила свои решения и требования в отношении советского строительства. В конце 1920-х гг. эта практика канула в Лету, и советы наряду с профсоюзом, комсомолом, по выражению Сталина, стали приводными ремнями партии к народным массам. В 1930-е гг. ВКП(б) полностью возьмет на себя функцию управления государством и обществом.

На региональном уровне партийные органы — бюро, его секретариат, пленум, нередко дублировали решения, принимаемые советскими органами, при этом апеллируя к членам партии. Взаимодействие председателя Дальревкома — Далькрайисполкома с секретарем Дальневосточного комитета партии обеспечивалось тем, что они одновременно являлись членами руководящих советских и партийных органов — крайисполкома и краевого комитета ВКП(б). На личностном уровне отношения Я.Б. Гамарника с Н.А. Кубяком с самого начала приобрели деловой взаимоуважительный характер. Ими владела одна главная идея — придать достаточный импульс развитию дальневосточной окраины Советской страны. Н.А. Кубяк был старше Я.Б. Гамарника на 13 лет, опытнее его в политической и организаторской работе. Слабой стороной партийного руководителя можно считать низкую образованность — за его плечами была только начальная школа. Окончивший Одесскую гимназию с серебряной медалью и два курса высшего учебного заведения, Я.Б. Гамарник уступал партийному руководителю в жизненном и партийно-политическом опыте. Отмеченные

Секретарь Далькрайкома ВКП(б) Н.А. Кубяк

качества как бы уравнивали возможности двух лидеров Дальневосточного края. К тому же годы совместной работы с Кубяком помогли Гамарнику пройти политическую школу руководителя столичного масштаба, что было немаловажно в карьерном росте.

Начало работы Яна Борисовича секретарем Далькрайкома партии совпало с запросом секретаря ЦК В.М. Молотова (в это время после Сталина он являлся главным лицом в партии) о политическом положении на Дальнем Востоке. Запрос, очевидно, был продиктован тревогой партийно-политического руководства за свою дальневосточную окраину в условиях возраставшей военно-политической угрозы со стороны Китая. В объемном документе, сравнительно недавно ставшем доступным исследователям, дана всесто-

ронная характеристика Дальневосточного края на начало 1927 г. с выделением болевых и негативных факторов²⁶.

С первых строк политписьма подчеркивались специфические условия края. Первое из них — «большая отдаленность от центра СССР». Далее речь шла о том, что край имеет границу с Китаем, Кореей и Монголией протяженностью более четырех тыс. верст и огромного протяжения морскую границу. Сухопутная граница, по ту сторону которой находятся большие белогвардейские формирования, слабо защищена. Что же касается морской границы, «она почти совсем открыта» — «у нас в море пара негодных галош». Испытывается недостаток даже в катерном флоте.

Социальное положение отличалось слабой пролетарской прослойкой населения, наличием в крестьянстве, особенно в Приамурье, крепких зажиточных хозяйств фермерского типа. Огромные дотации, выделяемые царским правительством — до 150 млн руб. в год, которые в основном шли на военное строительство, давали работу и поддержку населению.

Специфика Дальневосточного края — около 120 тыс. корейцев, преимущественно крестьян, живущих вдоль южной границы. Последней по порядку, но не по значимости, названа такая черта Дальневосточного края, как острый дефицит товаров широкого потребления. Край имел незначительную собственную базу для их производства, завоз товаров народного потребления из центра был сильно ограничен, возможности легального импорта, широко распространенного до революции, сводились к минимуму. Все это привело к значительному распространению контрабанды, «к смычке пограничного крестьянства с закордонным». На основе слабрезультативной борьбы с этим злом делался вывод, что одними административно-судебными мерами вопрос не решить.

В письме констатировалось: политическое состояние края устойчивое, рабочему классу и крестьянству видны успехи в экономическом развитии, в улучшении материального положения, снижении в последнее время цен на

продукты и товары. Переходя к характеристике социально-политического положения края, говорилось, что партийная организация выросла, рабочий класс настроен «вполне советски и в значительной части активно советски». Имеются проявления недовольства среди железнодорожников и особенно горняков, связанные с нехваткой жилья.

О настроениях крестьянства можно судить по выборам в советы. Кулак местами выступает со своими избирательными списками, страшает бедноту экономическими карами, выдвигает предложения об организации Крестьянского союза. Большинство бедняков и середняков активно, вполне советско настроено. Зажиточный слой деревни в последнее время в связи со слухами о войне, оживлением среди белогвардейцев в Маньчжурии, стал активен. По ту сторону границы многие имеют своих родственников. Был сделан следующий вывод: «На открытое самостоятельное выступление кулацкие элементы не пойдут, но в случае перехода через границу более или менее значительных сил белых они дадут им пополнение, несомненно, будут оказывать им содействие»²⁷. Речь шла и о настроениях интеллигенции, которая делилась на «трудовую низовую», поддерживающую Советскую власть, и «верхушку» — спецов, среди которых было много белых, бежавших в свое время под натиском наших войск на Дальний Восток. В большинстве эта часть интеллигенции нейтральна, но есть и антисоветские элементы. В целом политическое положение в ДВК оценивалось как устойчивое, небольшие диверсии противников успеха иметь не могут. «Осложнения в крае могут возникнуть только в случае выступления из-за границы значительных белых банд»²⁸.

Третья часть письма была посвящена задачам, решение которых необходимо, чтобы исключить в Дальневосточном крае форс-мажорные обстоятельства.

Для ликвидации большого дефицита товаров широкого потребления необходимо в достатке завозить товары по приемлемым ценам, усилить легальный импорт товаров для населения, всемерно поддерживать развитие местной

промышленности, работающей на широкий крестьянский рынок.

Было подчеркнуто первенствующее значение для края переселенческого движения, в ходе которого десятки тысяч крестьян-бедняков пришли в край, в 1927 г. ожидалось 40 тыс. переселенцев. Вместе с тем со стороны наркомата земледелия проявляется невнимание к переселенцам, наркомат здравоохранения оставляет переселенцев, находящихся в пути, без медицинской помощи. Оказался край и вне внимания общесоюзного фонда бедноты. В письме говорилось о выделении средств на выполнение постановления ВЦИК о переселении корейцев из пограничных районов. Высказана просьба при распределении кредитов обеспечить жилищные нужды рабочих края. Что касалось частей Красной армии и пограничных войск, то было высказано мнение укрепить материально-техническую базу их, создать мобилизационные запасы на случай военных действий, опасность которых не исключалась. Более того, подчеркивалась угроза для края оказаться отрезанным от центра, в результате чего Дальний Восток мог очутиться в мешке. С точки зрения военных это могло произойти, если противник выйдет на Транссибирскую железнодорожную магистраль и блокирует ее.

Заключительный тезис письма гласил: «Нынешняя обстановка диктует необходимость сохранения полностью и впредь наших особых прав. Сейчас еще больше, чем раньше, нам должна быть предоставлена возможность принимать ответственные решения на месте, держа за них после ответ перед Центральным комитетом»²⁹.

Документ подписан: «С коммунистическим приветом секретарь ДКК ВКП(б) Я.Б. Гамарник». Содержание его огласили на закрытом заседании бюро 6 июля 1927 г. Принято постановление: «Во исполнение директивы ЦК ВКП(б) политическое письмо ДКК ВКП(б) в ЦК ВКП(б) утвердить»³⁰.

Безусловно, политическое письмо ЦК партии — ответственный документ, и в нем Я.Б. Гамарник нарисовал объек-

тивную картину положения Дальневосточного края. В нем дана характеристика своеобразных условий, названы болезненные моменты, лечение которых находилось в компетенции Центра, и соображения об укреплении Дальневосточного края. Судя по письму, партийное руководство не исключало нападение китайских генералов совместно с белоэмигрантами на советский Дальний Восток. В ЦК партии тоже не исключали такой ход событий. В июле 1927 г. Гамарник получил циркуляр ЦК о создании мобилизационной комиссии при ДКК ВКП(б). На закрытом заседании бюро была создана такая комиссия в составе Я.Б. Гамарника (председатель), С.Е. Чущаева и Г.Д. Хаханьяна. Решили подобрать партийцев на постоянную работу в комиссии, а также организовать мобилизационные комиссии в окружках³¹.

Ситуация в Китае, в особенности в Маньчжурии вокруг КВЖД, имела устойчивую тенденцию к ухудшению. В 1927 г. политическая ситуация в Китае резко изменилась в результате отказа Гоминьдана от сотрудничества с коммунистами и перехода к союзу с консервативными силами. В Харбине усиливался антисоветизм, широко использовались полицейские силы в нажиме на советские учреждения, в тяжелом положении оказались советская колония, ее общественно-политические структуры, в том числе Северо-Маньчжурский комитет ВКП(б) (СМК), партийная организация в целом, профсоюз и комсомол. По поручению Политбюро ЦК бюро Далькрайкома осуществляло руководство СМК ВКП(б), формировало его состав, заслушивало отчеты, давало директивы, командировало в Харбин своих ответственных работников для оказания помощи в организационной и пропагандистской работе, при необходимости корректировало политику в хозяйственной сфере. Так, в докладе о работе Северо-Маньчжурского комитета, представленном в марте 1927 г. в Далькрайком ВКП(б)³², анализировались причины враждебного отношения местных китайских властей к советскому присутствию в Маньчжурии. Они виделись в том, что советская колония, в особенности ее руководство, не скрывала симпатий

к китайскому национально-революционному движению, а также в провокационной политике японцев в Маньчжурии, толкавших китайские власти к решительным антисоветским действиям. При этом СМК признавал и свои ошибки, которые состояли в слишком яркой демонстрации своего враждебного отношения к властям в Мукдене. Среди рабочих и части руководства колонии проявлялись настроения так называемого «красного шовинизма», великодержавных действий, которые выражались в лозунгах «бей китайцев», «даешь дивизию».

В докладе СМК были сформулированы следующие задачи: изживать панические настроения среди рабочих, разъяснять им, что мы находимся на чужой территории, «по которой СССР никаких прогулок делать не собирается», бороться с «красным шовинизмом», сменовеховским обывательством, националистическими движенческими эмигрантскими идеями, разъяснять, что нельзя усиливать конфликты. Вместе с тем подчеркивать полную готовность по спорным вопросам договариваться с китайскими властями, но противодействовать в законных рамках их односторонним действиям, привлекать на свою сторону симпатии китайских масс и общественности, поддерживать национально-революционное движение³³.

Бюро Далькрайкома ВКП(б), проходившее в марте 1927 г. под руководством секретаря Я. Б. Гамарника, приняло резолюцию по докладу о работе СМК ВКП(б), в которой политическая линия СМК была признана правильной³⁴.

Поскольку у СМК возникли трения с некоторыми руководителями советских хозяйственных структур, проявлявших бесхозяйственность и бюрократизм, то для проверки работы хозорганов в Маньчжурии решено установить такой порядок: уполномоченный ДалькрайРКИ по поручению ДалькрайРКИ (Рабоче-крестьянская инспекция) производит обследования хозорганов. В случае необходимости обследования центральных представительств СМК дальневосточный уполномоченный возбуждает соответствующее ходатайство через краевую контрольную комиссию перед

ЦКК (Центральной контрольной комиссией)³⁵. Перед СМК были поставлены задачи — постоянно и убедительно разъяснять нашу политическую линию в Китае и особенно в Северной Маньчжурии среди рабочих и служащих КВЖД: вовлечь парторганизации в изучение китайского революционного движения, развернуть массовую работу среди членов профсоюзов, усилить связи с китайской коммунистической организацией. Решили принять меры к более тесной связи Северо-Маньчжурской организации с Далькрайкомом ВКП(б), обратив особенное внимание на улучшение информации. Решались и организационные вопросы — утвержден СМК ВКП(б) в составе 17 членов и двух кандидатов, бюро в составе пяти членов и двух кандидатов, при этом фамилии некоторых коммунистов заменялись именами. Уполномоченным ДалькрайКК по Северной Маньчжурии был утвержден т. Леонтий и заместителем т. Берзин.

Не прошло и месяца, как Далькрайком ВКП(б) получил сообщение о положении организации в Харбине, которое стало предметом нового обсуждения на закрытом заседании бюро. В связи с критическим положением СМК даны следующие директивы: 1. Партийную работу не прекращать, перенося ее в звенья (пятерки), избегая общих собраний ячеек. 2. Вопросы СМК разрешать путем опроса, не фиксировать протоколами. 3. Усилить связь с китайскими коммунистами, разъяснять им смысл последних событий и установки Коминтерна по китайскому вопросу. 4. Среди рабочих КВЖД вести агитацию под лозунгом мира Советскому Союзу. 5. Воздерживаться от стачек рабочих и организации партийных отрядов³⁶.

Из документов Далькрайкома ВКП(б), из решений его бюро можно составить представление о том, насколько в советской колонии неадекватно оценивалась ситуация в Китае и в особенности в Маньчжурии. При идейно-политической неразберихе навряд ли СМК мог эффективно выполнять ту роль, которая ему отводилась, — осуществлять связь с китайскими коммунистами, разъяснять им пози-

цию СССР, поддерживать национально-освободительное движение и т. д.

Кроме этого, не складывались нормальные отношения СМК с хозяйственными руководителями советских предприятий. Помимо КВЖД там существовали несколько значительных хозяйственных организаций, представительства советских учреждений — Сибдальвнешторга, Дальбанка, Дальгосторга, Сибкрайсоюза, Нефтесиндиката, Доброфлота и др. На закрытом заседании бюро Далькрайкома была создана комиссия обследования коммерческих и хозяйственных предприятий, которая срочно выехала в Харбин. Обсуждая результаты проведенного обследования, Дальбюро «признало необходимым разработать в Рабоче-крестьянской инспекции вопрос о взаимоотношении Северо-Маньчжурского комитета (СМК) с отдельными советскими хозяйственными организациями в Маньчжурии»³⁷.

В сентябре 1927 г. была получена телеграмма Андрея* — секретаря СМК — о возможности участия советских граждан в бойкоте действий китайских властей. Ответ Я.Б. Гамарника гласил: «Считать необходимым воздержаться от активного участия в бойкоте».

Для помощи комитету бюро срочно командировало в Харбин опытного партийного работника М.Б. Кузеница. Помимо партийно-политических вопросов бюро Далькрайкома решало и вопросы экономические.

В 1927 г. оно несколько раз обсуждало вопрос о так называемых бобовых операциях в Маньчжурии. Российское направление вывоза соевых бобов стало работать убыточно, что не могло не вызвать тревогу. Дальбюро в начале апреля создало «сугубо секретную» комиссию по выяснению положения с бобовыми операциями в Северной Маньчжурии. Из Харбина комиссия привезла собранный материал, который необходимо было проанализировать и выявить, «в какой мере убытки вызваны конъюнктурой рынка, неполучением госторгом рефакций (скидки с тарифа, предоставляемые грузоотправителем при наличии большого количе-

* Андрей — подпольное имя Я.К. Кульпе.

ства груза. — Н. Д.) и прочих объективных условий и в какой части — неумелой работой»³⁸. Комфракции Дальневосточного краевого исполнительного комитета поручили срочно проработать вопрос, согласовав с Москвой, о «дальнейшей работе по бобовым операциям в Северной Маньчжурии». В сентябре закрытое заседание бюро, проходившее под руководством Я.Б. Гамарника, констатировало: Северо-Маньчжурская организация «в общем вполне здорова как в моральном, так и в идеологическом отношении»³⁹.

Итогом кропотливого изучения сложной проблемы стало постановление бюро Далькрайкома ВКП(б) «О бобовых заготовках» (октябрь 1927 г.)⁴⁰. В нем констатировалась нараставшая конкуренция Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) с Уссурийской железной дорогой, которая сопровождалась открытой рефакционной политикой ЮМЖД и рядом финансово-экономических мероприятий японского правительства в Северной Маньчжурии. Были предложены меры по усилению советского экспортера. При этом подчеркивалось, что наркомторг СССР согласился компенсировать валютой неизбежные убытки Дальгосторга при проведении этой маньчжурской операции.

Зачастившие в край японские предприниматели, коммерсанты, студенты вызывали у дальневосточников, имевших негативную память о Японии, повышенный к ней интерес. Контакты с японцами, их приглашения посетить Страну восходящего солнца, адресованные дальневосточникам, — все это способствовало желанию специалистов посетить соседнюю страну.

Еще в 1926 г. группа инженеров из Владивостока решила организовать экскурсию в Японию. В связи с этим бюро Далькрайкома приняло специальное постановление, в котором говорилось, что по политическим соображениям в данное время поездка в Японию нецелесообразна. При благоприятной политической обстановке возможна организация научных экскурсий исключительно от краевых организаций. Посылать за границу отдельные группы от округов не рекомендовалось. При этом бюро не возражало против

научных поездок за границу профессоров и студентов Дальневосточного университета⁴¹.

Секретарь Дальневосточного комитета ВКП(б) Я.Б. Гамарник обратился в Политбюро с предложением о посылке экскурсии в Японию. В начале сентября 1927 г. за подписью секретаря ЦК И. Сталина он получил постановление Политбюро, в котором говорилось: «Не возражать против посылки в Японию из ДВО (так в тексте, был уже ДВК. — *Н. Д.*) 2 экскурсии: 1) хозяйственников, связанных своей работой с Японией; 2) профессоров ДВ университета и учителей. Ответственность за состав экскурсий и руководство ими, — говорилось в постановлении, — возложить на Дальневосточный комитет с тем, чтобы свои директивы делегациям краевой комитет согласовал с НКИД»⁴². Со всеми принятыми предосторожностями группы хозяйственников и интеллигенции были сформированы и утверждены секретариатом крайкома партии. В состав экскурсии хозяйственников вошли Масленников, Слюсаренко, Копытин, Мамонов, всего 15 человек. Возглавить группу поручили Н.Ф. Старикову — председателю Дальневосточного СНХ. В так называемую учительско-профессорскую экскурсию, состоявшую из 13 человек, вошли Пашкевич, Туров, Тихонький, Савич, Абрамович, Билибин, Луценко и др. Это были представители Владивостока и Хабаровска. Неприязненным отношением некоторых университетских преподавателей к В.К. Арсеньеву можно объяснить отсутствие его кандидатуры в составе этой группы. Через две недели по предложению Я.Б. Гамарника бюро включило В.К. Арсеньева в состав экскурсии в Японию⁴³. Почти 30 человек с Дальнего Востока СССР прибыли в Японию, чтобы установить деловые контакты и лучше узнать соседнюю страну. Это единственный случай в 20—30-е гг. XX в., когда с советского Дальнего Востока была направлена столь представительная группа в капиталистическую страну.

Дальневосточные хозяйственники оказались в поле «чрезвычайного внимания» не только японских предпринимателей, но губернаторов и городских властей. Премьер-

министр Г. Танака устроил для русских обед, на котором присутствовали министры и вице-министры различных японских министерств. В программу знакомства дальневосточников со Страной восходящего солнца входили банкеты, официальные обеды, поездки по стране, ознакомление с достопримечательностями Токио, Кобе, Осака, Киото, посещение курортов и т. д.

В группе хозяйственников был председатель правления Дальлеса В.А. Масленников, отчет которого о посещении Японии сохранился в Государственном архиве Хабаровского края⁴⁴. Он позволяет воссоздать его впечатления об увиденном в Японии.

В начале записок В.А. Масленников сообщил о своем сложном отношении к Японии. Как коренной дальневосточник, он был одним из участников борьбы с японскими интервентами, что не могло не оставить в его сердце острые следы «ненависти и злобы» на японскую военщину. Однако «эти чувства несколько стусевались в годы восстановительного периода в процессе нашей торговой работы с Японией по экспорту леса». На Масленникова большое впечатление произвели «прекрасные пути сообщения» — железные, шоссейные дороги, точность и быстрота их работы, внимание железнодорожных служащих к пассажирам и особо — «забытая вещь на станции не может затеряться». Многое из увиденного Масленников хотел бы увидеть и в Дальневосточном крае.

Японские города отличались своим разнообразным современным транспортом, строительством небоскребов, заводов, театров, магазинов, полной электрификацией. Чрезвычайно дешевая электроэнергия, вырабатываемая гидроэлектростанциями, способствовала тому, что электричество вошло в обыденную жизнь населения (электропечи, утюги, кипятильники и т. д.). Экскурсант сделал наблюдение: «насколько поражает электрификация и механизация городов, настолько бросается в глаза... отсутствие механизации в деревне». Он увидел в этом скрытую большую социальную проблему — механизация могла при-

вести к высвобождению большого количества крестьянских масс, которые наводнят города, что способно потрясти относительную стабильность японского общества. Привыкшие к тому, что даже в южных районах края населенные пункты находятся друг от друга на десятки и сотни километров, дальневосточники удивлялись: в Японии нет незаселенной, необработанной земли. Под посевы заняты склоны гор и холмов, японцы отвоевывали землю даже у моря.

Наши делегаты осмотрели места хранения ввозимого с Дальнего Востока леса, который хранился в специальных больших водохранилищах. Хорошее впечатление произвели лесопильные заводы со 100%-й утилизацией отходов.

Раскрывая специальные вопросы, руководитель Дальлеса подчеркнул, что из ежегодно ввозимого в Японию круглого леса («кругляка») 40—50 млн куб. футов на долю Дальлеса приходилось от 18 до 20 млн куб. футов, т. е. около половины. Весь японский импорт лесоматериалов составлял 80—85 млн куб. футов, и в нем на долю Дальлеса приходилось 20%⁴⁵. Из этого следовало, во-первых, что Дальний Восток занимал чрезвычайно большое место в лесном импорте Японии. Во-вторых, поставляемые в Японию дальневосточные лесоматериалы состояли исключительно из примитивного «кругляка» таких ценных пород, как кедр и лиственница.

Председатель Дальлеса высказал соображения о внешнеторговых операциях, полностью находившихся в компетенции наркомата внешней торговли (НВТ). По его мнению, было целесообразным для ДВК увеличить импорт и переориентировать его с европейских стран на Японию, поскольку в ней товары и оборудование дешевле и быстрее доставка их. В качестве подтверждения своего предложения В.А. Масленников привел пример с заказом трамвайных вагонов для Владивостока в Чехословакии за девять тыс. американских долларов за вагон, которые ожидаются уже 1,5 года. В Японии такой вагон стоил дешевле и был бы получен через два-три месяца после заказа.

Что касается нашего экспорта леса в Японию, то автор записок критиковал условия договора с фирмой «Ничиро-Мокузай», по которому были установлены гарантированные цены. При разворачивании наших операций в Японии они стали препятствием для стимулирования расширения сбыта. Вместо гарантированных предлагалось перейти на комиссионные цены. Для планируемого в ДВК увеличения объемов лесозаготовительного экспорта японский рынок может оказаться узким, поэтому руководитель Дальлеса считал необходимым расширить внешний рынок сбыта нашего леса за счет рынков Китая, Индии, Австралии. И в этом нам могут помочь японские фирмы, хорошо знающие азиатские рынки. В.А. Масленников изучал возможность японских фирм экспортировать дальневосточный лес в другие азиатские страны.

На основе встреч и переговоров председатель Дальлеса пришел к решению о передаче постройки и оборудования лесопильно-ящичного и клепочного завода в Приморье фирме «Акита-Мокузай». Развивающаяся рыбопромышленность края нуждалась в большом количестве тары для своей продукции. Постройка по японскому типу лесозавода способствовала бы полному использованию отходов. Не исключалась возможность привлечь к строительству и японских инженеров.

Масленников договорился с фирмой «Ничиро-Мокузай» о финансировании постройки Оборской железно-дорожной ветки, необходимой для расширения лесозаготовок, и о продаже 600 тыс. куб. футов основной чурки. Решено было в апреле 1928 г. приступить к постройке Оборской ветки.

Как видно из отчета, председатель Дальлеса В.А. Масленников извлек немало полезного из японского опыта хозяйствования и был серьезно настроен на взаимное сотрудничество с японскими фирмами. Эти планы воспринимались им как вполне реальные.

К сожалению, записку В.К. Арсеньева о поездке в Японию пока не удалось обнаружить. Однако в 90-е гг. про-

шлого века впервые опубликован его «секретный доклад», адресованный руководству Далькрайисполкома и Далькрайкома партии⁴⁶.

Несомненно, поездка в Японию дала Арсеньеву сильный импульс для подготовки этого доклада, а любовь к дальневосточной земле продиктовала обращение к местной власти, чтобы предупредить о грозящей опасности. Пережив на Дальнем Востоке Русско-японскую войну и японскую интервенцию, В.К. Арсеньев много лет бдительно следил за развитием событий на азиатских берегах Тихого океана. Можно смело утверждать, что только Арсеньев, обладавший глубокими научными и политическими знаниями, умноженными на его патриотические и гражданские чувства, мог подготовить столь глубокий аналитический доклад о внешнеполитических условиях российского Дальнего Востока и прогнозах его развития на многие годы вперед.

Отметив обширность темы, автор оговорился, что он будет рисовать лишь общие контуры картины, иллюстрирующей современную обстановку на берегах Тихого океана. В центре внимания В.К. Арсеньева находилась политика Японии в прошлом и в конце 1920-х гг., что позволяло проследить ее динамику. Автор доклада считал любопытной и весьма поучительной историю проникновения японцев в Маньчжурию. Сначала их внедрение было связано с овладением Южно-Маньчжурской железной дорогой, а затем и с новым строительством дорог. Современная политика японского дорожного строительства проводится с настойчивостью и упорством, на которые способны только японцы. Строящаяся в спешном порядке дорога Хайлар — Гирин — Сейсин, по мнению Арсеньева, даст возможность японцам проникнуть в глубь Маньчжурии и нанесет экономический удар по КВЖД, и в конечном счете приведет к ослаблению нашего влияния в Северной Маньчжурии. «Японское влияние на севере утверждается так же прочно, как и на юге Маньчжурии», — сделал вывод Арсеньев.

Другим важным объектом японской политики являлась Корея, где японские милитаристы завязывали тугой

«корейский узел» в Южно-Уссурийском крае и Восточной Маньчжурии, создавая для СССР и Китая межнациональные проблемы. «Японцы стремятся объяпонить Корею и обкорейить Южно-Уссурийский край и прилегающую часть Восточной Маньчжурии». Это стремление, проявившееся уже после Русско-японской войны, усилилось в годы Гражданской войны и военной интервенции, когда Япония «особенно энергично начинает выселять корейцев в наши пределы, субсидируя их деньгами и мобилизуя для этого парусный корейский каботаж». В настоящее время в Японии имеется полтора миллиона безземельных японцев, для которых земля найдется в Корее при условии, что три с половиной миллиона безземельных корейцев переселятся в Северо-Восточную Маньчжурию и в Южно-Уссурийский край. Вывод автора доклада был категоричен: стремление Японии безраздельно хозяйничать в Маньчжурии, выйти на Амур, отбросить нас от берегов Тихого океана — «не фантазия и не призрак, а вполне конкретное явление. Япония стремится играть первенствующую роль при решении всяких международных вопросов, касающихся Азии. Об этом все сильнее и сильнее раздаются голоса в японской печати и открыто говорят выдающиеся японские государственные люди. В связи с этим идет лихорадочная работа по увеличению военных и морских сил».

Владимир Клавдиевич не обошел вниманием действия советских властей на самых проблемных дальневосточных территориях — Сахалине и Камчатке. Он считал, что колонизация северной части острова Сахалин «успеха не имеет. Все работы ведутся формально-бюрократически». Общая численность населения составляет 13 тыс. человек. В отличие от нас японцы на Южном Сахалине ведут постройку железной дороги, их концессии оборудованы по последнему слову техники, они ведут усиленную разработку недр. Имеются заводы. Планируется в ближайшие годы вселить на южную часть острова свыше одного миллиона японцев и корейцев. Арсеньев считал, что с колонизацией Северного Сахалина надо торопиться, иначе будет слишком поздно.

В.К. Арсеньев намечает новые маршруты экспедиций

Территория, остающаяся без населения и естественных преград, в любое время может стать добычей страдающего от переселения соседнего государства.

В отличие от Северного Сахалина на Камчатке освоение шло успешно, благодаря Комитету Севера и Акционерному Камчатскому обществу, которые, по мнению Арсеньева, «явились как раз вовремя». Комитет поставил задачу оказать материальную помощь туземным народностям Охотско-Камчатского и Чукотско-Анадырского районов и поднять их культурный уровень. АКО создало несколько рыбоконсервных заводов по последнему слову науки и техники, планирует строительство таких же заводов в Анадырском районе, рационализацию звероводческого хозяйства на Командорских и других островах.

В докладе было подчеркнуто, что на Дальнем Востоке существует две колонизации: одна с запада в лице переселенцев из европейской части Союза, другая с юга — из

японской Кореи, которая в корне подрывает нашу колонизацию. Владимир Клавдиевич видел выход в том, чтобы район, примыкающий к Маньчжурии и Корее, оградить от самовольных китайских и корейских засельщиков, густо заселять эти районы переселенцами из Сибири и европейской части Союза, создать для них благоприятные условия жизни, укрепить границу сильными промышленными организациями по типу АКО.

Особо тревожило Арсеньева состояние дальневосточной морской границы. Всю длину нашей береговой линии, равную 20 тыс. км, по его словам, охраняла только одна моторно-парусная шхуна. «Обескорабление» произошло в 1918—1922 гг. Не имея кораблей, мы не можем подвезти соль, вывезти рыбу, вообще не можем хозяйничать и управлять краем. К тому же между нашими соседями произошло молчаливое разделение морей. Корейцы с помощью парусных судов взяли каботаж у берегов Уссурийского края, японцы хозяйничали в Охотском море, а американцы — в Беринговом море. «Флаг советский найти в водах Великого океана также трудно, как встретить знакомого на улице Москвы. Насколько велико влияние парусного флота, можно судить по тому, что жители Охотского района отправляют часы на починку в Японию, а в Беринговом море сплошь и рядом совершают рейсы на американских судах в Аляску, куда ездят лечиться и судиться». В огромном морском пространстве имелось всего 26 судов под советским флагом: АКО — 8 и Совторгфлот — 18 пароходов. «Для нас вопрос о судоходстве — вопрос пожарный, его решение нельзя откладывать, иначе будет слишком поздно», — предупреждал автор доклада. В краткосрочном порядке он видел выход в увеличении числа пароходов Совторгфлота, в создании мелкого парусного каботажа, в развитии морского спорта.

Предвидя опасные последствия для ДВК складывающейся внешнеторговой ситуации, Арсеньев предложил принять решительные действия на самом высоком государственном уровне для экономической защиты страны. «Для этого нужны средства, и немалые, но все-таки они бу-

дут неизмеримо меньше тех, которые придется израсходовать потом для отстаивания наших интересов вооруженной рукой».

Несомненно, секретарь Далькрайкома партии Я.Б. Гамарник читал доклад В.К. Арсеньева, к которому неизменно относился с глубоким уважением.

Итоги огромной работы по разработке десятилетнего плана Дальневосточного края, инициированного председателем Дальревкома Я.Б. Гамарником и осуществленного под его руководством, были подведены 17 июня 1927 г. в Москве на заседании комиссии по генеральному плану.

В проекте плана представлены основные задачи Дальневосточного края «как самостоятельного экономического района и как части Советского Союза». Изложение их начиналось с задачи поддержания темпа роста населения края на уровне Маньчжурии. Обеспечение прироста населения в Дальневосточном крае адекватно приросту населения в соседнем регионе, скорее, явилось пожеланием, чем реальной задачей. Очевидно, составители плана имели недостаточную информацию о демографической ситуации в Маньчжурии. Другие положения проекта включали требования повышения жизненного уровня дальневосточников выше среднего по СССР, проектировку развития Дальневосточного края как транзитного узла и усиление объемов краевых накоплений с параллельным развитием наиболее рентабельных отраслей хозяйства⁴⁷. Планировалось создать в Дальневосточном крае устойчивый хозяйственный организм, способный существовать вдали от центра и зарубежных рынков; увеличить валютные фонды, более интенсивно эксплуатируя золотые, лесные и рыбные площади, вывозить обработанную продукцию; обеспечить приток средств извне для увеличения основных капиталов⁴⁸.

Были обозначены общие контуры Дальневосточного края к концу реализации десятилетнего плана. Численность населения советского Дальнего Востока должна была возрасти более чем в два раза и составить 3 784 000 человек. Грамотность населения подняться до 60% (вместо 38%).

Ежегодный прирост валовой продукции предполагался в 14%. Рост продукции ожидался в горной отрасли — 773%, лесной — почти 290%, рыбной — 274%, золотодобывающей — 185%, пушной — 13%.

Объем капитального строительства планировался в сумме 1650 млн руб. Значительно возросли объемы затрат по сравнению с первоначальным вариантом плана.

Расчет был сделан на поступление капитальных вложений в значительной мере из государственных общесоюзных фондов. В общей характеристике Госпланов СССР и РСФСР, рассмотревших проект капитального строительства Дальневосточного края, отмечался «большой интерес» проделанной Далькрайпланом работы для целей перспективного планирования. Вместе с тем утверждалось: представленный материал в узком смысле не является планом капитального строительства государственного хозяйства, а представляет более широкий по диапазону проект. Было высказано мнение, что сумма, которую требовали от центра, совершенно неубедительна. Идея «о создании из Дальнего Востока самостоятельно удовлетворяющего организма, способного выдержать даже отрыв от Союза» была названа «экономическим недоразумением»⁴⁹.

На основе постановления пленума ЦК ВКП(б) (февраль 1927 г.) об ускорении проработки ориентировочного пятилетнего плана отдельных отраслей и районов было опубликовано постановление Экономического совещания РСФСР «О возложении на местные органы и НК РСФСР составления пятилетнего перспективного плана народного хозяйства». На заседании президиума ДКИК (12 августа 1927 г.) предложили «немедленно приступить к проработке генерального плана народного хозяйства на 5 лет (1926/27—1930/31)»⁵⁰.

На неоднократные просьбы о выделении средств из госбюджета ЦК ВКП(б) по докладам Пятакова и Гамарника в мае 1926 г. принял решение распространить спиртовую монополию Центроспирта на Дальний Восток. Обеспечить в советском порядке доход Дальневосточного края из средств

*Я.Б. Гамарник — секретарь Далькрайкома ВКП(б).
По левую руку от него К.Ф. Пшеницын, по правую — М.П. Копытин*

Центроспирта в размере суммы, соответствующей доходу от продажи спирта Дальспиртом за истекший год. Так был найден источник финансирования социально-экономического развития края.

Секретарь Далькрайкома ВКП(б) Я.Б. Гамарник обратил внимание на работу партаппарата, его отделов — организационного, агитационно-пропагандистского, женщин, управления делами. Была внесена четкость и слаженность в их работу. Каждый отдел должен был представлять в секретариат план работы на два месяца, устанавливался регламент заседаний бюро и его секретариата. Учреждения, вносившие вопросы на разрешение секретариата, могли их вносить только через соответствующий отдел. С Яном Борисовичем можно было спорить и свободно отстаивать свою точку зрения. Такая обстановка была на заседаниях, которыми он руководил, так было и в деловых беседах. При

общении с ним никто никогда не чувствовал себя в роли подчиненного или рангом ниже. «Но простота и сила его убеждения настолько действовали, что каждый после деловой беседы с ним уходил... одухотворенным, уверенным в своих силах. ... Это был человек глубоко принципиальный, настойчивый и твердый»⁵¹. Как свидетельствовали его коллеги, он никогда не вызывал к себе людей в беспрекословном тоне, обязательно узнавал возможность прийти в предлагаемое им время.

По свидетельству коллег — партийных работников — Я.Б. Гамарник для многих являлся примером в работе. Так секретарь крайкома ВКП(б) считал, что «...мы должны так критиковать, чтобы товарищ не пал духом, а наоборот — набрался бодрости и веры в свои силы... Очень важно, критикуя, не затрагивать человеческого достоинства. Тут не имеются в виду какие-либо скидки. Просто надо понять: требовательность и принципиальность не исключают, а предполагают «уважение к человеческому достоинству»⁵². Такое понимание критики — признанного в партии инструмента воспитания — наглядно свидетельствует, что Гамарник был убежденным сторонником применения в воспитании людей психолого-педагогических методов, противостоящих авторитарным методам с пресловутым, но живучим: «я — начальник, ты — дурак».

На бюро был обсужден вопрос о работе инструкторского аппарата. Обращалось внимание на контроль и проверку выполнения решений краевого комитета. При обсуждении вопроса о состоянии журнала «Известия ДКК ВКП(б)» было подчеркнуто, что он, как орган, информирующий партийную организацию о работе партийных центров, должен освещать работу низовых парторганизаций о выполнении директив крайкома⁵³.

Усилия секретаря и бюро Далькрайкома ВКП(б) были направлены на повышение уровня организаторской и идеологической работы партийных организаций в трудовых коллективах. С этой целью на бюро крайкома в 1927 г. обсудили девять отчетов, в том числе партийной ячейки Даль-

завода, Никольск-Уссурийского, Сучанского, Посыетского районных комитетов, Сахалинской и Хабаровской парторганизаций, а также Алдано-Зейской, Камчатской, Никольской окружных организаций ВКП(б).

Краевой комитет партии испытывал большие трудности в руководстве такими партийными организациями, как Камчатская и Сахалинская, из-за слабой связи с ними и невозможности укрепить их крепкими партийными кадрами. В связи с этим Гамарник получил письмо за подписью секретаря ЦК ВКП(б) С. Косиора, в котором утверждалось, что краевой комитет «недостаточно полно и своевременно реагировал на вопросы, которые ставились секретарем Камчатского оргбюро т. Кузнецовым в его закрытых письмах», в частности, о регулировании в рыбопромышленности, о торговой политике, о работе среди японцев. Ряд существенных указаний давался непосредственно хозорганам помимо Камчатского оргбюро, что затрудняло партийное руководство. Секретарь ЦК рекомендовал краевому комитету оказать большую помощь Камчатскому оргбюро. В ответном письме Гамарник писал, что краевой комитет принимает все меры, чтобы установить более регулярную связь с Камчаткой, улучшить руководство партийной организацией. В 1927 г. крайком заслушал доклад секретаря Камчатского партбюро, все основные вопросы, поставленные при обсуждении на зимний период, когда с Камчаткой нет связи, были решены. В поддержании связи помогает хабаровская радиовещательная станция, которую на полуострове слышат. Крайне затруднена и внутренняя связь на самой Камчатке. От центра Петропавловска до районов действия АКО существуют огромные расстояния⁵⁴.

Наряду с отчетами на бюро рассматривались вопросы экономического положения: о работе дальневосточной золотодобывающей промышленности, о работе Дальлеса и ближайших задачах лесопромышленности, о состоянии пушного дела, о ходе работы по экспорту, о пятилетнем плане народного хозяйства. Были обсуждены и приняты постановления по таким вопросам, как ближайшие задачи

землеустройства, о рисосеянии и роли Дальриса в крае, о макосеянии, о состоянии совхозов и перспективах их развития. Руководящему партийному органу было дело и до состояния банковской сети и валютной работы.

Обсуждались и социальные вопросы, в первую очередь связанные с преобразованием жизни коренных малых народов: о кооперации в туземных районах, о снабжении товарами северных окраин, итоги советизации туземных районов, о культработе среди национальных меньшинств (корейцев, китайцев и др.) и туземцев и др.

Из крупных социальных проблем, привлечших внимание партийного комитета, можно выделить обсуждение в мае 1927 г. вопроса о жилищном строительстве. Уделено большое внимание организации работы среди молодежи. На бюро обсуждены вопросы: о пионерской работе, о росте краевой комсомольской организации, о ее работе в армейских комсомольских организациях.

Ян Борисович глубоко, всесторонне понимал задачи комсомола, повседневные нужды молодежи, как будто сам был комсомольским работником. В общении с комсомольским активом у него не было ничего покровительственного, навязчивого, дидактического. Он всегда был прост, доброжелателен, но и требователен, в беседах не допускал риторических фраз вроде «наша славная молодежь» и тому подобное. «Помощь и совет везде, всегда и во всем — когда и где это необходимо»⁵⁵. Молодежи импонировала и внешность Яна Борисовича: красивое, умное лицо, обрамленное бородой, лучистые глаза, приветливая улыбка. И манера держаться с людьми — обаятельная, открытая, общительная.

На фотографии 1925 г. Я.Б. Гамарник, справа от него М.А. Брискин — руководитель профсоюзов края и М.Б. Кузениц — секретарь крайкома комсомола среди выпускников совпартшколы. Молодые рабоче-крестьянские лица серьезны и напряжены. Выпускники призваны работать под лозунгом: «Через диктатуру пролетариата к коммунизму». Так их учили в школе. Избачами, пропагандистами, культпартработниками они будут работать в деревнях края.

*Я.Б. Гамарник, М.А. Брискин, М.Б. Кузениц среди выпускников
Дальневосточной областной советско-партийной школы.
Хабаровск, 1925 г.*

Однажды вечером на улице Хабаровска Гамарник, направившийся с коньками на каток, встретил секретаря краевой комсомольской организации ВЛКСМ М.Б. Кузеница и строго спросил: «Я вас ни разу не встречал на катке, почему? Вы пишете резолюции о развитии спорта среди молодежи, а сами что? Пойдемте со мною, я в порядке «партийного руководства» вовлеку в спорт хотя бы одного комсомольского работника. Только тогда вы все в крайкоме комсомола будете иметь моральное право писать резолюции о спорте, — сказал Гамарник, — когда сами покажете пример»⁵⁶. Пришлось комсомольскому вожаку освоить коньки.

Конечно, ряд заседаний бюро посвятили внутрипартийной работе — росту рядов, состоянию кадров и др. Тем не менее краткий анализ обсуждений на бюро крайкома свидетельствует, что партийное руководство брало на себя зна-

чительное количество вопросов, находившихся в прямой компетенции краевых советских властных структур.

При обсуждении на бюро доклада заведующего отдела Пак-Ай о состоянии партийной работы в Посъетском районе Владивостокского округа выяснилось, что среди населения района 88% — корейцы⁵⁷. Граждане соседнего государства, пользуясь открытостью границы, переходят на территорию района из Маньчжурии и Кореи. За шесть месяцев зарегистрировано несколько сот случаев перехода границы корейцами. Взаимоотношения русского и корейского населения характеризуются национальным антагонизмом в скрытой форме, есть трения между корейцами-новоселами и корейцами — советскими гражданами, а также подданными других государств. Из Маньчжурии на территорию Посъетского района переходили небольшие (5—10 человек) корейские банды, которые терроризировали местное население, брали в заложники влиятельных лиц деревень, требовали деньги. В банды входили бывшие корейские партизаны, они рекомендовали себя корейскими революционерами, собиравшими средства якобы на революционные цели. Об этом, в частности, говорилось в воззвании к населению, которое корейцы распространяли на территории района от имени якобы национально-революционной корейской организации в Маньчжурии. Как показал докладчик, массовая работа среди населения района отсутствовала, влияние правоохранительных органов и пограничников было слабым. Бюро крайкома наметило ряд мер по оказанию помощи РК ВКП(б) и изменению в лучшую сторону положения в районе.

Обсудив вопрос о состоянии дальневосточной печати, крайком решил создать отдел печати. В специальной резолюции «О рабселькоровской работе в крае» была выдвинута задача вовлечения в ряды корреспондентов «новых кадров беспартийных рабочих от станка и крестьян от сохи»⁵⁸. Тревогу вызывал низкий разовый тираж газет — в сентябре 1927 г. он составил 50 тыс. экземпляров. Большинство их распространялось в городах, до деревень доходило около трети.

Е.В. Жигадо

Бюро крайкома постановило пополнить редакции газет квалифицированными работниками — коммунистами, расширить связь газет с массами и т. д. Большую роль в развитии газетного дела в крае сыграл заведующий отделом печати крайкома партии В.Я. Волынский, участник якутского восстания политических каторжан, человек умный и образованный.

Как-то Гамарник предложил инструктору крайкома, имевшей высшее экономическое образование, Е.В. Жигадо⁵⁹ проанализировать и обобщить материалы опросов 1200 крестьянских хозяйств края. Так появилась книга «Классовое расслоение дальневосточной деревни»⁶⁰. Первый ее читатель Ян Борисович остался доволен и рекомендовал книгу сотрудникам. Ныне эта книга — важный источник изучения процессов, происходивших в дальневосточной деревне 1920-х гг.

По предложению секретаря крайкома Я.Б. Гамарника бюро приняло постановление об издании экономической

и географической энциклопедии Дальневосточного края, к подготовке которой решили привлечь государственные учреждения, научные и общественные организации. Состав редакции: Гамарник, Чуцкаев, Абрамович, Волинский, на которого возложили обязанности редактора⁶¹. К сожалению, этот проект не был осуществлен.

В соответствии с принятым в партии порядком бюро приняло решение о введении секретаря крайкома Я.Б. Гамарника в члены Реввоенсовета Сибирского военного округа, в который входили дальневосточные военные корпуса. Таким образом, партия обеспечивала свое влияние в вооруженных силах. Это решение бюро Далькрайкома было утверждено Политбюро ЦК ВКП(б).

А в марте 1928 г. коллеги и друзья поздравляли Яна Борисовича с награждением орденом Красного Знамени. Приказом Реввоенсовета СССР было объявлено постановление президиума ЦИК СССР о награждении в ознаменование десятилетия Красной армии орденом Красного Знамени члена РВС Сибирского военного округа тов. Гамарника⁶².

Непреложным правилом Гамарника-руководителя были встречи с рабочими, крестьянами, военными, многочисленные поездки по краю. Так, в 1927 г. он участвовал в партийной конференции во Владивостоке, выступал с докладами в Благовещенске и Хабаровске.

В деятельности бюро и его секретариата заметное место занимали кадровые вопросы. ЦК ВКП(б) направлял на работу в край партийных, советских, профсоюзных работников, военных, специалистов. Все они утверждались на бюро крайкома. Так, в 1926 г. на бюро был утвержден посланный ЦК полномочным представителем ОГПУ по Дальнему Востоку Ф.Д. Медведь. Существовало кадровое движение и в обратном направлении — с Дальнего Востока на запад. По разнарядкам ЦК ВКП(б) краевой комитет в 1928 г. направил 15 человек учиться в технические учебные заведения, несколько коммунистов — в Свердловский и Уралосибирский комвузы. Редактор газеты «Тихоокеанская звезда» Родин был направлен на подготовительные курсы красной

профессуры, несколько китайцев — в университет Сунь Ятсена.

В деятельности секретаря крайкома партии важное место стали занимать идеологические вопросы, связанные с борьбой против троцкизма. Гамарник, как кандидат, а с 1927 г. как член ЦК ВКП(б), принимал участие в работе всех Пленумов ЦК партии. На них генсек Сталин разоблачал троцкизм, ссылаясь на Ленина, боролся за единство рядов партии, за ее генеральную линию. В этом Сталин находил поддержку большинства членов партии и наращивал свой авторитет.

Набравшая обороты внутрипартийная борьба против троцкизма, с одной стороны, отвлекала силы партийных руководителей, рядовых членов партии от решения назревших народно-хозяйственных и социальных проблем. С другой, она вела к установлению в Коммунистической партии, не имевшей оппозиции, безраздельной власти генсека И.В. Сталина. Этот процесс, продолжавшийся около десятилетия, для большинства коммунистов не был очевидным. В этом большинстве Я.Б. Гамарник не был исключением.

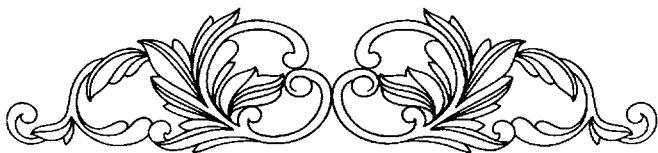
Сильно отвлекали Гамарника от дальневосточных дел сравнительно частые поездки в Москву на пленумы ЦК ВКП(б), партийные конференции и съезды, присутствие на которых было строго обязательным. Каждая такая поездка почти на месяц отрывала от участия в решении текущих дел. Во время очередной поездки в Москву Я.Б. Гамарник узнал, что ЦК ВКП(б) принял решение об отзыве его с Дальнего Востока. 8 августа 1928 г. Я.Б. Гамарник провел последнее заседание секретариата Далькрайкома, в котором участвовал назначенный новый секретарь Дальневосточного комитета партии И.П. Перепечко. Ян Борисович знал его по работе на Украине. Гамарник с грустью покидал край, с которым так много его связывало, где он вырос до компетентного регионального руководителя. Гамарник думал, что покидает Дальневосточный край навсегда, но скоро убедился, что сильно ошибался.

Состоявшийся 25 октября 1928 г. пленум Далькрай-

кома ВКП(б) в своем постановлении записал: «Я.Б. Гамарник в течение 5 лет (1923—1928) (фактически около 6 лет. — *Н. Д.*) был одним из ответственных руководителей советской и партийной работы в крае. Исключительная энергия и способности были отданы им на дело восстановления Дальневосточного края... на дело социалистического строительства. Край вступил в полосу мощного строительства, благодаря вниманию, настойчивости и четкости руководства со стороны тех органов, которыми руководил Я.Б. Гамарник...

Пленум выражает твердое убеждение, что на другом ответственном участке работы Я.Б. Гамарник сохранит те же черты большевистской непримиримости, твердости, исключительную энергию преданности нашей партии, делу строительства социализма»⁶³.

Правая рука наркома обороны

Одну из своих статей, посвященную Я.Б. Гамарнику, К.Е. Ворошилов озаглавил «Он был моей правой рукой». Что подвигло бывшего наркома обороны СССР за два года до кончины, в 1967 г., написать статью о Гамарнике: угрыzenie совести, желание в какой-то мере спустя 30 лет отдать дань памяти человеку, которого сильно уважал и ценил и которого, в конце концов, предал? Скорее всего, кто-то попросил Ворошилова поделиться воспоминаниями о его заместителе в 30-е гг. Об обстоятельствах работы автора над статьей свидетельствует использование документов Центрального государственного архива Советской армии (ЦГАСА, ныне Российский государственный военный архив, РГВА). Статья написана не формально, в ней проскальзывает симпатия к Гамарнику. Вполне возможно, что статья не устроила заказчика, и Ворошилов написал еще одну статью, посвященную Я.Б. Гамарнику, о содержании которой красноречиво говорит ее название: «Большевик-ленинец»¹. И тем не менее существует неоспоримый факт: Ворошилов написал воспоминания только о Я.Б. Гамарнике.

В конце 1920-х гг. Гамарник сделал головокружительную карьеру: из партийного руководителя отдаленного от центра региона — в заместители наркома обороны. Впрочем,

тогда многие коммунисты неожиданно взлетали на самые верхние ступени карьерной лестницы и столь же неожиданно оказывались в «зияющей пропасти».

Региональных партийных работников Политбюро ЦК ВКП(б) переводило с места на место подобно тому, как шахматист передвигает фигуры на шахматной доске. Если в партийном центре работой секретаря были удовлетворены, то со временем он передвигался в более крупный или более высокий по статусу регион. В партийном лексиконе даже существовал особый термин «перебросить» работника.

После работы на Дальнем Востоке Политбюро «перебросило» Я.Б. Гамарника с востока дальнего на самый запад, в Белоруссию, назначив его секретарем ЦК компартии Белорусской советской республики.

В сельскохозяйственной республике полным ходом шла форсированная коллективизация с широким применением принуждения и насилия. Осенью 1929 г. в Белоруссии проходили крупные маневры войск Белорусского военного округа. Как первый секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии и член военного совета военного округа республики, Гамарник принял в них самое активное участие. Сказался его опыт военно-политической и организаторской работы, приобретенный в Гражданской войне и на Дальнем Востоке. Было мобилизовано население республики на оказание помощи военным в проведении маневров, которые, по оценке присутствовавшего на них наркома К.Е. Ворошилова, прошли вполне успешно. Здесь, на маневрах, произошло близкое знакомство наркома с Я.Б. Гамарником, с которым до этого он встречался на партийных съездах, конференциях и пленумах. Энергичный, деловой партийный секретарь произвел на наркома хорошее впечатление. Когда же в связи с предстоящим новым назначением А.С. Бубнова, с 1924 г. возглавлявшего Политическое управление РККА, встал вопрос о кандидатуре начальника, Ворошилов предложил на этот ответственный пост наряду с Якиром первого секретаря ЦК ВКП(б) Белорусской республики.

16 сентября 1929 г. Ворошилов отправил Сталину, от-

дыхавшему в Сочи, телеграмму следующего содержания: «Телеграфируй твое мнение о кандидатурах на пост начпура. Лично выдвигаю кандидатуры Якира и Гамарника. Кое-кто называет фамилии Постышева и Картвелишвили. Вопрос необходимо разрешить скорее, так как создается нехорошее впечатление, ввиду отсутствия заместительства Бубнову»². Не называя определенную фамилию, Сталин ответил: «Можно назначить либо Якира, либо Гамарника. Остальные не подходят»³. И для Ворошилова, и для Сталина кандидатуры Якира и Гамарника были равнозначными. Скорее всего, нежелание командующего войсками Украинского военного округа Якира переходить на партийно-политическую работу в наркомате решило судьбу Гамарника.

Уже в середине октября 1929 г. Гамарник приступил к исполнению обязанностей начальника Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (ПУ РККА) и члена Реввоенсовета СССР (РВС). Он стал сталинским выдвиженцем, поскольку в решении кадровых вопросов генсеку Сталину принадлежало решающее слово. Гамарник вошел в состав советской партийно-политической и военной элиты Советского Союза.

Факт появления в руководстве Красной армии Я.Б. Гамарника был замечен в русской эмиграции. В вышедшей в Берлине книге, редактором и основным автором которой был русский философ И.А. Ильин, сообщалось: «Именитый член Коммунистической партии 01.10.1929 г. назначен руководителем Политического управления армии»⁴. Любопытно, что Гамарник назван «именитым», т. е. известным коммунистом.

Каким же человеком, руководителем восприняли Я.Б. Гамарника сотрудники наркомата военных и морских дел? Почти восемь лет прослуживший бок о бок с Гамарником секретарем И.М. Рачков свидетельствовал: «Ян Борисович не принадлежал к числу тех руководителей, которые с первого своего появления завоевывают подчиненных. Он не расточал улыбок, ему было чуждо похлопывание по пле-

чу. Гамарник был требователен, строг, подчас суров. Но целеустремленность, сдержанная страстность чувствовались в каждом шаге, в каждом слове, не могли не действовать на тех, кто работал рядом с ним. Он был демократичен по натуре, у него не возникало надобности держаться запанибрата, чтобы слыть «своим»⁵. Гамарник обладал удивительным даром притяжения людей. Работать с ним приходилось с напряжением, подчас трудно, но всегда интересно, как считали его соратники.

Тогда не было принято говорить о немалых преференциях и льготах, предназначенных для партийно-политической и военной элиты Советского Союза. Так у Гамарника появился автомобиль с шофером. С семьей он поселился в отдельной просторной квартире по адресу: Большой Ржевский переулок, дом 11, где жили крупные военачальники. Домашнее хозяйство семьи вела домработница, что тогда было распространено в этом кругу. Летом в распоряжении членов семьи была государственная дача в Подмосковье. Они могли отдыхать в лучших санаториях Крыма. Командирский бесплатный паек, в который входили сахар, масло, мясо, крупы, овощи и хлеб, а также добавочный «ответственный паек» полностью обеспечивали семью продовольствием.

Как же Ян Борисович относился к привилегиям и льготам? Может быть, как большинство начальствующего состава РККА, образ жизни которого отличался корпоративной замкнутостью и восприятием «положенного» как само собой разумевшимся, без комплекса: «А как там народ?».

Воспоминания родных, друзей и сослуживцев Гамарника помогают ответить на этот важный морально-нравственный вопрос. Можно ограничиться двумя эпизодами.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) страдавший сахарным диабетом Гамарник был направлен в Австрию на лечение. С целью конспирации ему пришлось сбрить бороду, надеть штатский костюм и под чужой фамилией отправиться в путь. Уезжал он на 1,5—2 месяца, а через две недели секретарь И.М. Рачков получил приказ его встретить.

«На вокзале подхожу к международному вагону, — вспоминал он, — Яна Борисовича нет. Поднимаю голову и вижу его идущего от общего вагона. «Понимаешь, — говорит, улыбаясь, — профессор этот ни черта не может, а тратить на себя государственное золото, которое так нужно стране, я не считаю вправе. Поэтому я сбежал. Ну а из этих же соображений ехал в общем вагоне. Валюта — опять же не моя, а народная...» Когда Ян Борисович пришел на заседание, многие его не узнали. Без бороды, молодой. Надежда Константиновна Крупская спросила у Ворошилова: «Кто это?» А ведь она хорошо знала и любила Яна Борисовича»⁶.

Дочь Гамарника Виктория Яновна, в замужестве Кочнева, вспоминала, как однажды, опаздывая в школу, она попросила отца подвезти ее на машине. «Никогда не забуду, как отец посмотрел на меня:

— А на чем Ира ездит в школу? (Ира — школьная подруга. — *Н. Д.*). — Пешком ходит. — А ты чем лучше? — Но ведь я опаздываю... — В следующий раз встанешь пораньше. — С этими словами отец захлопнул передо мной дверцу машины и уехал. Вечером он сказал мне:

— Запомни, дочка, раз и навсегда: ты не имеешь никакого отношения к отцовской служебной машине. Вырастешь, заслужишь, тогда другое дело. Если будет тебе полагаться машина, едь на ней на здоровье. А пока ходи пешочком, как все ребята»⁷.

Можно с полным основанием утверждать, что Гамарнику было присуще такое необходимое, но редко встречающееся качество руководителя, как «социальная совесть», т. е. способность соразмерять уровень своей жизни с уровнем материального достатка большинства людей. Многие из начальствующего армейского состава воспринимали это качество зам. наркома как своего рода чудачество, другие не верили в искренность Гамарника, подозревали его в показухе, в шутку называли его «партийным апостолом» и «партийным аскетом».

Постепенно жизнь семьи Яна Борисовича вошла в столичную колею и подчинилась ритму большого города. По-

сле окончания института красной профессуры жена, Блюма Савельевна, стала работать редактором-консультантом в издательстве, готовившем историю Гражданской войны в СССР. Для Блюмы Савельевны, члена большевистской партии с 1917 г., активной участницы большевистского подполья в Одессе, Гражданская война была не только героической страницей истории, но и очень важной главой ее личной жизни.

Дом Яна Борисовича и Блюмы Савельевны был открыт для друзей. Когда по случаю каких-либо сборов в Москву приезжали старинные друзья с Украины и Дальнего Востока, то они непременно собирались в их гостеприимном доме.

Новому начальнику Политического управления РККА не терпелось окунуться в живую, реальную армейскую жизнь. С этой целью он отправился в один из важнейших военных округов — Украинский, где служило несколько военачальников, его ближайших соратников по Гражданской войне. Это командующий войсками округа И.Э. Якир, его заместитель И.Н. Дубовой, И.И. Гарькавый и др.

Прошло уже десять лет с тех пор, как они, не имея военного опыта, но воодушевленные революцией, организовали сопротивление белой армии под командованием генерала А.И. Деникина. Командовал только что созданной Южной группой 23-летний бывший студент И.Э. Якир, в реввоенсовет входили Я.Б. Гамарник, Л.И. Картвелишвили, В.П. Затонский. Одной из дивизий командовал Н.И. Гарькавый, в числе командиров были И.Ф. Федько, Г.И. Котовский и др. Южная группа, включавшая оторвавшиеся от 12-й армии три стрелковые дивизии, отвлекая на себя часть деникинских соединений, обеспечивала действия Красной армии на Южном фронте.

К концу августа 1919 г. Южная группа оказалась в тылу наступавших деникинских войск. Войскам Южной группы было приказано отходить на север для соединения с частями 12-й армии, действовавшей в районе Житомира. Ведомые своими боевыми командирами войска разгромили в

боях во много раз превосходившие силы противника и сумели выйти из окружения. Затем они совершили 400-километровый рейд на север, разгромили петлюровские части и овладели Житомиром, родиной Я.Б. Гамарника. Задача, поставленная командованием, была выполнена. Реввоенсовет республики высоко оценил боевую доблесть воинов, частей и соединений Южной группы. По постановлению Совета обороны, подписанному В.И. Лениным, 1 октября 1919 г. 45-я и 58-я стрелковые дивизии были награждены Почетными революционными Красными знаменами, а комсоставу и всем красноармейцам решено было выдать денежную награду в размере месячного оклада содержания⁸. К этому времени Гамарник был комиссаром 58-й дивизии.

Спустя десять лет друзьям было о чем вспомнить. А для Гамарника очень важна поддержка друзей.

Выступая на совещании начсостава в Киеве, Ян Борисович говорил, что вот, мол, «десятилетний отпуск» кончился, он вернулся в Красную армию, а поскольку за это время был связан с нею периодически, по совместительству с партийной работой, то просит товарищей помочь ему окунуться в гущу армейской жизни»⁹.

Общение с начсоставом, посещение нескольких войсковых частей, беседы с красноармейцами и их командирами помогли начальнику ПУ Красной армии войти в курс современной военной работы, понять, какими интересами живут войска, каковы их нужды и стремления.

Своего рода представлением всей Красной армии нового начальника Политического управления явилась статья Гамарника в газете «Правда» 23 февраля 1930 г., посвященная тринадцатому году ее создания. В этой обстоятельной статье, между прочим, утверждалось: «Сегодня больше, чем когда бы то ни было, надо ухватиться за важнейшее звено — за технику. Сегодня сильнее, громче, чем когда бы то ни было, должен звучать лозунг: даешь армии мотор, даешь автомобиль, танк, самолет, даешь технику, даешь лучшее, наиболее современное оружие. А от армии больше, чем когда бы то ни было, надо требовать овладеть техникой,

научиться управлять ею, все выше подымать техническую культуру бойца, командира и политработника»¹⁰.

Политический руководитель РККА Я.Б. Гамарник хорошо понимал значение в воспитательной работе искреннего, убедительного устного слова и высоко ценил печатное слово. Поэтому нередко выступал со статьями в периодической печати. Чтобы поднять роль армейской газеты «Красная Звезда», он почти на целый год взял на себя обязанность ответственного редактора газеты. И 7 декабря 1929 г. очередной номер главной армейской газеты вышел за подписью ответственного редактора Я.Б. Гамарника.

С К.Е. Ворошиловым у Гамарника, которого нарком не без основания считал своим протеже, с самого начала установились хорошие деловые отношения. Для объективного понимания этих взаимоотношений следует дать хотя бы набросок портрета Ворошилова начала 1930-х гг., отказавшись от категоричности советской и постсоветской историографии. По двум важнейшим показателям — партийный стаж с 1903 г. и социальное происхождение — рабочий — Ворошилов имел безупречную номенклатурную биографию. Участие в Гражданской войне в качестве комиссара 1-й Конармии, которой командовал С.М. Буденный, члена реввоенсовета вместе с И.В. Сталиным на Царицынском фронте создало Ворошилову ореол героя Гражданской войны, бесстрашно боровшегося за идеалы Великой Октябрьской революции. Отсутствие систематического образования (начальная школа) и общей культуры не только у Ворошилова, но и большинства тогдашнего партийно-политического руководства СССР компенсировалось живым природным умом, чрезвычайной работоспособностью, личной преданностью Сталину.

С 1926 г. член Политбюро ЦК Коммунистической партии, которое в начале 30-х гг. фактически стало высшим неконституционным органом партийно-государственной власти в СССР, Ворошилов не без основания позиционировал себя как политика и организатора. Он, несомненно, пользовался особой поддержкой Сталина, в близком окру-

*К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Я.Б. Гамарник и др.
в день 50-летия К.Е. Ворошилова. 1931 г.*

жении которого только Ворошилов обращался к генсеку на «ты» и называл его Коба.

5 декабря 1931 г. в армейской газете «Красная Звезда» за подписью Я. Гамарника была опубликована статья «Ворошилов», посвященная 50-летию наркомвоенмора. В статье упоминались главные вехи его 30-летней и «непрерывной, яркой и многогранной большевистской работы и борьбы».

Конечно, автор статьи не мог не подчеркнуть особые отношения Сталина и Ворошилова и сделал это прямо, громко, по-митинговому. «Ворошилов — ученик Ленина, ближайший соратник Сталина — лучшего из лучших учеников Ленина. Много Ворошилову дала совместная работа со Сталиным, работа под непосредственным руководством Сталина». Понятно, почему Ворошилов являлся твердокаменным большевиком, без страха и упрека.

Кроме Ленина, его лучшего ученика Сталина и Фрунзе,

после смерти которого Ворошилов возглавил наркомат военных и морских дел, в статье более никто не упоминался.

Вместе с тем автор статьи коснулся, казалось бы, не юбилейной темы — об отсутствии у юбиляра военного образования. Ворошилов — «не военачальник в общепринятом смысле слова», — говорилось в статье, — «он не изучал военное дело ни в царских военных школах, ни в царских казармах». «Но он изучил в совершенстве в течение многих лет большевистскую стратегию и тактику, дело вождения масс в бой на баррикады на улицах городов, а затем и на полях сражений Гражданской войны», — с пафосом утверждал Гамарник.

Красную армию он характеризовал как «могучую боевую силу, надежный вооруженный оплот пролетарской диктатуры. Она всегда, каждую минуту, готова к беззаветной, героической защите Советского Союза. Крепка спайка в армии всего командного, политического состава и красноармейцев, и крепка их связь с нашей партией». Автор закончил статью такими словами: «Ворошилову 50 лет, он исключительно крепок, молод, и брызжет в нем большевистская энергия, живет крепкий большевистский дух!» И пожеланием еще долго, долго отдавать себя целиком нашей славной партии и Красной армии. Статья была откровенно апологетичной и ангажированной. Очевидно, она и не могла быть иной.

Да, военная теория и практика, стратегия и тактика не являлись сильной чертой наркома Ворошилова. Вместе с тем он вовсе не был ретроградом и вполне осознавал необходимость модернизации Красной армии. Его выступления на военных советах 1934, 1935 и 1936 гг. красноречиво об этом свидетельствовали. В конце концов, массовое оснащение РККА новейшей военной техникой в первой половине 30-х гг. произошло при наркome Ворошилове. «Историки, — считает Л. Самуэльсон, — зачастую изображают Ворошилова как военачальника-консерватора, не до конца понимавшего значение модернизации армии и в течение многих лет отстаивавшего роль кавалерии в современной

войне... Ворошилов, несомненно, предвидел неизбежность развития танковых сил, в том числе и для повышения боеспособности пехотных дивизий. Особый интерес в этой связи представляет оценка Ворошиловым исходных условий для такого развития, которые он характеризовал как систематическое отставание мобилизационной и оборонной готовности советской промышленности»¹¹.

С первых месяцев работы в наркомате начальник Политуправления РККА энергично участвовал в заседаниях Реввоенсовета СССР. Только в 1930 г. он выступил на его заседаниях с докладами по таким важнейшим вопросам, как «О сохранении существующего подчинения военных школ и академий» (3 марта), «О политико-моральном состоянии РККА» (21 октября), «О военно-научной работе» (13 ноября) и др. Ему неоднократно поручалось возглавлять комиссии по доработке проектов таких постановлений, как «О некомплекте начсостава РККА», «О работе военного отдела ГИЗа», «Об изменениях, вносимых в закон об обязательной военной службе» и других.

Много лет спустя К.Е. Ворошилов написал о Я.Б. Гамарнике: «Фактически он стал моей правой рукой по всем вопросам строительства Вооруженных сил Советского Союза. За ним по вопросам военно-политическим я был, как говорит русская поговорка, как за каменной стеной». Поэтому, когда возник вопрос о замене первого заместителя наркомвоенмора, у меня не было никакого сомнения в том, что на этот высокий пост необходимо выдвинуть тов. Гамарника с сохранением за ним обязанностей начальника ПУ РККА»¹². Политбюро ЦК ВКП(б) единодушно высказалось за назначение Гамарника на пост заместителя наркомвоенмора с сохранением за ним обязанностей начальника ПУ РККА. Такое объединение двух важных государственных, политико-военных постов было сделано впервые, что свидетельствовало о высокой степени доверия Я.Б. Гамарнику. При распределении обязанностей между заместителями наркома в октябре 1930 г. в сферу деятельности Гамарника вошли следующие центральные управления и отрасли: ПУ РККА,

Я. Б. Гамарник — начальник ПУ РККА

ГУ РККА, Центральное финансовое управление, Военно-политическая академия, газета «Красная Звезда», наградная комиссия, высшая аттестационная комиссия, ОО (особый отдел) ОГПУ, военная прокуратура и военная коллегия Верховного суда¹³. А также на него было возложено замещение наркома на заседаниях Совета труда и обороны. Кроме этого, ему поручалось председательствовать во многих комиссиях, быть участником различных объединений. Например, он являлся председателем финансово-плановой комиссии наркомвоенмора. Постановлением ЦК ВКП(б) Гамарник был включен в состав главной редакции издания «История Гражданской войны в СССР», постановлением

Реввоенсовета его назначили редактором советской военной энциклопедии.

Выражением высшего партийно-политического доверия явилось выдвижение Гамарника в состав Оргбюро Центрального Комитета ВКП(б). Членом ЦК он был с 1927 г., к тому же еще и членом ЦИК СССР.

С июня 1931 г. еще одним заместителем Ворошилова стал М.Н. Тухачевский. Это был его второй приход в наркомат обороны. Первый состоялся в 1925—1928 гг., когда он был начальником штаба РККА. Но тогда отношения с Ворошиловым не сложились, и он три года командовал войсками Ленинградского военного округа. Можно с большой долей вероятности предположить, что появление в 1931 г. М.Н. Тухачевского в качестве заместителя наркома в наркомате обороны произошло по инициативе не Ворошилова, а Политбюро ЦК, т. е. по предложению Сталина, который уважал Тухачевского как «необычайно способного товарища»¹⁴. Генсек способен был оценить полководческий потенциал Тухачевского и необходимость его нахождения в руководстве наркоматом. Тухачевский возглавил управление вооружений Красной армии, которое координировало действия всех управлений наркомата, ответственных за вооружение. Созданное в 1929 г. управление сначала возглавлял Уборевич, затем назначенный командующим войсками Белорусского военного округа.

Отношения наркома Ворошилова со своим замом Тухачевским с самого начала оказались натянутыми. Находясь в отпуске в Сочи, Ворошилов пишет Гамарнику, что Тухачевский не занимается своим управлением и предлагает на РВС заслушать краткие доклады о положении дела в управлениях — связи, химии, инженерном и артиллерийском. «Можно это сделать в присутствии М.Н., можно и без... Пока, до моего приезда, ничего не говорите»¹⁵. В письме Сталину («Дорогой Коба!») летом 1932 г. Ворошилов, между прочим, выражает недовольство своими заместителями — Тухачевским и Каменевым.

Почти в это же время (май 1932 г.) Сталин в письме Ту-

хачевскому, спустя два года после своей отрицательной реакции на его записку по поводу плана об увеличении численности армии, писал: «Я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не во всем правильными... Конечно, 8-миллионная армия — тоже нереальна, не нужна и непосильна для нашей страны, по крайней мере, в ближайшие три-четыре года (не говоря уже о первой пятилетке)».

«Нет нужды доказывать, что не количество дивизий, а прежде всего их качество, их насыщенность техникой будет иметь отныне решающее значение... Вы согласитесь со мной, что 6-миллионной армии, хорошо снабженной техникой и по-новому организованной — будет вполне достаточно для того, чтобы отстоять независимость нашей страны на всех, без исключения, фронтах. А такая армия нам более или менее по силам...» В письме содержался и такой пассаж: «Не ругайте меня, что я взялся исправлять недочеты своего письма с некоторым опозданием»¹⁶.

Исследователи высказывают разные точки зрения по поводу этого запоздалого сталинского послания, но что оно было продиктовано новой военной политикой — бесспорно. Нападки на Тухачевского за Варшавскую операцию 1920 г. продолжались. В связи с этим Сталин решил «приласкать» Тухачевского, из обиженного и недовольного превратить его в довольного и спокойного. Может, этой поддержкой Тухачевского генсек пытался несколько ослабить влияние Климса? Некоторые авторы считают, что хитроумному генсеку могло прийти в голову и такое.

Тухачевский и Гамарник были погодками и принадлежали к молодому поколению руководящих работников наркомата. Разница в социальном происхождении и жизненном опыте не помешала Я.Б. Гамарнику и М.Н. Тухачевскому сразу же установить доброжелательные отношения. Тухачевский ценил в Гамарнике образованность, воспитанность, высокую организованность. Гамарник же видел в Тухачевском талантливого военного стратега, обладавшего обширной эрудицией. При этом он терпимо относился к

его неординарным поступкам в личной жизни, которые для самого Гамарника были исключены.

Поскольку отношения наркома К.Е. Ворошилова и начальника штаба армии А.И. Егорова с М.Н. Тухачевским были весьма напряженными, иногда переходившими в стычки, главному партийному руководителю РККА Гамарнику нередко приходилось выступать в роли буфера, искать компромиссные решения. Благодаря этому в руководстве наркомата удавалось сохранять стабильность и высокую работоспособность.

Ян Борисович оказался в руководстве военным наркоматом в тот период, когда в партийных и военных кругах пришло понимание необходимости укрепления единоначалия в Красной армии. Гамарник принял деятельное участие в обсуждении на заседании РВС в декабре 1929 г. вопроса «О мерах укрепления единоначалия в РККА». В постановление он предложил включить пункт, обязывающий ПУ РККА разработать систему военной подготовки политработников. С его участием был подготовлен проект приказа, обязывающего армейских политработников, не имевших военной подготовки, сдать экзамены за военную школу. Этот проект с сопроводительным письмом Гамарника был направлен на имя наркома. В результате на свет вышел приказ РВС № 40, сыгравший огромную роль в военной подготовке политработников и в укреплении курса на единоначалие¹⁷. Со временем Ян Борисович сформулировал принципиальную формулу: «...решать две задачи — боевую и политическую — как одну задачу»¹⁸. Этот тезис он неоднократно повторял в своих устных и печатных выступлениях и последовательно проводил в армии, что положительно отразилось на сплочении командного и политического состава армии и флота.

Как делегат, избранный дальневосточными коммунистами, Гамарник участвовал в работе XVI съезда ВКП(б). В день открытия съезда 27 июня 1930 г. с Политическим отчетом выступил И.В. Сталин. Доклад носил мажорный характер, что в немалой степени было обусловлено глу-

бочайшим кризисом, охватившим страны Западной Европы и США, и первыми позитивными результатами выполнения заданий первого пятилетнего плана. В СССР были достигнуты высокие темпы промышленного роста (26—32%)¹⁹. В докладе Сталин противопоставил СССР всему цивилизованному миру. Докладчик умело использовал прием противопоставлений для усиления эмоционального воздействия на аудиторию, когда многократно повторял: «У нас, в СССР, — подъем, рост, повышение, укрепление, усиление. У них, у капиталистов, — кризис, ухудшение, снижение, потеря, обострение, провал, растерянность и т. д. Такой стиль изложения, которым мастерски владел Сталин, делал доклад доходчивым и понятным для основной массы делегатов съезда, не отличавшейся высокой образованностью. К тому же многие делегаты, прошедшие Гражданскую войну и формировавшиеся в ее горниле, воспринимали окружающее в категориях «друзья — враги». Поэтому картина мира, которую нарисовал Сталин черно-белыми красками, нашла у них полный отклик и одобрение. Докладчик часто задавал вопросы, предельно четко их формулируя, и тотчас на них давал развернутые, убеждающие ответы. Несмотря на насыщенность большим количеством показателей в цифрах и процентах, благодаря ораторским приемам доклад Сталина был воспринят делегатами съезда на одном дыхании. Докладчик несколько раз цитировал В.И. Ленина, подкрепляя свои выводы ленинскими цитатами, или делал их исходными в раскрытии того или иного выдвигаемого тезиса. Отчетный доклад Сталин закончил фразой: «Да здравствует ленинизм!» Последовали громкие, долго не смолкавшие аплодисменты, овации всего зала, как написано в собрании сочинений И.В. Сталина.

Главная идея доклада, которая была вполне аргументирована, состояла в выдвижении новой задачи — организации наступления социализма по всему фронту, реконструкции всего народного хозяйства СССР. Речь шла не только о выполнении заданий первой пятилетки в четыре года, но и о выполнении ее отдельных показателей в два-три года.

С точки зрения внутрипартийной жизни в отчете ЦК ВКП(б) содержался важный вывод: «...нет больше оформленной и сплоченной оппозиции, способной противопоставить свою особую линию генеральной линии партии»²⁰. Тем не менее задача борьбы на два фронта — против троцкистской оппозиции, которую «мы давно разгромили и выкинули вон», и с правыми оппортунистами, с их лидерами — Бухариным, Рыковым, Томским, отстаивавшими «мелкобуржуазный либерализм», — по-прежнему оставалась актуальной для партии. В докладе Сталин слегка коснулся вопроса о репрессиях. «Репрессии в области социалистического строительства, — считал он, — являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным»²¹. В целом доклад создал оптимистическую, приподнятую атмосферу в Кремлевском зале. Недавно отметивший свое 50-летие Сталин выглядел бодрым, энергичным, общительным. Гамарник оказался в составе секретариата съезда и вторично был избран в состав Центрального Комитета ВКП(б).

Когда в 1931 г. по решению Политбюро нарком Ворошилов отправился в большую поездку — Урал, Сибирь, Дальний Восток, вместо себя на «хозяйстве» он оставил Гамарника. Не успев в Москве дать ему наказы, нарком с дороги 12 июля 1931 г. пишет большое письмо, по существу, «краткую записку о первоочередных делах». «Вчера на КО (Комиссия обороны. — *Н. Д.*), — сообщал Ворошилов, — обсуждался в порядке направления морской вопрос. Этим делом, морскими вооружениями, серьезно занялся Сталин, и по его предложению штаб и наморсил, а также промышленность должны через два месяца представить доклад о строительстве морских сил на ближайшие 4 года (1932—1934 гг.). В виде директивы даны устные задания — исходить из необходимости постройки 200—250 подлодок, 40—50 миноносцев, 150—200 торпедных катеров, усиления береговой обороны, морской авиации и пр. Избрана специальная комиссия для разработки единого доклада для КО. От нас в комиссию входят М.Н. (Тухачевский. — *Н. Д.*),

Егоров и Орлов. Очень прошу заинтересоваться вопросом и следить за работой этой комиссии. Важнейшей задачей штаба и морских сил... вопрос о защите Дальнего Востока и Севера. И на Дальнем Востоке и на Муроме необходимо кроме береговой обороны строить надводный, а главное подводный флот... Новая морская программа должна основательно изменить все контрольные цифры нашей бюджетной наметки. Хорошо бы предварительно об этом поговорить со Сталиным»²². Ворошилов просит Гамарника, к которому он обращается как к «дорогому Яну Борисовичу», одного работника тереть, другому помочь, третьего поддерживать, а еще: вникните, проследите, оживляйте, форсируйте, заинтересуйте, варганьте. Думается, такой наказ мог написать только человек, обладающий несомненным организаторским талантом. Это письмо, а также письма Ворошилова Гамарнику 1932 г. свидетельствуют о большом доверии наркома Яну Борисовичу. Обстоятельность, огромная работоспособность, образованность и культура Гамарника импонировали наркому. Установились дружеские отношения и на неформальном уровне. В летнее время, проживая в дачной местности Зубалово, «мы часто встречались и часто проводили отдых вместе», — вспоминал Ворошилов²³. Он знал супругу Яна Борисовича Блюму Савельевну и дочку Victoriю, которую в семье звали Ветой. В постскрипуме письма от 13 января 1932 г. Ворошилов писал Гамарнику, находившемуся в продолжительной командировке в ДВК: «Вчера и б.л. (6 января. — Н. Д.) катался на катке вместе с Веточкой. Жизнерадостна и выглядит чудесно. Вчера видел Вашу супругу, здорова, шлет привет и пр.»²⁴.

Перед наркоматом и Реввоенсоветом встала неотложная задача: совершенствовать структуры и методы центральных и окружных военных аппаратов. С началом широкого оснащения Красной армии новой боевой техникой стали появляться новые рода войск, что потребовало перестроить военный управленческий аппарат. Этот вопрос по инициативе К.Е. Ворошилова поставили на обсуждение Реввоенсовета. Создали комиссию, которая должна была

внести по этой проблеме свои предложения на обсуждение Реввоенсовета. Однако предложения первой комиссии были отвергнуты. Создавались новые комиссии, в т. ч. одну из них возглавил начальник штаба РККА Б.М. Шапошников. Предложения комиссий сводились только к коренной ломке военного аппарата без идей о перестройке методов его работы. Эти проекты Реввоенсовет не принял и в ноябре 1930 г. создал очередную комиссию под руководством Я.Б. Гамарника. В нее вошли И.П. Уборевич, Р.А. Муклевич, Б.М. Шапошников, В.К. Триандафиллов и др.²⁵ Комиссия всесторонне изучила проблему, проанализировала опыт работы военного наркомата и округов. К тому времени в составе центрального военного аппарата уже создали центральные технические управления: управление моторизации и механизации РККА, центральное военно-химическое управление и ряд других. Координация работы всех военно-технических управлений была возложена на начальника управления вооружений во главе с заместителем наркомвоенмора СССР. Комиссия пришла к выводу, что военный аппарат не нуждается в радикальных преобразованиях, и предложила внедрить оперативные формы руководства вооруженными силами в соответствии с задачами технического перевооружения и насыщения армии боевой техникой.

Комиссия Гамарника внесла предложение создать центральное управление боевой подготовки Красной армии. Выступая за это новшество на заседании Реввоенсовета в 1931 г., Ян Борисович доказал, что такое управление абсолютно необходимо, ибо боевой подготовкой занимались все центральные управления, подходя к решению этого важнейшего вопроса с узковедомственных позиций. Получалось, что в Красной армии систематическое руководство боевой подготовкой отсутствовало. Предложения комиссии о совершенствовании методов работы центрального аппарата сводились к устранению излишней централизации, к предоставлению больших прав начальникам центральных управлений в сочетании с большей их ответственностью.

Речь шла о передаче ряда второстепенных вопросов от наркомата центральным управлениям, что позволило бы военному руководству сосредоточиться на решении принципиальных вопросов строительства вооруженных сил страны. Особо это касалось, по мнению Гамарника, штаба РККА.

Реввоенсовет принял предложения комиссии Гамарника. Было создано центральное управление боевой подготовкой РККА, которое сыграло положительную роль в деле укрепления боеспособности армии. Приняты и другие предложения комиссии.

В компетенцию Политуправления входила организация военно-научной работы, которая в период технической модернизации армии приобрела особо важное значение для эффективного строительства вооруженных сил. Вопрос о военно-научной работе обсуждался на заседании Реввоенсовета еще в июле 1929 г., когда были намечены некоторые меры по ее улучшению. Чтобы ввести нового начальника в курс этих мер, нарком направил ему специальное письмо, в котором подчеркнул: в научно-исследовательской работе... «отмечается почти полное отсутствие организованного руководства. Это не может не грозить целым рядом «вредных искривлений»²⁶.

Понимая необходимость координации военных исследований, Я.Б. Гамарник внес предложение создать главный руководящий центр военно-научной работы. Было решено, что таким центром должно стать постоянное совещание по вопросам военно-научной работы под председательством наркома. Приказом РВС СССР (22 июля 1930 г.) было создано такое совещание, в которое вошло 58 человек: заместители наркома, начальники центральных военных управлений, ряд командующих военными округами и члены военных советов, начальники военных академий, руководящие работники ПУ, штаба РККА, преподаватели военной академии им. М.В. Фрунзе, представители государственных гражданских инстанций.

При обсуждении на заседании РВС (ноябрь 1930 г.) доклада Я.Б. Гамарника «О военно-научной работе» было

решено систематически заслушивать на заседаниях постоянного совещания отчеты и планы работы военной секции Комакадемии, научно-исследовательской секции Центрального совета Осоавиахима, военных академий. При начальнике управления по вооружению РККА создали также постоянные совещания по вопросам работы военных научно-исследовательских институтов.

Внеся плановость и организованность в научно-военное дело, постоянное совещание при наркомате сыграло значительную роль в развитии военно-научной работы. Активно работало совещание при управлении вооружения. В декабре 1932 г. Тухачевский предложил создать центральную систему координации научно-военных исследований, которые велись в наркоматах и в вооруженных силах. Таким координирующим органом должен был стать Особый научно-технический комитет при комиссии обороны. Постановление «О мобилизации научно-технической работы для нужд Красной армии» было подписано Орджоникидзе, Бухариным, Тухачевским, Уншлихтом, Ягодой и др.²⁷

Л. Самуэльсон назвал Тухачевского вдохновителем развития военной мысли от понятия «глубокого боя» до более сложной и масштабной теории «глубокой операции»²⁸. Сталин фактически одобрил идею Тухачевского заложить в основу советского военного планирования новую теорию «глубоких операций». Вынесенный на рассмотрение в 1932 г. план Тухачевского включал удары с воздуха по тылам вражеской армии еще на этапе ее мобилизации, танковые операции на границе и тяжелые бомбовые удары...²⁹

Тухачевский, Триандафиллов, Халепский, Жигур и другие «модернисты» получили возможность действовать в тесном сотрудничестве над выработкой военно-технической политики и созданием видов вооружений — танков, истребительной, бомбометательной и транспортной авиации, химического оружия и экспериментальных технических средств. Как считает Самуэльсон, в начале 30-х гг. XX в. и в теории, и в практике ведения современной маневренной войны Советский Союз явно опережал Германию. И по мере

того, как германская армия усваивала принципы, близкие к тем, которые уже получили развитие в советской военной доктрине, вермахт становился грозным противником³⁰.

Созданные форсированным путем колхозы, часто с применением насилия и принуждения, остро нуждались в людях, способных грамотно руководить коллективными хозяйствами и отдельными отраслями работы в них, специалистах, которые бы смогли управлять трактором и другими сложными сельскохозяйственными машинами, в людях-борцах за перестройку сельского хозяйства на социалистический лад. К решению этой сложной насущной задачи привлекли Красную армию. 30 января 1930 г. на заседании РВС СССР был заслушан доклад начальника ПУ РККА Гамарника «Красная армия и коллективизация сельского хозяйства». Помощь Красной армии деревне характеризовалась такими показателями: в 1927 г. в армии было подготовлено 31 576 демобилизованных воинов для работы на селе, в 1928 — 61 998 и в 1929 — 70 986 человек. Уволенными из рядов армии красноармейцами и младшими командирами было организовано более 150 крупных красноармейских колхозов, главным образом на переселенческих землях Дальневосточного края, Сибири и Казахстана. Вместе с тем Гамарник считал, что все же участие армии в коллективизации недостаточно. Он поставил задачу настойчиво вести подготовку из красноармейцев организаторов колхозов, «бойцов на фронтах ликвидации кулачества как класса». Трудно представить себе, что подготовленные в армии организаторы колхозного движения проявляли терпимость и лояльность в отношении крестьянства и не применяли военно-принудительные методы в обобщении крестьянских хозяйств. Вовлечение вчерашних красноармейцев и младших командиров являлось дополнительным фактором насилия и принуждения при коллективизации. Но эта сторона тогда совершенно не учитывалась, более того — полностью игнорировалась. Немаловажно, что в докладе Гамарник обратил внимание всех красноармейцев, краснофлотцев, командиров и политработников на необ-

ходимость ни на минуту не забывать и твердо помнить, что основная и главная цель их работы и учебы в Красной армии — подготовить высококвалифицированного в военном отношении, политически грамотного бойца, способного с оружием в руках бороться за дело социализма.

Реввоенсовет Союза поставил перед армией задачу подготовить в 1930 г. из числа активистов армии и младших командиров 100 тыс. человек, способных вести массовую работу в деревне, в том числе 75 тыс. — для руководящей работы в колхозах. Эту огромную работу возложили на ПУ РККА, и с большим трудом она выполнялась в течение ряда лет.

В мае 1931 г. по линии ПУ РККА было созвано 3-е Всеармейское совещание секретарей партийных ячеек, на котором с докладом «Ячейка в боевой и политической подготовке» выступил начальник управления Я.Б. Гамарник. Как опытный партийный работник, он остановился на формах и методах партийно-организационной и агитационно-массовой работы в армии, обратил внимание на особенности партийно-политической работы в мотомеханизированных и бронетанковых частях, в авиачастях, в военно-учебных заведениях, говорил о значении низовой военной печати. В докладе Гамарник подчеркнул роль Красной армии как школы воспитания защитников Советской страны.

Начальник Политического управления убедил Ворошилова в необходимости его выступления на совещании. В полторачасовом докладе наркому удалось представить картину преобразования Красной армии в ближайшие годы. Свое выступление он начал с тезиса о неизбежности войны и ее особенностях. «Будущая война в начальной ее стадии (по крайней мере), — говорил нарком, — будет жесточайшей и кровопролитнейшей войной. В войне будут применяться машины истребления в количествах и качествах, далеко превосходящих все, что знала империалистическая война»³¹. Сказав, что сейчас буржуазные специалисты ведут между собой горячие споры о роли и задачах машины (мотора) в будущей войне и размерах будущих армий, Ворошилов поставил вопрос: «Как мы должны к этому вопро-

су относиться?» Его ответ был определенным: «Сочетать силу человека (массы) с силой военной техники (машина) и в результате создать всесокрушающую армию социалистического государства»³². В связи с этим нарком поставил двуединую задачу — обеспечить высокий уровень подготовки личного состава армии, командиров в первую очередь, и оснастить Красную армию военной техникой. Подчеркнув, что Красная армия молода по возрасту, а страна унаследовала техническую отсталость, Ворошилов акцентировал внимание на том, что индустриализация «позволит нам круто взяться за перевооружение и техническое оснащение Красной армии»³³.

После этого докладчик, используя заранее подготовленные диаграммы, показывал и доказывал, какие внушительные количественные и качественные изменения в рабоче-крестьянской армии претерпят стрелковое оружие, артиллерия, авиация, произойдет оснащение армии танками. На заявление Ворошилова о том, что неизбежно сокращение кавалерии в армии, из аудитории был задан вопрос: «Как к этому отнесется С.М. Буденный?» — «Правильно отнесется», — последовал ответ.

Нарком сделал вывод, что через пару лет Красная армия будет неузнаваемой. В армии должен быть другой, новый личный состав, для которого будут характерны культура, военно-техническая грамотность, дисциплина и «высокая сознательность бойцов». По мнению докладчика, пока у личного состава имелась только политическая сознательность, все остальные качества предстояло выработать и воспитать.

Придавая важное значение проблеме, обсужденной на Всеармейском совещании, ЦК ВКП(б) заслушал доклад Гамарника «О военной ячейке» и его сообщение об итогах работы 3-го Всеармейского совещания секретарей партийных ячеек. Постановление ЦК партии, аккумулировавшее идеи и предложения доклада начальника Политуправления РККА, стало основой перестройки всей партийно-политической работы в армии и на флоте, направленной на выполнение

главной задачи — боевой и политической подготовки всех красноармейцев в условиях реконструкции Красной армии.

ЦК партии рекомендовал для инспектирования воинских соединений привлекать наиболее квалифицированные кадры армейских политработников, направлять в воинские части подготовленных докладчиков по важнейшим политическим и экономическим проблемам. При этом Центральный комитет предупредил партийные организации: «Ни в коем случае не допускать загрузки неармейскими заданиями командно-политического состава, и без того загруженного сейчас повышением своей военной подготовки и овладением военной техникой»³⁴.

Одобрив решения 3-го Всеармейского совещания секретарей партячек, Центральный комитет ВКП(б) дал ряд практических указаний, направленных на дальнейшее укрепление работы военных партийных организаций. Военным политорганам было предложено установить более тесную связь с красноармейскими ячейками.

Служивший с конца 1930 г. около трех лет в наркомате помощником инспектора кавалерии РККА, Г.К. Жуков отмечал, что «все центральные управления наркомата и инспекции Красной армии работали активно, творчески, жили полнокровной жизнью. Хорошо были поставлены изучение марксистско-ленинской теории, общеобразовательная и культурно-массовая работа. Партийные собрания проходили активно и самокритично»³⁵.

Центральный Комитет ВКП(б), его руководящие органы — Политбюро и Оргбюро, судя по всему, высоко ценили деятельность Я.Б. Гамарника как военно-политического руководителя. В честь 15-летия Красной армии в 1933 г. большая группа военачальников была награждена орденами. За выдающуюся работу по укреплению обороноспособности СССР замнаркома по военным и морским делам и зампредседателя РВС СССР Я.Б. Гамарник был награжден орденом Ленина. Это его вторая и самая высокая правительственная награда. И последняя... После Гамарника вторым в списке награжденных орденом Ленина стоял

Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский

М.Н. Тухачевский, замнаркома по военным и морским делам и зампредседателя РВС СССР, «за исключительные заслуги перед революцией в деле организации обороны Союза ССР на внешних и внутренних фронтах в период Гражданской войны и последующие организационные мероприятия по укреплению мощи РККА». Эта формулировка невольно обращает на себя внимание своей нестандартностью. Кто мог так определить заслуги Тухачевского? Ворошилов? Навряд ли, имея в виду его весьма критическое отношение к Михаилу Николаевичу. Тогда остается только один человек, который имел право таким образом оценить заслуги Тухачевского, — это Сталин. В подтверждение выдвинутой версии следует сказать о сложившейся в начале 30-х гг. практике в руководстве Политбюро ЦК партии. В связи с назначением В.М. Молотова председателем СНК

обязанности своего заместителя по партии Сталин передал Л.М. Кагановичу, который, по словам Молотова, был «сталинистом двухсотпроцентным»³⁶. Каганович не только возглавлял работу Оргбюро и ряда важнейших отделов ЦК, но и руководил заседаниями Политбюро в период отпусков Сталина. Как очевидно из опубликованной переписки Сталина и Кагановича, последний согласовывал с генсеком все без исключения решения Политбюро. Например, о постановке в Москве доски почета передовых колхозов области или о сносе Сухаревской башни. Поэтому невозможно представить, чтобы награды крупных военачальников Красной армии прошли мимо Сталина. Более того, чтобы он не внес таких корректив, как «исключительно личные заслуги перед революцией в деле организации обороны Союза ССР на внешних и внутренних фронтах...» Эта формулировка фактически снимала с Тухачевского обвинение за поражение в польском походе 1920 г. и гибели тысяч красноармейцев на фронте и в польском плену, в чем его время от времени незаслуженно обвиняли лица, сами причастные к этому провалу, например, А.И. Егоров. Л. Самуэльсон утверждает, что в начале 30-х гг., архивные источники показывают, в тот момент Сталин полностью доверял Тухачевскому как специалисту по военному планированию³⁷.

Ответственность за поражение под Варшавой нес и Сталин, как член Реввоенсовета. Возможно, таким образом он хотел завуалировать и свою негативную роль.

В начале 1934 г. состоялся XVII съезд ВКП(б), который партия презентовала как «съезд победителей». В отчетном докладе ЦК генсек Сталин подчеркнул, что обострение экономического и политического положения в капиталистических странах «...поставило на очередь войну как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств»³⁸.

Был сформулирован тезис о двух очагах будущей войны — фашистская Германия в Европе и Япония в Азии. Это положение стало исходным для советской дипломатии и военно-политического руководства СССР.

Мог ли не радоваться Гамарник тому, что на съезде партии впервые Дальневосточному краю было уделено особое внимание. Во второй пятилетке первой проблемой края определялся транспорт. Это строительство вторых путей Уссурийской железной дороги, развертывание постройки крупнейшей новой линии — Байкало-Амурской магистрали, крупных шоссейных путей, а также возведение автосборочного завода в Хабаровске.

Намечались крупные работы по развитию морского и речного транспорта, реконструкция Владивостокского и Петропавловского-на-Камчатке портов, регулирование реки Амур. Планировалось окончание строительства крупнейшей судостроительной верфи в Комсомольске-на-Амуре, коренная реконструкция Дальзавода во Владивостоке.

Второй важнейшей проблемой в развитии ДВК во втором пятилетии названа проблема топлива, в особенности жидкого. Намечалось окончание строительства в Хабаровске завода по переработке сахалинской нефти, добыча которой должна была увеличиться почти в четыре раза. Добычу же угля планировалось увеличить более чем в три раза. Огромное значение для перспективы развития ДВК имело намечавшееся строительство металлургического завода в Комсомольске-на-Амуре.

Предусматривалось также дальнейшее развитие рыбной промышленности, решили довести добычу рыбы на Дальнем Востоке до 23,6% всей добычи в Союзе.

Было намечено строительство целого ряда предприятий пищевой и легкой промышленности. В области сельского хозяйства речь шла об увеличении посевных площадей, росте сельскохозяйственной продукции и особенно о развитии животноводства.

В целом же изменения, которые должны произойти в ДВК за 1933—1937 гг., получили выражение в краткой формуле: «Дальневосточный край, гигантски повышая во втором пятилетии свою хозяйственную мощь... становится незыблемым форпостом Советского Союза на Тихом океане»³⁹.

На одном из вечерних заседаний съезда с большой речью «Еще сильнее будем крепить оборону советской страны» выступил нарком К.Е. Ворошилов⁴⁰. В газетном изложении она включала три раздела. При этом проблема первого раздела «За рост поголовья, за хорошего коня» была актуальна не только для сельского хозяйства, но и для РККА. Второй раздел «Социалистический транспорт не должен отставать» был в русле заданий второй пятилетки и обеспечения обороны страны. А вот третий раздел «Укрепление обороны СССР» целиком касался дела, ответственность за которое нес наркомат и сам нарком. В этом разделе докладчик охарактеризовал социальное лицо Красной армии (рабоче-крестьянское), затем социально-политическое лицо и подготовку командного состава, особо остановился на борьбе за культуру и знания. Закончил свою речь нарком положением на Дальнем Востоке. «В Японии, — утверждал он, — цинично и откровенно обсуждаются подробности завоевания нашего Приморья, Забайкалья и даже всей Сибири... Было бы странным, если бы мы сделали вид, что по-прежнему доверчиво относимся к нашему дорогому соседу». Приготовления Японии к войне идут по линии наращивания военной экономической базы, реорганизации, перевооружения и количественного усиления вооруженных сил, подготовки плацдарма в Маньчжурии. Военный бюджет Японии увеличился с 443 млн иен (1930 г.) до 937 млн иен (1934 г.). Нарком подчеркнул, что если начнется война, то она будет «серьезной». Говоря об ответных мерах по укреплению Дальнего Востока, Ворошилов, не приводя каких-либо данных, с некоторым бахвальством сказал, что вооруженные силы этого района «мы маленечко усилили» и укрепили границу. Его речь неоднократно прерывалась аплодисментами, и нарком даже пошутил, что если аплодисменты будут продолжаться, то он не сможет уложиться в отведенные ему 1,5 часа.

Дальневосточная тема на XVII съезде была продолжена и в выступлении командующего ОКДВА В.К. Блюхера, который привел данные о готовящейся Японией агрессии

*К.Е. Ворошилов, Я.Б. Гамарник среди военных делегатов
XVII съезда ВКП(б). Москва. 1934 г.*

против СССР: в Маньчжурии за два года построено свыше тысячи километров железных дорог в направлении к северной границе, две с лишним тысячи километров грунтовых дорог, около 50 аэродромов и авиационных баз.

По свидетельству Ворошилова, во время съезда он узнал, что кандидатура Я.Б. Гамарника выдвигается на пост секретаря ЦК ВКП(б). Не желая потерять ценного работника, нарком, чтобы предупредить события, поговорил с Гамарником и убедил его не уходить с военной работы. Ворошилов получил обещание от своего заместителя, что он останется в наркомате на военной работе, которую он считает очень важной в обстановке растущей опасности⁴¹.

Я.Б. Гамарник вновь стал членом Центрального комитета ВКП(б), в состав которого впервые был избран и М.Н. Тухачевский.

Вопрос о реорганизации центрального и окружного аппарата РККА, о характере управления войсками в округе и на флоте был вынесен в сентябре 1933 года на совещание

членов ЦК партии. И.В. Сталин выступил против коллегиального руководства в военных округах и предложил ликвидировать в них военные советы. Большинство членов Реввоенсовета СССР, в том числе и нарком Ворошилов, поддержали это сталинское предложение. «Только один Ян Борисович твердо отстаивал необходимость военных советов в округах и на флотах». В докладной записке, поданной в ЦК ВКП(б) в апреле 1934 г., он «особенно настойчиво и убедительно доказывал необходимость сохранения военных советов в таком виде, как они исторически сложились, и предупреждал, что ликвидация их приведет к снижению уровня руководства вооруженными силами, к ослаблению боевой и политической подготовки армии и флота»⁴². Однако «по настоянию И.В. Сталина в 1934 году РВС СССР и военные советы округов и флотов были ликвидированы»⁴³.

Как говорилось в постановлении ЦИК СССР, с целью усиления централизованного руководства Вооруженными Силами, укрепления единоначалия в армии и на флоте Реввоенсовет СССР, который являлся коллегией наркомвоенмора, был упразднен. В свою очередь, народный комиссариат по военным и морским делам переименовали в народный комиссариат обороны СССР во главе с наркомом обороны, которому в оперативном отношении подчинялись командующие войсками военных округов. Одновременно упразднению подверглись и революционные военные советы в военных округах. Вместо них введены должности двух заместителей командующего войсками округа, один из которых являлся заместителем по политчасти — начальником политического управления округа.

Через некоторое время выяснилось, что ликвидация военных советов была ошибочной, и постановлением ЦИК СССР от 10 мая 1937 г. военные советы в составе: председатель — командующий войсками округа (флота) и двух членов военного совета (из коих один должен быть, как правило, первым секретарем местного высшего партийного органа) были восстановлены. Конечно, по своему составу это были уже другие военные советы в округах. Теперь их

целиком поставили под партийный контроль. Тем не менее, К.Е. Ворошилов видел в этом факте принципиальность Гамарника в отстаивании своей точки зрения.

В ноябре 1934 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о народном комиссаре обороны СССР и Положение о военном совете при народном комиссаре обороны СССР⁴⁴. В Положении о народном комиссаре обороны СССР сформулированы возложенные на народный комиссариат обязанности, первая из которых — разработать и представить на утверждение правительства планы развития, строительства и вооружения Рабоче-крестьянской Красной армии. Из 13 обязанностей выделим еще две: организация и строительство всех сухопутных, морских и воздушных сил Красной армии, руководство их боевой и политической подготовкой и оперативное использование их в мирное и военное время, развитие и совершенствование всех средств вооружения и боевой техники. Были определены органы управления и состав народного комиссариата обороны (НКО). После штаба РККА, который «является центральным органом управления народного комиссариата обороны Союза ССР по подготовке и использованию Вооруженных Сил СССР для обороны страны»⁴⁵, вторым центральным органом НКО являлось Политическое управление РККА, «осуществляющее руководство всей партийно-политической работой в Красной армии»⁴⁶. Во главе Управления стоит начальник Политического управления РККА, на которого возлагалось руководство деятельностью всех политорганов, организаций ВКП(б) и ВЛКСМ в армии; руководство постановкой политзанятий с красноармейцами, младшим начсоставом и марксистско-ленинской подготовкой начсостава и курсантов; подготовка, подбор и распределение политсостава РККА; руководство Военно-политической академией и курсами усовершенствования комполитсостава; партийно-политический контроль за издательской работой в РККА и руководство красноармейской печатью и др.⁴⁷

Конечно, в Положении отражены были уже сложившиеся и действовавшие структуры наркомата, их обязанности.

Вместе с тем Положение придало им законодательный характер и четкое, комплексное оформление.

Согласно второму Положению Военный совет при НКО входил в состав наркомата обороны, действовал при наркомате обороны в качестве совещательного органа. Нарком являлся председателем Военного совета; его члены утверждались правительством СССР по представлению наркома обороны.

Военный совет рассматривал вопросы, поставленные на его обсуждение наркомом обороны, а также и те, которые выдвигались членами совета. Все решения Военного совета утверждал нарком обороны и проводил их в жизнь своими приказами и распоряжениями⁴⁸. Начиная с 1934 до 1938 г. регулярно в конце каждого года совет собирался на свои заседания, на которых обсуждались вопросы совершенствования боевой подготовки РККА, строительства Вооруженных сил, обучения командно-начальствующего состава и т. п.

Благодаря публикации, начиная с 2000 г., документальной серии стенограмм Военных советов при наркомате обороны СССР появилась возможность судить о работе высшего совещательного коллегиального органа военного управления наркомата обороны Советского Союза, выявить широкий спектр взглядов и личную позицию многих членов Военного совета, руководителей центрального аппарата наркомата обороны и командующих округов.

Первый состав Военного совета при НКО СССР был определен в количестве 80 чел. во главе с председателем, наркомом обороны К.Е. Ворошиловым и его заместителями Я.Б. Гамарником и М.Н. Тухачевским. Членами совета стали начальник штаба РККА и его заместители, начальники управлений наркомата обороны, другие работники центрального аппарата, командующие войсками военных округов, некоторые командиры корпусов и бригад, политработники. Большинство членов Военного совета длительное время служило в РККА, по многу лет командовало крупными соединениями, войсками военных округов

или морскими силами. Почти все они имели боевой опыт (99%), в том числе являлись участниками Первой мировой и Гражданской войн (47%). Несмотря на высокие занимаемые должности, они были сравнительно молоды: их средний возраст составлял 41,8 года. Более 30% имели высшее военное образование⁴⁹. Состав военного совета был квалифицированным, способным и обсуждать крупные актуальные проблемы военного строительства, и вырабатывать ценные практические рекомендации по укреплению армии и флота, по обеспечению безопасности СССР.

Первое заседание Военного совета проходило в Москве в Краснознаменном зале Центрального дома Красной армии с 10 по 12 декабря 1934 г. Обсуждался один вопрос: «Об итогах боевой подготовки РККА за 1934 г. и о задачах на 1935 г.». Заслушали пять докладов, с которыми выступили: начальник Штаба РККА А.И. Егоров, заместитель начальника Штаба РККА и начальник отдела боевой подготовки Штаба РККА А.И. Седякин, начальник управления Воздушных сил РККА Я.И. Алкснис, начальник управления Морских сил РККА В.М. Орлов, заместитель начальника Политического управления РККА А.С. Булин.

Открыл заседание и выступил с заключительной речью К.Е. Ворошилов. М.Н. Тухачевский и Я.Б. Гамарник выступили в прениях.

Военный совет заседал после XVII съезда ВКП(б), на котором выступавшие впервые соревновались в том, как оригинальнее назвать вождя Сталина, какой эпитет употребить. Любопытно, что на первом Военном совете в речах Ворошилова, Гамарника, Тухачевского и др. отсутствовали становившиеся ритуалом ссылки на высказывания генсека, более того — о Сталине никто не вспомнил. На совете выступило 65 человек, в том числе 47 членов Военного совета. В центре обсуждения находился разбор военных учений, которые были проведены летом 1934 г. в Приволжском (ПриВО), Украинском (УВО), в Белорусском (БВО) и других военных округах. В ходе них практически отрабатывались требования по ведению глубокой операции, которые

были изложены в приказе и других руководящих указаниях наркома обороны. В ПриВО под руководством командующего войсками округа П.Е. Дыбенко прошли учения «Прорыв оборонительной полосы противника стрелковым корпусом». В УВО были разыграны учения с участием всех родов войск на тему: «Пограничные боевые столкновения в начальный период войны». Аналогичные военные учения прошли и в Белорусском военном округе под руководством командующего войсками И.П. Уборевича.

Интересна оценка наркомом этих учений. Ворошилов говорил, что в Приволжском военном округе «нам показали парад с большим количеством войск, с большим количеством стрельб, с артиллерийской и авиационной бомбежкой и ничего другого. Никакой учебы, ничего поучительного, ничего нужного для того, чтобы люди чему-нибудь научились, мы на этом учении не видели... Польза только та, что все посмотрели, плюнули и сказали: «Ну, больше этого делать нельзя... (Смех.) ...Я убежден, что три года тому назад люди разъехались бы с восторгом, потому что там было много гула, много шума. Танки брали огромные препятствия... Теперь мы научились: больше этого делать не нужно»⁵⁰. Характеризуя маневры Украинского и Белорусского военных округов, Ворошилов сказал, что они были организованы по-другому, задачи были поставлены разумные, цели войскам были поставлены конкретные. Пехота действовала «чудесно, танки в отдельных случаях действовали прекрасно», авиация — «очень хорошо», «а в целом — войска действовали неважно»⁵¹.

Ворошилов обратил внимание военных руководителей на то, что будущая «война будет маневренной, подвижной». «Вы должны прежде всего научиться искусству управления войсками, искусству использования всех родов войск в сложных условиях боя, современного боя, насыщенного огромным количеством техники, боя своенравного и боя исключительного, которого мир никогда не видел»⁵². Это положение являлось ключевым в наркомовской речи.

Особо Ворошилов остановился на овладении танковым

оружием. Оно «очень сильное, но в то же время страшно сложное оружие, и, что скверно, оно громоздко. Очевидно, тут многое нам не ясно. Для меня является почти аксиомой то, что такое крупное соединение, как танковый корпус — дело надуманное, неправильное, и придется, очевидно, от этого отказаться». Такое мнение наркома было обусловлено во многом тем, что «мы танком владеем, как машиной, владеем замечательно, он у нас умеет поворачиваться и несложные маневры совершать, но танковыми частями, да еще в сочетании с другими родами войск, мы еще не овладели, танками не умеют командовать общевойсковые начальники»⁵³.

Из выступления Тухачевского командующие и военные специалисты впервые слышали о том, что английский военный теоретик Д. Фуллер выдвинул задачу создания механических средств управления усложняющимися событиями в бою, а в США работают над использованием в бою телевидения. Критикуя медленные методы работы штабов корпусов и дивизий, Михаил Николаевич говорил о слабом использовании ими радио в управлении.

По вопросу о подготовке к бою штаба корпуса и штаба армии между Ворошиловым и Тухачевским произошла дискуссия. Нарком между прочим бросил реплику: «Мы танцуем от печек, которые у нас запечатлелись в мозгу от периода 1917—1918 гг., от империалистической войны. Но оборона теперь носит совершенно другой характер, чем тогда»⁵⁴. По поводу спора на тему о том, кто царица полей сражения — пехота или артиллерия, Тухачевский сказал в заключение своей речи: «Царицей должно быть общевойсковое взаимодействие, а не какой-либо отдельный род войск»⁵⁵.

Быстрое насыщение войск РККА новыми видами вооружения — артиллерией, танками, авиацией — сопровождалось ростом катастроф, гибелью людей, что свидетельствовало о крупных недостатках в боевой и воспитательной работе в Красной армии. Перед военными руководителями со всей остротой встал человеческий фактор. Этому Я. Б. Гамарник посвятил большую часть своей речи. Техниче-

ская модернизация армии, насыщение ее танками, новыми образцами артиллерии остро поставили проблему повышения общеобразовательного и технического уровня начальствующего состава РККА. Значительную часть командного и начальствующего состава армии составляли выходцы из народных низов, из рядовой солдатской массы, отличившиеся в братоубийственных битвах Гражданской войны. Благодаря смекалке, упорству, преданности революционному делу отличившиеся в Гражданской войне в советское время стали быстро подниматься по иерархической военной лестнице до самых верхов. Многие из них имели «неоконченное низшее образование», в лучшем случае они учились на скороспелых академических курсах, а практически ограничивались багажом ведения партизанской войны. В Красной армии складывалось крупное противоречие, опасность которого вполне осознавал Я.Б. Гамарник. Поэтому проблему человеческого фактора Ян Борисович начал с начальствующего состава армии, с анализа его общеобразовательной подготовки, которая «не занимает в нашей системе того места, которое она должна во что бы то ни стало занимать»⁵⁶. «...Сейчас основные вопросы нашего отставания начальствующего состава в целом ряде элементов боевой подготовки и в первую очередь в вопросах управления... упирается в значительной степени не только в плохую разведку и связь, они упираются в недостаточную общеобразовательную подготовку начсостава, старшего и высшего»⁵⁷. Этот строгий, но справедливый вывод он подтвердил данными об итогах экзаменов молодых командиров при поступлении в Академию им. М.В. Фрунзе. А они выглядели так: диктант написали на единицу 63% поступавших, на двойку — 15%, на тройку — 18%, на четверку — 2,3% и на пятерку — 0,7% экзаменовавшихся. 38% сдававших экзамен по математике получили неудовлетворительные оценки, 42% сдали на удовлетворительно. Перед аудиторией Гамарник поставил вопрос, ответ на который был очевиден: может ли быть грамотным в военном отношении командир артиллерийского полка, если он не знает

математику? Быть сейчас командиром корпуса, управлять четко войсками и не знать дробей, не уметь разделить многозначное число — невозможно»⁵⁸.

Гамарник полностью поддержал Дыбенко, который рассказал о проверке общеобразовательного уровня начсостава в трех гарнизонах округа и предложил в программе обучения четыре часа отвести общеобразовательной подготовке начсостава. «У нас очень много блестящих командиров, — говорил Ян Борисович, — которые в годы Гражданской войны, может быть, и не могли расписаться, но прекрасно воевали. Но сейчас ничем не оправдано, что на восемнадцатом году революции не заставляем их по-настоящему заниматься общеобразовательной подготовкой. Это касается и молодежи, которая оказывается недостаточно грамотной».

По мнению начальника Политуправления, нельзя быть хорошими командирами, военачальниками, не зная истории военного искусства. Нужно знать конкретно, знать детально историю мировой империалистической и Гражданской войн. Это нужно не только для просвещения, но и для получения ответов на целый ряд конкретных актуальных вопросов сегодняшнего дня.

Особо он остановился на изучении истории Русско-японской войны. Многие командиры ОКДВА знали ее глубоко поверхностно. «Вы знаете, — продолжал Гамарник, — что я последние 2 года очень усиленно занимался вопросами Дальнего Востока, торчал там много времени и стал читать многое из того, что было написано о Русско-японской войне... Я не только просвещался, но и получал ответ на целый ряд конкретных актуальных вопросов сегодняшнего дня... Целый ряд вопросов, которые я поднимал в правительстве, меня наталкивали материалы о Русско-японской войне»⁵⁹.

Выход виделся в том, чтобы в центральном аппарате наркомата создать небольшую группу из высококвалифицированных педагогов, которые будут следить за состоянием общеобразовательной подготовки начальствующего состава, будут инспектировать и заставлять людей по-настоящему учиться.

Начальник ПУР РККА критиковал сложившуюся в войсках практику наложения взысканий. В некоторых частях и дивизиях 60—70% состава имели взыскания. Необходимо было поднять воспитательную педагогическую роль взысканий и проводить их дифференцированно. В пример такого отношения к взысканиям и внимательного отношения к воспитанию дисциплины Гамарник привел Белорусский военный округ. Он говорил о нелепостях, допускаемых при наложении взысканий, отсутствии у командиров педагогического конкретного подхода к провинившемуся красноармейцу. Он привел пример: вот прекрасный красноармеец рассмеялся в строю, за это его наказывают. А может быть, этот молодой парень «нервного происхождения, может быть, его толкнул кто-нибудь». «Мы с вами конкретно должны заняться вопросом дисциплины, — поставил задачу начальник ПУ, — чтобы начальник приезжал в часть и проверял, кто из красноармейцев наказан, за что наказан, и чтобы он мог объяснить в полку нелепость такого-то наказания и почему действительный виновник не наказан». Он вел речь о повышении требовательности командиров к подчиненным и к самим себе, о том, что «все наши инспектора и инспекции центрального управления грешат приукрашиванием действительности и очковтирательством».

Были поставлены задачи повышения уровня политической работы в Красной армии, ведя которую, необходимо доходить до конкретного красноармейца. И это задача не только политработников, но и командиров.

Под аплодисменты он закончил свою речь словами: «Проверка нам с вами будет не на инспекторских смотрах... Хвастаться будем тогда, когда будем бить врага, что называется, вдребезги. Вот тогда будем хвастаться»⁶⁰.

Говоря о политико-моральном состоянии Красной армии, нарком Ворошилов в заключительной речи подчеркнул, что в РККА «очень много всяких безобразий» — много пьяниц, воров, очковтирателей, происходит много несчастных случаев, за которые никто не несет ответственность. Утонул катер с 8 человеками, никто не знает причин

этого происшествия. «У нас так: 10, 12, 15 человек исчезли где-нибудь, перебили, — и ничего. Вместо керосина наливают бензин, этот бензин взрывается и калечит 27 чел., и никто не несет за это ответственность...»⁶¹ «Если бы я вам сейчас привел цифры несчастных случаев, так у вас, у тех, у кого еще есть на голове волосы, они бы дыбом встали. Прямо безобразие. Точно мы сейчас воюем!»⁶², — с горечью говорил нарком.

Нарком был прав, когда одну из причин таких безобразий он видел в проявлении у командирского и начальствующего состава «рассейской» ментальности. «Мы — рыцари на час, нас хватает ненадолго! Мы еще не воспитали в себе немецкой аккуратности, постоянства в поступках, в действиях, в настроении, во внутренней мобилизации. Мы можем сидеть по 15 часов за столом... накурить мы можем так, что задохнешься за полчаса, но работать напряженно, разумно, аккуратно... — этого не хватает»⁶³. Сославшись на вывод Гамарника о том, что «слишком мы нянчимся с командным составом», Ворошилов сказал, что «иной раз нужно командиров стегать по-настоящему, и вышибать, и под суд отдавать... Для наведения жесткого порядка придется применить взыскания»⁶⁴, — сделал вывод Ворошилов.

Большое внимание на Военном совете было уделено вопросам управления, особенно в высшем звене, ведению разведки, овладению средствами радиосвязи, совершенствованию организационной структуры стрелковых и кавалерийских соединений, механизированных корпусов. Выступавшие одобрили установление техминимума знаний, введение обязательного изучения иностранных языков, военной истории и истории военного искусства в военных школах и академии.

Проведенную Военным советом работу нарком назвал научно-исследовательской, чрезвычайно полезной для войск, для дальнейшего укрепления нашей доблестной Красной армии.

Имевшиеся в армии особые отделы (НКВД) основное внимание уделяли проверке и удалению из частей команди-

ров и красноармейцев — контрреволюционных элементов, пробравшихся в армию. В 1933 г. прошло массовое увольнение, когда из армии было изгнано 22 308 человек. Более половины из них уволили по признаку социальной принадлежности (бывшие кулаки и их родственники, духовенство, бывшие офицеры). По признаку политической неблагонадежности — около 9 тыс. человек⁶⁵.

В мае 1934 г. в деятельность особых отделов были внесены значительные изменения, ограничившие их влияние в воинских частях. И к этому имел прямое отношение Я.Б. Гамарник. Грубый допрос, который армейский контрразведчик учинил технику авиационной части, стал причиной того, что он улетел на самолете за границу. По представлению начальника ПУ РККА Гамарника Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о запрещении особым отделам впредь «вызывать и допрашивать командиров и красноармейцев без ведома и согласования с комиссаром части»⁶⁶. Военнослужащие теперь находились под защитой политических органов в войсках.

Авторы книги «Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг.» Владимир Хаустов и Леннерт Самуэльсон считают, что до весны 1937 г. репрессии в армии заключались главным образом в увольнении со службы. И в этом они видят влияние и авторитет наркома обороны К.Е. Ворошилова, который являлся членом Политбюро и «ближайшим послушным соратником Сталина», в то время как начальник НКВД Г.Г. Ягода был только кандидатом в члены ЦК ВКП(б). На запрос Особого отдела ГУГБ (Главное управление государственной безопасности НКВД СССР) о получении санкции на арест того или иного военнослужащего Ворошилов часто наносил такую резолюцию: «Не обязательно всякого дурака арестовывать, можно и просто выгнать из РККА»⁶⁷.

За 1934—1936 гг. из Красной армии было уволено около 22 тыс. военнослужащих, из них около пяти тыс. считались оппозиционерами, около десяти тыс. были арестованы за различные преступления. Аресты высшего командного

состава по политическим мотивам носили единичный характер.

Линия Политуправления РККА на ликвидацию среди красноармейцев безграмотности привела к оживлению этой работы в военных округах. С этой целью военные обращались за помощью к выпускникам техникумов и студентам институтов. Ныне известный ученый, доктор исторических наук, профессор Н.И. Павленко вспоминал, как в 1933 г. после успешного окончания педтехникума ему и еще двум выпускникам было поручено отправиться из г. Ейска в кавалерийский лагерь, где проходили переподготовку ранее отслужившие в кавалерии красноармейцы. В политотделе прибывшим объяснили, что они должны заниматься с красноармейцами в течение 60 минут после «мертвого часа». Учителям определили палатку и выдали талоны на добротное питание в командирской столовой. «Нас поразило, — пишет Н.И. Павленко, — огромное количество неграмотных красноармейцев, призванных на переподготовку в возрасте от 25 до 35 лет. Все они были жителями центральных районов России... Выяснилось, что не менее 90% из них не умели ни читать, ни писать».

За полтора месяца пребывания в лагере каждый из учителей провел не более десяти занятий, поскольку уроки то и дело срывались: то ожидали прибытия в лагерь наркома обороны К.Е. Ворошилова и наводили на территории шик-блеск, то мешала непогода, то неведомые причины. Конечно, за такой срок научить красноармейцев грамоте было невозможно. Автор не без основания предполагал, что «политотдел лагеря наверняка доложил вышестоящим инстанциям об успехах...»⁶⁸. А как трудно, неприятно было заслуженным командирам садиться за школьные учебники, какие при этом существовали уловки, откровенно рассказывал на Военном совете В.К. Блюхер. Преподаватель, бравшийся за короткий срок подготовить такого ученика к сдаче экстерном школьный курс математики, давал задание заучить несколько примеров, поскольку знал требования экзаменационной комиссии. «Этот ничего не знающий

балда, заучив 10—12 примеров, шел на экзамен, и очень часто ему удавалось сдать экзамен на аттестат зрелости. Мне тоже обещали за 9 месяцев подготовить меня за нормальный курс классической гимназии. Ничего у меня не вышло, зарезался по русскому языку, хотя типично русский человек»⁶⁹. Но, конечно, среди начальствующего состава были и удачливые, кто получал за скороспелую учебу аттестаты.

В 1935 г. продолжалась реорганизация системы управления РККА. Морские силы переименовываются в Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский флоты. Образуются новые военные округа: Киевский, Забайкальский, Уральский, Закавказский. В сентябре штаб РККА был реорганизован в Генеральный штаб (ГШ) РККА. Безусловно, все эти преобразования повышали оперативное руководство войсками и мобилизационную готовность страны.

Известно, что советское партийно-политическое руководство строило Рабоче-крестьянскую Красную армию на принципе противопоставления ее дореволюционной армии России, решительно отвергая ее традиции и опыт. Уже в 1920-е гг. от части норм и принципов, постулируемых как социалистические (добровольность, выборность командиров и т. д.), вынуждены были отказаться, ввиду их несовместимости с воинской дисциплиной и боеспособностью армии. В 1930-е гг. этот процесс продолжался.

Важным решением, направленным на повышение авторитета командиров в Красной армии, укрепление командных и начальствующих кадров, стало решение Советского правительства в 1935 г. (22 сентября) о введении персональных воинских званий в Красной армии. Вводились следующие звания:

маршал Советского Союза,
командарм 1-го ранга,
командарм 2-го ранга,
комкор (пехота), комдив (автобронетанковые войска),
комбриг (ВВС),
полковник (пехота),
майор (артиллерия),

капитан (ВВС),
старший лейтенант (пехота),
лейтенант (кавалерия),
старшина (пехота),
младший комвзвода,
отделенный командир (артиллерия),
красноармеец (пехота).

Были установлены соответствующие знаки различия, которые размещались на петлицах с окантовкой под цвет золота и на рукавах выше обшлагов⁷⁰.

Ян Борисович непосредственно участвовал в разработке и подготовке проекта этого решения Советского правительства, особенно в части, касавшейся военно-политического состава всех родов войск. Тогда были установлены воинские звания: политрук, старший политрук, батальонный комиссар, полковой комиссар, бригадный комиссар, дивизионный комиссар, корпусной комиссар, армейский комиссар 2-го ранга и армейский комиссар 1-го ранга.

Под руководством начальника ПУ прошла аттестация всего политического состава армии с целью присвоения новых званий в соответствии с опытом каждого политработника и его квалификации.

ЦИК и СНК СССР 20 ноября 1935 г. опубликовали постановление о присвоении звания «Маршал Советского Союза» В.К. Блюхеру, С.М. Буденному, К.Е. Ворошилову, А.И. Егорову и М.Н. Тухачевскому. Постановлением правительства Союза ССР Яну Борисовичу Гамарнику было присвоено воинское звание армейского комиссара 1-го ранга.

В условиях эскалации военной опасности правительство СССР принимало энергичные меры по повышению боеспособности РККА и укреплению обороноспособности страны. Расходы на оборону СССР выросли с 1420,7 млн руб. (4% госбюджета СССР) в 1933 г. до 8195,1 млн руб. (12,8% госбюджета СССР) в 1935 г., т. е. в 5,8 раза⁷¹.

Одновременно происходил рост численности РККА. В 1935 г. она насчитывала 930 тыс. человек против

Маршалы Советского Союза. 1935 г.

610,3 тыс. человек на октябрь 1927 г. Мобилизационный план предусматривал развертывание Вооруженных Сил СССР на случай войны численностью до 4,8 млн человек⁷². Смешанная система (кадровая и милицейско-территориальная) строительства армии во многом исчерпала себя, и с начала 30-х гг. наметился переход к чисто кадровой системе комплектования. К концу 1935 г. уже 77% дивизий стали кадровыми и только 23% остались территориальными.

Вместо развития гражданских отраслей производства (пищевой, текстильной, обувной и т. д.), обеспечивающих население продуктами и товарами, шло форсированное наращивание оборонной промышленности. За период с 1928 по 1935 г. оснащенность РККА возросла: по ручным пулеметам более чем в 9,5 раза; орудиям (76,2 мм и выше) — в 2,1; по танкам (преимущественно легким) — в 82,9;

автомобилям — в 33,6 раза. С 1930 по 1936 г. число подводных лодок увеличилось более чем в восемь раз, малых надводных кораблей — в четыре раза⁷³.

Резкий шаг вперед сделала военная авиация. К концу 1935 г. самолетный парк достиг 6672 машин, что в пять раз больше, чем в 1928 г. Улучшилось качество самолетов, их скорость за семь-десять лет возросла в два раза, потолок повысился у истребителей на 25—37%, у бомбардировщиков — на 80—150%⁷⁴.

Актуальные проблемы РККА, которые решались в 1935 г. и ставились на 1936 г., чтобы повысить боевую и мобилизационную готовность армии и флота, дальнейшее техническое оснащение Вооруженных сил, организационное совершенствование войск и сил флота, были вынесены на заседание Военного совета, который состоялся в декабре 1935 года. В повестке его заседания пять вопросов:

1. Итоги боевой и политической подготовки РККА за 1935 г. и задачи на 1936 г. Докладчики: начальник Генерального штаба РККА маршал Советского Союза А.И. Егоров, первый заместитель наркома обороны СССР, заместитель председателя Военного совета армейский комиссар 1-го ранга Я.Б. Гамарник и начальник Морских сил РККА флагман флота 1-го ранга В.М. Орлов.

2. Авиационные вопросы. Докладчик начальник управления Воздушных сил РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис.

3. Мероприятия по улучшению эксплуатации, хранения и сбережения оружия, боеприпасов и технического имущества в войсках и на складах. Докладчик второй заместитель наркома обороны СССР маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский.

4. Об обозно-вещевом и продовольственном снабжении РККА. Докладчики: начальник управления обозно-вещевого снабжения РККА корпусный интендант Д.И. Косич и начальник управления продовольственного снабжения РККА корпусный интендант А.И. Жильцов.

Командование наркомата обороны. 1935 г.

5. О мерах по выполнению правительственного постановления в отношении удешевления строительства на 1936 г. Докладчик начальник строительства квартирнго управления РККА дивизионный комиссар Ф.Я. Левензон.

К этому времени исполнилось пять лет, как Я.Б. Гамарник возглавил Политическое управление РККА, которое стало высоко профессиональным военно-политическим управлением, ответственным за постановку всей политико-воспитательной работы среди красноармейцев и командно-начальствующего состава Красной армии. За это время начальник Политуправления своей необычайной работоспособностью, разумной требовательностью, особой, присущей лишь ему внимательностью к военному человеку, независимо от его звания и должности, приобрел заслуженный авторитет не только у партработников, но и всего командного и начальствующего состава. Между собой они называли Яна Борисовича Борода. Ссылка: «Борода сказал», — воспринималась как приказ.

Систематически бывая в войсковых частях и на боевых кораблях, Гамарник хорошо знал кадры армии и флота. По признанию Ворошилова, при подборе к назначению командиров и политработников частей и соединений он всегда старался узнать мнение Гамарника и всегда получал глубокую и четкую характеристику, что позволяло взвешенно решать кадровые вопросы.

Доклад на Военном совете армейский комиссар 1-го ранга Гамарник посвятил итогам боевой и политико-воспитательной подготовки РККА в 1935 г. В отличие от выступления на совете 1934 г. в докладе содержались неоднократные ссылки на сталинские речи, а также заявления такого рода, как «быть достойными учениками Ленина — Сталина», «наши вожди Ленин — Сталин», «великий учитель и вождь т. Сталин», «величайший стратег пролетарской революции т. Сталин» и даже «наш любимый Сталин».

В связи с ростом состава Красной армии в ряды политработников в 1935 г. влились 1200 чел. из запаса и 500 чел., выдвинутых из рядовых красноармейцев и младшего начсостава⁷⁵. Необходимо было их подготовить, хотя бы в объеме требований приказа НКО от 18 февраля 1930 г. об обязательном минимуме знаний для политсостава РККА.

Политуправления армии и округов в 1935 г., по словам Гамарника, немало сделали для повышения теоретического уровня политсостава. Применялся вызов начальников политотделов дивизий в Москву для проверки их политических знаний.

Заявление о том, что марксистско-ленинской подготовкой охвачен весь командный и начальствующий состав армии, докладчик проиллюстрировал такими показателями: 6877 человек начсостава руководят кружками и школами партпросвещения, до 20 тыс. человек начсостава — групповоды политзанятий, 2500 человек партначсостава занимаются в вечерних комвузах, организованных в крупных гарнизонах⁷⁶.

Отметив такие недостатки партийно-политической

подготовки начсостава, как формализм, школярство, схоластика, докладчик подчеркнул, что живая беседа еще не стала основным методом занятий, что пропагандисты недостаточную помощь оказывают своим слушателям. Перед политорганами и парторганизациями на 1936 г. была поставлена задача «устранить эти недостатки, повысить качество марксистско-ленинской подготовки» начсостава⁷⁷.

Особо в докладе Я.Б. Гамарник остановился на акте присвоения правительством военных званий командному и начальствующему составу Красной армии, подчеркнув его большое воспитательное значение. «Введение персональных военных званий, — считал Гамарник, — требует воспитания во всем личном составе чувства глубокого уважения к этим званиям, к достоинству рядового бойца, командарма и начальника»⁷⁸. Это было очень актуальным, поскольку далеко не во всех частях существовала атмосфера взаимного уважения между бойцами и начальниками, между подчиненными и старшими начальниками. Нередко старший начальник позволял себе недопустимую, незаконную форму общения с подчиненным, были случаи издевательства и рукоприкладства по отношению к красноармейцам, за что виновных отдавали под суд. Был прав начальник ПУ, что одними административными мерами нельзя решить проблему. Важна повседневная работа. «Мы должны, мы обязаны... крепить еще больше боевую товарищескую большевистскую связь между всеми командирами, начальниками и рядовыми красноармейцами. Лейтенант, майор, полковник, комиссары всех рангов... должны стать еще более авторитетными, еще более близкими, чуткими, родными, товарищами и руководителями для красноармейцев. Крепкая, нерушимая боевая спайка между командным, начальствующим составом и рядовыми бойцами, взаимное доверие — первейшее условие боеспособности армии, и в этом великая сила нашей армии»⁷⁹. Так определял армейский комиссар 1-го ранга Гамарник главную задачу воспитания личного состава армии и флота. Вместе с тем поставленная перед командирами задача стать «близкими, чуткими, родными,

товарищами и руководителями для красноармейцев» в условиях, когда в СССР крепчал сталинский тоталитаризм, являлась слишком романтической и утопичной.

По мнению К.Е. Ворошилова, Я.Б. Гамарник был разносторонней личностью. Он «знал и любил художественную литературу, видно было, что он следил за новинками в этой области. Любил и серьезно разбирался в вопросах искусства. В свободное время (которого было так мало) он старался побывать в театре, посмотреть новую постановку, посещал все выставки»⁸⁰.

Ян Борисович постоянно занимался самообразованием, рационально используя время продолжительных командировок на Дальний Восток. Высоко ценя силу эмоционального, художественного воздействия литературы и искусства, он энергично поддерживал культурно-просветительскую работу в Вооруженных Силах страны, заботился о создании ее материальной базы.

В 1935 г. вступили в строй новый Дом культуры армии (Москва) и 12 клубов. Количество звуковых киноустановок за год выросло с 334 до 560, автозвукинопредвижек — с 54 до 141. Имелось 1407 немых киноустановок и 1500 радиоузлов, 2200 библиотек и свыше 20 млн книг. За первую половину 1935 г. взято из библиотек читателями 8 млн книг, из них 3 млн художественной литературы. Получила большое развитие художественная самодеятельность. Если в 1934 г. в армии было 3500 коллективов и кружков, охватывавших 50 тыс. человек, то в 1935 г. — уже 10 тыс. коллективов и кружков, охватывавших 200 тыс. человек⁸¹. Гамарник решительно встал на защиту красноармейского ансамбля песни и пляски, которым руководил талантливый, но еще мало тогда известный А.В. Александров. Стремясь экономить средства, финансовые структуры армии решили это сделать на ансамбле, что грозило его ликвидацией. Гамарник убедил наркома в срочной необходимости защитить ансамбль от финансистов. В результате удалось не только отстоять замечательный художественный коллектив, но и создать для него благоприятные ус-

ловия для творчества. Долголетняя художественная жизнь прославленного в стране и известного за рубежом талантливого коллектива под руководством А.В. Александрова снискала любовь Красной — Советской армии и у всего советского народа.

С именем Гамарника связана и история создания театра Красной армии в Москве, а также создание театров и самодеятельных коллективов в ряде военных округов, в том числе и на Дальнем Востоке.

Руководствуясь принципом: решать две задачи — боевой и политической подготовки, как одну задачу, начальник ПУ в докладе на Военном совете остановился на проблемах боевой подготовки в РККА.

Несмотря на то, что Красная армия в середине 30-х гг. значительно продвинулась вперед в деле количественного, массового технического овладения танком, самолетом, артиллерией, подлодкой, радиосвязью и другими средствами борьбы, но, по мнению Гамарника, качественный уровень овладения техникой оставался низким. Об этом свидетельствовали многочисленные аварии, поломки, катастрофы, крупнейшие недостатки в эксплуатации и хранении боевой техники. Так, за 9 месяцев 1935 г. в воздушном флоте произошло 234 аварии и 39 катастроф, в танковых соединениях — 1025 аварий⁸². В оперативно-техническом использовании боевой техники, особенно в мотомехвойсках и авиации, имелись проблемы в управлении, особенно при действиях в глубине боевого порядка противника, в овладении воздушным боем крупными соединениями. Слабыми участками боевой подготовки войск оставалась противовоздушная оборона и использование химических средств нападения и защиты. В 1936 г. «мы должны работать над тем, чтобы наша армия до дна использовала свою технику, чтобы наша армия оперативно и технически крепко ее оседлала, чтобы эффекта получилось втрое и вчетверо больше, чтобы боеспособность нашей армии от этого возросла втрое и вчетверо»⁸³.

При обсуждении авиационных вопросов привлекло

внимание выступление начальника главного управления гражданского флота комкора И.В. Ткачева, который проинформировал Военный совет о тенденциях развития европейской авиации на основе ее изучения в ходе поездок во Францию, Германию и Италию. На реплику Ворошилова: «Туполев говорил, что лучше наших самолетов нет нигде», — Ткачев возразил: «Я на основе ознакомления пришел к заключению, что и в европейских странах авиация имеет очень много того, что надо изучать и использовать»⁸⁴. Он предложил систематически следить за ходом развития авиации как в Америке, так и в Европе, которая переходит к развитию и перевооружению авиации. На примере воздушных сообщений в Германии Ткачев показал, что вся Европа изрезана немецкими линиями воздушных сообщений. В Европе нет такого крупного пункта, где бы не летала немецкая авиация. Для СССР вопрос о прокладке линий воздушных сообщений приобрел особое значение в связи с большой территорией страны и угрозой на различных оторванных от центра военных театрах. Было доложено о том, что в 1936 г. в основном будет закончено возведение воздушной магистрали Москва — Хабаровск — Владивосток, которая будет иметь на всей трассе аэродромы, служебное оборудование, радиооборудование и на значительной части — ночное оборудование. В 1936 г. начнутся работы по оборудованию очень трудной, но необходимой трассы Якутск — Аян, и тогда появится второй выход на Дальний Восток.

Впервые за историю существования Красной армии на заседании Центрального Комитета ВКП(б) был обсужден вопрос о состоянии обозно-вещевого и продовольственного снабжения РККА и по нему было принято специальное постановление СНК и ЦК ВКП(б) (9 августа 1935 г.). В ходе обсуждения стало ясно, что вопросы организации войскового тыла являются «очень слабым нашим местом». «У многих командиров и политработников, — говорил Ян Борисович, — есть вредная недооценка этого важнейшего условия боеспособности войск. Многие начальники, при-

выкшие в Гражданскую войну жить «на подножном корму», не совсем себе представляют, что значит питать боеприпасами, запасными частями, горючим, обмундированием, продовольствием и фуражом современную армию в будущей войне»⁸⁵. И процитировал категоричное положение постановления: «СНК и ЦК указывают всем командирам и политработникам армии, что постоянная забота о состоянии снабжения войск является их важнейшей обязанностью: командирам и политработникам, не занимающимся конкретно и систематически делом военного снабжения, не должно быть места в Красной армии»⁸⁶. Гамарник говорил о том, что происходят хищения имущества со складов, о его небрежном хранении, о плохо приготовленной пищи для красноармейцев.

После проверки контролирующими органами состояния военного хозяйства и обнаружения в нем вопиющих «безобразий» наркому пришлось признаться, что подготовка всех наших многообразных тылов на военное время отстала от общего развития техники, вооружения и организации армии.

В приказе НКО СССР о продовольственном и фуражном снабжении РККА (28 декабря 1935 г.) впервые был установлен порядок ответственности за качество продуктов и приготовления пищи. Он включал соблюдение целого ряда санитарных требований к отпускаемому со складов продовольствию и его приготовлению на кухне. Теперь помощник командира с участием врача персонально нес ответственность за раскладку приготовления пищи и составление меню на каждую шестидневку, раскладку и меню лично утверждал командир части.

«Командирам и начальникам частей и подразделений, а также всем лицам, инспектирующим и проверяющим хозяйство и питание войск, вменить в обязанность обращать особое внимание на весь процесс приготовления пищи, содержание продуктов и знание своих обязанностей поварами и завстоловой»⁸⁷.

Заместитель наркома М.Н. Тухачевский посвятил свое

выступление вопросам боевой подготовки. А начал он с ссылки на выступление Климента Ефремовича на съезде стахановцев о стахановском движении в Красной армии. Адаптируя стахановское движение применительно к армии, Тухачевский пояснил, что оно заключается в том, «чтобы оружию придать наибольшую эффективность, а наибольшая эффективность означает, сколько мы убьем и раним наших врагов»⁸⁸. Он говорил о подготовке смелых людей, знающих свое оружие, инициативных, наносящих поражение противнику. «К сожалению, — признавался маршал, — мы не достигли такого уровня, на который вправе рассчитывать»⁸⁹. Он говорил о серьезных упущениях в боевом обучении бойцов. «Мы сейчас тренируемся в выкладке мирного времени, — отметил маршал, — тогда как нам нужно вести тренировку в выкладке военного времени, памятуя, что тут довольно значительная разница»⁹⁰. Судя по числу вопросов, заданных с мест, в том числе Ворошиловым и Уборевичем, Тухачевский затронул актуальный вопрос. Он подверг критике командование войск Московского округа — Корка и Кулика — за отсутствие во время учений взаимодействия пехоты и артиллерии, впрочем, этот недостаток был присущ войскам и других округов. Причину этого маршал видел в плохой подготовке штабных командиров и предложил меры по исправлению этого положения, в частности путем введения строевой стажировки. Он считал, что «Генеральный штаб должен взяться и за самих командующих... Командующих войсками нужно учить и как понимать бой батальона, бой полка, бой дивизии»⁹¹. И предложил с комвойсками и комкорами провести целый ряд занятий.

В заключительном слове К.Е. Ворошилов заявил, что для Красной армии «самым большим, самым главным вопросом в настоящий момент является вопрос о людях, о кадрах. Люди, их подготовка, их воспитание, их организация, руководство ими — это самое главное, решающее сейчас для нас»⁹². Противоречие между увеличивающимся объемом новой, сложной военной техники и трудностями

овладения ею по причине низкого общеобразовательного и культурного уровня командиров и бойцов все сильнее проявлялось в Красной армии и сводило к минимальной эффективности колоссальные усилия по модернизации РККА.

«У нас еще очень много плохо организованных, не интересных, не оставляющих следа учений и всевозможных занятий», — подчеркнул нарком.

Критике был подвергнут низкий уровень подготовки кадров в военной высшей школе. В качестве иллюстрации он огласил содержание письма выпускника, оставленного в адъютантуре Воздушной академии, т. Крестьянинова, который был послан для обучения во французскую высшую школу. В письме говорилось, что программу по математике на первом курсе французской высшей авиационной школы он не может усвоить, поскольку в советской академии эти разделы математики не изучались. Категорично было заявлено: «Мы будем принимать в наши высшие школы только вполне подготовленных людей... Никаких льгот и послаблений... никому больше давать нельзя»⁹³.

Нарком признал, что забота об авиации на земле и аэродромное обслуживание до сих пор организованы плохо⁹⁴. Он был откровенен, когда сказал, что имеющиеся «успехи покупаются еще слишком большой затратой материальных ресурсов, времени и человеческих сил и, к несчастью, человеческих жизней, что мы далеко не берем у техники всего того, что она может и должна дать... далеко не все еще наши люди хорошо работают, и в целом наши достижения отстают от огромных задач, стоящих перед нами». «Мы обязаны добиваться, — поставил задачу нарком, — чтобы наши командные кадры были лучше и квалифицированнее, чем в какой бы то ни было другой стране»⁹⁵.

О работе Военного совета при НКО СССР и принятых решениях нарком Ворошилов доложил письменно в Политбюро ЦК ВКП(б) Сталину и председателю СНК СССР Молотову. По всем пунктам повестки были изданы приказы РККА, в которых определялись задачи на 1936 г.

*Я.Б. Гамарник, К.Е. Ворошилов перед выходом
на Красную площадь. 1935 г.*

С Военным советом связано одно довольно любопытное обстоятельство. В ходе его заседания два приглашенных профессиональных фотографа сделали портреты 85 членов Военного совета и 7 групповых снимков, которые были оформлены в фотоальбом, подаренный Ворошилову. В феврале 1936 г. он был издан тиражом 500 экземпляров. Экземпляр фотоальбома ныне хранится в РГВА, и содержание его было опубликовано в 2008 г. в сборнике документов и материалов заседания Военного совета 8—14 декабря 1935 г.* Публикация портретов людей, составлявших военную элиту советской страны в середине 1930-х годов и на 80% репрессированных в 1937—1938 гг., имеет ценное историческое и гуманитарное значение. Хотя Ворошилов в одной своей публикации и представил Сталина создателем

---

* Копии некоторых фотодокументов сборника приведены в книге.

Красной армии, но в альбоме его портрета нет. Вместе с тем Военный совет при наркоме обороны как совещательный орган приобрел авторитетный, компетентный и в некотором роде автономный характер.

Несмотря на принимаемые воспитательные, организационные и технические меры, аварийность, сопровождавшая гибелью людей в РККА, продолжала расти. Зачастую разбираться с этими печальными фактами приходилось Гамарнику. В 1936 г. он рассматривал подобный факт, происшедший в авиации. Эскадрилья тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков с ведома начальника ВВС и наркома обороны вылетела на Дальний Восток. 16 самолетов благополучно долетели до аэродрома в Забайкалье, где они должны были сделать необходимые приготовления для перелета в Хабаровск. Но на аэродроме командир эскадрильи Виноградов почему-то застрял со своим самолетом в грязи. Его заместитель, не получив указаний, самостоятельно принял решение и повел эскадрилью по намеченной трассе. Эскадрилья попала в сильную облачность, которую не удалось пробить. Самолеты пошли вверх, достигнув потолка, летчики без кислородных приборов стали себя плохо чувствовать. Вынуждены были идти вниз. В результате потеряли ориентиры. Чтобы не попасть на территорию Маньчжурии, отклонились к северу. В итоге семь самолетов сели на берегу Охотского моря, семь — разлетелись кто куда. Из них один разбился, четыре потерпели аварии, шесть человек разбились насмерть, у остальных летчиков были поломаны ребра, имелись серьезные ранения. Командир эскадрильи, который, в конце концов, поднялся в воздух, «залетел бог знает куда, поломав машину и людей».

Расследуя этот вопиющий факт, Гамарник обнаружил, что личный состав эскадрильи объявил себя стахановцами и взял обязательство в наиболее короткий срок проделать весь путь до Дальнего Востока. На самом деле за конъюнктурным прикрытием скрывались попытка безответственного решения сложных государственных задач, невнимательное отношение к людям, к материальной части. Высокая

Плакат Г.Г. Клуциса «Да здравствует Рабоче-крестьянская Красная армия — верный страж советских границ!». 1935 г.

аварийность, гибель людей были и в морских силах. Всего же в 1936 г. в катастрофах и авариях пострадало 2000 человек красноармейцев и командиров⁹⁶.

Военный совет при народном комиссаре обороны СССР в 1936 г. по срокам проходил сравнительно рано — 13—19 октября, что было связано с намеченным на начало декабря важным политическим событием — принятием новой (сталинской, как ее тогда называли) Конституции СССР.

Персональный и численный состав Военного совета в основном оставался таким же, каким он был в 1935 г. На заседаниях присутствовали 74 члена совета. Правда, были и изменения. В сентябре 1936 г. постановлением СНК СССР из его состава выведены В.М. Примаков (заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа) и С.А. Туровский (заместитель командующего войсками Харьковского военного округа), арестованные в августе-сентябре 1936 г. органами НКВД по принадлежности к «объединенному» и «параллельному» троцкистско-зиновьевским центрам. Но об их аресте знал лишь ограниченный круг лиц. На совете также отсутствовали зам. наркома обороны Я.Б. Гамарник и командующий ОКДВА В.К. Блюхер, поскольку в это время на Дальнем Востоке проходили запланированные военные учения, и они были заняты на них.

В повестку заседания Военного совета по итогам боевой и политической подготовки РККА за 1936 г. и задачи на 1937 г. было включено восемь докладов, с которыми выступили зам. наркома обороны М.Н. Тухачевский, начальник ВВС РККА Я.И. Алкснис, начальник МС РККА В.М. Орлов, начальник Генерального штаба РККА А.И. Егоров, замначальника ПУ РККА Г.А. Осепян и др.

Несмотря на то, что Я.Б. Гамарник отсутствовал на заседании, выступавшие упоминали его имя в разных аспектах. Так, А.И. Егоров, начальник Генерального штаба РККА, в докладе «Оперативная подготовка комсостава, штабов и органов тыла», делая вывод, «флот в своей боевой

подготовке отстает от подготовки всей РККА», в частности, сослался на донесение Я.Б. Гамарника о подготовке Тихоокеанского флота и на отчетный доклад командующего Краснознаменной Дальневосточной Амурской военной флотилией.

Замкомвойсками и начальник ПУ Закавказского военного округа П.А. Ярцев в своем выступлении сказал, что в 1935 г. на заседании Военного совета командование округа получило справедливую критику недостатков, а зам. народного комиссара т. Гамарник назвал округ отстающим. Эта совершенно правильная критика «помогла нам выправить целый ряд недостатков в военном округе в боевой подготовке»⁹⁷. ОКДВА на заседании представляли заместители комвойсками Я.К. Берзин и М.В. Сангурский, которые в своих выступлениях привели хорошие результаты инспекторских выборочных огневых проверок, проведенных осенью замнаркома т. Гамарником⁹⁸.

Итоги обсуждения подвел нарком К.Е. Ворошилов в заключительной речи. Характеризуя состояние пехоты, Ворошилов говорил, что даже в лучших округах «она выглядит жалкой», не умеет применяться к местности, наступление ведет «хуже, чем в 1918 г. наступали партизанские отряды, которые этому искусству обучались только в ходе боя»⁹⁹. В своем значительном большинстве пехота не умеет обороняться, не умеет быстро расчленяться при появлении вражеской авиации.

Подводя итоги большого обсуждения проблемы использования танков и мотомехчастей, нарком сказал: «У меня создается впечатление, что мы, Михаил Николаевич (Тухачевский. — Н. Д.), прячемся от решения большого и серьезного вопроса: как применять танки и танковые части в бою»¹⁰⁰. Во многом это было связано с низким качеством производимых отечественных танков. Все, что связано с вождением танков, в большинстве случаев было отработано. «А в бою танки были слепы, тыкаются куда и как попало, не находят своих целей, налетают друг на друга, расстреливаются «противником» в массовых размерах»¹⁰¹.

На реплику Тухачевского о необходимости командирского перископа Ворошилов среагировал положительно. Опираясь на данные учения в БВО, он подчеркнул, что «мы просто ставим наши танки под расстрел вместе с прекрасными людьми, которых мы выделяем для танковых частей. Это касается и танков ДД*, и танков ДПП** и НПП***, и всяких других». «Так действовать, товарищи, танками, как мы действуем сейчас, нельзя»¹⁰², — категорично заявил он.

Впервые нарком обороны остановился на положении конницы в РККА, ее роли в будущей войне. Конницы у нас «очень много», она составляет «значительный процент наших вооруженных сил», — признался Ворошилов. Рост конницы происходил во многом за счет изъятия из деревень основной тягловой силы — лошади. По постановлению Президиума ЦИК СССР от 29 мая 1932 г. был создан фонд «Лошадь — Красной армии», в который выделялась лучшая часть взрослых лошадей и молодняка, пригодных для службы в армии. Конница основательно оснащена новой техникой. Кавалерийская дивизия имела артиллерийский полк, танковый полк, пулеметы. «Но действовать по-новому наша конница еще не обучена и не умеет», — сделал вывод красный конник Гражданской войны К.Е. Ворошилов. «...У меня создается впечатление, — говорил он, — что конница в нынешних условиях войны, при современной технике врага, когда тебя огнем поливают и с земли, и с воздуха, да еще к этому прибавляется химия, в этих условиях коннице вести борьбу очень трудно». Он предложил заменить в дивизии один кавалерийский полк стрелково-пулеметным полком. «Спешивание, мне кажется, мало эффективно»¹⁰³. При такой реорганизации в кавалерийской дивизии на первый план выдвигались артиллерия и танки, а коннице отводилась вспомогательная роль.

Большим вопросом Красной армии оставалось слабое взаимодействие родов войск в бою, отсутствовала беспере-

* Танки дальнего действия.

** Танки дальней поддержки пехоты.

*** Танки непосредственной поддержки пехоты.

бойно, правильно действующая связь, большие нарекания вызывала разведка, и нарком делал вывод: «Наши штабы и командиры... все еще не умеют по-настоящему руководить своими войсками в бою»¹⁰⁴.

Подчеркнув, что авиацией непосредственно занимался т. Сталин, причем больше, чем любой из здесь присутствующих, нарком обороны сказал: «В 1936 году авиация перевооружалась новой материальной частью, которую авиаторы на ходу должны были осваивать». Особо он остановился на высокой аварийности в авиации, причина которой виделась в гололетье, лихачестве, процветавших в авиационных частях. Но дело заключалось далеко не только в этом.

Правительство приняло ряд мер по улучшению условий быта летчиков: летчикам-истребителям повышено жалование от 20 до 25%, введены бесплатные завтраки. Для тех, кто летал больше шести часов в сутки, введены бортовые пайки, другие дорогостоящие льготы. Летчиков снабдили велосипедами и мотоциклами. Решено было ввести в аппарат должность помощника командующего авиационными силами округов и дать ему в помощь полнокровный штат.

Как выразился нарком, улучшить и увеличить подготовку летчиков «нас подгоняют Гитлер и Геринг, которые обещают подготовить 65 тыс. летчиков. Мы должны противопоставить им такое количество летчиков, которое способно драться с любым количеством наших противников»¹⁰⁵.

Состоянию противовоздушной обороны, авиадесанту были даны отрицательные оценки. Отмечая успехи отдельных флотов в повышении боеспособности, все-таки поставили задачу — усилить руководство ими со стороны Генерального штаба РККА.

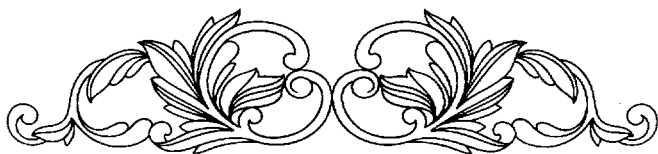
Нарком не обошел вниманием и такие болезненные вопросы, как подготовка квалифицированных командирских кадров для армии, повышение роли в этом военных учебных заведений.

Обсуждение на Военном совете проходило в спокойной обстановке, критично и заинтересованно. Неоднократные

обращения Ворошилова к своему заму М.Н. Тухачевскому, ссылки на совместное мнение демонстрировали единство высшего руководства Красной армии. В приказе НКО утверждалось: «Политико-моральное состояние РККА было неизменно на должной высоте. Красноармейцы, командиры и начальствующий состав своей политической активностью, напряженной боевой и политической учебой дали новые доказательства своей сплоченности и преданности нашей партии, ее Центральному комитету и великому вождю народов товарищу Сталину»¹⁰⁶.

А вместе с тем обсуждение на Военном совете выявило крупные военно-стратегические и тактические просчеты и недостатки в состоянии и модернизации армии и флота. Меры по их устранению были предусмотрены в приказе НКО СССР об итогах боевой подготовки за 1936 г. и о задачах на 1937 г.

Полномочный представитель партийно-политического руководства СССР в ДВК

Для советского руководства конфликт на КВЖД (1929 г.) стал первым тревожным сигналом, который привлек внимание к проблеме обеспечения безопасности Дальневосточного края, имевшего протяженную, по существу, открытую сухопутную границу с Китаем, Монголией, Кореей и еще более протяженную морскую границу при отсутствии здесь военного флота. Гражданская война в Китае, вначале породившая надежду на развитие мировой революции на Востоке, все более разочаровывала большевиков и Коминтерн. А зашевелившаяся после конфликта многотысячная российская эмиграция в Маньчжурii в лице генералов и казачьих атаманов с их громкими заявлениями о реванше внушала определенные опасения.

В дальневосточной дипломатии советское руководство в лице Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана имело надежных профессионалов. В военном деле центр во многом полагался на В.К. Блюхера, учитывая его опыт в Гражданской войне и успешную работу главным военным советником при Национально-революционном правительстве Сунь Ятсена. Конечно, ему была необходима серьезная помощь в реализации планов укрепления обороны ДВК и повыше-

ния боеспособности ОКДВА. А вот дальневосточное партийно-политическое руководство ситуацией в крае владело слабо. Поэтому появление в руководстве наркомата обороны Гамарника — опытного партийного работника с большим и успешным трудовым опытом на Дальнем Востоке — оказалось как нельзя более своевременным.

19 апреля 1930 г. Гамарник был приглашен к Сталину на прием, который продолжался около двух часов. На нем произошло их близкое знакомство и был решен вопрос о председательстве Гамарника в создаваемой комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам укрепления обороноспособности Дальнего Востока (Дальневосточная комиссия). Гамарник должен был отправиться в командировку на Дальний Восток — для участия в решении партийно-политических и военных вопросов, главное содержание которых было обозначено Сталиным.

Поездка на Дальний Восток была первой после того, как в конце 1928 г. Ян Борисович покинул его, сохраняя в своей благодарной памяти имена людей, с которыми поднимал край из руин после длительной Гражданской войны и военной интервенции. Первой остановкой стала Чита, центр Забайкалья, где располагалась группа войск ОКДВА и находился тревожный участок границы с Маньчжурией, охраняемой пограничниками. В Хабаровске состоялись знакомство с командным и начальствующим составом ОКДВА, обсуждение перспектив укрепления государственной границы региона. С командующим В.К. Блюхером Гамарник был ранее знаком. Сразу же между ними установились деловые отношения.

Инспектируя состояние партийно-политической работы в ОКДВА, знакомясь с состоянием охраны государственной границы спустя год после военного конфликта на КВЖД, заместитель наркома обороны Гамарник ставил задачи усиления боевой подготовки, овладения красноармейцами и командирами новой техникой.

В Хабаровске он выполнил приятную миссию — вручил войскам Пограничной охраны ОГПУ Дальнего Востока за

боевые заслуги во время конфликта на КВЖД орденом Красного Знамени. В опубликованном газетой «Тихоокеанская звезда» поздравлении начальник ПУ РККА призвал пограничников еще зорче следить за спокойствием границы на Дальнем Востоке и всегда быть готовыми к ее защите.

По поручению ЦК ВКП(б), членом которого Гамарник являлся около трех лет, он принял участие в X Дальневосточной краевой партийной конференции, проходившей накануне очередного XVI партийного съезда. В отчетном докладе Далькрайкома ВКП(б), с которым выступал секретарь И.Н. Перепечко, прозвучало немало общих фраз о превращении ДВК в мощный хозяйственный аванпост на берегах Тихого океана, о необходимости демонстрации трудящимся Востока преимуществ социалистической системы хозяйства и т. д. Было и признание того, что в важнейших отраслях хозяйства края — уголь, лес, золото, рыба — имелись «крупнейшие провалы», но объяснения им даны не были.

В ритуал партийных конференций стало входить правило направлять письмо генсеку И.В. Сталину.

О чем писали дальневосточные коммунисты в лице работников аппарата крайкома руководителю Коммунистической партии? Может, они вносили какие-то ценные предложения о превращении Дальнего Востока в действительно «мощный хозяйственный аванпост на берегах Тихого океана», может, брали на себя какие-то важные обязательства? Чтобы убедиться в том, что это совсем не так, приведем образец эпистолярного коллективного творчества партийной номенклатуры эпохи формировавшейся сталинской диктатуры. «Тебе, стальному большевику-ленинцу, вождю и руководителю партии, неутомимому борцу за чистоту теории и практики ленинизма, пламенный привет. Ты — пример для нас большевистской твердости, непримиримости ко всяким шатаниям, колебаниям, растерянности... Будем драться за генеральную линию партии, за промфинплан, за большевистский сев. Да здравствует рулевой партии, товарищ Сталин». За несколько десятилетий подобных писем было сочинено великое множество, и они, конечно, внесли

свою лепту в создание ореола культа Сталина по крайней мере среди рядовых коммунистов.

Конференция избрала руководящие партийные органы и делегатов на XVI съезд, в числе которых был и Я.Б. Гамарник. Руководителем дальневосточных коммунистов остался И.Н. Перепечко.

После окончания конференции, которая прошла обычно, без каких-либо неожиданностей, краевая газета «ТОЗ» пестрела такими заголовками: «Месячник ликвидации прорывов, проводимый краевым комитетом», «Ударными бригадами им. XVI партийного съезда выступим в смертельный бой с провалами», «Ударный труд ударных предприятий — на ликвидацию позорных провалов».

Самой важной задачей, которую должен был выполнить во время командировки Гамарник, являлась мобилизация руководства края на выполнение государственных заданий по экспорту, которые выполнялись неудовлетворительно. Советское государство испытывало острый дефицит денежных средств, шедших на индустриализацию. Экспорт мог в какой-то мере ослабить его. В столице считали, что Дальневосточный край, богатый пушниной, лесом и рыбой, близко расположенный к Японии и Китаю, где эти товары пользовались повышенным спросом, должен оставаться важным поставщиком валютных резервов. В ЦК надеялись, что хорошо знавший Дальний Восток Я.Б. Гамарник, пользовавшийся авторитетом среди дальневосточных коммунистов, заставит партийное руководство края выполнить государственный план по экспорту, который трещал по всем швам.

На закрытом заседании бюро Далькрайкома (26 мая 1930 г.) после сообщения члена ЦК партии Гамарника о решении ЦК ВКП(б) по вопросам экспорта было принято постановление, многие пункты которого напоминали военный приказ. Для обеспечения полного выполнения экспортного плана, максимального отчисления отечественной валюты Центру было решено: немедленно освободить от всяких мобилизаций и партнагрузок всех работников, занимавшихся экспортом, в трехдневный срок мобилизо-

вать 100 ответственных работников для обеспечения экспортной работы, командировать в экспортные отрасли на два месяца 120 курсантов совпартшколы, запретить всякие отпуска работникам, занятым в экспорте, до окончания выполнения годового плана, направить представителей краевой власти на Сахалин и Камчатку. «...Работа по экспорту, — говорилось в постановлении, — должна явиться основным критерием работоспособности каждой парторганизации, выполнения ее партийных задач»¹.

Откровенная беседа с И.П. Перепечко, с ответственными работниками краевого комитета партии, поездка по краю убедили Яна Борисовича в том, что существовавшие болевые точки развития советского Дальнего Востока, о которых он хорошо знал, за последние годы еще более обострились. Он приходил к выводу, что с лечением их край самостоятельно справиться не сможет, необходима срочная серьезная помощь Центра.

О своей поездке на Дальний Восток Гамарник обстоятельно доложил на Политбюро ЦК ВКП(б). Доклад он начал с того, что сказал о природных богатствах Дальневосточного края — лесе, рыбе, пушнине, золоте, о возможностях их экспорта в Японию, Китай и другие страны. Сумма экспорта с Дальнего Востока, запланированная на 1930 г., почти в три раза была выше, чем сумма экспорта в 1925 г. Увеличение экспорта шло главным образом за счет леса, рыбы, пушнины и угля. Более половины экспорта уходило в Японию, остальное — в Китай и другие страны. Острейшая проблема края — нехватка рабочей силы. Так, чтобы выполнить задание по осенней добыче рыбы, краю требовалось дополнительно 50 тыс. человек. Механизация труда на лесозаготовках, добычи золота и угля была минимальной, старое оборудование пришло в негодность. Поездив по воинским частям и пограничным заставам, Гамарник увидел, на каком полуголодном пайке находятся красноармейцы и пограничники — защитники советского Дальнего Востока. При остром дефиците зерна и мяса в крае рассчитывать на имевшиеся сельскохозяйственные

предприятия — малочисленные и маломощные колхозы и совхозы — было нереально. Имевшиеся так называемые красноармейские колхозы, состоявшие из демобилизованных воинов, на общем фоне выглядели явно неплохо. Докладчик не только объективно оценил состояние дел, но и внес множество предложений, направленных на решение сложных задач развития Дальневосточного края. Политбюро ЦК ВКП(б) в основном приняло внесенные Гамарником предложения и передало для окончательного редактирования и составления проекта резолюции в комиссию в составе товарищей Микояна, Гамарника, Перепечко и других. Особо было сказано: учесть при составлении резолюции вопрос об организации военных колхозов на Дальнем Востоке².

Принятое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) по докладу тов. Гамарника о состоянии экспорта на Дальнем Востоке от 25 июля 1930 г. носило во многом обстоятельный и в некотором роде радикальный характер³. Предложив Далькрайкому «поставить вопросы экспорта на первый план всей работы парторганизации», Политбюро обязало его ликвидировать прорыв в экспорте и полностью выполнить план 1929—1930 гг.⁴ А дальше формулировались поручения центральным органам власти и наркоматам по оказанию помощи Дальневосточному краю. На первое место была поставлена лесная промышленность. Политбюро поручило ВСНХ СССР начать строительство лесопильно-ящичных, клепочных и фанерных заводов, целлюлозно-бумажного комбината и развернуть строительство новых лесопильных заводов, обеспечив одновременно максимальную механизацию лесозаготовок. Затем шла речь о рыбной промышленности. Планировалось в ближайший год поставить на Дальний Восток не менее 25 траулеров и один рефрижератор, организовать производственный комбинат по снабжению дальневосточной рыбной промышленности предметами отечественного производства взамен ныне импортируемых, построить в крае прядильно-ткацкую, сетевязальную и шпагатную фабрики и сеть фабрик по первичной обработке льна и конопли⁵. Ввиду важного значения

Владивостокского порта в грузообороте Союза было предложено наркомату путей сообщений войти в СТО с представлением срочных мероприятий по расширению порта, механизации погрузочных работ и усилению собственного тоннажа 15 судами средней мощности за счет переброски из других морей, нового строительства и импорта.

Важное место в постановлении отводилось решению проблемы снабжения Дальневосточного края рабочей силой. Совнаркому Союза было предложено в контрольных цифрах 1930—1931 гг. разработать конкретные мероприятия, способствующие форсированному заселению края, обеспечив в первую очередь создание рабочих кадров для рыбной и лесной промышленности, и соответствующим образом профинансировать переселения на Дальний Восток. Также предполагалось в месячный срок разработать вопрос о расширении льгот промышленным, промысловым и сельскохозяйственным переселенцам. А наркомат труда СССР совместно с другими органами к 1 октября должен рассмотреть план завоза рабочей силы на Дальний Восток с тем, чтобы обеспечить полностью все дальневосточные хозяйственные организации. Совету труда и обороны давалось задание закрепить в рыбной промышленности края не менее 30 тыс. рабочих, приняв меры к тому, чтобы они осели на месте и были использованы с окончанием рыбного сезона на лесозаготовках и других работах. С этой целью необходимо форсировать жилищное строительство для рыбной и угольной промышленности. Однако конкретных заданий на этот счет в постановлении не содержалось.

Особо было выделено переселение на Дальний Восток красноармейцев. Наркомзему СССР и Реввоенсовету Союза предписывалось обеспечить в 1931 г. переселение и устройство в красноармейских колхозах ДВК не менее 40 тыс. уволенных из рядов армии, установив для этих колхозов специальное повышенное финансирование и обеспечив их обслуживанием машинотракторными станциями с количеством тракторов не менее 2000 штук. Предпола-

галось совместно с краевыми организациями разработать план красноармейского заселения края на остающиеся годы пятилетки. Было предложено Реввоенсовету Союза «при призыве вербовать в войска ОДВА из районов аграрно перенаселенных»⁶.

Чтобы изжить в крае хлебофуражный и мясной дефицит, наркомзем и наркомторг обязали приступить к организации не менее десяти зерновых, шести свиноводческих и овцеводческих совхозов, а также заложить на Дальнем Востоке огородные хозяйства общей площадью в две тысячи гектаров.

Политбюро ЦК партии постановило укрепить кадрами Далькрайторготдел, Дальгосторг, Дальуголь, Дальлес, для чего отправить или командировать в край группу руководящих работников и специалистов.

Наркомторгу СССР предписывалось срочно создать крепкий внешнеторговый аппарат в Китае и усилить торгпредство в Японии специалистами по рыбе. Наркомфин должен был немедленно приступить к фактическому контролю над Чосен-банком, предрешишь его ликвидацию не позже 15 октября и закрыть отделение ДВ банка в Кобе, а также прекратить практику отсрочки платежей японским гражданам.

Судя по этому постановлению, Политбюро ЦК ВКП(б) чувствовало себя полновластным органом, раздающим задания высшим советским (Совнарком СССР, СТО), военным (наркомат обороны, Реввоенсовет), хозяйственным органам (наркоматы), не говоря уже о местных структурах. Обращает на себя внимание обстоятельный, конструктивный характер постановления, реализация которого могла бы решить многие застарелые проблемы дальневосточной окраины. Вместе с тем на нем лежала печать чрезвычайности, которая была присуща в это время всем действиям в Советском Союзе. Благодаря Я.Б. Гамарнику дальневосточные проблемы впервые масштабно были поставлены перед центральными органами власти.

В беседах с министром иностранных дел и журналиста-

ми Японии Сталин, очевидно, стремясь расположить собеседников, иногда называл себя «азиатом», имея в виду, что Грузия, выходящем из которой он являлся, на юге соседствовала с азиатскими странами — Турцией и Ираном. Но об Азии он имел поверхностные представления, мало он знал и о советском Дальнем Востоке. Это его беспокоило, он старался получить как можно больше не формальной (не из газет) информации о Дальневосточном крае, о его экономических возможностях и состоянии обороноспособности. Так, в 1931 г. в командировку в ДВК был направлен нарком К. Е. Ворошилов.

С дороги Ворошилов посылает своему заместителю Гамарнику большое письмо со всевозможными поручениями, которые он не успел ему дать в Москве. «Дорогой Ян Борисович! Уже скоро сутки, как я в вагоне по пути на ДВ, — писал он. — Сколько раз Вам пришлось этой же дорогой туда же путешествовать в течение пяти лет». А в конце послания Ворошилов извиняется «за хаотичность изложения — в вагоне такая жара и на ходу так «качает», что все мысли путаются и в голове сплошной сумбур»⁷. В то время поездка на Дальний Восток даже в персональном вагоне все не являлась приятным путешествием.

Цель своей командировки К. Е. Ворошилов в развернутом виде сформулировал следующим образом: «Цека партии и правительство командировали меня на Дальний Восток для ознакомления на месте с состоянием наших вооруженных сил на Дальнем Востоке с точки зрения их организации, боевой подготовки, быта, политико-морального состояния, вооруженной охраны наших бесконечных дальневосточных границ, с фактическим состоянием обороноспособности Дальнего Востока, экономики края и выполнения контрольных цифр на 1931 г.»⁸

Перед поездкой с Климентом Ефремовичем подробно беседовал И. В. Сталин, и «он рекомендовал с пристрастием допросить хабаровчан», т. е. краевые власти, о невыполнении важных экономических заданий, прежде всего по экспорту. Так, за первое полугодие экспорт угля выполнен

лишь на 29%, рыбы — на 15%, леса — на 47%. План весеннего сева реализован на 60%⁹.

Выполнению широкого круга задач, поставленных перед К.Е. Ворошиловым, был подчинен маршрут его поездки по Дальнему Востоку, который проходил не только по железной дороге, но и по реке Амур и Тихоокеанскому побережью края.

Прибыв в Хабаровск 19 июля, нарком в тот же день на мониторе Краснознаменной Амурской военной флотилии отправился вниз по Амуру. В поездке наркома сопровождал инспектор морских сил РККА Р.А. Муклевич. По воспоминаниям одного из участников учебно-боевого похода, когда они находились у села Пермское, К.Е. Ворошилов, стоя на мостике монитора, сказал Муклевичу: «Вот ты хочешь расширять Дальзавод во Владивостоке, а это будет под боком у Японии. Стройте здесь завод...»¹⁰

После посещения Маго, Николаевска-на-Амуре, Чныр-раха, Советской Гавани, бухты Светлая 29 июля на флагмане пограничного флота сторожевом корабле «Воровский» Ворошилов прибыл во Владивосток. Несколько дней провел в Никольске-Уссурийском и его окрестностях, побывал на шахтах Сучана, после чего вернулся в Хабаровск, совершив своего рода «кругосветку» по Дальневосточному краю. После этого поездом отправился в город Благовещенск, стоящий на самой границе с Маньчжурией.

Первая информация о пребывании К.Е. Ворошилова на Дальнем Востоке в краевой газете «Тихоокеанская звезда» появилась спустя более двух недель после его приезда в Хабаровск. Возможно, сначала было намерение поездку наркома не афишировать, держать в секрете от соседних государств. Но она оказалась секретом Полишинеля.

Газета подробно рассказала о посещении наркомом Владивостокского судоремонтного Дальзавода, где его встретили почетный караул и многочисленная делегация рабочих. Выступая на митинге, Ворошилов говорил о важности в социалистическом строительстве «опираться на все отдаленные уголки СССР». «Я не сомневаюсь, — ска-

зал он в заключение, — что буду иметь возможность доложить ЦК партии и рабоче-крестьянскому правительству, что пролетарии Дальнего Востока добросовестно поведут борьбу с субъективными и объективными препятствиями и что их достижения не уступят достижениям пролетариев других частей Советского Союза»¹¹. На предложение секретаря заводского парткомитета присвоить заводу имя Ворошилова, встреченное присутствовавшими возгласами «ура!», нарком заметил: если Дальзавод станет передовым предприятием.

Ворошилова особо интересовал Дальзавод, на котором к этому времени трудилось 4,5 тыс. работников. На реконструкцию завода, план которой заводчане считали технически необоснованным, государство в 1931 г. отпустило 37,2 млн руб. Существовало мнение о переводе его в судостроительный. Во Владивостоке Ворошилов твердо заявил, что Дальзавод не будет менять свой профиль и останется судоремонтным. А судостроительный завод будет построен на новом месте.

В большом докладе наркома на партийном активе во Владивостоке, в президиуме которого сидели Блюхер, Мушкевич, Дерибас и др., в многочисленных других его выступлениях перед дальневосточниками доминировала идея о том, что Дальневосточный край сказочно богат, его можно переименовать в Дальневосточный золотой край — ДВЗК. Однако используются богатства плохо, «...все то, что я видел, представляет весьма жалкую попытку овладения богатствами нашего края...» «Мы не умеем подбирать даже то золото, которое валяется под ногами»¹².

Говоря о своих впечатлениях о городах Хабаровске и Николаевске-на-Амуре, Ворошилов употреблял такие сильные выражения, как «гнусная картина», «тягостное впечатление». В первый же день пребывания на хабаровской земле на пленуме Дальневосточного краевого исполнительного комитета наркому бросилось в глаза, что в зале на стенах отваливается штукатурка, что на улицах Хабаровска «нужно брать препятствия для того, чтобы перебраться»

с одной улицы на другую. Николаевск-на-Амуре он описал следующим образом: это не город, а захудалое село, которое рискует превратиться в подобие гольдского стойбища с хибарами из древесной коры. Ворошилов был возмущен тем, что, живя на Амуре, население не имеет в достаточном количестве рыбы, что рабочие на рыбалках «находятся в гнусном положении».

Посетив колхозы, он увидел, что там нет минимальных условий для жизни переселенцев, которым приходилось жить в тяжелейших условиях, вынуждавших их уезжать с Дальнего Востока. По его мнению, краевая партийная организация «много упустила, прозевала, получились большие прорывы». Общий его вывод гласил: Дальневосточный край отстает от общесоюзных темпов развития. Нарком сообщил партийному активу, что скоро к руководству краевой партийной организации приступит новый секретарь. К этому времени в Центре судьба партийного и советского руководителей Дальневосточного края уже была решена. Первый секретарь Далькрайкома И.П. Перепечко был освобожден от обязанностей и отозван в ЦК ВКП(б). Первым секретарем Далькрайкома ВКП(б) Центральный комитет утвердил С.А. Бергавинова. А в августе освободили от обязанностей председателя Дальневосточного краевого исполнительного комитета А.Н. Асаткина, обязанности председателя Далькрайисполкома стал исполнять Г.М. Крутов.

Понятно, что главное внимание наркома было приковано к воинским соединениям и пограничным частям. Два дня августа он провел на учениях войсковых частей и на боевых стрельбах на Барановском полигоне под Никольском-Уссурийским. Тактические учения проводились с участием двух дивизий, конницы, авиации, танков и тяжелой артиллерии. Проведенный наркомом разбор учений был жестким, выявленные недочеты оказались существенными. В выступлениях на четырех митингах перед бойцами и командирами он дал критическую оценку состояния боеспособности частей, сказал о недостатках в боевой подготовке и предстоящих боевых задачах.

Нарком осмотрел зимние квартиры частей Никольско-Уссурийского гарнизона, ознакомился с состоянием охраны советско-китайской границы и с проблемами пограничной службы. Затем целый день он посвятил знакомству с красноармейскими колхозами и коммунами, созданными в спешном порядке для обеспечения продовольствием и фуражом резко увеличившихся воинских контингентов Дальнего Востока. В Михайловском и Черниговском районах Приморья он побывал в колхозе имени Ленина и в колхозе имени Сталина, в коммуне имени РВС и в коммуне имени т. Ворошилова. Он интересовался выполнением плана весеннего сева, организацией хозяйства и быта, ходом нового жилищного строительства для прибывавших новоселов. В честь наркома в Никольске-Уссурийском состоялся парад войск с участием трудящихся города.

Во время продолжительной поездки К.Е. Ворошилов общался с тысячами дальневосточников не через барьер президиума, а на их рабочих местах — на рыбалке, у станков, в шахте, в поле, когда беседа располагала к открытости и искренности. По-прежнему дальневосточники воспринимали наркома не как военного и партийного деятеля, а как героя Гражданской войны в образе легендарного красного командира на боевом коне с шашкой в руке.

Краевая газета «Тихоокеанская звезда» целую страницу посвятила второй годовщине ОКДВА. «Рожденная в боях, всегда готовая к защите советских границ Особая Краснознаменная армия вступает сегодня в третью годовщину своего существования», — гласил ее заголовок. Под большим портретом В.К. Блюхера — командующего Краснознаменной Дальневосточной армией, было опубликовано приветствие наркомвоенмора Ворошилова. Приведем его полностью, чтобы почувствовать лексику 30-х гг. «Мой горячий братский привет бойцам, командирам и политработникам ОКДВА по случаю ее славной годовщины и исторических побед над классовым врагом. Призываю к дальнейшей напряженной боевой учебе, овладению тех-

ников и сплочению рядов. Да здравствует ОКДВА! Ворошилов»¹³.

Как было не воспользоваться присутствием К.Е. Ворошилова, который два года назад своим приказом создал эту армию, чтобы не устроить торжество. В этот день на расширенном заседании Хабаровского городского совета чествовали Краснознаменную Дальневосточную армию.

Конечно, в центре было выступление народного комиссара по военным и морским делам К.Е. Ворошилова. «ОКДВА под руководством тов. Блюхера, — заявил он, — полностью оправдала возложенные на нее задачи. Трудящиеся края в лице ОКДВА имеют надежного защитника советских границ». Нарком поставил задачи дальнейшего совершенствования мастерства овладения военной техникой, повышать свою культуру и политический уровень, чтобы победить в грядущей схватке с более сильным, чем китайские милитаристы, более вооруженного врага, надо, чтобы промышленность и транспорт работали как хорошие часы, чего, к сожалению, пока нельзя сказать, надо добиться, чтобы промфинплан был выполнен полностью.

Затем нарком заявил, что командарм т. Блюхер первым в РККА удостоен высокой награды — ордена Красной Звезды, который недавно был учрежден в СССР. Присутствующие в зале знали, что и предыдущая награда — орден Красного Знамени — у Блюхера тоже № 1. Нарком объявил также постановление ВЦИК о награждении командующего ОКДВА орденом Ленина и под громкие крики «ура!» сразу два ордена прикрепил на грудь командарма.

Ответное слово В.К. Блюхера по-военному было лаконичным, но эмоциональным. Между прочим он сказал: «Я не смущался в боях и не терялся. Сегодня, товарищ нарком, я растерян». Его последующие слова звучали как клятва. «Я по мере сил и умения буду честно служить партии, мировой революции. Заверяю вас, Климент Ефремович, и прошу передать ЦК партии и правительству, что я буду и впредь честным бойцом партии и рабочего класса. И если от меня... они потребуют жизнь за дело социалистическо-

го строительства — я отдам ее без колебаний и страха»¹⁴. Жизнь свою В.К. Блюхер отдал, но не в сражении с врагами, а в застенках НКВД в 1938 г.

Выступая на многолюдном митинге в Благовещенске, нарком вспомнил события двухгодичной давности, когда жителям пограничной области пришлось пережить тревожные дни конфликта на КВЖД. Он обратил внимание, что среди военнослужащих есть восточники — китайцы и корейцы, и призвал бойцов строить отношения на основе пролетарского интернационализма и «жить дружно». Конечно, здесь все свое внимание нарком сосредоточил на знакомстве с состоянием охраны и обороны советско-китайской границы.

Во время пребывания Ворошилова в Дальневосточном крае состоялось множество митингов, на которых выступили десятки рабочих, колхозников, красноармейцев и командиров. О чем они говорили, что обещали? Говорили о строительстве социализма, о борьбе с мировым империализмом, о создании ударных бригад им. К.Е. Ворошилова, о вступлении в партию, обещали «изжить прогулы», выполнить план, овладеть военной техникой и т. д. При знакомстве с изложением этих выступлений в газете не оставляет ощущение, что все выступления были инспирированы. «Тихоокеанская звезда» сделала подборку обещаний, данных Ворошилову, под заголовком «Ни одна клятва, ни одно слово, данные наркому Климу Ворошилову, не должны остаться пустым звуком, парадной трескотней» и обещала месяца через три провести рейд с проверкой выполнения этих обещаний. Но через три месяца ударных бригад им. Ворошилова уже было не сыскать, да и у газеты появились задачи поважнее — провести рейд о выполнении шести указаний товарища Сталина.

Поездка наркома военных и морских дел К.Е. Ворошилова на Дальний Восток являлась важной частью реализации военной политики страны. Она помогла на месте в рамках регионального формата скорректировать отдельные важные вопросы и уточнить существенные детали военных

планов, настроить краевые власти, общественные организации, все население края на энергичное участие в ускоренном строительстве восточного военно-оборонительного форпоста СССР.

Во время отсутствия Ворошилова Сталин получил ценную информацию о планах Японии на Дальнем Востоке. В июле 1931 г. на стол генсеку легли перехваченные советской разведкой секретные японские документы — «Резюме беседы посла Хирота с генерал-майором Харада» (1 июля 1931 г.) и «Конспект доклада, сделанный его превосходительством генерал-майору Харада»¹⁵.

Читая небольшое резюме беседы японского посла в СССР с известным в Японии генералом, Сталин подчеркнул карандашом следующие слова: «Считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент». И далее он прочитал: «Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советскими Дальним Востоком и Восточной Сибирью». Последние четыре слова генсек подчеркнул.

В первом разделе конспекта доклада, озаглавленном «Общее положение в Советском Союзе», говорилось о том, что система политического правления в СССР является самой настоящей абсолютистской диктатурой, что производительность в Советском Союзе по сравнению с капиталистическими государствами весьма низка, «население Советского Союза слепо повинуется правительству и переносит всяческие лишения», что в дальнейшем сепаратистские движения (Украина, Кавказ, Туркестан) и разногласия внутри партии станут «гангреной советской государственности и особенно пагубную роль могут сыграть во время войны» и т. д. При прочтении этого раздела Сталин не сделал ни одной пометы.

Во втором разделе, «Вооруженные силы СССР», утверждалось, что «в принципе СССР вовсе не агрессивен. Вооруженные силы организуются исходя из принципа са-

мозащиты. Советский Союз питает страх перед иностранной интервенцией». Напротив приведенных цифровых показателей о наличии в СССР количества танков, самолетов, выпуске самолетов и т. д. Сталин на полях писал: «Верно?»

В третьем разделе, «Выводы», он прочитал: «Рассматривая общее состояние страны, можно заключить, что в настоящее время СССР не в силах вести войну» и на полях написал: «Тэк-с...»

А главный вывод гласил: «Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют возможность сейчас выступить согласованно также с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом». Его Сталин подчеркнул.

Последний тезис не мог не вызвать у генсека сильную рефлексию, ведь в нем без обиняков утверждалось: «Если мы сейчас, проникнутые готовностью воевать, приступим к разрешению проблемы Дальнего Востока, то мы сможем добиться поставленных целей, не открывая войны. Если же паче чаяния возникнет война, то она не представит для нас затруднений». На полях он написал: «Значит, мы до того запуганы интервенцией, что сглотнем всякие издевательства?»

Четвертый и пятый разделы конспекта («По вопросу о сокращении вооружений», «Вопросы, требующие внимания со стороны нашей армии»), очевидно, не вызвали сталинской реакции и остались без пометок. На первой странице материалов генсек написал: «Тов. Гамарнику. Важно».

Информацию японцев о советском Дальнем Востоке, о его слабом промышленном и военном потенциале дополнил вернувшийся из командировки нарком Ворошилов. Не составляло труда оценить реальность угрозы Японии и смертельной опасности для советского Дальнего Востока.

Серьезность своих намерений Япония подтвердила, когда 18 сентября 1931 г. после спровоцированного инцидента на железной дороге начала вооруженное вторжение

в Маньчжурию. Оккупация Японией трех автономных провинций Китайской республики и выход Квантунской армии на дальневосточную границу СССР для советского руководства стали сигналом SOS.

После оккупации Квантунской армией Маньчжурии советское руководство неоднократно заявляло о невмешательстве в конфликт. Так, 21 ноября 1931 г. в советской печати было опубликовано сообщение о встрече Литвинова с японским послом Хиротой, во время которой он заявил: «Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами»¹⁶. Советское правительство с помощью дипломатии стремилось отодвинуть военную опасность от Дальнего Востока.

Ситуация здесь радикально изменилась. Еще недавно для дальневосточных пограничников основными нарушителями границы являлись хунхузы, контрабандисты и русские белогвардейцы из эмигрантов, с разной целью переходившие границу к нам и от нас. Теперь на территории Маньчжурии оказалась регулярная, хорошо вооруженная армия страны, правящие круги которой строили агрессивные планы. В небе над советско-маньчжурской границей стали появляться японские самолеты. Их регулярные полеты в небе над Амуром, под Хабаровском выводили из себя командование ОКДВА. Летом 1932 г. Блюхер направил Ворошилову телеграмму, в которой предлагал обстрелять японские аэропланы, как только они перелетят через границу, т. е. через середину Амура. Ворошилов ответил, что можно лишь в том случае обстрелять, если они действительно перелетят границу или будут летать в районе дислокации нашей флотилии.

Остававшийся за «главного» во время отпуска Сталина Л. М. Каганович собрал Дальневосточную комиссию, которая высказалась категорически за запрет стрелять и обяза-

ла по таким случаям точно информировать Москву. Было высказано мнение, что нельзя разрешать командиру роты или взвода определять, когда стрелять, когда нет. «Мы не гарантированы, что незначительная группка японских фашистов-военных может нас пробовать провоцировать на войну, и решение таких вопросов должно быть в руках Центра», — при этом сказал Каганович.

Не обошлось без инцидента с Ворошиловым, который не счел нужным этот вопрос не только поставить на обсуждение, но даже оповестить партийное руководство или прислать копию телеграммы. На высказанные по этому вопросу претензии Ворошилов заявил: «Не стану я бегать к вам по мелочам, вы тут решаете сами много вопросов, а я не могу телеграмму послать». Каганович в письме генсеку писал: «Хорошая мелочь! Обстреливать ли японские аэропланы или нет. Ну, конечно, поругались»¹⁷.

В ответном письме Сталин написал: «Решение Дальвосткомиссии насчет категорического запрета стрелять без разрешения Москвы (т. е. СНК и ЦК) совершенно правильно. Ясно, что подобные вопросы и «инциденты», которые таят в себе опасность «неожиданно развязать войну, должны решаться во всех мелочах исключительно Москвой. Советую держаться до конца этой установки и не поддаваться (ни в коем случае) воплям т. Блюхера»¹⁸.

В соответствии с постановлением комиссии обороны при СНК СССР от 13 января 1932 г. началось ускоренное увеличение численного состава дальневосточной группировки войск, было принято решение о создании в кратчайшие сроки Морских Сил Дальнего Востока. Расходы на капитальное строительство в Дальневосточном крае в 1932 г. превысили уровень 1928 г. в пять раз. В основном они шли на оборонные объекты. Расходы на техническое перевооружение войск увеличились в десять раз по сравнению с 1929 г.¹⁹

Организационное совершенствование группировки войск на Дальнем Востоке, рост ее численности — в 1932 г. по сравнению с 1929 г. — втрое, их техническое перевооруже-

ние, укрепление пограничных войск — все это, несомненно, значительно повысило степень военной безопасности восточных рубежей СССР. Но это было только начало.

Вопросы укрепления обороноспособности советского Дальнего Востока генсек взял под свой личный контроль.

Из письма Ворошилова Гамарнику (декабрь 1931 г.): «Очень хорошо, что Сталин взялся вплотную за Дальвосток и промышленность. Особенно хорошо, что мы будем иметь помощь Сталина при разрешении вопросов с промышленностью»²⁰.

Завышенные требования военного руководства к наркомату тяжелой промышленности, возглавляемому Г.К. Орджоникидзе, нередко приводили к серьезным спорам между ними. Сталин часто занимал сторону военных, требуя удовлетворения заказов военного наркомата.

Из письма К.Е. Ворошилова Я.Б. Гамарнику (январь 1932 г.): «Сталин вплотную занимается вопросами Дальнего Востока, и только поэтому удалось заставить промышленность взяться за сооружение 30 подлодок (в этом году) 130—140 т водоизмещения на Ленинградском и Николаевском судостроительных заводах. Кроме того, промышленность взялась сделать в 1932 г. 60 штук броневагонов»²¹.

Из письма Сталина Ворошилову (30 июня 1932 г.): «Шесть бомбовозов для Дальвостока — пустяк. Надо послать туда не менее 50—60 ТБ-3*. И это надо сделать побыстрее. Без этого оборона Дальвостока — пустая фраза»²².

Я.Б. Гамарник стал эмиссаром, самоотверженным и умным полномочным представителем Сталина, партийно-политического руководства на Дальнем Востоке. Он выступал в трех ипостасях: зам. наркома обороны, член Оргбюро и член ЦК ВКП(б), которые синтезировались в его новой должности — председатель комиссии ЦК ВКП(б) и СНК по вопросам укрепления обороноспособности Дальнего Востока. Выступая на Военном совете в 1934 г., Гамарник между прочим сказал: «...Я последние два года очень усиленно за-

---

* ТБ-3 — первый серийный тяжелый бомбардировщик. Впервые был поднят в воздух в феврале 1932 г.

нимался вопросами Дальнего Востока, торчал там много времени...»²³ Ежегодно, за исключением 1935 г., Гамарник покидал свой московский кабинет и по заданию советского руководства отправлялся в ДВК, где находился по несколько месяцев.

В дальних командировках Гамарника сопровождали ответственные работники наркоматов и военные. Все помещались в одном вагоне, располагавшем максимумом удобств. Вагон этот был гостиницей, кабинетом, а иногда и военным штабом.

Как правило, первым пунктом для остановки являлась Чита, где дислоцировался штаб Забайкальской группы войск ОКДВА, потом Хабаровск, где находилось партийно-политическое и военное руководство Дальневосточного края. В Никольске-Уссурийском располагалось командование Приморской группы ОКДВА, здесь же недалеко проводились военные учения. Наконец, Владивосток, главная военно-морская база на Дальнем Востоке. Вагон Яна Борисовича, словно ткацкий челнок, перемещался по этому маршруту. До пограничных застав добирались разными способами, чаще верхом на лошадях и на катерах.

Сложилась такая практика: все поездки Гамарника на Дальний Восток согласовывались со Сталиным, который зачастую их и инициировал. Перед поездкой он принимал Гамарника, определял главный круг проблем, а иногда формулировал и цель поездки. Нередко Гамарнику после командировок приходилось докладывать генсеку о проделанной работе, обозначать проблемы, решение которых затем выносилось на Политбюро. Так, в январе 1932 г. Политбюро по докладу Сталина «приняло решение по вопросу телеграммы т. Гамарника» (он находился в ДВК. — *Н. Д.*) о строительстве в Приморье цементного завода и о поставках оборудования²⁴. По предложению Гамарника и Тухачевского Политбюро в сентябре 1933 г. приняло решение сформировать из военнообязанных две бригады общей численностью в 15 тыс. человек для дорожного строительства на Дальнем Востоке по подобию

железнодорожного корпуса. Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе и Гамарник разработали предложения о строительстве бензохранилищ в ДВК, которые были приняты Политбюро ЦК ВКП(б). Судя по опубликованному каталогу «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний 1919—1952» (том II, 1930—1939 гг.), по существу, ни один вопрос по Дальнему Востоку без участия Гамарника не обсуждался.

Особенно напряженным для Яна Борисовича оказался 1932 г. В начале года, когда двухмесячная командировка подходила к концу, Гамарник из Владивостока в Москву послал телеграмму с сообщением, что запланированная работа полностью выполнена, и он просит разрешения вернуться в столицу. Совершенно неожиданно ему предложили задержаться еще месяца на два. В Хабаровске по прямому проводу состоялся важный разговор. Центральный комитет партии и Совнарком поручили Гамарнику подыскать в нижнем течении Амура место для нового города, чтобы построить в нем судостроительный и авиационный заводы. Для решения этой ответственной задачи была создана под руководством Я.Б. Гамарника комиссия, в которую вошли секретарь крайкома С.А. Бергавинов, инспектор Военно-морских сил Р.А. Муклевич, члены Реввоенсовета ОКДВА А.И. Мезис и Р.А. Таиров и другие руководящие работники и специалисты. Члены комиссии решили до села Пермское добираться по льду Амура на машинах. Впереди кавалькады машин шли саперы, которые простукивали и измеряли толщину льда и искали запорошенные снегом трещины. С большим трудом преодолев часть пути, у села Троицкое впервые встретили местных жителей, которые и сообщили, что дальше проехать нельзя, можно утонуть. Гамарник по радио попросил В.К. Блюхера прислать самолет. Так они добрались до села Пермское, и, находясь там двое суток, комиссия тщательно изучала оба берега Амура, стараясь найти наилучшее место для расположения будущего города. Когда же в Хабаровске члены комиссии принимали окончательное решение, на каком месте, на каком берегу Амура

строить новый город, между Гамарником и Бергавиновым возникли разногласия. У каждого был свой резон. Гамарник считал, город надо строить на левом берегу, исходя из рельефа местности. Бергавинов доказывал целесообразность строительства города на том же амурском берегу, на котором находится и Хабаровск, т. е. на правом, что облегчит проведение коммуникаций с центром края. Не договорившись, спорщики обратились в Москву. На исходе третьих суток из столицы пришла телеграмма, сообщившая, что мнение Гамарника поддержали ЦК ВКП(б) и Совнарком как более обоснованное. По этому случаю в вагоне Гамарника собрались члены комиссии и руководящие военные работники. У всех было ощущение присутствия при историческом событии — рождении нового города.

Сразу же возник вопрос: кто будет строить город на Амуре, в глухой безлюдной местности. Гамарник предложил обратиться к молодежи, был уверен, что секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, которого считал умным, энергичным вожаком молодежи, человеком дела, сможет поднять молодежь на эту грандиозную стройку в тайге. Так в обширный круг деятельности Яна Борисовича вошла еще одна большая забота: следить за ходом строительства нового города, за снабжением стройки материалами и оборудованием.

Поздней весной 1932 г. Ян Борисович вернулся из длительной тяжелой поездки на Дальний Восток. А летом вновь возникла перспектива командировки в ДВК. В связи с этим Ворошилов обратился к Сталину, отдыхавшему на юге, с просьбой отменить эту командировку.

«Дорогой Коба, — писал Ворошилов, — хочу тебя убедительно просить: нельзя ли отменить посылку Гамарника на ДВК, т. к. без него мне исключительно тяжело работать. Природа моей — нашей военной — работы характерна тем, что мы имеем дело с миллионной массой живых людей, которую постоянно и подлинно надлежит ощущать, чувствовать... Двое других замов с этой стороны... мало пригодны. Кроме того, Тухачевский должен уйти в отпуск, а Каменев

запарился, он ведает строительством. Можно было бы вместо Гамарника послать кого-нибудь другого или пока совсем никого не посылать, а делами ОКДВА займется на время отпуска Блюхера (обязательного и немедленного) Путна. Очень прошу твоего согласия, тем паче и сам Гамарник неважно себя чувствует и поедет, разумеется, но с тяжелым чувством»²⁵.

Сталин ответил, что он не возражает оставить Гамарника в Москве, но при условии, «чтобы Блюхер получил отпуск для лечения, а дело на Даль Востоке не могло пострадать ни в какой мере»²⁶. (Подчеркнуто Сталиным. — Н. Д.).

Начало строительства на Амуре судостроительного и авиационного заводов и связанное с этим увеличение грузов, направлявшихся на восток, рост других перевозок выявили катастрофическое положение железнодорожного транспорта на Дальнем Востоке. Реакция Политбюро была незамедлительной. На заседании 1 декабря 1932 г. оно поручило комиссии в составе Гамарника (председатель), Андреева, Косиора и др. выработать на основе обмена мнениями проект мероприятий по вопросам улучшения работы железных дорог Дальнего Востока. Уполномоченным ЦК и СНК по железнодорожному делу был назначен Гамарник. Находившийся в отпуске Ворошилов в письме Яну Борисовичу интересовался: «Что за сан — уполномоченного по железнодорожному движению на Дальнем Востоке, в который Вы облечены...» «На ДВ нужно хорошенько осмотреться вокруг себя и постараться подобрать вожжи, — давал совет бывший красный конник, — иначе из всех многообразных и сложных начинаний получится не плюс, а невероятные затруднения в деле обороны края... По ознакомлению с делами постепенно давать информацию и предложения мероприятий и требование к Центру. Я обещаю помогать всеми силами. По каждому вопросу обязательно добивайтесь определенного ответа. Впрочем, все это Вы хорошо и сами знаете, и говорю я только потому, что Вам предстоит чертовски большая работа в течение короткого времени»²⁷.

Уже 27 декабря 1932 г. Гамарник с Дальнего Востока

послал Сталину и Молотову доклад о положении дел на железной дороге. В нем говорилось: «1) положение оказалось значительно хуже, чем мы его определили в Москве. Фактически дорога парализована и представляет собою склад на колесах, процент больных паровозов достигает 47, на дороге 10 000 лишних вагонов и 120 брошенных на полевых станциях составов; 2) такое положение является результатом полного развала дисциплины сверху донизу, крайне плохой работы дирекции дороги, отсутствия партийно-массовой работы... необходимого жилья для рабочих и служащих и плохого продовольственного снабжения...; 3) Кишкин и Раскин приписывают развал дисциплины, главным образом, исключительно плохому составу командированных НКПСом осенью кадров на дорогу — пьяницы, хулиганы, классово-враждебные элементы, не знающие железнодорожного дела, выгнанные с других дорог»²⁸.

Комиссия под руководством Гамарника приняла экстренные меры по ликвидации серьезных сбоев работы железной дороги в регионе. В депо направили представителей крайкома, военных политработников и работников ОГПУ для очистки дороги от «всякой сволочи» и разъяснительной политико-массовой работы. Было упорядочено продовольственное снабжение железнодорожников и ускорена отправка порожних вагонов на запад под погрузку угля. Одновременно бюро Далькрайкома ВКП(б) обсудило вопрос о работе Уссурийской железной дороги и признало ее неудовлетворительной. За десять месяцев 1932 г. на дороге произошло около трех тыс. крушений, более чем в два раза снизилась передача грузов с Забайкальской дороги. Причина этих срывов объяснялась развалом трудовой дисциплины. Было решено отправить на три эксплуатационные линии Уссурийской дороги несколько уполномоченных, чтобы объяснить рабочим, инженерам и служащим необходимость поднять дисциплину. На Уссурийской и Забайкальской железных дорогах были назначены военно-железнодорожные директора. Совместным указанием

наркомвоенмора и НКПС приняли правила о взаимодействии военно-железнодорожных директоров двух дорог и особого корпуса железнодорожных войск РККА.

Гамарнику довелось принимать участие в планировании строительства важнейших железнодорожных объектов, помогать в решении проблем кадров, наблюдать за сроками работ. Чрезвычайная политика, принятая на Дальнем Востоке, была затем распространена на все железные дороги СССР.

Во время командировки 1933 г. Ян Борисович с удовольствием встретился с новым секретарем Далькрайкома партии Л.И. Лаврентьевым, товарищем по большевистскому подполью в Киеве, опытным партийным руководителем и другом. Причин для многочасовых бесед было предостаточно. Бывший руководитель ДВК откровенно делился своим опытом с начинающим руководителем советского Дальнего Востока.

Вообще, партийная работа занимала довольно много внимания Гамарника во время его дальневосточных командировок. Он не только беседовал с партийными руководителями, активом, но старался присутствовать на бюро, пленумах и конференциях, встречаться с рядовыми дальневосточниками, общаться и беседовать с которыми для него стало потребностью.

О человечности, вдумчивости Гамарника-руководителя в партийной работе можно составить некоторое представление на основе содержания письма Л.Н. Аронштама — заместителя В.К. Блюхера по политической работе — своему помощнику²⁹. Во время заседания бюро Дальневосточного крайкома ВКП(б) 5 августа 1933 г. присутствовавший на нем Гамарник поинтересовался, как идет чистка в парторганизации ОКДВА. Сообщение о том, что в Де-Кастри проверено 235 членов партии, из них исключено 27 человек (более 10%), его взволновало. Он высказал предположение, не перегнули ли там палку. Схема его рассуждения была такова. Красноармейцы, служащие в Де-Кастри, все приезжие, юноши 21 года от роду. Их прошлое могло

бы послужить причиной исключения лишь в том случае, если они оказались бы спрятавшимися кулаками. Комсостав и политработники особо подбирались для службы на Дальнем Востоке. Единственно, что могло бы дать основания для массового исключения их из партии, какие-нибудь бытовые истории или какие-нибудь пустяки. Пересол опасен и вреден еще и потому, что исключенных командиров нужно немедленно изымать из части. А кем их заменить? В связи с этим начальник ПУ считал необходимым дать указания комиссиям, проверяющим партийные ячейки, о более осторожном и внимательном подходе к людям, к исключению молодых командиров-военных. Исключать нужно либо окончательно разложившихся людей, либо врагов, пробравшихся в ряды партии и Красной армии. При этом объявлять итоги проверки партийных ячеек только после рассмотрения этих решений вышестоящей комиссией, т. е. комиссией при заместителе командующего политчасти. В заключение Аронштам написал: «Мне мотивы Гамарника кажутся убедительными. В связи с этим я предлагаю уже теперь принять ряд решений и разослать их на места».

В каждую поездку на Дальний Восток Гамарник старался посетить стройку на Амуре, на которой, впрочем, среди строителей города появились и военные, и заключенные. Здесь, в бараках, клубах, на рабочих местах, он беседовал со строителями, выяснял их нужды, выслушивал претензии и просьбы, разъяснял ситуацию.

В августе 1933 г. строительную площадку на Амуре Я.Б. Гамарник посетил вместе с инспектором Военно-морских сил РККА Р.А. Муклевичем, секретарем крайкома партии Л.И. Лаврентьевым и председателем Далькрайисполкома Г.М. Крутовым. После того, как они познакомились и побеседовали с людьми и осмотрели площадки, состоялось собрание актива стройки, на котором с краткими сообщениями выступили начальник стройки Каттель, главный инженер Марченко, начальник гидростроя Салов, секретарь парткома Плеханов, секретарь комитета ВЛКСМ Эрлих. Выступивший на собрании Ян Гамарник сказал: «Партия и

правительство уделяют огромное внимание вашему строительству, потому что оно имеет исключительное значение не только для Дальневосточного края, но и для всей нашей страны. Страна дала очень много вашему строительству — транспорт, механизмы, оборудование. Сейчас форсируются изыскательские работы по прокладке шоссейной дороги Хабаровск — Комсомольск. Принимаются меры к организации бесперебойной автосвязи с Комсомольском в зимнее время по льду. Отпущено немало средств и намечен ряд других мероприятий, направленных на облегчение и ускорение строительства. Нет сейчас в ДВК таких строек, которым партия и правительство уделяли бы большее внимание, чем вашей стройке! Сейчас самыми важными точками в ДВК являются Владивосток и Комсомольск»³⁰.

10 октября 1933 г. Ворошилов направил отдыхавшему на юге Сталину шифровку следующего содержания: «Гамарник просит разрешить приехать на время в Москву для доклада и постановки ряда вопросов по Дальнему Востоку перед ЦК, СНК и наркоматами. Имею сведения о плохом состоянии здоровья Гамарника. Прошу согласия на 2-недельный приезд Гамарника, пребывающего в данный момент в Чите». В тот же день Сталин дал ответ, направленный Кагановичу, Молотову и Ворошилову. «Не возражаю против приезда Гамарника на 2 недели, но считаю необходимым, чтобы через две недели он возвратился на Дальний Восток. Имейте в виду, что японцы готовят нам войну, и мы должны быть всегда начеку»³¹. Замены Гамарнику Сталин не видел и жестко требовал его возвращения на Дальний Восток. И больной Ян Борисович оценивался генсеком как некоторая гарантия в случае начала военных действий.

Уже через 9 дней в Москве и состоялась беседа Гамарника с Ворошиловым. Сталину была отправлена новая шифровка за подписью наркома обороны. «Гамарник обязательно должен доложить тебе о положении ОКДВА, Далькрае и Востсибкрае. Не следует ли ему выехать к тебе с этой целью. Жду ответа». В тот же день Сталин дал согласие на встречу с Гамарником в Гаграх³². После встречи со Сталиным

Ян Борисович снова отправился в ДВК и вернулся в Москву лишь в самом начале ноября 1933 г. А 5 ноября он уже был на продолжительном приеме у Сталина.

Кстати, о приемах Сталина. Согласно опубликованным тетрадам (журналам) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.) в Кремле, а были приемы и в других местах, где они не фиксировались, Гамарник с 1930 по 1937 г. был у Сталина 56 раз, т. е. его 56 раз вызывал генсек³³. Приемы носили разные временной и персональный форматы. Иногда генсек вызывал Гамарника перед командировкой на Дальний Восток, и зачастую продолжительная беседа шла с глазу на глаз. Как это произошло перед первой командировкой на Дальний Восток в апреле 1930 г.

Большинство приемов проходило с участием нескольких заинтересованных лиц и превращалось в своеобразные совещания. Так, 26 ноября 1932 г. на прием к Сталину были вызваны Гамарник и Ежов, в то время зав. орграспредел ЦК ВКП(б), и можно предположить, что обсуждались кадровые вопросы. Вполне возможно, речь шла о первом секретаре Далькрайкома ВКП(б) С.А. Бергавинове, который так и не смог овладеть сложной ситуацией на Дальнем Востоке. Возможно, тогда и всплыла, не без помощи Гамарника, кандидатура Л.И. Картвелишвили (Лаврентьева). А вот 2 декабря 1932 г. Гамарник провел в сталинском кабинете свыше семи часов: на приеме с 15 до 18 час. 20 мин. он был вместе с Маркевичем, Лобовым, Юркиным и Межлауком, а с 21:15 до 24 час. — вместе с Микояном, Орджоникидзе, Рудзутаком. В 1937 г. два приема продолжались по 10 минут. На приемах у Сталина зачастую принимались предложения и решения, которые нигде не фиксировались, но которые носили обязательный характер. Приемы, игравшие роль организационной структуры при генсеке, противоречили уставу ВКП(б), снижали значение Политбюро ЦК партии как коллективного органа, способствовали установлению единоначалия, диктатуры Сталина.

При всем разнообразии вопросов, которые решал Ян Борисович в ДВК, на первом плане находились вопросы

повышения боеспособности ОКДВА, ее технического оснащения, укрепления дальневосточной границы, создания военно-промышленного потенциала края.

Гамарник участвовал в реорганизации Особой Дальневосточной армии, которая была создана по приказу РВС СССР от 6 августа 1929 г. и дислоцировалась на территории ДВК, Бурят-Монгольской АССР, Иркутского округа Сибирского края. Такое расположение войск сильно затрудняло эффективное управление, создавало большие трудности для оперативных решений. В 1932—1933 гг. с целью повышения оперативного управления войсками в составе ОКДВА были сформированы на правах неотдельных армий Забайкальская и Приморская группы войск, а также укреплены войсками районы Владивостока, Де-Кастри, Николаевскана-Амуре. Командованию в оперативном отношении также подчинялись пограничные войска ДВК, Уссурийская и Забайкальская железные дороги, Краснознаменная Амурская флотилия (по приказу НКО СССР от 8 августа 1935 г.).

С целью разукрупнения военного округа в 1935 г. на базе Забайкальской группы войск ОКДВА с присоединением части войск Восточно-Сибирского края и Якутской АССР был создан Забайкальский военный округ (ЗабВО) с управлением в г. Чите. Командующим новым округом стал И.К. Грязнов.

Приказом НКО СССР от 17 мая 1935 г. на базе ОКДВА во главе с В.К. Блюхером создается Дальневосточный округ, за которым сохранялось название ОКДВА.

С образованием Забайкальского военного округа ОКДВА стала значительно компактнее, что создавало условия для повышения оперативного управления войсками. С другой стороны, поставленный во главе неотдельной Приморской группы войск опытный военачальник И.Ф. Федько в некоторой степени стеснял действия командующего ОКДВА, что не мог не почувствовать В.К. Блюхер.

Участвуя в военных учениях дальневосточной армии, Гамарник активно влиял на повышение ее боеспособности, на рост ее военного мастерства. На Военном совете при

нарком обороны в 1934 г. начальник ПУ подчеркнул: «На Дальнем Востоке мы видели, как хорошо отрабатывались схемы (имелись в виду картографические планы проведения учений. — *Н. Д.*), а на поле боя ничего не делалось»³⁴.

Говоря о значительной неравномерности боевой подготовки по округам, на Военном совете 1935 г. Гамарник особо подчеркнул, что «недостаточно еще подтянулись ОКДВА и ЗабВО, а эти две... должны быть прекрасно подготовлены». Обращаясь к Блюхеру, добавил: «Да, к сожалению, боевая подготовка вашей армии, Василий Константинович, все еще не такова, какой она должна была бы быть, учитывая обстановку на Дальнем Востоке»³⁵.

А обстановка на дальневосточной границе была как никогда и нигде напряженной. Не проходило и месяца, чтобы японцы не перебросили вооруженные группы с разведывательными и провокационными целями на советскую территорию, главным образом Приморье, особенно в направлении Полтавского и Градековского укрепрайонов. 12 октября 1935 г. японцы произвели вылазку в глубь нашей территории довольно значительными силами. Произошло «настоящее, правда, маленькое, сражение наших пограничников с японцами»³⁶, для которых оно окончилось довольно печально. Они потеряли в этой стычке около 30 человек убитыми и до 40 — ранеными, причем значительная доля потерь причинена огнем их же подкрепления.

На попытку японо-маньчжуров использовать для своих судов Амурскую протоку, что дало бы им возможность плавать мимо Хабаровска, наших военных и оборонно-хозяйственных объектов, советская сторона решительно заявила, «что ни при каких условиях прохода их судов через протоку не допустим», и для подкрепления заявления были выдвинуты на позиции основные силы Амурской военной флотилии с приказом — не пустить японцев в эту протоку³⁷. После этого прекратились попытки в нее заходить.

По заявлению наркома очень сложным являлось положение на границе Маньчжоу-Го с дружественной нам Монгольской Народной Республикой, где можно ожидать в лю-

бое время новых японских провокаций, непосредственно затрагивающих и наши интересы³⁸.

В течение нескольких лет командование ОКДВА отрабатывало действия войск в условиях горно-таежной местности. Слова Блюхера на Военном совете в 1935 г. о том, что войска для действий в этих обстоятельствах ни лично, ни организационно не подготовлены, заставили наркома без обиняков поставить острые, неприятные вопросы: «Чему же вы тогда научились за четыре года непосредственной военной опасности, когда мы вам ничего не жалели и давали все вне всякой очереди? Что же, война должна была стрястись, чтобы вы по-настоящему научились воевать? Или вы хотите воевать только в низменных местах, долинах, на плоскостях? Не нужно ли договориться с японцами, в какой местности мы согласны драться и в какой — не согласны?»³⁹

Ворошилов иронизировал, рассказывая о командирах, которые размалевали карты, наметили маршруты на картах, рассчитали время и двинули вперед войска, которые готовились вокруг своих казарм. В результате полк заблудился, и два дня не могли его найти... «Вы хоть бы прочитали Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» — и то многому научились бы, — советовал нарком командующему. — Он там прекрасно описывает условия гор и тайги Приморья, дает много конкретных данных об ущельях, об их характере, о таежных болотах, о районе озера Верхняя Ханка (Малая Ханка. — *Н. Д.*), об общем характере местности»⁴⁰.

Впрочем, все военные, в том числе и нарком, понимали, в каких экстремальных условиях находится ОКДВА и ее командный состав. «Достижения у вас значительные, — примирительно сказал в заключение нарком, — и то, что вы полезли в горы, поняли, что этим делом нужно заниматься, — это очень хорошо»⁴¹.

За боевую подготовку войск командование несло полную ответственность, но существовало немало других проблем, в общем не зависевших от командования, но существенно влиявших на боеспособность армии. Так, остроту приобрело дело создания инфраструктуры для авиации.

В.К. Блюхер, 1935 г.

При огромных масштабах военного строительства в ДВК планы возведения ангаров и бензохранилищ не выполняли ни армия, ни военно-морской флот. И летом и зимой самолеты стояли на аэродромах вне укрытий. По выражению начальника управления Военно-воздушных сил РККА командарма 2-го ранга Я.И. Алксниса, «самолеты гниют». «Я буду просить народного комиссара, — сказал он на Военном совете в 1935 г., — издать приказ о том, чтобы прекратили подачу самолетов до тех пор, пока не построят ангаров»⁴².

Вообще, проблема укрепления технической базы авиации как основы боеспособности ДВК решалась с большим

трудом. Оказывалось, отправить десятки самолетов в край проще, чем где-нибудь в тайге, в стороне от железной дороги на аэродроме возвести ангар и бензохранилище. Материалы для их строительства в стране были в большом дефиците, да и технология только создавалась.

При росте численности РККА снабжение обмундированием красноармейцев тоже оказалось слабым звеном, особенно на Дальнем Востоке. В зимних условиях, при бесснежной зиме валенки, в которые были обуты красноармейцы, через месяц носки выходили из строя. При содействии Гамарника в 1933 г. Дальневосточная армия получила значительные ресурсы валеной теплой обуви, что помогло обеспечить обувью авиацию и бронетанковые войска. А вот свыше 60 тыс. красноармейцев военно-строительных батальонов, работавших на строительстве дорог и других объектов, носили рваную грязную одежду. Форменная одежда быстро изнашивалась, а другой — не предусматривалось. Из-за быстрого износа обуви пришлось части бойцов выдавать лапти, только чтобы они босиком не ходили на работу.

Одной из особенностей ОКДВА, ставившей ее по сравнению с другими в неравное и тяжелое положение, являлась необходимость самой обеспечивать себя продовольствием. Идея о самообеспечении армии продовольствием родилась у Гамарника во время почти полугодовой командировки зимы 1931/32 г., когда он смог детально ознакомиться с условиями жизни защитников Отечества и лично убедиться в полуголодном их существовании. Созданные на скорую руку маломощные колхозы и совхозы не могли обеспечить продовольствием растущие как на дрожжах армию и флот.

Заручившись поддержкой В.К. Блюхера, Ян Борисович поставил этот вопрос на Политбюро, которое в марте 1932 г. приняло постановление о формировании на Дальнем Востоке в составе ОКДВА Особого колхозного корпуса (ОКК). Перед ним была поставлена задача освоить богатейшие целинные и залежные земли, обеспечить население Дальнего Востока и армию продовольствием, значительно сократить ввоз хлеба и мяса из Сибири и тем самым укрепить

*Маршал Советского Союза В.К. Блюхер,
командующий Тихоокеанским флотом М.В. Викторов,
командир 20-го стрелкового корпуса М.В. Калмыков.
XVII съезд Советов РСФСР. 1937 г.*

безопасность дальневосточных границ СССР. Командиром ОКК был назначен комкор М.В. Калмыков, комиссаром — И.А. Свинкин, начальником штаба — Г.А. Маландин. Площадь деятельности корпуса охватывала Приханкайскую низменность и Приамурье.

Уже в 1934 г. силами корпуса было собрано зерна 1 330 000 пудов, урожайность составила: пшеницы — 6,4 центнера, овса — 8,2 центнера с гектара при урожайности в колхозах — 6 центнеров. К этому времени на фермах корпуса имелось 7000 голов рогатого скота, 17 000 свиней. В подсобных хозяйствах было выловлено 43 200 пудов рыбы, собрано в пчеловодческом хозяйстве 9000 пудов меда. В этом году силами корпуса было засеяно 103 000 га, поднято

30 000 га паров, скошено 32 000 га сена. Эти результаты достигнуты благодаря тому, что начсостав и бойцы в летнюю пору работали по 14—16 часов в сутки без выходных⁴³.

Прав был Калмыков, когда утверждал: «Ни одна из частей РККА такой нагрузки, как наши части, не имеет»⁴⁴. А Гамарник назвал эту нагрузку «зверской», т. к. от боевой подготовки эти части не освобождались. Она проводилась в зимнее время, на основные летние занятия времени не было, и это негативно сказывалось на боеспособности некоторых воинских частей. Вместе с тем армия стала иметь надежное обеспечение продовольствием.

Наркомат обороны и командование ОКДВА располагали разведывательными данными о наращивании численности Квантунской армии в Маньчжурии. К 1937 г. она уже насчитывала более 400 тыс. солдат и офицеров, что составляло две трети численности вооруженных сил Японии. Армия имела на своем вооружении свыше 400 танков, свыше тысячи орудий, 500 самолетов⁴⁵. Командовал Квантунской армией опытный генерал Уэда.

Мировая история войн свидетельствовала, что государство, имевшее сильную армию, часто пользовалось слабостью соседнего государства и военным путем захватывало его территорию. Чтобы не дать повода захватническим действиям Японии, необходимо было противопоставить ей на советском Дальнем Востоке мощную военную силу в лице ОКДВА и военно-морских сил. Эту задачу форсированным путем в 1930-е гг. и решало партийно-политическое руководство СССР, в том числе и Гамарник. Дальневосточная армия была значительно усилена соединениями и частями, переброшенными с запада. Формировались новые стрелковые корпуса, значительно увеличилась численность стрелковых дивизий. В приоритетном порядке ОКДВА снабжалась вооружением и техникой. К началу 1937 г. на дальневосточных рубежах была сосредоточена четвертая часть сухопутных войск Красной армии. На вооружении они имели до 17 процентов орудий и минометов и свыше 22 процентов танков от общего количества их в этом виде

Члены Военного совета при НКО СССР по ОКДВА. 1935 г.

*В.К. Блюхер —
командующий войсками*

*Л.Н. Аронштам —
зам. командующего
войсками и начальник ПУ*

*А.Я. Лапин —
помощник
командующего
войсками*

*К.А. Мерецков —
начальник штаба
армии*

*И.Ф. Федько —
командующий
Приморской группой
войск*

Вооруженных сил СССР⁴⁶. Небо советского Дальнего Востока надежно защищала авиация, а Тихоокеанское побережье — военно-морские силы.

Спустя год после последнего посещения Дальнего Востока Гамарник в 1936 г. вновь оказался в дальней дороге. Вместе с ним были заместитель начальника Генерального штаба В.Н. Левичев, заместитель наркома оборонной промышленности Р.А. Муклевич и неизменный секретарь И.М. Рачков.

В Чите Гамарника встретил командующий войсками ОКДВА В.К. Блюхер. В районе Карымская-Даурия под командованием И.К. Грязнова прошли учения войск Забайкальского военного округа, в которых участвовала кавалерийская дивизия, возглавляемая Константином Константиновичем Рокоссовским. Учения прошли успешно, и Гамарник похвалил командный состав и бойцов, но вместе с тем посоветовал и дальше совершенствовать боевую выучку, добиваться еще более высоких показателей.

Через две недели Гамарник и сопровождавшие его москвичи были в г. Никольске-Уссурийском (в 1935 г. переименованный в г. Ворошилов), на учениях Приморской группы ОКДВА. Встретились старые друзья по боевому походу 1919 г. Тогдашний начдив 58-й стрелковой И.Ф. Федько, теперь командарм 2 ранга, командовал Приморской группой ОКДВА. А бывший член РВС Южной группы 12-й армии Л.И. Картвелишвили (Лаврентьев) теперь возглавлял Дальневосточную краевую партийную организацию. Учения продолжались трое суток, и «красные» и «синие» действовали энергично и умело, по всему фронту и та и другая сторона имели разведку, четко взаимодействовали пехота и боевая техника. Несмотря на неблагоприятную погоду — дождь, — чрезвычайно трудную горно-лесистую местность, бойцы и начсостав проявили высокий интерес к учениям и при выполнении поставленных боевых задач показали пример отваги, мужества и искусного владения первоклассной техникой. Особо удачными были действия механизированных частей «красных», нанесших удар во фланг и тыл «синих».

На тактических учениях 1936 г.

В.К. Блюхер, Л.И. Лаврентьев, И.Ф. Федько, Я.Б. Гамарник среди крестьян

Ярким моментом учений явилось форсирование водной преграды.

Состоявшийся в г. Ворошилове парад войск привлек внимание жителей, особенно молодежи, которые приветствовали бойцов, дарили им цветы. На параде с краткими речами выступали Гамарник, Блюхер, Федько. «Я видел, — подчеркнул замнаркома обороны, — отчетливое понимание и знание бойцами, командирами поставленных перед ними задач, настойчивость и инициативу в их выполнении, громадную выносливость бойцов, высокую мобильность, искусное владение боевой техникой, образцовую дисциплину...»⁴⁷ Такую высокую оценку замнаркома обороны Гамарника войска ОКДВА заслужили впервые.

Под торжественные звуки марша мимо трибун прошли пехота, конница, артиллерия, мотомехчасти, в небе пролетела эскадрилья самолетов.

Поездка на границу убеждала в том, что она укреплена, что на ней служат отважные пограничники. К этому времени прославленный следопыт И.Ф. Карацупа с четвероногим помощником Ингусом задержал более 200 нарушителей дальневосточной границы. Здесь по-прежнему было тревожно, японцы постоянно устраивали различные провокации, обстреливали пограничные наряды и нарушали границу, где встречали достойный отпор наших воинов. На

дипломатическом уровне протесты советской стороны в связи с пограничными инцидентами японцами, как правило, отвергались, а ответственность за них переводилась на советских пограничников.

Посещение цементного завода им. Сталина в Спасске, у истоков создания которого стоял Гамарник, порадовало его организацией производства, боевым настроением рабочих и инженерно-технических служб.

Ян Борисович 26 сентября прибыл во Владивосток, с которым у него было много связано: начало его дальневосточной эпопеи, участие в создании здесь военного порта и военно-морского флота. Он вспомнил, как в 1927 г. в политписье секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Молотову он писал, что огромной протяженности морская граница «почти совсем открыта, у нас в море пара негодных галош», «недостаток даже катерного флота у погранохраны». А теперь он прибыл во Владивосток для участия в тактических учениях Тихоокеанского флота, решение о создании которого ЦК ВКП(б) и правительство приняли в апреле 1932 г. Тогда с Балтийского и Черного морей во Владивосток по железной дороге были переброшены подводные лодки, торпедные катера, береговая артиллерия и другая боевая техника. Вместе с ними моряки-балтийцы и черноморцы прибывали служить на Тихом океане и становились тихоокеанцами. Форсированными методами строились аэродромы, укрепления для береговой артиллерии, пункты базирования кораблей. Транспортные и промысловые суда переоборудовались под минные заградители и тральщики. Совершенствовалась главная военно-морская база — Владивосток. В середине 30-х гг. (11 января 1935 г.) выросшие в количественном и качественном отношении военно-морские силы Дальнего Востока были переименованы в Тихоокеанский флот.

В ожидании учений город приобрел праздничный вид — всюду были развешены военно-морские флаги, красочные плакаты и транспаранты извещали жителей Приморья о проведении тактических учений Тихоокеанского флота. Учения, за которыми владивостокцы наблюдали с

большим интересом, прошли успешно. Вечером на трибуне около здания городского совета появились замнаркома обороны Я.Б. Гамарник, секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьев, командующий Тихоокеанским флотом флагман флота первого ранга М.В. Викторов, другие ответственные партийные работники и военные. Началась демонстрация. Сначала появилась группа знаменосцев с военно-морскими флагами. Первой мимо трибун прошла сводная колонна начальствующего состава флота, потом колонны краснофлотцев. Провозглашаемые Гамарником приветствия славным подводникам, артиллеристам, летчикам с энтузиазмом поддерживались возгласами горожан. Существовавшая в 1930-е гг. практика завершать военные учения парадами с участием населения имела благую цель — продемонстрировать дальневосточникам, что их безопасность надежно сохраняет непобедимая, несокрушимая ОКДВА во главе с маршалом Блюхером, а теперь и Тихоокеанский флот.

К Владивостоку Гамарник относился с особой теплотой, его радовало, что благодаря новым зданиям город похорошел, стал чище, чему в немалой степени способствовало введение в строй Седанского водопровода. Он помнил то время, когда пресную воду в город привозили из Японии, когда утром приходилось в аптеке покупать бутылку нарзана, чтобы умыться, а морские суда ходили за пресной водой в бухту Витязь. Теперь Владивосток получил воду с Седанки. Водопровод полностью обеспечивал и город, и океанские суда пресной водой. В информации газеты «Тихоокеанская звезда» о вводе Седанского водопровода была подчеркнута «исключительная роль» в этом строительстве т. Дерибаса — начальника краевого управления НКВД, ведь водопровод строили заключенные. Среди строителей, получивших правительственные награды, было трое работников НКВД. В крае, испытывавшем острый дефицит рабочих рук, широко использовался подневольный труд заключенных и на строительстве железной дороги Волочаевка — Комсомольск, и в самом Комсомольске, а также почти

*Я. Б. Гамарник выступает на митинге перед моряками
Тихоокеанского флота. Владивосток. 1936 г.*

во всех дорожных работах. И этим Советская власть ничем не отличалась от царской власти, использовавшей труд заключенных при строительстве Амурской железной дороги. Ради объективности необходимо сказать, что масштабы использования подневольного труда при Советской власти были уникальны. Существовал целый трест — Дальстрой, целиком строивший свою работу на труде заключенных. Начальник Дальстроя Берзин в 1936 г. в послании Сталину доложил, что план добычи золота выполнен. Золота добыто столько, сколько за четыре предыдущих года.

Гамарник с нетерпением ожидал еще одну встречу — с Комсомольском-на-Амуре, к строительству которого он имел самое прямое отношение. Из беседы с Лаврентьевым

он знал, что в городе уже насчитывается около 60 тыс. жителей, закончена постройка на Дземгах авиационного завода, полным ходом возводится мощный судостроительный завод, начато строительство металлургического завода. Гамарник был в городе в четвертый раз, но не проходило ощущение, что он находится в городе впервые, так он изменился. Он побывал на всех заводах и стройках, встретился и побеседовал с руководителями. Видно, на Амуре Яна Борисовича сильно продуло, вечером у него поднялась температура, и он не смог выступить на запланированном митинге. Поэтому Гамарник написал приветственное письмо, в котором обратился к дорогим товарищам-красноармейцам, командирам, политработникам, рабочим, инженерам и техникам, ко всем строителям Комсомольска-на-Амуре. В нем он писал, что к своему большому огорчению не мог выступить на митинге и поговорить с ними, т. к. заболел. Но он побывал на стройках и убедился, что последние два года славными строителями Комсомольска проделана огромная, гигантская работа, и от всей души пожелал им самых лучших успехов в строительстве крупного и крайне важного промышленного центра, образцового культурного социалистического города — Комсомольска⁴⁸. Здесь Ян Борисович еще раз наглядно увидел, как масштабно реализуются замыслы, к которым он был непосредственно причастен.

Столица Дальневосточного края Хабаровск тоже порадовала Гамарника новыми зданиями в центре, солнечной погодой и, конечно, теплом встреч с другом Лаврентьевым, талант руководителя которого в полной мере здесь оказался востребованным. Плоды деятельности секретаря Далькрайкома, всего партийно-политического руководства ДВК были впечатляющи. Дальняя окраина СССР превратилась в настоящую новостройку. За два года были введены в эксплуатацию 23 новые электростанции, а мощность вырабатываемой электроэнергии увеличилась в два раза. Завершалось строительство крупнейшей станции в крае — Артемгрэс. Угольщики Сучана, Сахалина, Артема увеличили добычу угля во много раз. С превышением планов ра-

ботали предприятия рыбной и лесной промышленности. В крае произошел внушительный рост перевозок железнодорожного, морского и речного транспорта. Нарастали темпы производства заводы. В этом Ян Борисович убедился, посетив в Хабаровске машиностроительный завод им. Кагановича («Энергомаш»). «Ближайший соратник железного наркома т. Ворошилова, — как написал журналист газеты «Тихоокеанская звезда», — обошел все цеха, беседуя с рабочими, руководителями, которым дал ряд практических указаний по улучшению работы завода». Посетил он и вновь отстроенную школу, у учеников интересовался, как отдохнули летом, как идет учеба.

Положительные впечатления на замнаркома обороны произвели и другие хабаровские заводы — им. Молотова, им. Горького и нефтеперегонный завод им. Орджоникидзе.

Вместе с другом Лаврентьевым Гамарник впервые посетил предприятия и стройки нового города Биробиджана, интересовался из каких мест приехали евреи-переселенцы на Дальний Восток, какие надежды они с ним связывают. Побывали и в еврейском государственном театре им. Кагановича.

Последним пунктом «кругосветного» дальневосточного путешествия стал Благовещенск, где Гамарник посетил части местного гарнизона, где ознакомился с бытом командиров и бойцов, побывал на предприятиях города.

Все время пребывания в крае Ян Борисович находился в приподнятом и бодром настроении. Как никто другой он хорошо знал, каким был Дальний Восток в начале установления здесь Советской власти, и мог по достоинству оценить скачок в его развитии, в создании за короткий срок мощного военно-промышленного потенциала. Наверно, он испытывал гордость за то, что лично участвовал в этом трудном, но эффективном процессе. Все, что он увидел, узнал, почувствовал на Дальнем Востоке, еще более укрепило его веру в социализм, дающий равные права для своих граждан во всех сферах жизни. Для него Коммунистическая партия не была сомнительным идеологическим постулатом. Он себя ощущал частицей партии, ее верным борцом.

Близкое же знакомство со Сталиным убеждало его в том, что он вполне достойно несет бремя генерального секретаря в стране победившего социализма.

По возвращении в столицу Гамарнику предстояло провести Всероссийское совещание жен командиров и начальствующего состава РККА. К этому времени движение общественниц получило распространение и широкий резонанс в стране. А все началось с того, что на одном из Военных советов представитель Уральского военного округа между прочим рассказал о том, что жена командира по собственной инициативе привела в культурный вид казарму красноармейцев, а мать другого командира в течение продолжительного времени ремонтировала солдатское белье. Этот факт привлек внимание начальника ПУ РККА. Он поинтересовался, были ли отмечены командованием эти женщины и рассказано ли о их работе в газете. Выступавший пообещал и отметить, и опубликовать заметку в газете о работе общественниц. Так, при поддержке Гамарника началось общественное движение жен командиров Красной армии, целью которого являлось развертывание культурно-массовой работы среди красноармейцев и пограничников.

Чтобы подвести первые итоги движения общественниц, придать ему новые дополнительные импульсы, было решено созвать Всероссийское совещание жен командного и начальствующего состава РККА.

В Кремле 20 декабря 1936 г. собрались три тысячи делегатов и гостей совещания. Присутствие на нем генсека Сталина, наркома Ворошилова, его заместителя Гамарника, других членов правительства придавало совещанию торжественность и особую важность.

В центре внимания находилась делегация с Дальнего Востока. От Дальневосточного округа на Всероссийское совещание были выдвинуты В.С. Хетагурова — жена командира, чья работа среди бойцов была высоко оценена командованием, Ю.К. Руднева — жена флагмана первого ранга Краснознаменной военной Амурской флотилии, Б.Н. Гаранч — жена механика базы торпедных

*И.В. Сталин, В.М. Молотов, Я.Б. Гамарник среди делегатов
Всесоюзного съезда жен командиров РККА (в первом и втором рядах —
делегатки Дальневосточного военного округа, в том числе В.С. Хетагурова)*

катеров Тихоокеанского флота, Е.Т. Навознова — жена батальонного комиссара Амурской флотилии, и др. Валентину Хетагурову избрали в президиум совещания, а 22 декабря она выступила с кремлевской трибуны. Когда перед началом ее выступления на сцену внесли громадное панно с искусно вышитой дальневосточницами картой советского Дальнего Востока, то все присутствовавшие в зале встали и долго-долго горячо аплодировали и самой Валентине, и тем славным женщинам пограничного края, которых она представляла. Валентина взволнованно рассказала о героических делах трудящихся края, в которых и сама участвовала, и о том, как жены командиров помогают крепить оборону дальневосточных границ. На пограничных заставах они помогали красноармейцам ликвидировать безграмотность, следили за санитарным состоянием казарм и столовых, организовывали концерты к праздникам и т. д.

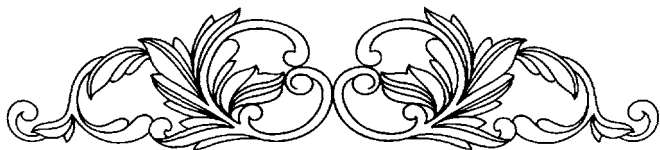
С помощью печати и радио в стране создавался романтический образ советского Дальнего Востока, а жители его, создававшие «форпост социализма на Тихоокеанском побережье», представлялись чуть ли не героями.

Члены правительства сфотографировались вместе с дальневосточными делегатками на память. Из них шесть женщин наградили орденами, в том числе и В.С. Хетагурову, которой вручили орден «Знак Почета».

У начальника ПУ РККА была полная уверенность в том, что прошедшее на эмоциональном подъеме Всероссийское совещание будет способствовать вовлечению в культурно-бытовое обслуживание красноармейцев и пограничников еще большего числа жен командиров РККА, поднимет общественное движение на новый уровень на благо Красной армии.

На живую, симпатичную Валентину Хетагурову обратили внимание работники ЦК ВЛКСМ, в недрах которого обсуждалась проблема помощи Дальнему Востоку, его новостройкам в решении демографической проблемы. Существовавшая в ДВК диспропорция между мужским и женским населением особо остро проявлялась в Комсомольске-на-Амуре, строителями которого в основном были мужчины. Хетагурову пригласили в редакцию «Комсомольской правды» и предложили выступить в газете с призывом к девушкам Советского Союза ехать работать и жить на Дальнем Востоке. 5 февраля 1937 г. «Комсомолка» опубликовала обращение В.С. Хетагуровой, инициировавшее широкое женское движение на Дальний Восток, получившее название «хетагуровское»⁴⁹.

И Всероссийское совещание жен командиров РККА, и инициатива ЦК ВЛКСМ о привлечении женской молодежи на Дальний Восток еще более укрепили оптимистическое настроение Я.Б. Гамарника, возникшее у него в ходе поездки в ДВК.

1937 год. Самоубийство Я.Б. Гамарника

Этот год начался с очередного громкого судебного процесса над участниками «параллельного анти-советского троцкистского центра». Известные в партии и в стране люди дали показания следственным органам на существующую якобы в среде Красной армии подпольную контрреволюционную организацию, связанную с Л.Д. Троцким и состоящую из высших военных руководителей. Г.Л. Пятакова, Л.П. Серебрякова и других обвиняемых по делу 30 января Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила к расстрелу. Г.Я. Сокольников и К.Б. Радек получили по 10 лет лишения свободы¹.

В начале февраля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило порядок дня и докладчиков на очередном пленуме Центрального Комитета партии. Первым был поставлен вопрос «Дело Бухарина и Рыкова». С докладом об этом поручено было выступить Н.И. Ежову — новому наркому НКВД. Второй вопрос утвердили в следующей формулировке: «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов». Докладчики: С. Орджоникидзе по наркомату тяжелой промышленности, Л. Каганович по наркомату путей сообщений и Н. Ежов по НКВД. По третьему вопросу «О политическом воспитании партийных кадров и мерах борьбы с троцкистами и ины-

ми двурушниками в парторганизациях» с докладом должен был выступить генсек И.В. Сталин². По заведенному неписанному правилу докладчик на пленуме ЦК или съезде ВКП(б) предварительно согласовывал со Сталиным тезисы доклада, а потом представлял их в Политбюро на одобрение. Установка, которую получил нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе в беседе со Сталиным, сводилась к тому, что докладчик должен был не только одобрить уже произведенные аресты хозяйственных руководителей, но и обосновать необходимость их увеличения.

Посланные по поручению наркома доверенные лица для сбора информации на местах свидетельствовали, что никакого вредительства они не обнаружили, а есть недостатки, ошибки, происходившие из-за нарушения технологии производственного процесса, низкой дисциплины и квалификации работников. Собранная информация подтверждала убеждение самого наркома, отважно вставшего на защиту арестованных крупных хозяйственных руководителей, директоров заводов. Он даже пытался опровергать их признательные показания, которые содержались в протоколах допросов, предоставляемых НКВД для членов Политбюро.

О переживаемых сомнениях, душевных мучениях С. Орджоникидзе делился с близким ему человеком — А.И. Микояном, тогдашним наркомом пищевой промышленности. В мемуарах Микоян рассказывал о тяжелом психологическом состоянии своего друга. «Мы не понимали, что со Сталиным происходит, как можно честных людей под флагом вредительства сажать в тюрьму и расстреливать, — вспоминал Микоян. — Серго сказал, что у него нет сил дальше так работать». Микоян привел слова Орджоникидзе: «Сталин плохое дело начал. Я всегда был близким другом Сталину, доверял ему, и он мне доверял. А теперь не могу с ним работать, я покончу с собой»³.

За день до открытия пленума ЦК 18 февраля 1937 г. пятидесятилетний Серго Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством. Официально было объявлено, что он умер от паралича сердца. Сталин убедил членов Политбюро в том,

Я. Б. Гамарник. 1935 г.

что политически нецелесообразно публиковать факт самоубийства Орджоникидзе. «К тому же, — сказал он, — мы не сможем похоронить Орджоникидзе как подобает, если объявим, что он самоубийца»⁴. Но все высшее советское руководство знало о факте самоубийства пользовавшегося в партийных кругах заслуженным авторитетом С. Орджоникидзе и в какой-то мере догадывалось о причине его неординарного поступка. На похоронах замнаркома обороны Я. Б. Гамарник, высоко ценивший С. Орджоникидзе, стоял в почетном карауле. С собой он взял дочку Вету, которая стояла за стульями, где сидели Зинаида Гавриловна и Этери, жена и дочь Орджоникидзе. 13-летнюю Вету потрясло все увиденное, и она дома долго плакала. На замечания, что не нужно было брать дочку на прощание с Орджоникидзе, Гамарник ответил: «Серго был такой человек, такой большевик, о котором нужно и можно плакать»⁵.

Вместо Орджоникидзе срочно было поручено выступать на пленуме недавно возглавившему СНК СССР В.М. Молотову.

В Москву на пленум съезжались члены Центрального Комитета ВКП(б), а также приглашенные. Представительство ДВК на пленуме было ослаблено ввиду отсутствия В.К. Блюхера и Г.Д. Дерибаса. В шифрованной телеграмме на имя И.В. Сталина они написали: «Крайне хотелось бы присутствовать на пленуме ЦК 20 февраля, в то же время понимаем, что нужно заниматься порученным нам делом, поэтому просим разрешить на пленум не выезжать». Ответ Сталина гласил: «Лучше остаться в Хабаровске»⁶.

Во всех докладах на пленуме содержался призыв выискивать и громить засевших в партийных, административных и советских органах троцкистов, зиновьевцев и других врагов народа, не жалеть дутые авторитеты, выдвигать на их место молодых, энергичных, преданных советской власти работников. Обвиненного в предательстве и шпионаже Н.И. Бухарина прямо на пленуме 27 февраля исключили из партии и арестовали⁷. Этим был дан определенный тон ходу работы пленума.

О положении с кадрами в Красной армии на пленуме выступили нарком обороны К.Е. Ворошилов и его заместитель Я.Б. Гамарник, которые дали в целом положительную оценку политико-морального состояния РККА. «Армия постоянно, но «без шума», — подчеркнул нарком обороны, — очищалась от ненужных и вредных для нее людей». Так, по его словам, с 1924 г., т. е. с момента отставки Л.Д. Троцкого с поста военного наркома, из армии было вычищено 47 тыс. чел. начсостава и только в 1934—1936 гг. — 22 тыс., в том числе 5 тыс. явных оппозиционеров⁸. Он не исключал, что в рядах армии имеется еще «немало невыявленных, нераскрытых японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов»⁹. «...К настоящему моменту, — заявил Ворошилов, — армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству воору-

женную силу... отбор в армии исключительный. Нам страна дает самых лучших людей».

Однако совсем иная оценка положения с армейскими кадрами была дана в докладе Молотова, который сказал, что очень большое военное ведомство будет проверяться несколько позже и будет проверяться «очень крепко». «...Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей? Это было бы нелепо, это было бы благодушием...»¹⁰ По существу, была дана установка для проверки военного ведомства на предмет выявления вредительства в рядах РККА.

В большом докладе Сталин убеждал партийных руководителей в том, что хотя социализм в СССР в основном построен, но классовая борьба продолжается. Он говорил: «...Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным. ...Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, тем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»¹¹.

В угоду прагматике политической борьбы и репрессивной политике Сталин «развил» марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы и довел ее до абсурда. Необычны были и рассуждения генсека о руководящих кадрах Коммунистической партии — о номенклатуре. «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящий слой, — сказал Сталин, — имеется около 3—4 тыс. высших руководителей. Я бы сказал — генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тыс. средних руководителей. Это наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тыс. низшего партийного командующего состава. Это, так сказать, наше партий-

ное унтер-офицерство. Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров — вот задача»¹².

Важным мероприятием в ее решении докладчик считал создание при ЦК ВКП(б) шестимесячного «совещания по вопросам внутренней и международной политики» для первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. «Эти товарищи, — говорил генсек, — должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо, и это должно быть сделано»¹³.

В заключение доклада вождь призвал партию, которая свергла капитализм, построила в основном социализм и подняла знамя мирового коммунизма, «разделаться» со «смешной, идиотской» болезнью — «ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость»¹⁴.

Курс на борьбу с массовым вредительством и шпионажем в стране был провозглашен и теоретически обоснован Сталиным и без какого-либо промедления начал осуществляться. Тем не менее шестимесячное совещание, о котором говорил Сталин, не было организовано. А секвестировать номенклатуру и обеспечивать ее «несколько смен» стали органы НКВД.

Весной по утвердившейся традиции Гамарник выступил с докладами и речами о Пленуме ЦК партии на совещании актива Московского военного округа, на собрании актива Ленинградского военного округа и Балтийского флота, на совещании партийного актива центральных управлений наркомата обороны, на совещании комсомольских работников Красной армии.

Ян Борисович чувствовал себя неважно, а в мае ему стало совсем плохо, но он отказался лечь в больницу, лечился дома. Взяв своеобразный тайм-аут, он получил много

времени для размышлений. Стали происходить непонятные назначения, и Гамарника назначили уполномоченным представителем НКО в СНК СССР, затем членом военного совета самого небольшого и маловажного Среднеазиатского военного округа. В мае и его соратники получили новые назначения, вызвавшие у него тревогу за оборону страны и судьбы самых прославленных командиров Красной армии. 10 мая командующий войсками Киевского военного округа И.Э. Якир, который за десять лет превратил округ в один из самых боеспособных в Красной армии, направляется командующим войсками и членом военного совета Ленинградского округа, а 20 мая — Закавказского округа. 11 мая заместитель наркома обороны СССР и начальник управления боевой подготовки маршал М.Н. Тухачевский был назначен командующим войсками Приволжского военного округа. Перед отъездом в Куйбышев Тухачевский зашел попрощаться с Гамарником. «Помню, они стояли в проеме дверей, такие непохожие друг на друга и каждый по-своему красив, — вспоминал И.М. Рачков. — Счастливого пути, Михаил Николаевич! — Поправляйтесь Ян Борисович! То была их последняя встреча...»¹⁵

Очередь дошла и до другого успешного командующего — И.П. Уборевича, который более шести лет командовал войсками Белорусского военного округа. 20 мая он получил назначение командующим войсками Среднеазиатского военного округа.

Ян Борисович старался анализировать события, пытался найти объяснение этим чудовищным перемещениям. В домашнем кабинете думалось иначе, чем в кабинете на улице Фрунзе, появился другой угол зрения на происходящее. Он приходил к выводу, что работа наркомата обороны дезорганизована, боеспособность войск западной границы СССР ослаблена, а самым успешным в армии военным руководителям грозит серьезная опасность. Вскоре его тайные опасения начали подтверждаться. 22 мая был арестован Тухачевский, 28 — Якир, 29 — Уборевич. Гамарник отдавал себе полный отчет в том, что следующим будет он.

Этот вывод он сделал не столько интуитивно, сколько на основе взвешенного анализа доступной ему информации. При этом Гамарник не знал, что после ареста командарма 1-го ранга И.Э. Якира и командарма 1-го ранга И.П. Уборевича Политбюро ЦК ВКП(б) 30 мая 1937 г. приняло решение, а затем 30 мая — 1 июня опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было оформлено и подписано Сталиным постановление, в котором говорилось: «Ввиду поступивших в ЦК ВКП данных, избобличающих члена ВКП Якира и кандидата в члены ЦК ВКП Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистско-правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии и Польши, исключить их из рядов ВКП и передать их дела в наркомвнудел»¹⁶. Одновременно 30 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в наркомате обороны и исключить из состава военного совета как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре»¹⁷.

31 мая 1937 г. начиналась новая рабочая неделя. Не изменяя своей привычке начинать день с прочтения газеты «Правда», Гамарник открыл ее на середине, и его взгляд остановился на заголовке «Конференция большевиков ОКДВА». В статье сообщалось, что 24—28 мая прошла

3-я партийная конференция ОКДВА. С докладом политического управления выступил начальник политуправления армии дивизионный комиссар т. Вайнерос. Делегаты привели ряд фактов политической беспечности в отдельных партийных организациях... С большой речью выступил т. Шкирятов. Рядом с этой заметкой была еще одна, в которой сообщалось, что 30 мая в Хабаровске прошла 12-я краевая конференция дальневосточной организации ВКП(б). С отчетным докладом выступил секретарь крайкома партии Варейкис. Эти скупые заметки вызвали у Яна Борисовича трогательные воспоминания о Дальнем Востоке, где он сформировался как региональный руководитель, где ему работалось просторно, свободно и увлеченно, где были

зримы результаты его усилий и труда его единомышленников и соратников. Конечно, вспомнил он о встречах с Лаврентием Картвелишвили, причины освобождения которого с поста секретаря крайкома партии ДВК и перевода в Крым казались надуманными и тревожными.

...Заглянула в кабинет Вета, сказала, что идет в школу. Ян Борисович подумал про себя, как за последнее время вытянулась дочка, а ведь ей только 13 лет.

...Дошла очередь и до первой страницы газеты, где была помещена большая фотография Молотова, Ворошилова, Кагановича, Сталина, Икрамова, Косырева и других в правительственной ложе Большого театра во время инсценировки «Саиль и колхозный той», показанной Узбекским театром. В столице шла декада узбекского искусства.

Его взгляд скользнул по тексту передовицы газеты. Он читал: «Политической слепотой не преминули воспользоваться враги нашей родины, начиная от германских фашистов и японских империалистов и кончая троцкистско-правыми и иными реставраторами капитализма в СССР. Вся эта тварь, нечисть и мразь объединилась и направила свое ядовитое жало против большевиков, рабочих и крестьян, всех трудящихся нашей страны»¹⁸.

«Тварь, нечисть, мразь» — это кто? Маршал Тухачевский, прославленные комкоры Якир, Уборевич? Догадка, что речь идет об обвинениях их в чудовищных преступлениях, к которым они совершенно не причастны, потрясла его. Значит, и его подозревают в том же. Почему-то вспомнились разговоры об С. Орджоникидзе, что даже он, друг Сталина, не смог убедить его в своей правоте, и, протестуя, Серго самовольно ушел из жизни. В кабинет Гамарника зашли заместитель начальника Политического управления РККА А.С. Булин и начальник управления делами наркомата обороны И.В. Смородинов, которые по распоряжению Ворошилова объявили Яну Борисовичу приказ об увольнении его из Красной армии. Сразу же после их ухода раздался выстрел — Я.Б. Гамарник застрелился.

О том дне в доме Гамарника вспоминала подруга Веты

Елизавета Филатова. «Это было в то утро 31 мая, когда мы все пошли в школу на предэкзаменационную консультацию по географии. Консультация не состоялась, и мы, поболтавшись около получаса в школе, отправились домой. За эти 40—50 минут, что нас не было, Вета осиротела. По внешнему виду нашего швейцара мы уже поняли, что что-то произошло... Вета стояла у окна и плакала, прячась за портьеру. Она несколько раз повторяла: «Почему вы мне не сказали, что папа тяжело болен, я бы не пошла в школу». Дверь моему папе открыла медсестра Марина Филипповна, которая уже несколько дней там дежурила, так как у Яна Борисовича было обострение сахарного диабета, и ему часто приходилось делать уколы, так как врачи опасались комы. Медсестра сказала, что Я.Б. застрелился. Он лежал на кровати, и тут же лежал небольшой револьвер. Блюма Савельевна сидела в большой комнате какая-то вся окаменевшая и молчала».¹⁹

Хоронили Яна Борисовича 2 июня 1937 г. трое — жена Блюма Савельевна, дочь Виктория и шофер С.Ф. Панов. 2 июня был день рождения Я.Б. Гамарника. Ему исполнилось бы 43 года. Никакого места праху Гамарника определено не было. Он, как и многие люди в то время, должен был исчезнуть бесследно, без права на память²⁰.

Готовя расправу над крупными военными начальниками РККА, которых генсек И.В. Сталин теперь считал своими врагами, самым важным, как ему казалось, необходимым было обеспечить личную поддержку в армии. С этой целью по его инициативе было созвано внеочередное чрезвычайное заседание Военного совета при НКО. По реакции его участников на информацию об арестованных он хотел лично убедиться в их готовности поддержать меры по физическому устранению руководителей «заговора».

В заседании Военного совета, открывшегося 1 июня 1937 г., участвовало 53 члена его и 116 приглашенных с мест других руководящих военных работников, представлявших, по сути дела, все вооруженные силы СССР. Среди них было 4 маршала Советского союза (Блюхер, Буденный, Ворошилов, Егоров), 12 командармов 1-го и 2-го ранга и флагманов

флота 1-го и 2-го ранга, столько же армейских комиссаров, 20 комкоров (командиров корпусов), 19 корпусных комиссаров и 102 других военных высшего ранга²¹.

Военный совет заседал четыре дня, и на всех его заседаниях присутствовал Сталин. Опасаясь оставить армию без личного контроля, он не поехал на похороны умершей 4 июня 1937 г. в Тбилиси своей матери, отказался от священного для каждого сына обряда. Всех участников заседания сначала пригласили в здание наркомата обороны (улица Фрунзе, ныне Знаменка), где под расписку каждый получил из рук наркома внутренних дел Н.И. Ежова и начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД И.М. Леплевского брошюры, отпечатанные на ротапринте. На титульном листе — заголовок: «Собственноручные показания М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, А.И. Корка и Р.П. Эйдемана» — красноречиво говорил о его содержании. По свидетельству генерал-лейтенанта К.Е. Полищука, занимавшего в то время должность начальника Военно-электротехнической академии РККА, «признательные показания заговорщиков вызвали... настоящий шок: в протоколах допросов они обнаружили не только имена уже арестованных сослуживцев, но и находящихся к этому времени лиц на свободе, а некоторые и свои собственные».

Полищук вспоминал, что в состоянии сильнейшего потрясения участники заседания проследовали в Свердловский зал Кремля, где во второй половине дня открылось первое заседание Военного совета. «В полной тишине без обычных шуток и разговоров генералы занимали места в зале. В президиуме появились члены Политбюро: Ворошилов, Калинин, Молотов, Жданов, Каганович. Вожди партии были озабоченными, даже угрюмыми. Только нарком внутренних дел Ежов был суетлив, улыбчив, постоянно вертелся и перешептывался с сопровождавшими его сотрудниками НКВД, вглядывался в лица членов Военного совета. Сталин, занявший место рядом с Ворошиловым, выглядел постаревшим, но в отличие от своих соратников был уверен и даже весел, с заинтересованностью огляды-

вал зал, искал знакомые лица и останавливал на некоторых продолжительный взгляд. Что касается Ворошилова, то на нем, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел еще больше, появились морщины, а голос, обычно глуховатый, стал совсем хриплым»²².

С докладом «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА» на заседании выступил председатель Военного совета, нарком К. Е. Ворошилов. Он начал доклад, сказав: «Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная, контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии». Ворошилов призывал: «...немедля, сейчас же железной метлой вымести не только всю эту сволочь, но все, что напоминает подобную мерзость... проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек»²³.

Нарком продолжал: «Вот вчера, вы знаете, застрелился мой первый заместитель. Почему он застрелился, он не сказал. Его отстранили от должности за тесную и чрезмерно близкую связь с группой Якира. Когда Якир был арестован и когда он был изобличен в своих подлых преступлениях, нельзя было больше терпеть такого положения, что человек, облеченный таким огромным доверием, как должность начальника Политического управления и зам. народного комиссара обороны... Его сняли с должности. Он, получив приказ, тут же, не задумавшись, застрелился. Что это значит? Это наводит — у нас нет пока данных — но это наводит на очень печальные размышления».

Сталин: «Осепян показывает, что его завербовал в 1932 г. Гамарник. У нас показания есть».

Ворошилов: «Ну, этого я еще не знаю. Вы теперь можете себе представить положение, когда у меня один и другой зам — враги народа, когда у нас в армии один, другой, третий, четвертый — без конца, их очень трудно даже сосчитать: командующие, помощники командующих, — враги, враги народа»²⁴.

После такой страшной констатации руководитель наркомата должен был подать заявление об отставке и получить серьезное партийное взыскание. Но этого не случилось. Сталин еще больше привязал к себе Ворошилова.

На заседании Сталин вел себя очень активно, с чувством хозяина положения — часто бросал реплики, задавал уточняющие вопросы, добивался подтверждений оценок еще шедшего следствия. Например, Ворошилов говорил о Тухачевском: «В 1925 г. этот человек уже был связан с контрреволюционной сволочью». Сталин: «С какой?» Ворошилов: «С германской». Сталин: «Шпионами?» Ворошилов: «Шпионами». Сталин: «Так и надо говорить». Ворошилов: «Я так и говорил». Сталин: «Имел связь со шпионами, завербовался шпионом»²⁵.

На второй день на утреннем заседании 2 июня с большой речью выступил Сталин.

«Такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, — вопреки истине утверждал Сталин, — что, несомненно, здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами».²⁶

Сталин подчеркнул еще одну существенную черту арестованных — связь с Троцким. Фабрикация обвинений в троцкизме была самым распространенным обвинением в 1930-е гг., караемым высшей мерой наказания (ВМН). «Троцкий, — говорил оратор, — организатор шпионов... обер-шпион. ... Троцкий организовал группу, которую прямо натаскивал, поучал: давайте сведения немцам, чтобы они поверили, что у меня, Троцкого, есть люди. Делайте диверсии, чтобы мне, Троцкому, японцы и немцы поверили, что у меня есть сила»²⁷. Приведенный пассаж является настоящей сталинской фальсификацией, которую следователи изо всех сил стремились подтвердить, выбивая у арестованных ложные показания об их связях с Л.Д. Троцким.

Отвечая на поставленный им же вопрос: что за люди стояли во главе военно-политического заговора, оратор

сказал: «Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин — это, так сказать, политические руководители. К ним я отношу также Рудзутака... Карахана, Енукидзе. Дальше идут: Ягода, Тухачевский — по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник — 13 человек... Это ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические отношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером* и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов». Непонятно, почему Сталин в перечне руководителей заговора, «которые недавно еще были на воле», включил Троцкого, как будто он со всеми арестованными уже находился на Лубянке. Далее он уточнил, что из 13 человек 10 — шпионы, очевидно, за исключением Троцкого, Рыкова и Бухарина.

«Заговорщики, — утверждал Сталин, — были марионетками, куклами, невольниками в руках рейхсвера, агентурой, выполнявшей его требования. Рейхсвер хотел из СССР сделать вторую Испанию и завербовал себе шпионов, орудовавших в этом направлении»²⁸. Сталин подчеркнул, что заговор имеет не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько внутреннюю политику, сколько политику германского рейхсвера. Он несколько раз называл арестованных военных руководителей «патентованными шпионами» рейхсвера.

Для придания правдоподобности шпионской деятельности находившихся под следствием военных руководителей и ее разоблачения советскими органами Сталин повел, как вербовали некоторых из них, используя присущие людям слабости и пороки. Например, оратор рассказывал, что в Берлине действует «очень опытная разведчица», находящаяся на службе у германского рейхсвера, Жозефина

---

* Почему-то Сталин говорил о рейхсвере вместо вермахта. Рейхсвер — вооруженные силы Германии после Первой мировой войны, вербованные по найму. В 1935 г. был создан вермахт — вооруженные силы, основанные на всеобщей воинской повинности.

Гензи — «красивая, очень охотно на всякие предложения мужчин идет»²⁹. Она завербовала Карахана, Енукидзе, Тухачевского и Рудзутака.

В речи Сталин привел единственный конкретный факт — якобы передачу Тухачевским оперативного плана — «наше святая святых» — немецкому рейхсверу.

Характерно, что в отношении некоторых обвиненных выступавший использовал такую лексическую формулу: «у нас нет данных, но...». «Гамарник. У нас нет данных, что он сам информировал, но все его друзья, ближайшие друзья: Уборевич, особенно Якир, Тухачевский занимались систематической информацией немецкого генерального штаба»³⁰.

Другое обвинение Гамарника Сталин связал с его предложением об освобождении В.К. Блюхера с поста командующего ОКДВА, в чем Гамарника поддерживали Аронштам и Путна. По словам Сталина, они вели агитацию так ловко, «что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять». Приведя их доводы в пользу освобождения Блюхера — выпивает, не ходит по войскам, новых методов работы не понимает, — Сталин с показным добродушием рассказывал: «Когда он (Блюхер. — *Н. Д.*) приезжает, видимся с ним. Мужик как мужик, неплохой... Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич... и чем любой Якир»³¹. Так Блюхер получил сталинскую индульгенцию, к сожалению, только на один год. В предложении о снятии В.К. Блюхера с поста командующего ОКДВА «бдительный» Сталин усмотрел вражеский коварный замысел ослабить обороноспособность советского Дальнего Востока путем создания благоприятных условий для захвата ДВК японскими милитаристами. Через год Сталин сам освободит Блюхера с ответственного поста и отдаст его в руки очередного нового наркома НКВД — Л.П. Берии.

В речи был еще один, довольно странный пассаж о Гамарнике. Сталин рассуждал о том, являлся ли он после-

довательным контрреволюционером. «Последовательный контрреволюционер, — говорил он, — попросил бы сначала свидания со Сталиным, сначала бы уложил его, а потом бы убил себя. Так контрреволюционеры поступают»³². Он делал вывод, что Гамарник не был контрреволюционером «от начала до конца», что он, как и другие, был невольником германского рейха, завербованным шпионом. Хотя перед этим пассажем Сталин говорил, что нет еще данных о связях Гамарника с рейхсвером.

Оратор утверждал, что заговор готовила небольшая по численности верхушка РККА, ничего общего не имевшая с основным составом армии, оторванная от нее и от всего народа. Спустя совсем короткое время он заявит прямо противоположное.

Отвечая на вопрос, «почему мы так странно прошляпили это дело» (имел в виду заговор. — *Н. Д.*), генсек на первое место поставил плохое состояние разведки. «Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем». Не в лучшем состоянии и разведка по линии ГПУ. Другое обстоятельство, на которое он обратил внимание, — это потеря бдительности, отсутствие своевременных сигналов с мест о недостатках, о фактах вредительства и антисоветских действиях. «Каждый член партии, честный беспартийный гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб... Выдвигайте людей смелее снизу, смелее — не бойтесь». Под продолжительные аплодисменты Сталин завершил свою речь, которая дошла до нас в виде опубликованной неправоленной стенограммы, что придает ей, как источнику, особую ценность.

Итак, Сталин обратился ко всем сознательным гражданам СССР, только что принявшего конституцию победившего социализма, с призывом: пишите друг на друга доносы, не смущайтесь, если в них будет лишь 5% правды. Этого будет вполне достаточно для революционной кары врагов народа.

В прениях по докладу Ворошилова выступило 42 человека (по злой иронии судьбы из них 34 человека — т. е.

80% выступивших — впоследствии были арестованы и расстреляны как «заговорщики»)³³. Читая их выступления 70 лет спустя, понимаешь, что участники заседания находились под сильным впечатлением «признательных показаний заговорщиков» и убеждающей речи Сталина. Выступавшие проклинали своих бывших сослуживцев, каялись в своей политической близорукости и беспечности, клялись в преданности Коммунистической партии и Советскому государству. Некоторые пытались личную неприязнь к арестованным представить как проявление политической зоркости и бдительности. Это видно по выступлениям красных конников — Буденного, Дыбенко, Апанасенко и др.

По содержанию и характеру выступлений некоторых членов Военного совета нельзя сказать, что они были высокообразованными, просвещенными, нравственно воспитанными людьми. Из выступления И. П. Белова — командующего войсками Московского военного округа, командарма 1-го ранга: «Когда я попадаю на глаза т. Сталину или Ворошилову, я всегда стесняюсь, потею и, честно говоря, наверно, сколько раз выглядел перед т. Сталиным дураком... Все эти Тухачевские, Якиры и Уборевичи, вся эта сволочь, она ничего не стеснялась и чувствовала себя лучше нас... они... меня ненавидели...»³⁴

Сталин: «Считали, что вы отсталый?»

Белов: «Да, считали, что я отсталый, что я — холуй». «Мне Климент Ефремович задавал часто вопрос: «По 7 дней пьешь? Выгоним из армии, выгоним из партии». Я говорю: Климентий Ефремович, может быть, я и неправильно поступаю, но каждый раз, когда я, в конце концов, напиваюсь очень сильно, я на второй день раньше, чем обычно, прихожу на службу. Никогда у меня не было прогулов в работе»³⁵.

Белов — о Гамарнике: «...Гамарник жил монахом. Корк монах, — подавали ему чай за три копейки, так он демонстративно вынимал деньги и платил, а у Гамарника лишнего стула в квартире не было. Какой там стул, боже упаси!»³⁶

Реплика из зала: «Кто ездил в Европу лечиться, того можно без зазрения совести забирать»³⁷.

Что же еще говорила советская военная элита о Я.Б. Гамарнике — участнике военно-фашистского троцкистского заговора?

И.М. Гринберг — начальник политуправления Авиационной армии: «Совершенно случайно из беседы с т. Ильиным, который сидит здесь, узнал о том, что Гамарник в 1923 г. не боролся за генеральную линию партии, а так вроде болтался, а при возможности выступал за троцкистов»³⁸. Выступавший игнорировал тот факт, что Троцкий в этом году еще был военным наркомом.

А.И. Мезис — армейский комиссар 2-го ранга, в начале 1930-х гг. начальник политуправления ОКДВА: «После совещания он (Гамарник. — Н. Д.) удалялся с Путна, и много часов вместе находились. О чем они говорили? Не на деловую тему, потому что это было после заседания, ясно теперь, что дела у них были темные»³⁹.

К счастью для элиты, были выступления и другого рода, делающие честь генералам.

Л.Г. Петровский — генерал-лейтенант, погибший в бою в августе 1941 г.: «...Некоторые товарищи здесь пытались говорить, что Гамарник не пользовался авторитетом. Товарищи политработники, Гамарник пользовался у вас непрекаемым авторитетом».

Голос: «И не только у нас».

Петровский: «У всех».

Голос: «И у вас».

Петровский: «У всех, не спорю... Мы ему верили»⁴⁰.

В.К. Блюхер — маршал, командующий ОКДВА: «Все тут выходят и хотят обязательно найти у Гамарника что-нибудь контрреволюционное. Не выйдет это. Скажите прямо ЦК, скажите прямо т. Сталину, что в армии Гамарник пользовался авторитетом. Скажите, что в армии была формула: так сказал Гамарник. Раз сказал Гамарник — свято. Я ему тоже политически доверял настолько, товарищи, что это только провинциалы могут сделать»⁴¹.

Стенограмма Военного совета свидетельствует, что был момент, когда Сталин оказался в щекотливом положении, и

ему пришлось держать ответ перед почтенным собранием. Пытаясь объяснить, почему они не раскрыли в Уборевиче и Якире шпионов, выступавшие ссылались на доверительные отношения, существовавшие у командующих войсками Белорусского и Украинского военных округов со Сталиным.

И.Н. Дубовой говорил: «Якир рассказывал, что в любой приезд в Москву он бывает у т. Сталина два-три раза, разговаривает с ним».

Сталин: «Неверно. Я могу один факт рассказать. Это было, кажется, в 1933-м или в 1932-м г...»⁴² Обращаясь к Сталину, Л.Г. Петровский: «Якир говорил, что он у вас в доме чуть ли не желанный гость, каждый раз у вас бывал. То же самое и у т. Молотова, и у Кагановича. Рассказывал всякие разговоры с вами».

Сталин: «Раз был он, Уборевич, я, Молотов. Кажется, в прошлом году».

Дубовой: «...у меня не было ни малейшего сомнения в этом человеке (в Якире. — *Н. Д.*), который оказался шпионом».

Сталин: «У нас тоже не было сомнений»⁴³.

Закрывая 4 июня заседание, Ворошилов предложил продолжить разговор в тот же вечер в зале заседаний НКО СССР. В 8 часов вечера там собрались: руководство наркомата в лице заместителей наркома, начальника Генерального штаба, начальников центральных управлений, все командующие военными округами, флотами, авиационной армией и их заместители, а также члены военных советов округов и флотов. Всего — 51 человек. Речь шла о том, как и что сообщать войскам.

Основной приказ как результат заседания Военного совета «Обращение по поводу раскрытия наркоматом внутренних дел предательской, контрреволюционной военной фашистской организации в РККА» был подписан 7 июня 1937 г. и адресован всему личному составу армии.

Арестованных, находившихся под следствием, в приказе называли «агентами немецкого-японского фашизма». «Они готовили убийства руководителей партии и прави-

тельства, проводили всевозможное злостное вредительство в народном хозяйстве и в деле обороны страны, пытались подорвать мощь Красной армии и подготовить ее поражение в случае войны»⁴⁴. «...Они ждали помощи от немецко-японских фашистов и за помощь готовы были отдать им Украину, Приморье на Дальнем Востоке», — говорилось в приказе. В нарушение процессуальных норм судебного дела утверждалось, что подследственные якобы «целиком признались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже», хотя следствие еще шло и прокуратура к этому времени не дала своего заключения.

В целом Сталин имел полное основание считать, что командный состав Красной армии осудил военно-фашистских заговорщиков — Тухачевского, Якира, Уборевича и других, и нет никаких препятствий для физической расправы над ними.

Военный совет стал ключевым звеном в запуске механизма массовых репрессий 1937—1938 гг.

Как удалось Сталину и находившемуся под его полным влиянием Ворошилову добиться того, чтобы Военный совет, в который входила военная элита СССР, осудил М.Н. Тухачевского и других крупных военных руководителей, своих соратников по Гражданской войне, сослуживцев, сотоварищей по укреплению Красной армии?

Прежде всего следует сказать, что маршал, замнаркома М.Н. Тухачевский имел среди начальствующего состава РККА — центрального аппарата наркомата и командования военных округов — довольно ограниченную поддержку. Развернувшаяся с начала 1930-х гг. модернизация Красной армии, оснащение ее современной военной техникой предъявили к начальствующему составу армии высокие требования к их оперативной, военно-технической и общеобразовательной подготовке. Значительная же часть военачальников, состоявшая из героев Гражданской войны, красных лихих конников, в силу низкого уровня общеобразовательной подготовки не была готова принять эти требования. Более того, военачальники Гражданской войны

полагали, что их заслуги и боевой опыт имеют непреходящее значение для Красной армии, для организации обороны СССР. В их среде латентно зрело глухое недовольство принижением своей роли и проводимым форсированным курсом на модернизацию армии, который персонифицировался не в Ворошилове — он был свой человек, а в его заместителе — Тухачевском и командующих Якире и Уборевиче — успешных проводниках этих преобразований в своих округах. На военных советах неофициально упоминалось о культурных, т. е. образованных, и некультурных, т. е. имевших минимальную грамотность, военачальниках.

Слабую поддержку Тухачевский имел среди начальствующего состава армии и по другой причине. Он, конечно, был яркой, даже первой звездой в советской военной элите СССР, он это сознавал сам и зачастую проявлял непомерное честолюбие и самоуверенность. К тому же был беспечным человеком. Например, он мог публично сказать наркому Ворошилову, что он некомпетентен, что он в наркомате создает какую-то группировку, а в выступлении на Военном совете завести речь об использовании в управлении боем телевидения, прочитав об этом в американской прессе, и т. д.

За Тухачевским тянулся шлейф противоречивой истории советско-польской войны 1920 г. В поражении наших войск в ней были виновны и Сталин, и Ворошилов, и Егоров. Расправа над Троцким позволила завуалировать этот факт и возложить ответственность за поражение, в результате которого тысячи бойцов погибли в польском плену, на командующего Тухачевского. Естественно, Тухачевский опровергал эту версию и тем самым выходил на очень опасную дорогу противостояния Сталину, о котором Ворошилов уже озвучил миф как о создателе Красной армии и военном стратеге, будто бы одержавшем победу в Гражданской войне.

Роковую роль сыграла смена руководства НКВД. После того, как нарком Г. Г. Ягода (Иегуда Е. Г.) был обвинен в троцкизме и шпионаже и арестован в 1936 г., наркомом вну-

тренних дел стал Н. И. Ежов. Опытный номенклатурный работник Ежов решил повысить несколько пошатнувшийся авторитет своего ведомства и тем самым упрочить свое положение путем раскрытия крупного заговора против Коммунистической партии и Советской власти. К этому времени в НКВД на Тухачевского имелось большое досье, начатое еще в начале 1930-х гг. и интенсивно пополнявшееся материалами из-за рубежа с конца 1936 г., особенно после того, как Михаил Николаевич выступил с речью на сессии Верховного Совета СССР. Дело в том, что на протяжении ряда лет, особенно в 1936—1937 гг., правящие круги и разведки ряда европейских стран старались создать вокруг высшего командования Красной армии атмосферу подозрительности путем фабрикации клеветы, интриг и провокаций, старались побудить Сталина, подозрительность которого была широко известна, устранить ведущих военачальников и тем самым ослабить советские вооруженные силы. Германские разведывательные органы не только сами плели интриги вокруг Тухачевского и других, но всячески провоцировали на это французов, англичан, поляков и чехов.

Многие из этих дезинформационных сведений с подачи Ежова доходили до Сталина, Молотова, Ворошилова и сыграли свою роль в процессе «дела» Тухачевского — Якира — Уборевича, в провокационных обвинениях тысяч командиров Красной армии и Военно-морского флота⁴⁵.

Вполне можно предположить, что Сталин с доверием отнесся к этим провокационным документам. Эта версия основана на новом осмыслении факта отношения генсека к Тухачевскому. В значительном числе книг о Тухачевском — только в 2008 г. вышли две интересные о нем публикации⁴⁶ — отношение Сталина к маршалу трактуется в соответствии с традицией, сложившейся после XX съезда КПСС. Оно укладывается в концепт: вождь-злодей — военачальник — талантливый стратег. Эта однозначность навряд ли может адекватно отразить сталинское отношение к Тухачевскому. Принято считать, что Сталин начал кампанию против Тухачевского в 1930 г. Как подчеркнул

Л. Самуэльсон, «архивные источники показывают, что в тот момент Сталин полностью доверял Тухачевскому как специалисту по военному планированию». Летом 1930 г., в разгар дискуссии о модернизации армии, «Сталин поручил Тухачевскому разработать проект нового плана войны против Польши... Письмо Сталина 1932 г.⁴⁷, в котором он приносит свои извинения Тухачевскому, заставляет усомниться в этой версии»⁴⁸. Интеллект Сталина позволял ему в полной мере оценить масштаб личности М.Н. Тухачевского и его стратегический потенциал. Кто, как не Сталин, выдвинул Тухачевского в 1931 г. на пост заместителя военного наркома вопреки мнению самого наркома Ворошилова, последовательно негативно относившегося к своему заместителю в течение почти шести лет их совместной работы. Кто, как не Сталин, присвоил ему в 1935 г. звание маршала. Кто, как не Сталин, направлял Михаила Николаевича в Западную Европу для установления контактов с военными и правительственными чиновниками. Обращают на себя внимание сталинские характеристики Тухачевского, находившегося на Лубянке и дававшего признательные показания. В речи на Военном совете в 1937 г. наряду с такими характеристиками, как «шпион, вредитель, предатель» и т. п., Сталин говорил, что Тухачевский «играл благородного, воспитанного человека». В то время, когда рабоче-крестьянское происхождение являлось главным в оценке человека и перспектив его роста, Сталин употребил несвойственные для лексики партийной элиты слова как «благородный» и «воспитанный» человек. И далее: «Я его считал неплохим военным», — сказал тогда Сталин⁴⁹. В данной ситуации это могло означать только то, что он считал его хорошим военным. Возможно, Сталин, ознакомившись с документами Лубянки, с признательными показаниями арестованных высших военачальников о шпионаже и предательстве, добываемыми путем пыток и истязаний арестованных, пережил сильный шок. Обращаясь в начале 1938 г. с речью к депутатам Верховного Совета СССР на приеме, устроенном в их честь, Сталин говорил:

«Никому на слово, товарищи, верить нельзя, я извиняюсь перед Вами, может быть, это неприятно, но это крайне необходимо»⁵⁰.

При непосредственном участии Сталина решено было начать и закончить судебный процесс над видными военными руководителями страны 11 июня 1937 г. В этот день газета «Правда» вышла с передовой статьей под заголовком «Кризис иностранной буржуазной разведки», написанной согласно установкам Сталина, который перед публикацией прочитал и внес свои поправки в статью, о чем свидетельствуют опубликованная записка главного редактора газеты Мехлиса и черновик статьи со сталинской правкой. Советские люди прочитали в газете о том, что Прокуратура СССР передала в суд дела восьми пойманных с поличным шпионов, изобличенных в антисоветской деятельности (сообщение «В Прокуратуре Союза ССР» печаталось отдельно, на 2-й странице газеты). Далее в статье говорилось: «Наймиты одного иностранного государства, подлейшие изменники родины, они имели задание от своих хозяев всеми доступными способами подорвать мощь Рабоче-крестьянской Красной армии — любимого детища народов СССР, подорвать обороноспособность первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков, Путна — вот трижды презренные, ненавистные имена участников этого, ныне разгромленного, шпионского ядра фашистских разведчиков». Далее подчеркивалось, что их будут судить в соответствии со статьей 113 великой Сталинской конституции, по которой «измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона как самые тяжелые злодеяния». Ссылка на Конституцию СССР, которая официально представлялась как конституция победившего социализма, должна была придать судебной расправе вполне законный характер и была рассчитана на зарубежное общественное мнение.

По сравнению со сталинским выступлением 2 июня на Военном совете в статье вместо «шпионы Германии» говорилось о шпионах «одного европейского государства», а в «шпионской группе» появились новые имена — Примаков, Путна, Фельдман, фамилия же Гамарника отсутствовала. Эти детали лишний раз свидетельствовали о том, что следствие шло в жуткой спешке и суматохе. Конечно, самоубийство Я.Б. Гамарника вызвало досаду у организаторов этого судебного процесса, потребовались некоторые коррективы, уточнения формулировок.

В официальном же сообщении «В Прокуратуре Союза ССР» говорилось: «Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Гамарника Я.Б., в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР..

Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью»⁵¹.

Какие же обвинения против Я.Б. Гамарника преступными методами удалось получить следствию?

Например, Якир заявил, что еще в 1936 г. он, якобы, информировал Гамарника о проводившейся им, Якиром, Тухачевским и Уборевичем вредительской работе в пограничных районах, направленной на ослабление обороноспособности страны, и что якобы Гамарник заявил тогда, что аналогичная работа проводится на Дальнем Востоке. При этом Якир утверждал, что Гамарник в центр военного заговора не входил и непосредственного контакта по контрреволюционной деятельности с Тухачевским, Корком и другими лицами не имел, а поддерживал эту связь якобы через Якира. Никаких конкретных фактов проводившейся якобы Гамарником контрреволюционной деятельности Якир привести не мог, ссылаясь на то, что Гамарник занимался вредительством на Дальнем Востоке, а он плохо знал Дальневосточный театр.

Уборевич прямых показаний об участии Гамарника в во-

енном заговоре не дал, но заявлял, что его очень хвалил Тухачевский, что Гамарник, в свою очередь, поддерживал по ряду вопросов Тухачевского и других, и поэтому он предполагает, что Гамарник являлся членом центра военного заговора.

В.К. Путна в отношении Гамарника показал: «...Я не допускаю участия Гамарника в троцкистской организации, но он меня поддерживал в 1934 г., когда приезжал на Дальний Восток, сказал, что мой доклад о том, что надо разъединить ОКДВА, он поставит в Москве».

Находившийся под следствием Б.М. Фельдман показал суду: «В отношении связи с Гамарником я лично ни слова не слышал и не знал, что Гамарник состоит членом центра. Гамарник вел такую линию в центральном аппарате, что мне хотя бы от малейшего его шага или малейшей осторожности догадаться о том, что он нам помогает, не было возможности, и я не могу этого сказать...»

Другой осужденный как участник центра — А.И. Корк — показал: «...В состав центра входят: Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман и я. Про других лиц, в частности про Гамарника, мне не говорил тогда Тухачевский и не говорил впоследствии»⁵².

В многостраничном написанном М.Н. Тухачевским «Плане поражения» о Гамарнике было сказано следующее.

«Что касается Дальнего Востока, то оперативный план последнего центром военного заговора не обсуждался в целом. Дальним Востоком специально занимался Гамарник. Он почти ежегодно ездил в ОКДВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы...

Дальневосточный театр войны крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через МНР в направлении Читы и кругобайкальской железной дороги. В этом отношении ни ОКДВА, ни Гамарник не ставили вопросов о необходимости прокладки ж.-д. пути от Байкала хотя бы до Улан-Батора. В случае нападения на нас японцев наше положение в направлении МНР будет чрезвычайно тяжелым.

С точки зрения организационной Гамарником было

проведено на Дальнем Востоке решение о расформировании строительных частей после объявления мобилизации для целей пополнения кадровых частей... Наши силы на Дальнем Востоке крайне слабы, и надо использовать всякую дополнительную возможность к увеличению числа войсковых соединений»⁵³.

«Прямых показаний о вхождении в центр военного заговора начальника политического управления РККА Гамарника следователи Ушаков, Карелин и Литвин добились от Тухачевского и Уборевича только за два дня до судебного процесса. Отвечая на вопросы суда, Тухачевский, характеризуя взаимоотношения с Гамарником, заявил: «Я был по западным делам, а Гамарник — по восточным... Я бы сказал, что здесь было как бы двоецентрие»⁵⁴.

Показания Тухачевского, Якира и Уборевича об участии Гамарника в контрреволюционном военном заговоре «неконкретны, в ряде случаев противоречивы и никакими другими объективными данными не подтверждены»⁵⁵, — таков вывод Прокуратуры СССР, сделанный в 1955 г.

Как, впрочем, и показания Тухачевского, Якира, Уборевича и др. о своей антисоветской, шпионской, заговорщической деятельности.

Чтобы придать суду большую убедительность и декоративность, в его состав были включены маршалы В.К. Блюхер и С.М. Буденный, командармы Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин, И.П. Белов, Б.М. Шапошников, Е.И. Горячев. Председателем Специального судебного присутствия Верховного суда СССР был назначен В.В. Ульрих. Главным талантливым режиссером проведения судилища являлся Сталин. Именно ему принадлежала идея создания специального военного суда для рассмотрения дела Тухачевского и других военных. Он же определил и его персональный состав. В ходе суда Ульрих получил сталинские указания, о чем свидетельствует его присутствие на приеме Сталина в день суда 11 июня с 16:00 до 16:20.

Видных военных руководителей судили по закону, принятому ЦИК СССР 1 декабря 1934 г., в день убийства

С.М. Кирова, который ввел по существу полное беззаконие для обвиняемых. Для рассмотрения уголовных дел «О террористических актах против работников Советской власти» был установлен срок следствия не более десяти дней; обвинительное заключение вручалось обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дело рассматривалось без участия сторон, т. е. без свидетелей и без адвокатов. Кассационное обжалование приговора и подача ходатайства о помиловании не допускались. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно.

Суд скорый, несправедливый завершился ночью в 23 часа 35 минут приговором, согласно которому восемь видных военных деятелей — М.Н. Тухачевский, А.И. Корк, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, В.К. Путна, Р.П. Эйдеман, В.М. Примаков, Б.М. Фельдман были осуждены к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества и лишением присвоенных им воинских званий.

При голосовании за вынесение смертного приговора Я.И. Алкснис воздержался, а В.К. Блюхер потребовал до следования дела. Они не подписали судебный приговор, подписали только протокол заседания⁵⁶.

Той же ночью осужденных расстреляли.

Еще шел суд, а в республики, края и области от имени Сталина было направлено указание об организации митингов рабочих, а где возможно — и крестьян, а также митингов красноармейских частей «с вынесением резолюции о необходимости применения высшей меры репрессии».

12 июня «Правда» опубликовала передовую статью «За шпионаж и измену родине — расстрел!», начинавшуюся словами: «Верховный суд вынес восьми пойманным с личным шпионам заслуженный приговор». Были названы М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, А.М. Корк, Р.Н. Эйдеман, Б.М. Фельдман, В.Т. Примаков, В.К. Путна. «Вместе с гнуснейшей гадиной Гамарником, покончившим жизнь самоубийством, чтобы уйти от разоблачения и суда, — эти восемь шпионов совершили самые тяжкие злодеяния, какие только мыслимо представить». Печатались

письма и резолюции митингов рабочих и красноармейцев под категоричными заголовками «Немедленная смерть шпионам», «Изменники родины будут стерты с лица земли», «Раздавить гадов!», «Проклятье презренному фашистскому отребью!» и тому подобные.

С помощью митингов и прессы партийные органы внедряли в сознание людей жестокость и ненависть к осужденным, не оставляя места для проявления естественного человеческого сочувствия женам, детям и родственникам осужденных. Насаждение в обществе агрессии и одновременно страха, поощрение, даже требование доноительства у части людей оживляли самые низменные качества — зависть, жадность, злобность, жестокость, которые камуфлировались под бдительность, принципиальность, верность Советской власти.

Официально самоубийство Я. Б. Гамарника было осуждено, расценивалось как проявление трусости, как боязнь нести ответственность за свои вражеские проступки или даже как их косвенное признание. Самоубийство не помешало объявить «гнуснейшую гадину Гамарника» причастным к «военно-фашистскому заговору» и «врагом народа».

В современной литературе говорится, что Гамарник застрелился, «не выдержав тяжких обвинений в свой адрес» или «чтобы избежать ареста».

«Из всех проходивших по делу военно-фашистского заговора, — читаем в книге Б. В. Соколова о Тухачевском, — нашел силы покончить с собой, выбрав честную офицерскую смерть вместо унижений инквизиционного процесса, один только Гамарник, который до революции был совсем не офицером, а недоучившимся студентом юридического факультета»⁵⁷.

«...Что же помешало поступить так же Тухачевскому — блестящему отважному красному командиру, не раз рисковавшему своей жизнью?», — поставил вопрос Соколов.

Противопоставив поведение Я. Б. Гамарника и М. Н. Тухачевского в пиковый момент жизни, Соколов, выразив симпатии Гамарнику, тем не менее подчеркнул, что вся

жизнь Тухачевского «была посвящена Красной армии, в которой он, быть может, одновременно видел и сильную русскую национальную армию, и орудие борьбы за победу мировой революции... продолжая верить в успех экспорта коммунизма военным путем»⁵⁸. Не оспаривая это суждение, следует подчеркнуть, что Тухачевский, в отличие от Гамарника, любил «красивую жизнь», был избалован обожанием советских светских дам, часто появлялся на дипломатических приемах, получал удовольствие от общения с талантливыми музыкантами, в частности с Д. Шостаковичем, писателями, артистами. Ему было доступно многое и в сфере материально-бытовой, и он с удовольствием этим пользовался, не задумываясь над вопросом: «А как там народ проживает?». Такой жизнелюб до конца будет верить в возможность избежать насильственной смерти. Суицид для него был исключен. К тому же следователи понуждали написать письма-обращения к Сталину, что давало повод ожидать милости от вождя.

Впервые в новейшей отечественной исторической литературе Б.В. Соколов публично выразил симпатию государственному деятелю, который в обстановке насилия и репрессий, исключаяющей активное сопротивление, добровольно ушел из жизни по политическим мотивам. И в этом поступке, несомненно, присутствовал протест. В условиях большого террора суицид зачастую являлся протестным актом.

Помощник командующего ОКДВА по авиации комкор, член Военного совета А.Я. Лапин был арестован в мае 1937 г. и содержался в тюрьме УНКВД по ДВК в г. Хабаровске. Подвергался пыткам и избиениям. 21 сентября 1937 г. покончил жизнь самоубийством. В предсмертной записке писал: «Мне надоело жить, меня сильно били, потому я давал ложные показания и наговорил на других»⁵⁹. Посмертно был объявлен «врагом народа». Еще два члена Военного совета, покончившие жизнь самоубийством, были объявлены посмертно «врагами народа». Это А.С. Гришин — начальник политуправления Балтийского флота, армейский ко-

миссар 2-го ранга, и Е.И. Горячев — заместитель командующего войсками Киевского военного округа (КВО) по кавалерии, комкор.

По данным главного управления РККА, количество самоубийств и покушений на самоубийство во втором квартале 1937 г. по сравнению с первым выросло в ЛВО на 26,9%, в БВО — на 40%, в КВО — на 50%, в ОКДВА — на 90,9%, на Черноморском флоте — на 200%⁶⁰.

Самоубийства партийных и государственных работников, потерявших веру в закон и возможность найти правду, имели место в ряде республик, краев и областей. Покончил жизнь самоубийством, будучи арестованным, председатель СНК Белорусской ССР Н.М. Голодод. Он выбросился из окна пятого этажа здания НКВД БССР в Минске 29 июня 1937 г. Ввиду ожидавшихся от него важных показаний Ежов сообщил о факте самоубийства Голододы Сталину⁶¹. Самоубийством оборвали свою жизнь председатель ЦИК Белорусской ССР А.Г. Червяков, председатель СНК Украинской ССР А.П. Любченко, завсекретариатом председателя СНК СССР Могильный (и. о. установить не удалось. — *Н. Д.*), второй секретарь Саратовского обкома ВКП(б) Липендин (и. о. установить не удалось. — *Н. Д.*) и др. Скорее всего, под влиянием Я.Б. Гамарника его дальневосточный соратник и друг К.Ф. Пшеницын — секретарь Свердловского обкома ВКП(б), в 1937 г. объявленный врагом народа, тоже покончил жизнь самоубийством. Приведенные факты даже при отсутствии статистики позволяют говорить о распространении тогда самоубийств по политическим мотивам, что позволяет судить о серьезных болезненных явлениях в советском обществе.

Возможно, что решение добровольно уйти из жизни Ян Борисович в какой-то мере связывал с созданием безопасной жизни жене и дочке. Смерть оборвала все возможные обвинения в его адрес и, казалось, создавала безопасную обстановку для семьи. Но в этом Гамарник ошибся. Уже 19 июня, т. е. спустя неделю после расстрела военачальников, Сталин направил на Лубянку записку о высылке

жен осужденных руководителей, в которой в ультимативной форме говорилось: «выслать из Москвы немедленно жен: 1. Тухачевского 2. Корка 3. Уборевича 4. Якира (из Киева) 5. Гамарника...». Всего перечислялось 13 фамилий, последняя — Бухарина⁶².

На основе предложения НКВД 5 июля 1937 г. ЦК ВКП(б) принял решение о репрессировании жен изобличенных изменников родины, право-троцкистских шпионов.

Решение это послужило основой для издания НКВД приказа за № 00486 от 15 августа 1937 г., который предусматривал «арест жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионо-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военным трибуналом по первой и второй категории, начиная с 1 августа 1936 г.». В дальнейшем предлагалось арест жен изменников родины производить одновременно с мужьями, согласно разработанного порядка. Арестованные жены затем подвергались заключению в исправительный трудовой лагерь, высылке на срок от 5 до 8 лет и т. д.⁶³

В спецсообщении Н. И. Ежова и Л. П. Берии И. В. Сталину об арестах жен «изменников родины» (15 октября 1938 г.) руководители НКВД отчитывались за выполненную работу. «За истекший период по неполным данным репрессировано свыше 18 000 жен арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3000 и по Ленинграду 1500... Нами намечаются мероприятия по усилению агентурного освещения настроений, связей и пр. жен и других членов семей репрессированных врагов народа. Просим Ваших указаний»⁶⁴. На листе спецсообщения И. В. Сталин написал: «Т-щам Ежову и Берия. Правильно. И. Сталин»⁶⁵.

Была арестована и осуждена жена Яна Борисовича Гамарника Блюма Савельевна Авербух-Гамарник, работавшая редактором-консультантом военного издательства. Блюму Савельевну вместе с дочкой Ветой сослали в Астрахань. Вместе с ними в Астрахань были сосланы жены и дети Тухачевского, Уборевича и других военных. Женщины сбились с ног в поисках любой работы, но им нигде не было работы.

Сосланных жен военных арестовали, а их детей отправили сначала в астраханский детприемник, а потом — в детдом. Вета Гамарник и Мира Уборевич, которые были молочными сестрами, а также Света Тухачевская попали в один детдом — Нижне-Чесетовский, который находился в восьми километрах от Свердловска. Какое-то время девочки переписывались со своими мамами, которые сидели в Темниковских лагерях (Мордовия). Затем переписка оборвалась. Спустя 18 лет стало известно, что мамы расстреляны⁶⁶.

Репрессированы мать и сестра Я.Б. Гамарника. Ф.Б. Гамарник находилась в заключении и ссылке, а также ее муж И.Я. Газганов — ректор Смоленского пединститута — отбывал наказание на Колыме.

В семье и среди родственников М.Н. Тухачевского были арестованы не только его мать Мавра Петровна (1868 г. р.) и жена Нина Евгеньевна, дочь Светлана Михайловна, но и братья с женами, сестры с мужьями — всего 14 душ⁶⁷.

На основании показаний Тухачевского и других осужденных по делу «военно-фашистского заговора» в 1937—1939 гг. привлечены к уголовной ответственности многие работники НКО, командный состав РККА и ВМФ и другие военачальники. Всего осуждено 408 человек к различным мерам наказания, к ВМН — 401, к 20 годам ИТЛ — 1, к 10 годам — 2, к 8 годам — 1⁶⁸. Были репрессированы заместители наркома обороны СССР А.И. Егоров, Я.И. Алкснис, И.Ф. Федько и В.М. Орлов, 23 начальника и 30 ответственных работников управлений НКО и Генштаба, 10 командующих войсками военных округов, в том числе В.К. Блюхер (ОКДВА) и т. д.

Их аресты и осуждения, в свою очередь, привели к многочисленным репрессиям командного состава РККА — работников центрального аппарата наркомата обороны и военных округов, командиров воинских соединений и частей. Органами НКВД СССР в 1937—1939 гг. в целом были привлечены к уголовной ответственности 21 513 военнослужащих начальствующего состава⁶⁹. Причем в этих данных не отражены составы преступлений, меры наказания и свиде-

ния о членах их семей, которые подвергались репрессиям во внесудебном порядке.

Из 108 членов Военного совета при НКО СССР к ноябрю 1938 г. сохранилось от прежнего совета только десять человек⁷⁰.

Выступая на Военном совете 29 ноября 1938 г., Ворошилов говорил о характере и размерах репрессий: «Когда в прошлом году была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засели в рядах нашей армии. Весь 1937 и 1938 гг. мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма, до живого здорового мяса очищаясь от мерзостной предательской гнили...

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами. Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше четырех десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав»⁷¹.

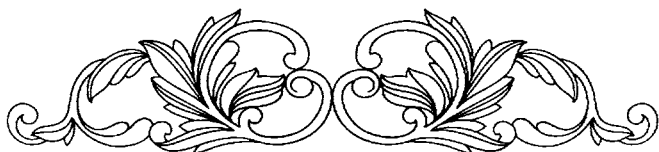
В «Открытом письме Сталину» активный участник Гражданской войны, бывший посол СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольников в 1939 г. из Парижа писал: «Накануне войны вы разрушаете Красную армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную армию и Красный флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Вы истребили героев Гражданской войны, которые преобразовали Красную армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой.

В момент величайшей военной опасности вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров. Для успокоения взволнованных умов вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная армия стала еще сильнее»⁷².

Маршал же Ворошилов твердил об укреплении рядов РККА, об усилении обороноспособности СССР. Это были безответственные, кощунственные заявления, которые преследовали цель скрыть подлинную причину массовых репрессий, завуалировать свою вину в них, внести успокоение в армейские ряды Красной армии. При изучении широкого массива документальных источников по военной истории 1930-х гг. пока не обнаружены какие-либо свидетельства о том, что нарком обороны К.Е. Ворошилов за кого-то из арестованных своих сослуживцев — военных командиров, соратников по Гражданской войне — заступился, добился пересмотра дела, не согласился с инкриминированными обвинениями. Все обвинения против начальствующего состава Красной армии и применение к ним репрессий согласовывались Сталиным с наркомом Ворошиловым, который в 1937 г. 146 раз был на приеме у генсека⁷³.

Расправа над армейскими кадрами причинила огромный ущерб военной мощи и обороноспособности Советского государства. Это стало очевидным уже во время военных конфликтов на Дальнем Востоке — у озера Хасан (1938 г.) и у реки Халхин-Гол (1939 г.). Особенно наглядно это проявилось в советско-финской войне и в начальный период Великой Отечественной войны.

Судьба друга

В последний день работы объединенного Пленума ЦК и ЦКК (1933 г.), на котором Сталин возвестил о досрочном выполнении первого пятилетнего плана — за четыре года и три месяца, кандидат в члены ЦК секретарь Западно-Сибирского крайкома партии Лаврентий Иосифович Картвелишвили совершенно неожиданно получил дружеское приглашение вождя зайти к нему. Из сталинского кабинета Картвелишвили вышел... Лаврентьевым, первым секретарем Далькрайкома ВКП(б).

Замену фамилии Сталин мотивировал соображениями секретности, и Картвелишвили оставалось лишь согласиться с вождем, но не прошло и месяца, как в японских газетах появилось сообщение о том, что «администратором восточной провинции страны Сталин назначил своего сатрапа и соплеменника Картвелишвили».

Прежде чем выехать в Хабаровск, Лаврентию Иосифовичу нужно было сдать дела в Новосибирске. Два года жизни отданы Сибири, два трудных года... С первым секретарем Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе его сближало то, что оба они входили в состав ЦК ВКП(б); Эйхе — как член и Картвелишвили — как кандидат в члены. Но разделяло их несоизмеримо большее: Эйхе, имевший всего лишь незавершенное начальное образование, являлся сторонником авторитарных, командных, нажимно-волевых методов партийного руководства. Строительство социализма пред-

ставлялось ему как цепь кампаний — хлебозаготовительной, лесозаготовительной, маслозаготовительной... Эйхе признавался: «Часто приходилось очень жестко нажимать, чтобы добиться успехов». Не только жестко, но и жестоко, вопреки интересам людей и ради «успехов».

Для Картвелишвили же партийное руководство означало прежде всего работу с людьми и для людей, поэтому он решительно выступал против неоправданного насилия в любых формах. Вот несколько выдержек из его докладов. «Практика администрирования очень распространена у наших райкомов и горкомов, они видят свою задачу не в том, чтобы помогать ячейкам, а в том, чтобы «карать» и «миловать». «Некоторые товарищи думают, что если на каждом заседании они будут говорить о шести указаниях Сталина, о работе по-новому, повторять эти слова каждое утро и каждый вечер, то у них как по заклинанию производство пойдет». Второй секретарь Западно-Сибирского крайкома резко критиковал действия уполномоченных, которые сидели в деревне летом и зимой, весной и осенью и сделали сельских коммунистов своими адъютантами, обезличили их, превратили в простых исполнителей. Бывая в селах, Картвелишвили всегда интересовался работой избы-читальни, школы, вникал в положение учителей. Его беспокоил форсированный прием в партию молодых рабочих — строителей Кузбасса и Новосибирска, которые в основной массе были вчерашними малограмотными крестьянами. За один год приняли свыше пяти тысяч кандидатов, что превышало треть от численности краевой партийной организации. Картвелишвили страстно доказывал настоятельную необходимость проведения широкой агитационно-массовой работы среди них. Ему удалось привнести в деятельность секретариата и бюро крайкома плановость, четкость, целеустремленность, элементы научной организации труда, нацелить горкомы и райкомы на укрепление связи с массами. Другими словами, в рамках одного краевого комитета партии обозначились два противоположных стиля руководства, два исключаящих друг друга метода в политике. Есте-

ственно, Л.И. Картвелишвили мешал Р.И. Эйхе, сковывал его административную ретивость и командный энтузиазм.

Лаврентий Иосифович в последний раз выступил с докладом на пленуме крайкома и выехал в Хабаровск. Новое назначение означало, что он будет руководителем стратегически важного края, о возрастающем значении которого так убедительно при встрече ему рассказал Я.Б. Гамарник. К тому же теперь на Дальнем Востоке он, как казалось, станет недосыгаемым для Берии.

Впервые Картвелишвили соприкоснулся с Берией в первой половине двадцатых годов, когда работал секретарем ЦК Компартии Грузии, а позднее — председателем Совнаркома республики. Берия подвизался в органах ГПУ и уже прославился как мастер интриг, провокаций и доносов. С особым усердием он избивал национальную интеллигенцию, неизменно получая одобрение Сталина и возносясь вверх по служебной лестнице.

Став в 1931 г. первым секретарем Закавказского крайкома партии, Картвелишвили застал Берию в роли руководителя органов ОГПУ Закавказья. Прошло какое-то время, и Берия предпринял попытку избавиться от непокладистого «первого». Ссылаясь на свидетельство очевидца, А.В. Антонов-Овсеенко так рассказывал об этом. Когда Сталин отдыхал в Сочи, к нему на прием приезжали руководители Закавказского крайкома партии. Лаврентий Иосифович приехал утром, начальник охраны попросил его повременить немного: генсек занят. Картвелишвили прождал весь день. Поздно вечером он сел в машину и уехал. Берия, следивший из окна дачи за его отъездом, подозвал Сталина: «Смотри, какой строптивый человек... Я попросил его подождать всего полчаса, но он не захотел»¹.

Берия, как всегда, преуспел. Из Сочи в Москву было передано распоряжение подготовить заслушивание в ЦК ВКП(б) — вне всякого плана отчетов партийного и советского руководства Закавказья, вызвавшее недоумение не только в Баку, Тбилиси и Ереване, но и в Москве. После доклада первого секретаря Заккрайкома Картвелишвили,

подводя итоги обсуждения, Сталин вдруг сказал: «А что, если мы так сформируем новое руководство крайкома: первый секретарь — Картвелишвили, второй секретарь — Берия?» Впервые Берия назывался кандидатом на партийный пост. Тут же Картвелишвили заявил, что знает хорошо Берию и поэтому категорически отказывается с ним работать: «Я с этим шарлатаном работать не буду!» Орахелашвили, председатель Совнаркома федерации, спросил: «Коба, что ты сказал, может, я ослышался?» В ответ Сталин гневно заявил: «Ну что ж, будем решать вопрос в рабочем порядке»².

Через день Берия стал вторым секретарем Закавказского крайкома. Свой первый рабочий день в новом качестве он провел в полупустом здании: ни один заведующий отделом в знак протеста не явился на службу. Последовали контрмеры, в результате которых Берия возглавил Закавказский крайком партии, а после реорганизации федерации — ЦК КП(б) Грузии. Картвелишвили же получил назначение в Новосибирск — вторым секретарем Западно-Сибирского крайкома партии.

Так был наказан за строптивость Л.И. Картвелишвили.

...Скорый поезд мчался через заснеженную Сибирь, унося Лаврентия Иосифовича все дальше от Грузии и Украины, где осталось много друзей и соратников. Какие думы одолевали его под мерный стук колес?

Возможно, он вспоминал свои встречи с В.К. Блюхером. В начале двадцатых годов Лаврентий Иосифович был назначен начальником политуправления частей Красной армии, дислоцированных на Украине и в Крыму, а Блюхер занимал должность помощника командующего. Это было в Харькове — тогдашней столице Украины. Вскоре Василий Константинович получил новое назначение, и семья Картвелишвили въехала в его квартиру. Отношения их тогда сложились как взаимно уважительные.

Припоминались Лаврентию Иосифовичу рассказы о Дальнем Востоке Яна Борисовича Гамарника, бывшего председателя Далькрайисполкома и первого секретаря

Далькрайкома ВКП(б). С Гамарником Картвелишвили свели годы работы в революционном подполье Украины. Сын грузинского крестьянина, выпускник Кутаисского реального училища, Лаврентий Иосифович приехал в Киев в 1911 г. и стал студентом Коммерческого института. Большевик Картвелишвили (в партию он вступил в Кутаиси в 1910 г.) получил задание вести революционную агитацию и пропаганду среди студенчества. В этой среде он приобрел немало друзей, но самым близким стал Ян Гамарник, студент юридического факультета Киевского университета, красивый, молчаливый юноша. Их дружбу скрепил 1917 г.

Освобожденный из тюрьмы после Февральской революции Картвелишвили вернулся в Киев, где его избрали вначале членом районного, а затем и общегородского комитета РСДРП(б), который возглавил двадцатитрехлетний Гамарник. Он представлял киевских большевиков в Центральном бюро профсоюзов и в инициативной группе молодых рабочих по организации Союза социалистической рабочей молодежи, активно сотрудничал в большевистской газете «Голос социал-демократа». В октябрьские дни 1917 г. вместе с другими руководителями Киевской организации — Я.В. Гамарником, Е.Б. Бош, В.П. Затонским — товарищ Лаврентий (так называли на Украине Картвелишвили) принимал деятельное участие в подготовке вооруженного восстания. Позднее, в 1918 г., Гамарник и Картвелишвили были делегатами I съезда КП(б) Украины и вошли в состав первого избранного ЦК КП(б). Затем пути их разошлись.

С конца 1921 г., с небольшим перерывом, связанным с работой в Закавказье, товарищ Лаврентий руководил Киевской областной партийной организацией, а в ноябре 1929 г. стал вторым секретарем ЦК КП(б) Украины. Редкие встречи с Гамарником всегда вызывали особый духовный подъем — Ян Борисович свято верил в большое будущее советского Дальнего Востока, с воодушевлением рассказывал о людях края...

*Я.Б. Гамарник, Л.И. Картвелишвили
среди делегатов XV съезда ВКП(б). Москва 1927 г.*

...Приехав в Хабаровск в феврале, Лаврентьев сразу же занялся неотложными делами. На фоне успехов страны в выполнении первого пятилетнего плана, о которых трубили все газеты, на Дальнем Востоке все обстояло иначе. Во многом вследствие коллективизации план сева 1932 г. был провален. Тяжелое положение сложилось и в лесной и рыбной промышленности. Железная дорога работала с перебоями, план капитального строительства также не был выполнен³.

Предшественник Л.И. Лаврентьева на посту первого секретаря Далькрайкома партии С.А. Бергавинов был освобожден «за плохую работу»⁴. Одновременно сняли и председателя крайисполкома. Обязанности председателя стал выполнять Г.М. Крутов. В связи с постановлением ЦК о смене руководства края в передовой статье «Тихоокеанской звезды» говорилось: «Отсутствие продуманной хозяйствен-

ной линии, отсутствие отчетливой хозяйственной перспективы, работа на ощупь, рывками — вот что являлось одной из основных черт работы руководства, снятого постановлением ЦК. Этот «метод» работы сопровождался парадностью, шумихой, выпячиванием частных количественных успехов. Все это приводило подчас к прямому обману партии, как это было во время сева 1932 г., когда в сводке засеянной площади было приписано лишних 100 тыс. га»⁵.

В конце апреля Лаврентьев выступил на заседании бюро крайкома с большой речью о выходе из кризиса. Особо он остановился на отношениях с крестьянами-единоличниками: «Есть факты грубейшего невнимания к единоличнику... Приезжаешь в район, единоличники приходят, окружают и говорят: «Вот у меня есть зерно, пять гектаров хочу посеять, а земли не дают. Дали один участок, поработал, а потом согнали, другое место отводят». Мы должны единоличнику твердо указать, где и сколько он обязан посеять. Люди не понимают того, что самотеком единоличник колхозником не станет. А ведь единоличников у нас много...» Лаврентий Иосифович осудил применение насилия в отношении крестьянства: «Плохо, если организацией масс не заниматься, а принимать одни лишь репрессивные меры». В заключение он сказал: «Необходимо внедрить в систему нашей работы сверху донизу чувство ответственности, исполнительности, глубокого понимания стоящих перед нами задач».

В первый год своей работы в Хабаровске Лаврентьев много ездил по краю — дважды был в Комсомольске-на-Амуре, где строился новый город, побывал во многих районах Приморья и Приамурья.

В связи с подготовкой к XI Дальневосточной краевой партийной конференции, которая состоялась в январе 1934 г., Лаврентий Иосифович сосредоточил свои усилия на разработке концепции развития экономики и культуры края.

«Край переделывается, крепнет, строится, и особенно бурно изменился он за последний, 1933 г., — так начал свой доклад первый секретарь Далькрайкома. — Идет великая

стройка новых предприятий, заводов, фабрик, идет приток свежих людей — рабочих, инженеров, техников, агрономов. Десятки тысяч рабочих приезжают в край для социалистического освоения и развития края, тех уссурийских дебрей, о которых писал Арсеньев»⁶.

Наряду со строительством Комсомольска-на-Амуре осваивались земли в районе рек Биры и Биджана, намечалось освоение месторождения углей, велись изыскания Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, возводились десятки новых заводов, в том числе нефтеперегонный и «Дальсельмаш» — в Хабаровске, предприятия по производству цемента и сахара — в Приморье, создавались совершенно новые отрасли.

Реализм первого секретаря в оценке перспектив развития сельскохозяйственного производства проявился и в том, что сталинский лозунг: «Сделать всех колхозников зажиточными» был трансформирован в задачу «обеспечить дальневосточному колхознику прожиточный уровень».

Большое место в докладе уделялось организаторской работе партийных комитетов. Одна из трудностей состояла в том, что партактив в значительной степени составляли коммунисты, направленные в ДВК из западных районов страны. Например, среди делегатов XI партийной конференции 225 чел. (около трети) прибыли из Москвы, 49 — из Ленинграда, 43 — с Урала, 38 — с Украины... Этим кадрам требовалось время, чтобы изучить специфику края, его проблемы. Положение «временных» мешало многим работать в полную силу, рождало «чемоданное настроение».

Лаврентьев нацеливал коммунистов на решение конкретных, жизненно важных задач, затрагивавших интересы трудящихся.

Проблемы культурного строительства в крае привлекли внимание первого секретаря своей остротой. В 1933 г. в дальневосточных школах занимались почти 250 тыс. детей. «А какой процент детей остается вне школы, не знает никто». Он вел речь о бедности школ, об обязательных завтраках для школьников, о слабой подготовке учителей:

«Среди наших учителей есть учителя пионерского возраста — 15—16—17 лет». В докладе был сделан вывод: «Без хорошей школы нельзя говорить о будущих строителях социализма в крае».

В обсуждении вопросов культурного строительства принял участие писатель Александр Фадеев — делегат конференции, пользовавшийся у дальневосточников большим уважением. В ДВК его привели не только воспоминания боевой молодости, но и намерение вместе с режиссером Александром Довженко снять фильм о тихоокеанской окраине России.

Обойдя пешком Сучанский, Яковлевский, Ивановский и Шимановский районы в Приморье, писатель был удручен культурной отсталостью села. Об этом он с болью сказал на партконференции: «В Улахинской (ныне — Уссурийской. — Н. Д.) долине нет ни одного радиоприемника... Театр (во Владивостоке. — Н. Д.) не достиг даже довоенного уровня». Фадеев предостерег партактив от увлечения нажимными методами в работе: а то «администрируют и не считают необходимым объяснить колхознику политическую и хозяйственную сущность кампании»⁷.

Конференция избрала делегатов на XVII съезд ВКП(б): В.К. Блюхера — командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, Я.Б. Гамарника — начальника ПУ РККА, заместителя наркома обороны СССР, добрая память о котором была жива среди дальневосточников, Л.И. Лаврентьева — первого секретаря Далькрайкома партии, А.А. Фадеева, секретарей обкомов и крупных горкомов края, политотдельцев. Однако в списке делегатов съезда, опубликованном в стенографическом отчете съезда, фамилия Лаврентия Иосифовича отсутствует. Как же так случилось, что краевая конференция избрала его делегатом, а в списке делегатов съезда он не оказался? М.Г. Штейн, в тридцатые годы работавший ректором Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы (ВКСХШ), свидетельствовал, что Сталин запретил Лаврентьеву покидать Хабаровск под «благовидным» предлогом: Блюхер будет на

съезде, нельзя оставлять ДВК в сложной международной обстановке без партийного и военного руководства.

Подтверждением того, что Лаврентьев во время съезда находился в Хабаровске, является его выступление 11 февраля 1934 г. на IX краевом съезде потребительской кооперации⁸. XVII съезд закончил свою работу 10 февраля. По существу, от делегатов XVII съезда был скрыт факт отсутствия Лаврентьева. Ведь в списке состава президиума, предложенном Н.С. Хрущевым, значилась фамилия Лаврентьева, и он был избран в президиум съезда⁹.

В чем же заключался истинный смысл сталинского запрета? В утвержденном Сталиным списке членов ЦК, который выносился на голосование делегатов съезда, одним из первых значился Берия. Зная неприязнь к нему Лаврентия Иосифовича, может быть, так Сталин обезопасил своего клеветника от возможных эксцессов.

Л.И. Лаврентьев внимательно следил за работой съезда.

В Отчетном докладе ЦК XVII съезду Сталин сказал: «Наши успехи велики и необычайны», мы переживаем «гигантский», «колоссальный и мощный подъем производств как в области промышленности, так и в области основных отраслей сельского хозяйства», партии присуща «необычайная идейно-политическая и организационная сплоченность рядов», и по этой причине «бить некого». Подвергнуты суровой критике «вельможи-бюрократы», выдвинута задача «поднять уровень организационного руководства во всех сферах народного хозяйства до уровня политического руководства». Под этим флагом был осуществлен демонтаж ленинской системы контроля, ликвидирована ЦКК — РКИ, функциональный принцип построения партийных комитетов заменялся производственно-отраслевым, позволившим им подменить советские и хозяйственные органы.

Съезд проходил в обстановке неистовых славословий и бурных оваций в честь Сталина. Вот лишь некоторые образцы риторики тех дней:

Ворошилов: Сталин — «испытанный, мудрый, величайший вождь».

Каганович: «Во главе нашей партии стоит человек, который смог мобилизовать массы с такой же решимостью и непреклонностью, как и Ленин, отстоять чистоту учения Маркса — Ленина, сумел обогатить это учение, сумел поднять высоко знамя борьбы за социализм, сумел распознать агентуру классового врага в нашей партии...»

Киров: Сталин — «лучший продолжатель дела Ленина, лучший кормчий нашей великой социалистической стройки».

Микоян: Сталин — «великий полководец великой партии великой страны».

Постышев: Сталин — «великий стратег социалистического государства, величайший революционный мыслитель, человек несокрушимого действия».

Бухарин: Сталин — «славный фельдмаршал пролетарских сил, лучший из лучших».

Блюхер: Сталин — «великий ленинец, стратег мировой пролетарской революции».

Выступавшие как бы соревновались друг с другом в истерическом витийстве. Этими безграничными славословиями, ликующими дифирамбами, «бурными аплодисментами, переходящими в овации», бесконечными здравицами в честь любимого вождя, родного отца утверждалась, по словам писателя А. Платонова, «истина в том, что в СССР создается семья, родня, один детский милый двор, и Сталин — отец или старший брат всех, Сталин — родитель свежего, ясного человечества, другой природы, другого сердца».

На пятом заседании съезда, после странной речи Н.И. Бухарина, содержавшей покаяние и одновременно непокорность, выступил первый секретарь Закавказского крайкома партии Л.П. Берия. Вожденный пост первого секретаря, к которому Берия пробился с помощью интриг, клеветы, доносов и личного содействия Сталина, был для него лишь трамплином для очередного прыжка. Бериевская речь — образец умелого подхалимства и политической ловкости — в некоторых местах вызвала положительную реакцию президиума съезда. «Большевики Закавказья де-

дают и сделают все для того, чтобы Стране Советов в 1934 г. дать 22 млн тонн нефти», — сказал оратор, и его слова потонули в шквале аплодисментов, а Каганович крикнул: «Браво!» Оратор продолжал: «Товарищ Сталин поставил перед нами задачу — в 1937 г. дать не менее полумиллиарда штук цитрусовых плодов Стране Советов... и мы заявляем, что... дадим». Аплодисменты, голоса: «Вот это правильно!»

В одном только месте Берию чуть не сбили. «Есть такие колхозы, — хлестаковствовал он, — которые после сдачи продукции государству получили дохода на 400—500 тыс. руб.». Кто-то удивленно спросил: «На хозяйство?» Берия: «На колхоз, а не на хозяйство».

Берия не упустил возможность бросить камень в прежних руководителей Закавказского крайкома, в том числе и в Лаврентьева. Он сказал: «В 1930—1931 гг. еще было такое положение, когда в деревне Закавказья многие колхозы разваливались. Кулаки и остатки разгромленных антисоветских партий — дашнаков, муссаватистов, грузинских меньшевиков — пытались использовать для оживления своей контрреволюционной работы грубые политические ошибки в крестьянском вопросе, допущенные закавказскими партийными организациями. Только после вмешательства вождя партии товарища Сталина и решения ЦК ВКП(б) закавказские большевики решительно взялись за выправление этих грубейших политических ошибок». Другими словами, только приход Берии к партийному руководству обеспечил «крупнейшие достижения».

Сталин мог быть доволен: дебют его клеветы на политической авансцене прошел блестяще, мост наверх был возведен.

В Отчетном докладе ЦК, в докладах Молотова и Куйбышева о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР, в большой речи Ворошилова впервые подчеркивалась особая роль Дальневосточного края в экономическом развитии страны, впервые намечались обширные планы его преобразования.

«От имени рабочих, колхозного крестьянства, лично-

го состава Дальневосточной армии» на съезде выступил В.К. Блюхер. Задания второй пятилетки для Дальневосточного края он охарактеризовал как «громадную программу социалистической индустриализации этой окраины». Большая речь командарма была проникнута уверенностью в непобедимости Красной армии. Он сказал: «Мы крепко, на замок запираем наши границы... Армия укрепляется лучшими кадрами. Мы сильны техникой — танками и авиацией». Делегаты встретили выступление Блюхера с большим подъемом, бурными аплодисментами.

Л.И. Лаврентьев был политиком, способным объективно оценивать ситуацию и исходя из нее ставить перед собой реальные задачи. За годы работы на Дальнем Востоке эти его качества проявились в полной мере. В 1933—1934 гг. 15 телеграмм и записок Л.И. Лаврентьева стали предметом рассмотрения и принятия решений Политбюро ЦК ВКП(б). В них шла речь о выдаче ДВК 1000 тонн белой муки, об обслуживании зимнего пути по Амуру (Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре), об открытии гастрономического магазина на железнодорожной станции Тихонькая (Биробиджан), об отгрузке уборочных машин и нефтепродуктов для ДВК, о снабжении амурских мельниц особого строительства. Были также записки об обеспечении плана жилищного коммунального строительства в ДВК, о строительстве Хабаровского нефтеперегонного завода, о торговле хлебом колхозами, колхозниками и единоличниками, о золотопромышленности ДВК. Нередко телеграммы и записки имели две подписи — Лаврентьева и Крутова. А предложения о распределении между ведомствами территории бухт на побережье Дальнего Востока были внесены Гамарником и Лаврентьевым¹⁰.

Новое краевое руководство выступило с предложениями о безотлагательном введении льгот для дальневосточников. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б), принятым в декабре 1933 г., колхозы и колхозники ДВК освобождались от обязательных поставок зерновых культур и риса на десять лет, единоличные крестьянские хозяйства — на пять.

То же о поставках мяса, картофеля, подсолнуха, шерсти и молока в северных районах — на десять и соответственно на пять лет, по другим районам они снижались наполовину. На двадцать процентов повышались цены на рыбу, сдаваемую государству рыболовецкими колхозами и колхозниками. Значительно выросли заработная плата рабочих, специалистов, служащих (в угольной промышленности на треть, в остальных — на 20%), оклады командиров и политработников ОКДВА, флота и погранвойск.

В следующем, 1934 году ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановления «О здравоохранении на Дальнем Востоке» и «О просвещении на ДВК», предусматривавшие строительство в 1935 г. пяти средних и десяти неполных средних школ, семидесяти начальных и шестнадцати интернатов. Планировалось построить триста квартир для учителей, а также учебные здания и общежития Хабаровского пединститута и педтехникума во Владивостоке, общежитие пединститута в Благовещенске. Благодаря активному участию военных строили быстро и качественно.

Наряду со 106 школами, в которых учились дети северян, в крае было 386 корейских, 7 китайских, 12 еврейских, 11 немецких, 9 татарских школ, а также два корейских и один еврейский техникум. В пединституте занятия велись и на корейском языке. Это были серьезные достижения в развитии культуры региона.

По инициативе Лаврентия Иосифовича была организована проверка работы столовых в Хабаровске, Благовещенске и Спасске, проведено совещание работников общественного питания — заведующих столовыми, поваров, кладовщиков, с участием рабочих-ударников с производства. Вопрос о мерах по улучшению общественного питания в крае обсуждался на заседании бюро крайкома, которое отметило антисанитарное состояние большинства столовых, плохое качество пищи, пренебрежительное отношение к рабочим со стороны руководителей общепита. Бюро обязало партийные организации предприятий и новостроек заслушивать отчеты заведующих столовыми, по-

варов, помощников директоров по рабочему снабжению обеспечить рабочий контроль за их деятельностью.

Остро был поставлен вопрос и о нарушении правил торговли. Ее состояние оценивалось следующим образом: «У нас в крае торговли нет. Это единственный край в Союзе, который, если можно так выразиться, «бойкотировал» торговлю». К этому времени почти полностью была уничтожена потребкооперация.

Предстояло восстановить потребкооперацию, открыть лавки, магазины и через них широко развернуть торговлю в крае. «Если мы этого не сделаем, — подчеркивал Лаврентьев, — тогда никакие льготы по сельскому хозяйству нам не помогут. Надо, чтобы колхозник за свои продукты сельского хозяйства мог покупать продукты промышленности, тогда мы сможем поднять сельское хозяйство».

В речи на краевом съезде потребительской кооперации (февраль 1934 г.) Лаврентий Иосифович признал, что крайком «слабо занимается вопросами торговли». «В каком состоянии находятся наши магазины? Их у нас 4000. В магазинах — грязь, холодно. Разве это можно называть магазином? Здесь есть люди, которые знают, как раньше капиталисты торговали. Они стремились как можно лучше поставить торговлю, организовывали чистые магазины, привлекали и зазывали покупателей. А мы на это не обращаем внимания, этой «мелочью» не занимаемся».

Бюро Далькрайкома приняло постановление о свободной торговле хлебом в крае. Было решено также открыть в Хабаровске один большой гастрономический магазин с оборотом не менее трех миллионов рублей в месяц (в помещении бывшего магазина фирмы «Кунст и Альберс»), филиал этого магазина в районе вокзала и один ресторан; во Владивостоке — три магазина и два ресторана.

Поощрялось строительство рабочими домов для себя, выделялись участки под огороды.

В октябре 1933 г. в крайкоме партии состоялась встреча с местными писателями, в которой приняли участие В. Ким, П. Комаров, Г. Кравченко, Е. Титов, И. Шабанов,

Е. Шиманчик, О. Эрдберг, Б. Шишагин, другие поэты и прозаики. Речь шла об издании в Хабаровске своего литературно-художественного журнала.

Лаврентий Иосифович мог бы рассказать писателям, как по заданию ЦК КП(б) в 1919 г. он организовал в одесских катакомбах типографию, печатавшую листовки на французском, немецком, английском языках. Немногословный Ян Гамарник, бесстрашная Елена Соколовская были его ближайшими помощниками. Мог бы он также вспомнить и о своем участии в открытии в 1924 г. литературно-художественного журнала в Грузии. На собственном опыте Картвелишвили убедился в силе печатного слова.

Беседуя с писателями, первый секретарь Далькрайкома искренне интересовался, что они читают, где работают, где печатаются, в каких условиях живут. При этом он подчеркнул: «Важно, имеет ли писатель теплую уютную комнату, хороший сытный обед».

Перед писателями секретарь выдвинул задачу — создавать произведения, отражающие социалистические преобразования на Дальнем Востоке. Он призвал литературную молодежь лучше изучать историю края: «Трудно писать о Дальнем Востоке, не зная его истории. Нужно оживить историческую мысль в крае».

6 ноября 1933 г. бюро Далькрайкома приняло постановления «О художественном журнале» и «О писательской организации». Решено было издавать журнал «На рубеже» один раз в два месяца. Ответственным редактором его стал Шацкий. В редколлегию вошли Шацкий, Эрдберг, Тарханов, Ким, Кулыгин, Шабанов, Петров. Организационный комитет по созданию писательской организации возглавил Петров, в секретариат вошли Шацкий, Шабанов, Лехнов, Кисин, Ким, Миринин, Петров, Титов. Бюро поручило комиссии в составе председателя Далькрайисполкома Крутова и секретаря Далькрайкома Слинкина решить вопрос об улучшении условий жизни писателей.

Начал выходить литературно-художественный журнал «На рубеже». Становление его происходило трудно. На од-

ном из заседаний бюро Далькрайкома партии серьезные нарекания были высказаны в адрес руководства Дальневосточного государственного издательства, не обеспечившего должный полиграфический уровень нового издания. Было признано целесообразным с 1 января 1935 г. выпускать журнал ежемесячно. Не без участия Л. И. Лаврентьева главным редактором «На рубеже» стал А. А. Фадеев. Спустя два года на Колыме стал выходить сатирический журнал «Осьминог», а в Биробиджане — журнал «Форпост» на еврейском языке. В первом номере «Форпоста» было помещено приветственное письмо Л. И. Лаврентьева. (Судьба этих журналов оказалась недолговечной, в обстановке массовых репрессий и гонений они прекратили свое существование.)

Всю свою принципиальность и твердость вложил Лаврентий Иосифович в укрепление социалистической законности в крае. «У нас в крае уже привыкли творить беззакония, и нет аппарата, который бы поставил всех в рамки законности. Этот аппарат — прокуратура и суд», — говорил он на XI краевой партконференции. К этому времени в крае были вакантными 42 должности прокуроров и 46 — председателей судов. «Сейчас у нас много беззаконий и в деревне, и в городе. И они увеличиваются... — подчеркнул он. — С нарушением законов надо бороться не резолюциями, не повторением того, что нужна пролетарская законность, а надо создать аппарат, который бы следил и приводил в чувство людей, когда они в бесчувствии нарушают закон».

Бюро крайкома усилило контроль за соблюдением социалистической законности в крае и строго спрашивало с руководителей за нарушения ее. Было принято постановление «Об извращениях Владивостокской прокуратурой партийных принципов и директив о независимости прокуратуры». Они проявились в том, что прокурор города превратил «дело борьбы с расхищением социалистической собственности в хозяйственную сделку» с руководителями хозяйственных организаций.

Не остались без партийной оценки безобразия, тво-

рившиеся в МТС с. Георгиевка (Приморская область), где «методами голого администрирования, приказами начальника, без обсуждения вопроса на общих собраниях колхозников исключили из колхоза бывших бедняков и середняков без какого-либо к тому основания». Более того, по требованию начальника политотдела некоторые колхозники были арестованы и преданы суду. Бюро строго наказало политотдельцев, сняв некоторых из них с работы и объявив им выговор. Крайком осудил факты вмешательства районных организаций в оперативную деятельность органов суда и прокуратуры.

«Увлеченные бурным строительством, мы забываем о человеке, — говорил на краевом совещании работников суда и прокуратуры секретарь, — нечутко относимся к его законным требованиям, плохо охраняем его права». Он обратил особое внимание работников юстиции на необходимость защиты прав национальных меньшинств.

Но в эти же годы разрастался Дальлаг. И на разработках угольных месторождений Райчихи, и на строительстве Комсомольска-на-Амуре и БАМа, и на лесозаготовках все больше становилось заключенных. В 1936 г. началась истребительная кампания органов НКВД против командного состава ОКДВА. По неполным данным, в этом году было репрессировано так называемых «троцкистов-зиновьевцев» — 45, «троцкистствующего элемента» — 48. Одновременно арестовали и обвинили в принадлежности к троцкизму группу крупных хозяйственных руководителей.

Как свидетельствовал ветеран партии М.Г. Штейн, участник многих пленумов и бюро Далькрайкома, Лаврентий Иосифович был простым, открытым, доброжелательным человеком. Свое кредо он выразил так: «Людей организовывать, людей учить работать, о них заботиться, их вести за собой — вот когда мы победим». Он любил встречаться с рабочими, крестьянами-колхозниками и единоличниками, служащими, студентами, школьниками.

О стиле работы первого секретаря Далькрайкома в какой-то мере можно судить по эпизоду, рассказанному

Штейном. Лаврентьеву нравились ранние прогулки по Хабаровску. Как-то, проходя по улице Карла Маркса, он заинтересовался зданием причудливой кладки из красного кирпича. И когда узнал, что до революции здесь располагалось общественное собрание, а теперь общежитие управления железной дороги, сразу же собрал бюро, принявшее решение о переводе общежития в другое место. Здание же, по просьбе секретаря крайкома ВЛКСМ П. Листовского, передали Дому пионеров (ныне здесь находится Театр юного зрителя).

Лаврентию Иосифовичу было присуще чувство самокритики. Он призывал «маленькое хорошее не показывать через увеличительное стекло, а большое плохое через уменьшительное стекло».

Время от времени Лаврентьев получал сердитые телеграммы за подписью Сталина, иногда — Сталина и Молотова. Весной 1934 г. Сталин телеграфировал в Хабаровск: край получил льготы, земли у вас достаточно, даются машины, семена, а посевная кампания проходит плохо. Если и дальше так будет продолжаться, ЦК вынужден будет пересмотреть вопрос о льготах¹¹. Но Лаврентий Иосифович к подобным заявлениям относился по-деловому, хотя и чувствовал недоброжелательство сталинского окружения.

Вопреки ожиданиям Лаврентьева далеко не просто складывались его отношения с В.К. Блюхером, в 1935 г. ставшим одним из первых советских маршалов. Постепенно непонимание, отчужденность стали перерастать в противостояние. Об одной из стычек рассказывал М.Г. Штейн. Однажды комсомольцы рабочего поселка Бикин решили собственными силами возвести здание новой школы. Решено — сделано. Молодежь заготовила бревна в тайге, сплывила их вниз по реке. Начальник же соседней воинской части поставил возле штабелей часовых и заявил, что бревна нужны армии. Вопрос о самоуправстве военных рассматривался на бюро Далькрайкома, которое решило его в пользу комсомольцев.

Случались и более серьезные столкновения. Следует иметь в виду, что Л.И. Лаврентьев был третьим по счету секретарем Далькрайкома с того времени, как В.К. Блюхер стал командующим ОКДВА. Это давало ему основание чувствовать себя хозяином положения и особо не считаться с партийным руководством. Любопытно, что в одном из перехваченных японских документов, относящихся к 1937 году, Блюхер назван «царьком Дальнего Востока». (Конечно, Сталин обратил внимание на этот пассаж.)¹² Лаврентий Иосифович оценивал ситуацию принципиально. На XI конференции он говорил: «При т. Гамарнике была единая краевая организация, краевое руководство — признанным, авторитетным, крепким. Потом организацию порасшатали, растеряли кадры. Крайком дрался за то, чтобы создать единую организацию в крае, сплоченную и крепко дисциплинированную, мы убеждены, что конференция одобрит эту линию крайкома и призовет всех членов дальневосточной парторганизации к единству и железной большевистской дисциплине».

Начальник ПУ ОКДВА армейский комиссар 2-го ранга Л.Н. Аронштам и секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьев неоднократно сообщали наркомку обороны негативную информацию о Блюхере, в частности, о злоупотреблении спиртными напитками. Даже предпринималась попытка созвать консилиум врачей для того, чтобы признать Блюхера нездоровым человеком и на этом основании отстранить от должности¹³. Аронштам и Лаврентьев также выдвигали идею о выделении Приморской группы ОКДВА в самостоятельный округ¹⁴.

Лаврентьев не считал себя чужим человеком в армии. Это он в 1919 г. вместе с Я.Б. Гамарником и В.П. Затонским вел политическую работу в Южной группе войск 12-й армии, прорвавшейся из окружения деникинских войск и совершившей поход к Житомиру. Лаврентий Иосифович много сделал для повышения боеспособности ОКДВА, укрепления молодого Тихоокеанского флота. Он участвовал на проводившихся в сентябре 1936 г. совместных так-

тических учениях ОКДВА и береговых частей и кораблей Тихоокеанского флота, которыми командовал командарм второго ранга Н.Ф. Федько. Здесь последний раз встретились участники похода 1919 г. — командующий Приморской группой войск Н.Ф. Федько, замнаркома обороны, начальник Политического управления Красной армии Я.Б. Гамарник и первый секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьев.

Через месяц он выехал в Москву, где участвовал в работе комиссии по подготовке окончательного текста Конституции СССР и съезда. Делегаты съезда единодушным голосованием утвердили новую Конституцию СССР. Вряд ли им приходило в голову, что, будучи одной из самых демократических конституций в мире, новая Конституция призвана была завуалировать диктаторскую власть Сталина. Вскоре многие из них по ложным, сфабрикованным обвинениям будут подвергнуты аресту и расстреляны.

По окончании съезда Советов Лаврентьев вечером в гостинице «Москва» вел прием посетителей. Неожиданно через фельдьегерскую связь ему передали конверт, который он сразу же вскрыл. По лицу Лаврентия Иосифовича промелькнула тень смущения и растерянности. Прием был спешно окончен. В конверте находилось постановление ЦК ВКП(б) от 13 декабря 1936 г. об освобождении Л.И. Лаврентьева от обязанностей первого секретаря и члена бюро Далькрайкома ВКП(б) — без какого-либо объяснения причин...

Недолго пробыл Лаврентий Иосифович на посту первого секретаря Крымского обкома партии, который он занял в конце декабря 1936 г. Спустя два месяца, 22 февраля 1937 г., его арестовали в гостинице «Москва». На следующий день открылся Пленум ЦК ВКП(б), на котором такое неординарное событие, как арест члена Центрального Комитета, не только не обсуждалось, но и было скрыто от его участников. Но член ЦК Я.Б. Гамарник знал об аресте друга. Его попытка чем-то помочь ему решительно была пресечена.

Ощущение того, что он стал жертвой гнусной провокации или невероятной ошибки, владевшее Картвелишвили первые дни, с каждым днем вступало все в большее противоречие с реалиями — методически проходившими ночными вызовами, оскорбительными и жестокими допросами.

Под конвоем Лаврентия Иосифовича вывозили в Киев, где на допросах ему предъявлялось абсурдное обвинение в стремлении отторгнуть Украину от Советского Союза. В Тбилиси от него требовали признаний в организации террористического акта против Берии, обвиняли в попытках отторгнуть Грузию от СССР.

По свидетельству заместителя заведующего одного из отделов Далькрайкома И. Шабалкина, арестованного в 1937 г. вместе с двадцатью крайкомовскими работниками, тяжелобольной Л.И. Картвелишвили одно время находился и в хабаровской тюрьме.

На VIII пленуме Далькрайкома ВКП(б) (январь 1937 г.) И.М. Варейкис, спешно назначенный секретарем Далькрайкома, попытался объяснить партийному активу причины смены руководства. Возможно, он излагал при этом секретную часть постановления ЦК от 13 декабря 1936 г. или пересказывал информацию, полученную в Центральном Комитете. Варейкис утверждал, что краевой комитет «не обеспечил необходимого руководства для выполнения всех программ оборонного строительства как по срокам, так и по объектам». Не полностью выполнял указания ЦК ВКП(б). «Крайком не сделал всего необходимого и не принял все с его стороны возможные меры для создания надлежащих условий для устройства Красной армии». В вину прежнему руководству ставилась «недостаточно ясная, а вернее, даже неправильная в ряде случаев линия по отношению к военной работе...»

Более того, «у руководства было неправильное отношение к командованию и персонально к т. Блюхеру, на которого возложена огромная задача ЦК, т. Сталиным, наркомом обороны т. Ворошиловым». Источником такой информа-

ции для Центра мог быть только В.К. Блюхер. А если с этим согласиться, то, следовательно, он сыграл не последнюю роль в снятии Л.И. Картвелишвили с поста первого секретаря Далькрайкома.

Поездка в июле 1936 г. на Дальний Восток наркома связи, бывшего председателя СНК, А.Н. Рыкова дала повод для обвинений руководителей ДВК в связях с бывшими оппозиционерами. Маршал Блюхер в письме на имя Ворошилова в резкой форме давал отповедь всем, кто обвинял его в организации на высшем уровне встречи Рыкова. Блюхер писал, что не давал указаний относительно встречи Рыкова и демонстрации ему воинских частей. Все было организовано, по словам Блюхера, секретарем крайкома Лаврентьевым и председателем крайисполкома Крутовым¹⁵. По возвращении в ДВК после июньского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) Варейкис, побывавший на приеме у Сталина 1 июля, направил генсеку телеграмму, в которой сообщал, что основными организаторами встречи Рыкова были уже арестованные бывший секретарь крайкома Лаврентьев, начальник ПУ ОКДВА Аронштам и председатель крайисполкома Крутов. Именно они устраивали торжественные встречи в ходе «шпионской поездки Рыкова и его своры»¹⁶. В результате председатель Приморского облисполкома Петров был исключен из партии. Выговоры объявлены директору авиационного завода И.М. Жданову и многим секретарям партийных комитетов.

В связи с арестом Крутова исполнял обязанности председателя Далькрайисполкома М.П. Вольский. В июне 1937 г. он подписал решение президиума Далькрайисполкома об отмене постановления о присвоении городу и железнодорожной станции Сучан имени Гамарника, которое было принято 14 июня 1935 года и пока еще не утверждено ВЦИК. Президиум обратился в ВЦИК с просьбой утвердить его решение об отмене изменения названия города Сучан¹⁷.

Когда в сентябре 1937 г. без предварительного предупреждения секретаря крайкома ВКП(б) и ознакомле-

ния его с материалами дела были арестованы первый секретарь Уссурийского обкома П.Г. Федин и исполнявший обязанности председатель крайисполкома М.П. Вольский, Варейкис по этому поводу отправил шифрованную телеграмму Сталину. 28 сентября секретарь ДКК получил из Москвы ответ: «...Приказы Ежова об арестах в Далькрае проходят обычно с санкции ЦК ВКП(б). Секретарь ЦК ВКП(б). Сталин»¹⁸.

В обвинениях, предъявленных Лаврентьеву, не было ни слова о неудовлетворительном руководстве краевого комитета и его первого секретаря деятельностью коммунистов по освоению Дальневосточного края. Отсутствовали и какие-либо обвинения в принадлежности к троцкистам, правым или в сочувствии им. Все претензии касались отношения к армии и ее командованию. Были ли для них основания? Несомненно одно: между перспективами индустриального развития и масштабными планами укрепления обороноспособности Дальневосточного края и государственной границы действительно существовало противоречие. При скудости человеческих и материальных ресурсов одновременное решение этих задач было невозможно. В специфической для тех лет форме это признал и Варейкис, в письме Сталину он писал: «Вскоре после февральского Пленума ЦК ВКП(б) был вскрыт краевой троцкистско-правый японский шпионский центр. В него входили: Лаврентьев, Крутов, Дерибас, Лемберг, Сангурский (зам. командующего ОКДВА), Аронштам (начальник ПУРа ОКДВА), Гербек (шпион, агент двух контрразведок — немецкой и японской). На Дальнем Востоке он работал в течение 4-х лет уполномоченным Наркомлеса. Среди арестованных первый заместитель Дерибаса — Западный, второй заместитель — Барминский, начальник НКВД Владивостока. ... Враги, сидевшие в крае, намеренно тормозили укрепление края, вредили, срывали войсковое строительство, тормозили развитие сельского хозяйства, преднамеренно разваливали городское хозяйство».

Дело о краевом троцкистско-правом японском шпи-

онском центре было сфабриковано органами НКВД. Для этого и понадобился Картвелишвили в Хабаровске, с этой целью и пытались ежовцы выбить у него признания.

Тяжело пострадали родные Лаврентия Иосифовича. Жена его, Ольга Никитична, Особым совещанием НКВД СССР в 1939 г. была осуждена на пять лет заключения. Наказание отбывала в Карлаге (Караганда, Казахстан).

В Хабаровске был арестован младший брат Лаврентия Иосифовича — Варлаам Иосифович Картвелишвили, 1906 года рождения, кандидат в члены ВКП(б), работавший заведующим сектором отдела транспорта крайкомхоза. Этапированный в Грузию, он был осужден за связь с «врагом народа» и расстрелян.

22 августа 1938 г. Л.И. Картвелишвили военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

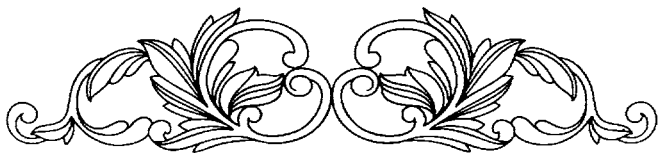
Так погиб коммунист, отдавший 27 лет своей жизни утверждению ленинских идей и заветов, один из членов Центрального Комитета, избранных XVII съездом ВКП(б) и ставших жертвами сталинских репрессий.

В условиях авторитарно-бюрократической системы и культа личности трагедия Картвелишвили была предопределена тем, что он держался достаточно независимо, не льстил Сталину, не использовал свое высокое положение в партии для сближения с ним. Как и многие «старiki» — делегаты XIII съезда РКП(б), Лаврентий Иосифович знал содержание ленинского «Письма к съезду», в котором предлагалось переместить Сталина с поста генсека на другую должность. Убедившись на XVII съезде в том, что часть партийного актива стремится выполнить этот ленинский завет, Сталин решил с помощью репрессий вытравить в партии память о завещании В.И. Ленина. В расправе над Картвелишвили зловещую роль сыграл, несомненно, Берия. После своей реабилитации бывший член бюро Закавказского крайкома ВКП(б) А.В. Снегов свидетельствовал, что «дело» против Картвелишвили сфальсифицировал лично Берия. Это свидетельство привел в докладе на XX съезде КПСС

Н.С. Хрущев, знавший Л.И. Картвелишвили по совместной работе на Украине.

Лаврентий Иосифович был реабилитирован в числе первых — 15 февраля 1956 г., посмертно. Его вдова, Ольга Никитична, реабилитированная вместе с тысячами других жен «врагов народа», тогда же получила официальное уведомление Прокуратуры СССР, где говорилось: «Дело Вашего мужа Лаврентия Картвелишвили сфальсифицировано лично Берия и В. Кобуловым, при техническом исполнении Кримяном и Савицким. Указанные лица понесли заслуженное наказание»¹⁹.

Судьба Л.И. Картвелишвили — это судьба многих региональных партийных и советских руководителей в 1937—1938 гг.

Заключение

В истории советского Дальнего Востока трудно найти другого руководителя масштаба Яна Борисовича Гамарника. Он внес выдающийся вклад в социально-экономическое развитие и военно-оборонительное строительство Дальневосточного региона в 1920—1930-е годы. Как региональный руководитель, он отстаивал в Центре интересы дальневосточников, не останавливаясь перед необходимостью высказывать свою точку зрения, которая могла и не совпадать с принятой там позицией. В управленческой деятельности Гамарник опирался на рекомендации ученых и данные статистики, добивался оперативности и четкости в работе, изучения местного опыта, поддерживал ростки нового, инициировал крупные мероприятия. По его предложениям были проведены первая дальневосточная спортивная олимпиада (1924 г.), первый туземный съезд (1925 г.), первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока (1926 г.), было принято решение об издании экономической и географической энциклопедии Дальневосточного края (1927 г.).

Я.Б. Гамарник умел и любил общаться с рабочими, крестьянами, представителями интеллигенции, командирами и красноармейцами и высоко ценил печатное слово, входил в редакции или был редактором газет и журналов, в которых нередко публиковал свои статьи.

Феномен Гамарника заключался в том, что он стоял у

истоков двух моделей социально-экономического развития Дальнего Востока — важного стратегического региона Советского Союза. Первая модель была разработана в первой половине 1920-х гг. под его руководством в противовес концепции Госплана СССР, согласно которой Дальний Восток не мог служить опорной базой СССР в Восточной Азии. Выдвинутый же тезис «ДВК — аванпост СССР на берегах Тихого океана» предполагал превращение края в развивающийся промышленный регион СССР, использующий свои природные и минеральные богатства и геополитическое положение. В соответствии с этой концепцией был разработан перспективный 10-летний план развития ДВК, включавший план колонизации и план капитального строительства.

Амбициозный план был встречен весьма скептически, поскольку на его реализацию требовались огромные капитальные вложения. Центр вполне устраивало положение ДВК как поставщика на экспорт рыбы, леса, пушнины и угля, приносившего казне серьезные дивиденды. Директивы XV съезда ВКП(б) (1927 г.) о разработке первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1929—1932 гг. сделали проект дальневосточного 10-летнего плана неактуальным. Вместе с тем благодаря ему в Госплане СССР и наркоматах впервые узнали о возможностях и претензиях Дальневосточного края, а его наброски учитывались в дальнейшем при разработке планов развития СССР, касавшихся ДВК. Хотя в первом пятилетнем плане Дальний Восток был представлен более чем скромно.

По иронии судьбы Я.Б. Гамарник, критиковавший царское правительство и местную администрацию за одностороннюю военно-оборонительную направленность в развитии дальневосточной окраины, в 1930-е годы оказался причастным к реализации государственной политики по созданию на Дальнем Востоке военно-промышленного потенциала.

В связи с японской оккупацией Маньчжурии и возросшей угрозой государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке сталинское партийно-политическое ру-

ководство в начале 1930-х гг. кардинально изменило свое отношение к ДВК. Было решено укрепить протяженную сухопутную и морскую границу, сформировать боееспособную группировку войск, оснащенную современными оружием и техникой, создать военно-промышленный потенциал. Так случилось, что Я.Б. Гамарник, замнаркома обороны СССР, председатель Дальневосточной комиссии ЦК и СНК, возглавил реализацию новой концепции развития ДВК и выполнял роль главного координатора промышленного и военного строительства. Он являлся одним из инициаторов строительства вдали от государственной границы военно-промышленного центра региона — города Комсомольска-на-Амуре, курировал строительство цементного завода в городе Спасске, подготовил предложения по созданию Тихоокеанского флота и т. д.

Отсутствие надлежащей инфраструктуры, острый дефицит рабочей силы, недостаток опытных партийно-политических и военных кадров — это те серьезные препятствия на пути достижения поставленных задач, которые приходилось решать руководству ДВК и Я.Б. Гамарнику. О масштабах задач говорит объем капитальных работ, выполненных в регионе во второй пятилетке (1933—1937 гг.). Он составил восемь миллиардов рублей против чуть более одного миллиарда рублей в первой пятилетке, что привело к росту объема валовой продукции крупной промышленности ДВК более чем в два раза*. Однако эффективность государственных средств, направленных в военное строительство, особенно в авиацию, оставалась сравнительно низкой.

Руководя партийно-политическим аппаратом, Я.Б. Гамарник являлся вторым по рангу человеком в Красной армии. Годы его службы на посту начальника Политического управления и замнаркома обороны СССР (1929—1937 гг.) совпали с принятием советским партийно-политическим руководством в условиях назревавшей военной опасности

---

* См.: Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века: автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. — Хабаровск, 2000. — С. 53.

энергичных мер по повышению боеспособности РККА и укреплению обороноспособности страны. Гамарник непосредственно участвовал в модернизации РККА, в процессе освобождения ее от остатков партизанщины времен Гражданской войны, формирования регулярной дисциплинированной боеспособной армии. Он уделял большое внимание укреплению группировки вооруженных сил на Дальнем Востоке, в первую очередь Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Замнаркома обороны внес свою лепту в разрешение острого противоречия в армии между нараставшим объемом военной техники — артиллерии, танков, авиации — и трудностями овладения ею из-за низкого общеобразовательного и культурного уровня командиров и красноармейцев.

Руководствуясь установкой — решать задачу боевой и задачу политико-воспитательной подготовки как единую задачу, он много сделал для патриотического, нравственного воспитания бойцов, подготовки образованных, технически грамотных командиров, для улучшения подготовки кадров в военной высшей школе. Ответственный за партийно-политическую работу в РККА, Гамарник придал ей и культурно-просветительское содержание.

Не будучи, строго говоря, военным человеком (за его плечами был лишь непродолжительный эпизод участия в Гражданской войне), Я.Б. Гамарник своей необыкновенной самоотверженностью, работоспособностью, требовательностью, нацеленностью на оказание помощи военному человеку вне зависимости от статуса и звания заслужил в довольно замкнутой и амбициозной военной среде огромный авторитет. И об этом смело было сказано в присутствии И.В. Сталина на Военном совете при наркомате обороны в начале июня 1937 г., призванном осудить участников «преступного военно-фашистского заговора в РККА».

Судьба Я.Б. Гамарника, как и судьба многих тысяч советских людей, живших в 1930-е гг., оказалась трагичной. Свято веривший в идеалы социализма и самоотверженно

стремившийся их реализовать, романтик по натуре, обладавший чувством социальной совестливости, в обстановке начавшегося массового террора 1937 г. Ян Борисович закончил жизнь самоубийством. Так он выразил свой протест сталинской репрессивной политике в отношении видных военачальников Красной армии, обвиненных в антисоветском, шпионском военно-фашистском заговоре. Уже после смерти он был тоже причислен к числу заговорщиков. Реабилитирован в 1955 г.

Да, военные события конца 1930-х гг. и начала Великой Отечественной войны обнаружили слабую готовность Красной армии к ведению современной войны. Но было бы некорректно, несправедливо вину за это возлагать на Я.Б. Гамарника без тщательного исследования его деятельности на посту замнаркома обороны СССР.

Созданный же на Дальнем Востоке с энергичным участием Я.Б. Гамарника военно-промышленный потенциал, успешные действия Красной армии совместно с Народной армией Монголии в отражении японской агрессии на реке Халхин-Гол (1939 г.) заставили правительственные круги Японии отказаться от планов вступления в войну против СССР, захвата Приморья и Приамурья. Тем самым была предотвращена опасность для Советского Союза вести войну на два фронта — на Западе против немецко-фашистских захватчиков, и на Востоке — против японских милитаристов. Дальневосточники же ратным и трудовым подвигом в годы Второй мировой войны вплели свою золотую нить во всенародное знамя Великой Победы.

В знак признания заслуг Я.Б. Гамарника его именем названы улицы в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и Владивостоке.

Post scriptum

Приступая к работе над книгой, автор дал себе слово «не влезать» в судебный процесс над военачальниками Красной армии, который стал прелюдией и частью большого террора 1937—1938 годов. Казалось, что цель книги возможно достичь и без обращения к этой болезненной теме не только истории 1930-х годов, но и в целом истории СССР.

Однако знакомство с такими книгами, как «Очищение» Виктора Суворова, «Измена маршалов» Н.Т. Великанова, «Заговор был!» С. Минакова, в которых авторы пытаются доказать существование военного заговора и тем самым в той или иной степени оправдать Сталина, необходимость массовых репрессий и противоправных действий НКВД, вызвало острую потребность вступить с ними в дискуссию и высказать свои соображения. Как выражается моя молодая коллега, «вставить свои пять копеек».

Появившаяся в последнее 10-летие серия фундаментальных документальных сборников, посвященных разным сторонам деятельности партийно-политического руководства СССР в 1930-е годы, позволяет пролить свет на во многом мифологизированную проблему «социология власти И.В. Сталина». В отличие от В.И. Ленина и от его ближайших соратников «молодой грузин» Иосиф Джугашвили в дореволюционные годы не скрывался в эмиграции, а прошел в России более чем 20-летнюю суровую школу подпольной работы профессионального революционера, тюрьмы и ссылки. Выдвинутый Лениным на введенный им пост генерального секретаря правящей Коммунистической партии, Сталин во многом оставался «подпольщиком». Будучи авторитарным руководителем, обладавшим патологической подозрительностью, он инициировал развязывание внутрипартийной борьбы против своих бывших соратников, а затем и расправу над ними, чем обеспечил себе в партии положение вождя.

Генсек неусыпно следил за работой Военных советов при наркоме обороны. После XVII съезда ВКП(б) (1934 г.), на котором выступавшие делегаты дружно провозгласили Сталина вождем, на первом Военном совете, прошедшем в конце 1934 г., никто даже не вспомнил о вожде. Мог ли генсек с этим примириться? Правда, на следующем Военном совете в 1935 г. докладчики, нарком Ворошилов и выступавшие не раз говорили о роли генсека в военном строительстве. Ссылаясь на Сталина, М.Н. Тухачевский даже попытался адаптировать стахановское движение к условиям армии. А нарком Ворошилов авторитетно заявил, что Сталин как никто другой много занимается авиационным строительством. И это было действительно так.

Усилиями всего советского народа Красная армия с каждым годом получала все больше современной военной техники, становилась организованной и боеспособной силой. В то же время нарком обороны К.Е. Ворошилов докладывал Сталину о возникавших в руководстве наркомата обороны стычках, о непомерных амбициях маршала М.Н. Тухачевского, о всевозможных слухах, которые клубились вокруг его личности. Сталин и сам был свидетелем стычки двух маршалов — Ворошилова и Тухачевского, происшедшей 1 мая 1936 г. на банкете. Правда, на следующий день Михаил Николаевич извинился перед Климентом Ефремовичем, сославшись на свое пьяное состояние. Но, возможно, этот эпизод и стал тем камнем, который вызвал лавину.

Нельзя не согласиться с мнением о том, что переход к карательной политике советского государства и массовым репрессиям во многом был связан с неблагоприятной для СССР внешнеполитической обстановкой и колоссальными трудностями в экономике, с желанием Сталина, как это было не раз, снять обвинения с руководства страны и переложить их на «врагов народа» — на вредителей, диверсантов, троцкистов, правых, левых, военных заговорщиков и шпионов и т. д. Тем не менее это общее положение нуждается в конкретизации и в дополнительной аргументации.

Эскалация репрессий 1937 г. началась с объявления

о раскрытии военно-фашистского шпионского заговора в руководстве Красной армии. В книге Н.С. Черушева «1937 год. Был ли заговор военных?» убедительно доказано, что в действительности никакого военно-фашистского заговора в СССР в 1937 г. не было. Автор привел 27 аргументов в подтверждение своего вывода. Тем не менее, думается, уважаемый автор недооценивает неприязненные отношения наркома Ворошилова и его заместителя Тухачевского и то обстоятельство, что Тухачевский занимал свой высокий пост в РККА во многом благодаря Сталину, который в начале 1930-х годов высоко ценил его как военного специалиста. Но маршал Тухачевский не был человеком Сталина, и сведения о его непомерных притязаниях не могли не встревожить генсека. Однако главным обстоятельством, толкнувшим Сталина к радикальным действиям, думается, явилось его новое отношение к армии и флоту.

Мог ли генсек монопольно правящей Коммунистической партии считать свою власть в СССР полной и сильной в сложных международных обстоятельствах, если он руководил Красной армией, с каждым годом наращивавшей свою боеспособность, опосредованно, через наркома обороны К.Е. Ворошилова, хотя и лично ему преданного? Ответ очевиден — нет. Используя опыт установления своего вождизма в ВКП(б), Сталин инспирировал военный заговор, путем репрессий уничтожил складывавшуюся новую военную элиту и таким образом утвердил свою действительно необъятную верховную власть в СССР.

Имеющиеся архивные статистические материалы свидетельствуют, что органами НКВД СССР в 1937—1939 гг. к уголовной ответственности были привлечены 21 513 военнослужащих начальствующего состава¹. В том числе заместители наркома обороны, заместители начальника Генерального штаба РККА, начальники и ответственные работники управления НКО и Генштаба, командующие войсками военных округов, начальники академий, институтов и школ РККА, их профессорско-преподавательский состав.

В ходе эскалации репрессий против военного командования из 108 членов Военного совета к ноябрю 1938 г. сохранилось только десять человек. В марте 1938 г. появился Главный военный совет Красной армии (ГВС РККА), который вобрал в себя функции Военного совета при наркоме обороны СССР — высшего руководящего коллегиального военного органа. Положений, определявших характер и функции ГВС РККА, официально не было принято. Судя по заседанию Главного военного совета РККА, в его состав входили: Сталин, Ворошилов, Блюхер, Буденный, Кулик, Лактионов, Павлов, Шапошников, Щаденко.

В мае 1938 г. на заседании Главного Военного совета В.К. Блюхер в «многочасовом докладе» доложил военному руководству страны, что дальневосточные войска хорошо подготовлены. А 31 августа этого же года маршал Блюхер доложил ГВС о неудачных действиях дальневосточных соединений и частей в районе озера Хасан². В этот же день нарком обороны издал приказ о снятии Блюхера. Затем он был репрессирован и погиб в застенках Лубянки.

Эволюция Военного совета при наркоме обороны в Главный Военный совет Красной армии, думается, во многом раскрывает замысел Сталина.

В ходе репрессий 1937—1938 гг. наряду с военной произошла смена и партийно-политической элиты Советской страны. Исследователи давно обращали внимание на то, что массовые репрессии, начавшиеся с армейского командования, перешли на партийно-советское руководство Центра и регионов. Из 1966 делегатов XVII съезда ВКП(б) было арестовано 1108, большинство из которых расстреляно. Такая же участь постигла 98 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на этом съезде. Только в 1937 г. было арестовано 149 членов Центрального исполнительного комитета СССР³. Большинство репрессированных — активные участники Октябрьской революции и Гражданской войны. Они знали В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, помнили о ленинском «Письме к съезду» с предложением «обдумать вопрос» о перемещении Сталина с поста генсека. Это были

люди в расцвете сил — 45—55 лет. Сталин считал, что эти члены партии, находящиеся на руководящих постах в Центре и в регионах, представляют для него потенциальную опасность. Сохранение в партии памяти, адекватно отражавшей события ее сравнительно недавней жизни, беспокоило Сталина, в этом он видел для себя серьезную угрозу.

С середины 1930-х годов генсек, провозгласив лозунг: «Кадры решают всё», постоянно подчеркивал необходимость выдвижения новых, молодых членов партии. В опоре на молодежь генсек видел возможность поставить вновь выдвинутых коммунистов в полную личную зависимость от себя. В первую очередь для них и был написан Краткий курс истории ВКП(б), в угоду Сталину фальсифицировавший ее историю.

Что же касается репрессированных по 58 статье Уголовного кодекса СССР, то еще и еще раз приходится подтверждать официально установленные факты — все материалы по обвинению «заговорщиков» являлись фальсификациями, добытыми и изготовленными незаконными методами следствия. В 2010 г. в одной из книг опубликованы чудовищные свидетельские показания бывшего секретаря Дальневосточного крайкома ВКП(б), бывшего начальника Политуправления Главсевморпути С.А. Бергавинова. Он признался, что зимой 1935—1936 года якобы установил антисоветскую связь с Гамарником, от которого получил задание — подготовить и совершить террористический акт в отношении Сталина. В течение зимы 1936 г. и в 1937 г. он якобы вел практическую подготовку по организации покушения на Сталина, поручил завербованному сотруднику «изучить маршруты движения машины т. Сталина в районе Можайского шоссе и наметить места для покушения»⁴. До какого же состояния нужно было довести человека, чтобы он полностью потерял чувство самосохранения, оговорил себя и других и, более того, вынес себе смертный приговор. Показания были скорее следователей, чем подследственного.

Резюмируя все сказанное, следует подчеркнуть, что в

1937—1938 годах произошло не «очищение Красной армии, ее командного состава от бездарной троцкистской верхушки»⁵, как считают Виктор Суворов, Н.Т. Великанов и иже с ними (выражаясь языком этих авторов, в основном «очищение» это произошло во второй половине 1920-х годов), а расчистка Сталиным дороги к достижению действительно необъятной власти в СССР. Она была необходима Сталину не для личного благополучия и обогащения, не для славы и реализации своих гиперамбиций. Он был убежден, что только таким образом можно решить колоссальные проблемы строительства социализма в отдельно взятой, сравнительно отсталой стране, к тому же находившейся во враждебном капиталистическом окружении.

Источники и примечания

От автора

¹ Ян Гамарник: воспоминания друзей и соратников. — М.: Воениздат, 1978; Ян Гамарник. Командарм Штейн / Ян Гамарник. Истор.-биограф. очерк, воспоминания соратников о дальневосточном периоде жизни и деятельности Яна Гамарника / Сост. З.Ш. Янгузов, К.Б. Богомолова-Гамарник). — Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1985.

² Салехов Н.И. Ян Борисович Гамарник // Очерк о жизни и деятельности. — М.: Политиздат, 1964.

³ Горлов В.М. Военно-политическая деятельность Я.Б. Гамарника (1917—1937 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М.: Военно-политическая академия им. В.И. Ленина, 1990.

Дан приказ: ему — на восток

¹ ГАРФ Ф. 6751. Оп. 1. Д. 1014. Л. 7. Речь шла об импортируемом из Китая чае, задержанном на таможне.

² Обзор деятельности Приморского губревкома с 26 октября 1922 г. до 10 марта 1923. — Владивосток: Типография «Красное знамя», 1923. — С. 9.

³ ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 85. 3 года советского строительства в Дальневосточном крае. Отчет Дальревкома. — Хабаровск, 1926. — С. 177.

⁴ Через полгода в Чите военный трибунал приговорил А.Н. Пепеляева и его 20 сподвижников к высшей мере наказания — расстрелу, 45 подсудимых — к 10 годам заключения, 11 чел. — к 5 годам и одного к 5 годам заключения условно. На суде выяснилось, что средства для борьбы с советской властью Пепеляев получал в качестве аванса под пушнину от японской, американской и английской частных фирм. — Красное знамя, 1924. 6 февраля. ЦИК СССР заменил А.Н. Пепеляеву расстрел десятилетиями заключения / Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). — Хабаровск, 1996. — С. 171.

⁵ Вглядываясь в прошлое. Дальневосточное общество в XX веке // Сб. научных статей. Кн. 4. — Владивосток: ДВО РАН, 2008. — С. 57.

Суханов К.А. (1894—1918) — участник борьбы за установление советской власти в Приморье. В 1917 г. член Владивостокского, затем Дальневосточного комитетов РСДРП(б). С конца ноября 1917 г. — председатель Владивостокского совета. В 1918 г. — организатор Дальневосточного социалистического отряда и Гродековского фронта. После переворота белочехов арестован и убит 18 ноября 1918 г.

Лазо С.Г. (1894—1920) — военачальник, участник Гражданской войны в Приморье. В 1919 г. член Дальневосточного областного комитета РКП(б), командир партизанских отрядов Приморья. С января 1920 г. — член Военного совета Временного правительства Приморской областной земской управы. В апреле 1920 г. арестован японскими интервентами во Владивостоке вместе с В.М. Сибирцевым, А.Н. Луцким и сожжен в паровозной топке на станции Муравьева-Амурского (ныне станция Лазо).

Сибирцев В.М. (1893—1920) — участник борьбы за советскую власть в Приморье, секретарь исполкома Владивостокского Совета. Арестован белочехами, заключен в концлагерь, бежал, вел подпольную работу. Участник партизанского движения. После свержения колчаковского режима в январе 1920 г. — комиссар Владивостокского гарнизона. С февраля 1920 г. член Военного совета Временного правительства Приморской областной земской управы. В апреле 1920 г. арестован японскими интервентами и вместе с С. Лазо сожжен в паровозной топке на станции Муравьева-Амурского.

Уткин П.В. (? — 1920) с 1917 г. — член Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов, редактор газеты «Известия» — органа Владивостокского Совета. В 1918 г. после свержения советской власти арестован. Освобожден из тюрьмы в 1920 г. Редактор газеты «Красное знамя». Являлся уполномоченным Временного правительства Приморской земской управы по переговорам с японцами в апреле 1920 г. В июле 1920 г. был убит белогвардейцами в поезде начальника штаба японской дивизии на станции Иман (Дальнереченск).

⁶ Красное знамя. — 1924. — 9 марта.

⁷ Вглядываясь в прошлое. Дальневосточное общество в XX веке // Сб. научных статей. — Владивосток: Кн. изд-во ДВО РАН, 2008. — С. 53.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Красное знамя. — 1924. — 6 февраля.

¹⁰ Красное знамя. — 1924. — 26 января.

¹¹ Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. Ф. 52. Оп. 165а. Д. 78. Л. 32—33.

¹² Там же. С. 155.

¹³ Вглядываясь в прошлое... — С. 56.

¹⁴ Там же. С. 57.

¹⁵ Красное знамя. — 1924. — 9 марта.

- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 6751. Оп. 1. Д. 953. Л. 1, 5.
- ¹⁷ Красное знамя. — 1924. — 9 марта.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 343—348.
- ²⁰ Там же. С. 345.
- ²¹ Там же. С. 347.

Председатель Дальревкома

- ¹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 213. Л. 17об.
- ² Тихоокеанская звезда. — 1926. — 28 декабря.
- ³ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 213. Л. 43.
- ⁴ Там же. Л. 24.
- ⁵ Там же. Л. 68.
- ⁶ Там же. Д. 928. Л. 37.
- ⁷ Там же. С. 21.
- ⁸ Дальревком... — С. 113.
- ⁹ Там же. Подстрочник.
- ¹⁰ Кузин А.Т. Сахалинский ревком. — Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2000. — С. 15.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 290. Л. 3.
- ¹² Дальревком... — С. 114.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 290. Л. 6.
- ¹⁴ Кузин А.Т. Сахалинский ревком... — С. 18.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 290. Л. 105.
- ¹⁶ Там же. Л. 87.
- ¹⁷ Кузин А.Т. Указан. соч. — С. 19.
- ¹⁸ Тихоокеанская звезда. — 1925. — 5 сентября.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Тихоокеанская звезда. — 1925. — 17 сентября.
- ²¹ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 76. Л. 36.
- ²² Тихоокеанская звезда. — 1925. — 23 сентября.
- ²³ Там же. 1926. — 11 июня.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. 14 августа.
- ²⁶ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. 1923—1926 гг. — М., 2008. — С. 498—499.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 213. Л. 46.
- ²⁸ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1023. Л. 34.
- ²⁹ Тихоокеанская звезда. — 1925. — 14 июня.
- ³⁰ Там же. 8 сентября.

- ³¹ Там же. 11 июня.
³² Дальревком... — С. 264.
³³ Там же. С. 109—110.
³⁴ Там же. С. 262.
³⁵ Тихоокеанская звезда. — 1925. — 22 декабря.
³⁶ Дальревком... — С. 253.
³⁷ Тихоокеанская звезда. — 1925. — 23 августа.
³⁸ Дальревком... С. 96—97.
³⁹ Там же. С. 110—111.
⁴⁰ Там же. С. 97—98.
⁴¹ Там же. С. 101—102.
⁴² Тихоокеанская звезда. — 1925. — 1 июля.
⁴³ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 9. Д. 2239. Л. 6.
⁴⁴ Там же. Д. 3638. Л. 1—3.
⁴⁵ Дальревком... — С. 106.
⁴⁶ ГАХК. П-2. Оп. 1. Д. 52. Л. 17.
⁴⁷ Там же. Ф. 662. Оп. 1. Д. 1. Л. 5—6.
⁴⁸ Хабаровский краевой музей им. Гродекова. Ф. 52. Оп. 165. Д. 24. Л. 5.
⁴⁹ Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. — Владивосток, 1925. — С. 7.

1925 год: Дальневосточный край — аванпост СССР на берегах Тихого океана

- ¹ ВЦИКу, Совнаркому РСФСР и Госплану РСФСР. Доклад о районировании Дальневосточного края. — Хабаровск, 1925. — С. 23.
² Там же. С. 24.
³ Там же. С. 30.
⁴ Там же.
⁵ Там же. С. 31.
⁶ Там же.
⁷ Подробнее об этом см.: Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. — Хабаровск, 1997. — С. 38—48.
⁸ ВЦИКу, Совнаркому РСФСР и Госплану РСФСР. Доклад о районировании Дальневосточного края. — Хабаровск, 1925. — С. 23.
⁹ Гамарник Я.Б. Советская колонизация ДВО // Экономическая жизнь Дальнего Востока. — 1925. — № 9. — С. 4.
¹⁰ Там же. С. 7.
¹¹ Там же. С. 8.
¹² ВЦИКу, Совнаркому РСФСР и Госплану РСФСР. Доклад о районировании Дальневосточного края. — Хабаровск, 1925. — С. 40.

¹³ Были образованы округа: Амурский, Владивостокский, Зейский, Камчатский, Никольский, Сахалинский, Сретенский, Читинский, Хабаровский. См.: Административно-территориальное деление Хабаровского края. 1938—2009 годы. Справочник. — Хабаровск: Изд-во «Рио-тип», 2009. — С. 17.

¹⁴ ГАХК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 85. 3 года советского строительства в Дальневосточном крае. Первому краевому съезду советов. Отчет Дальревкома. — Хабаровск, 1926. — С. 8.

¹⁵ Дальревком... — С. 232—233.

¹⁶ Там же. С. 246.

¹⁷ Там же. С. 249—250.

¹⁸ Там же. С. 255.

¹⁹ Гамарник Ян. Командарм Штерн... — С. 49.

²⁰ Дальревком... — С. 262—264.

²¹ Там же. С. 264.

Туземный съезд ДВО

¹ Пикалов Ю.В., Асеев А.А. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922—1941 гг. Социальное развитие. — Хабаровск, 2009. — С. 56.

² Салеева Л.В. Из истории проведения первой Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. // Шестые Гродековские чтения: Межрегиональная науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке» 20—21 апреля 2009 г. — Хабаровск. — Том 2. — С. 80.

³ Пикалов Ю.В., Асеев А.А. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922—1941 гг. Социальное развитие. — Хабаровск, 2009. — С. 35.

⁴ Подробнее об этом см.: Пикалов Ю.В. Уроки тунгусского восстания (1924—1925 гг.) // Шестые Гродековские чтения: Межрегиональная науч.-практич. конф. «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке» 20—21 апреля 2009 г. — Хабаровск. — Том 2. — С. 12—17.

⁵ Тихоокеанская звезда. — 1925. — 17 июня.

⁶ Первый туземный съезд ДВО. — Хабаровск, 1925.

⁷ Там же. С. 73.

⁸ Там же. С. 70.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 81, 96, 97.

¹² Там же. С. 105.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ Там же. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 78.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 80.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 73.

²⁰ Там же. С. 127.

²¹ Там же. С. 133.

²² Там же. С. 131.

²³ Там же. С. 125—126.

²⁴ Очерки истории Дальневосточных организаций КПСС (1900—1937). — Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1982. — С. 237.

**Первый председатель Дальневосточного исполкома,
секретарь краевого комитета ВКП(б)**

¹ Дальревком... — С. 234

² ГАХК. П-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 55.

³ Частично использовано: Безгин С.В. «Взаимоотношения органов государственной власти и ученых в 20-е гг. XX в. / С.В. Безгин // Власть и управление на востоке России. — 2008. — № 4 (45). — С. 243—249.

⁴ Тихоокеанская звезда. — 1926. — 13 апреля.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 7 декабря.

⁷ Там же. 8 июля.

⁸ Салеева Л.В. Из истории первой Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. // VI Продековские чтения. — Хабаровск, 2009. — Т. II. — С. 82.

⁹ Тихоокеанская звезда. — 1926. — 26 августа.

¹⁰ Очерки истории Дальневосточных организаций КПСС. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1982. — С. 257.

¹¹ Попенко А.В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 — конец 20-х гг. XX в.). — Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Хабаровск, 2008. — С. 21.

¹² ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 10. Д 111. Л. 5.

¹³ Тихоокеанская звезда. — 1926. — 8 августа.

¹⁴ Там же. 4 ноября.

¹⁵ Жаркова А.А. Исторический опыт борьбы с беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних на Дальнем Востоке России

(20—30-е гг. XX в.). — Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Хабаровск, 2006. — С. 17.

¹⁶ Тихоокеанская звезда. 1926. 29 декабря.

¹⁷ ГАХК. П-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 128.

¹⁸ Там же. Л. 122.

¹⁹ Там же. С. 124, 127, 129.

²⁰ Гамарник Я.Б. Советская колонизация ДВО // Экономическая жизнь Дальнего Востока. — 1925. — № 9. — С. 4.

²¹ Тихоокеанская звезда. — 1926. — 30 декабря.

²² См.: Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. — Т. 31. — С. 43, 156; Т. 42. — С. 368.

²³ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. — Том 1. — 1919—1929. — С. 476.

²⁴ Там же. — С. 482.

²⁵ Там же. — С. 559.

²⁶ ГАХК. П-2. Ф. 1. Д. 51. Л. 35—39.

²⁷ Там же. Л. 37.

²⁸ Там же. Л. 38.

²⁹ Там же. Л. 39.

³⁰ Там же. Л. 33.

³¹ Там же. Л. 45.

³² Там же. Л. 1.

³³ Там же. Л. 3.

³⁴ Там же. Л. 13.

³⁵ Там же. Л. 12.

³⁶ Там же. Л. 16.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 19.

³⁹ Там же. Л. 45.

⁴⁰ Там же. Л. 54.

⁴¹ Там же. Д. 8. Л. 28.

⁴² Там же. Д. 58. Л. 10.

⁴³ Там же. Д. 46. Л. 370.

⁴⁴ Там же. Д. 76. Л. 36—43.

⁴⁵ Там же. Л. 40.

⁴⁶ Арсеньев В.К. Избранные произведения. В 2-х т. — Хабаровск, 1998. — Т. 2. — С. 579—594. Публикация Ю.Н. Осипова.

⁴⁷ Безгин С.В. Проблема планирования развития народного хозяйства Дальнего Востока в 1920-е гг. // VI Продековские чтения. Межрегиональная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы российской цивилизации на Дальнем Востоке». — Хабаровск, 2009. — Т. II. — С. 109.

⁴⁸ Там же. С. 110.

⁴⁹ Там же. С. 111.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: Гамарник Ян. Командарм Штерн... — С. 47.

⁵² Там же. С. 43.

⁵³ ГАХК. П-2. Оп. 1. Д. 52. Л. 140.

⁵⁴ Там же. Д. 58. Л. 30—31.

⁵⁵ Гамарник Ян. Командир Штерн... — С. 46.

⁵⁶ Там же. С. 47.

⁵⁷ ГАХК. П-2. Д. 53. Л. 73—74.

⁵⁸ Там же. Д. 41. Л. 49.

⁵⁹ Катю Жигadlo Ян Борисович знал как сестру активного участника подпольной работы в Киеве, выполнявшую его задания. Выпускница института народного хозяйства в Москве, кандидат в члены партии Е.В. Жигadlo по собственному желанию в 1925 г. приехала работать в Хабаровск. В 1930 г. зам. заведующего сельхозотдела ДВКК Жигadlo была утверждена начальником Покровской МТС (Приморье). В 1933 г. она уехала в Москву учиться в аспирантуре. В 1937 г. была репрессирована. Умерла в начале 1980-х гг. См. в приложениях: речь Е.В. Жигadlo — зам. заведующего сельхозотдела крайкома партии на пленуме и ее воспоминания.

⁶⁰ Жигadlo Е.В. Классовое расслоение дальневосточной деревни. — Хабаровск, 1928.

⁶¹ ГАХК. П-2. Оп. 1. Д. 53. Л. 14.

⁶² Красное знамя. — 1928. — 1 марта.

⁶³ Гамарник Ян. Командир Штерн... — С. 14—15.

Правая рука наркома обороны

¹ Обе статьи хранятся в РГАСПИ в фонде К.Е. Ворошилова. Ф. 74. Оп. 1. Д. 214.

² Цит. по: Минаков С.Т. 1937. Заговор был! — М.: Яуза: Эксмо, 2010. — С. 103.

³ Там же.

⁴ Ильин И.А. Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. — М.: Русская книга, 2001. — С. 202.

⁵ Ян Гамарник. Командарм Штерн... — С. 51.

⁶ Возвращенные имена. — М., 1989. — С. 134.

⁷ Ян Гамарник. Воспоминание друзей и соратников. — М.: Воениздат, 1978. — С. 184.

⁸ Салехов Н.И. Ян Борисович Гамарник // Очерк о жизни и деятельности. — М., 1964. — С. 42.

- ⁹ Ян Гамарник. Командарм Штерн... — С. 53.
- ¹⁰ Правда. — 1930. — 23 марта.
- ¹¹ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР 1921—1941. — М., 2001. — С. 167.
- ¹² РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 214. Л. 127.
- ¹³ Там же. С. 129.
- ¹⁴ Советское руководство. Переписка 1928—1941. — М., 1999. — С. 113.
- ¹⁵ Там же. С. 164.
- ¹⁶ Там же. С. 171.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 214. — Л. 126.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Сталин И.В. Сочинения... Государственное издательство политической литературы. — М., 1949. — Т. 12. — С. 351.
- ²⁰ Там же. С. 372.
- ²¹ Там же. С. 309.
- ²² Советское руководство. Переписка 1928—1941. — М. — С. 154—155.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 214. Л. 141.
- ²⁴ Советское руководство. Переписка 1928—1941. — М. — С. 168.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 214. Л. 130.
- ²⁶ Там же Л. 134.
- ²⁷ Самуэльсон Л. Красный колосс. — М., 2001. — С. 175.
- ²⁸ Там же. С. 172.
- ²⁹ Там же. С. 239. В начале 1930-х гг. главным противником СССР считалась Польша.
- ³⁰ Там же. С. 173.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 18. — Л. 2.
- ³² Там же. Л. 3.
- ³³ Там же. Л. 4.
- ³⁴ Там же. Л. 139.
- ³⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — М.: Издательство АПН, 1987. — Т. 1. — С. 146.
- ³⁶ Сталин и Каганович. Переписка 1931—1936. — М., 2001. — С. 26.
- ³⁷ Самуэльсон Л. Красный колосс. — М., 2001. — С. 239.
- ³⁸ Сталин И.В. Сочинения... — Т. 13. — С. 291.
- ³⁹ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.). — М., 1934. — Т. 2. — С. 188.
- ⁴⁰ Тихоокеанская звезда. — 1934. — 6 февраля.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 214. Л. 140.
- ⁴² Там же. Л. 133.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Де-

кабрь 1934 г.: Документы и материалы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — С. 30—62.

⁴⁵ Там же. С. 33.

⁴⁶ Там же. С. 35.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 61—62.

⁴⁹ Там же. С. 4.

⁵⁰ Там же. С. 373.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 374.

⁵³ Там же. С. 382.

⁵⁴ Там же. С. 225.

⁵⁵ Там же. С. 230.

⁵⁶ Там же. С. 244.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 244—245.

⁵⁹ Там же. С. 246.

⁶⁰ Там же. С. 255.

⁶¹ Там же. С. 369.

⁶² Там же. С. 368.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 369.

⁶⁵ Хаустов Владимир, Самуэльсон Леннарт. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 106.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Павленко Николай. Воспоминания историка // Родина. — 2009. — 03. — С. 44.

⁶⁹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г.: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 275.

⁷⁰ Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. — СПб., 2002. — С. 207, 209.

⁷¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 10.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 6.

⁷⁵ Там же. С. 59.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 60.

⁷⁸ Там же. С. 61.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 214. Л. 141.

⁸¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935... — С. 62.

⁸² Там же. С. 51.

⁸³ Там же. С. 52.

⁸⁴ Там же. С. 291.

⁸⁵ Там же. С. 53.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 517.

⁸⁸ Там же. С. 180.

⁸⁹ Там же. С. 181.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 187.

⁹² Там же. С. 459.

⁹³ Там же. С. 461.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 439.

⁹⁷ Там же. С. 134.

⁹⁸ Там же. С. 185.

⁹⁹ Там же. С. 422.

¹⁰⁰ Там же. С. 423.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 422—423.

¹⁰⁴ Там же. С. 426.

¹⁰⁵ Там же. С. 444.

¹⁰⁶ Там же. С. 445.

Полномочный представитель политического руководства СССР в ДВК

¹ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 116.

² РГАСПИ Ф. 17. ОП. 3. Д. 789. Л. 2.

³ Там же. Д. 790. Л. 30—32.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ Там же.

⁷ Советское руководство. Переписка 1928—1941. — М., 1999. — С. 154, 155.

⁸ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 18. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Амурский характер. Комсомольский-на-Амуре судостроительный завод им. Ленинского Комсомола. — Хабаровск, 1986. — С. 53.

¹¹ Тихоокеанская звезда. — 1931. — 31 августа.

¹² Там же.

¹³ Там же. 6 августа.

¹⁴ Там же. 7 августа.

¹⁵ Лубянка, Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД, январь 1922 — декабрь 1936. — М., 2001. — С. 292—295.

¹⁶ Советское руководство. Переписка 1928—1941. — М., 1999. — С. 163.

¹⁷ Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936. — М., 2001. — С. 135.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Песков В.М. Военная политика СССР на Дальнем Востоке в 30-е годы XX века. — Хабаровск, 2000. — С. 107—108.

²⁰ Советское руководство. Переписка 1928—1941. — М., 1999. — С. 163.

²¹ Там же. С. 168.

²² Там же. С. 186.

²³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2007. — С. 246.

²⁴ Советское руководство... — С. 168.

²⁵ Там же. С. 185.

²⁶ Там же. С. 186.

²⁷ Там же. С. 193.

²⁸ Цит. по: Тэрояма К. Военизация /милитаризация/ железных дорог на Дальнем Востоке СССР (1931—1934 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. — Новосибирск, 1999. — № 2. — С. 38.

²⁹ ГАХК. Ф-2. Оп. 15. Д. 43. Л. 56.

³⁰ Амурский ударник. — 1933. — 24 августа.

³¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936. — М., 2001. — С. 382.

³² Там же.

³³ На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.): Справочник. — М.: Новый хронограф, 2008 (подсчеты автора).

³⁴ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 242.

³⁵ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 55.

³⁶ Там же. С. 454.

³⁷ Там же. С. 455.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 477.

⁴⁰ Там же. С. 478.

⁴¹ Там же. С. 479.

⁴² Там же. С. 453.

⁴³ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2007. — С. 333, 334.

⁴⁴ Там же. С. 334.

⁴⁵ Янгужов З. Забвенья нет. Страницы жизни и полководческой деятельности маршала Советского Союза В.К. Блюхера. — Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1990. — С. 262.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Тихоокеанская звезда. — 1936. — 26 сентября.

⁴⁸ Там же. 1936. — 15 октября.

⁴⁹ См.: Дубинина Н.И. Ты позови Дальний Восток. — Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1976.

1937 год. Самоубийство Я.Б. Гамарника

¹ По официальной версии они в мае 1939 г. были убиты в тюрьме сокамерниками.

² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937—1938. — М., 2004. — С. 83. (Далее — Лубянка...)

³ Микоян Анастас. Так было. Размышления о минувшем. — М.: Вагриус, 1999. — С. 329.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Возвращенные имена. — М., 1989. — С. 130.

⁶ Лубянка... С. 83.

⁷ В марте 1938 г. Н.И. Бухарин расстрелян по приговору суда.

⁸ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г. Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 8.

⁹ Там же. С. 3—4.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Лубянка... 1937—1938. С. 104—105.

¹² Там же. С. 107.

¹³ Там же. С. 108.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ян Гамарник. Командарм Штерн... — С. 59—60.

¹⁶ Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х гг. Документы. — М., 2003. — С. 684.

¹⁷ Там же. С. 685.

¹⁸ Правда. — 1937. — 31 мая.

¹⁹ Цит.: по Кантор Юлия. Война и мир Михаила Тухачевского. — СПб., 2008. — С. 403—404.

²⁰ См.: Возвращенные имена. — М., 1989. — С. 131.

²¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР 1—4 июня 1937 г. Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 6.

²² Там же. С. 7—8.

²³ Там же. С. 61.

²⁴ Там же. С. 75.

²⁵ Там же. С. 72.

²⁶ Там же. С. 128.

²⁷ Там же. С. 130.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 131.

³⁰ Там же. С. 132.

³¹ Там же. С. 206.

³² Там же. С. 134.

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Там же. С. 298.

³⁵ Там же. С. 299, 302.

³⁶ Там же. С. 310.

³⁷ Там же. С. 323.

³⁸ Там же. С. 99.

³⁹ Там же. С. 125.

⁴⁰ Там же. С. 113.

⁴¹ Там же. С. 282.

⁴² Там же. С. 150.

⁴³ Там же. С. 151.

⁴⁴ Там же. С. 459.

⁴⁵ Реабилитация... — С. 760.

⁴⁶ Соколов Б.В. Тухачевский. — М., 2008; Кантор Юлия. Война и мир Михаила Тухачевского. — СПб., 2008.

⁴⁷ В этом письме Сталин принес извинения М.Н. Тухачевскому за отрицательный отзыв на его предложения 1930 г. о преобразовании РККА. «...Очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня, — писал генсек, — не ругайте меня, что я взялся исправлять недочеты своего письма с некоторым опозданием» (Советское руководство. Переписка. 1928—1936. — М., 1995. — С. 171).

⁴⁸ Самуэльсон Леннарт. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921—1941. — М., 2001. — С. 238—239.

⁴⁹ Военный совет... — С. 113.

⁵⁰ Лубянка... — С. 204.

- ⁵¹ Правда. — 1937. — 11 июня.
- ⁵² Реабилитация... — С. 236—237.
- ⁵³ Там же. С. 574—575.
- ⁵⁴ Там же. С. 698.
- ⁵⁵ Там же. С. 693.
- ⁵⁶ См.: Великанов Н.Т. Блюхер. — М.: Молодая гвардия, 2010. — С. 232. Подстрочник.
- ⁵⁷ Соколов Б.В. Тухачевский. — М. — С. 327.
- ⁵⁸ Там же. С. 326.
- ⁵⁹ Лубянка... — С. 642.
- ⁶⁰ Кантор Юлия. Война и мир Михаила Тухачевского. — Спб, 2008. — С. 494.
- ⁶¹ Лубянка... — С. 37—38, 232.
- ⁶² Там же. С. 226.
- ⁶³ Там же. С. 563.
- ⁶⁴ Там же. С. 563.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Возвращенные имена. — М., 1989. — С. 135.
- ⁶⁷ Черушев Н. 1937 год: элита Красной армии на Голгофе. — М.: Вече, 2003. — С. 524—531.
- ⁶⁸ Военный совет... — С. 556.
- ⁶⁹ Там же. С. 557.
- ⁷⁰ Реабилитация... — С. 763.
- ⁷¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг.: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 236.
- ⁷² Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину. Реабилитирован посмертно. Вып. 1. — М., 1988. — С. 351—352.
- ⁷³ На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записи лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.): Справочник. — М.: Новый хронограф, 2008 (подсчеты автора).

Судьба друга

- ¹ См.: Антонов-Овсеенко А. Карьера палача // Звезда. — 1988. — № 9. — С. 148; Письмо Ю.Л. Картвелишвили автору 24.10.90 г. Архив автора.
- ² Микоян С. Слуга. — Реабилитирован посмертно. 1988. — Вып. 1. — С. 201.
- ³ ПАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 482. Л. 18—20.
- ⁴ Тихоокеанская звезда. — 1933. — 1 апреля.
- ⁵ Там же.

⁶ ПАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 483. Л. 25.

⁷ Там же. Л. 242.

⁸ Тихоокеанская звезда. — 1934. — 17 февраля.

⁹ См.: XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенограф. отчет. — М., 1934. — С. 7.

¹⁰ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестка дня заседаний 1919—1952. Каталог. — М.: РОССПЭН, 2001. — Том II (1930—1939). — С. 426, 455, 473, 477, 505, 526, 539 и т. д.

¹¹ ГАХК. Ф. 2, Оп. 1. Д. 961. Л. 508.

¹² См.: Соколов Б.В. Тухачевский. — М.: Молодая гвардия, 2008. — С. 431.

¹³ Действительно, В.К. Блюхер страдал от тяжелой формы экземы. Как он признался, алкоголь глушил страдания.

¹⁴ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 226.

¹⁵ Там же. С. 205—206.

¹⁶ Там же. С. 169.

¹⁷ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 137. Л. 9.

¹⁸ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД... — С. 179.

¹⁹ Антонов-Овсенко. Карьера палача // Звезда. — 1988. — № 9. — С. 163.

Post scriptum

¹ Военный совет... 1937 г. — М., 2008. — С. 558.

² Во время военных действий на озере Хасан в конце июля Маленков сообщил Сталину о том, что в Ярославской области в Рыбинском районе в родной деревне Блюхера проживает много его родственников. Настоящая фамилия его деда — Павел Леонтьевич Горячий. Он поставлял уголь на Николаевскую железную дорогу, которую обслуживали немцы. Дед сменил фамилию, взяв фамилию управляющего. Происхождение Блюхера стало основанием для подозрений Сталина / Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936—1938 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 227.

³ Лубянка ... февраль 1956 — ноябрь 80-х гг.: Документы. — С. 576.

⁴ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии. 1936—1938 гг. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 406.

Список сокращений

БВО	Белорусский военный округ
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
Военный совет	Военный совет округа, флота, армии, флотилии
Волком	Волостной комитет
Врид	Временно исполняющий дела
ВС при НКО	Военный совет при народном комиссаре обороны СССР
ВЦИК	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАХК	Государственный архив Хабаровского края
Госиздат	Государственное издательство
ГПУ	Государственное политическое управление
ГТО	Готов к труду и обороне
Губком	Губернский комитет
ГШ	Генеральный штаб
Дальбюро ЦК РКП(б)	Дальневосточное бюро ЦК Российской Коммунистической партии (большевиков)
ДВКИ	Дальневосточный краевой исполком
ДВКК ВКП(б)	Дальневосточный краевой комитет ВКП(б)
ДВК	Дальневосточный край
ДВО	Дальневосточная область
ДВО	Дальневосточный военный округ
ДРК	Дальневосточный Революционный комитет
ДЭС	Дальневосточное экономическое совещание
ЗабВО	Забайкальский военный округ
ЗакВО	Закавказский военный округ
ИТР	инженерно-технические работники
КБФ	Краснознаменный Балтийский флот
КВЖД	Китайско-Восточная железная дорога

КВО	Киевский военный округ
Комбриг	командир бригады
Комвойсками	командующий войсками
Комкор	командир корпуса
КПК при ЦК ВКП(б)	Контрольная партийная комиссия при ЦК ВКП(б)
ЛВО	Ленинградский военный округ
Ликбез	ликвидация безграмотности
МВО	Московский военный округ
МС РККА	Морские силы РККА
Нарком	народный комиссар
Наркомат	Народный комиссариат
НИИ	научно-исследовательский институт
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
Наркомзем	Народный комиссариат земледелия
НКО	Народный комиссариат (комиссар) обороны
НКС	Народный комиссариат (комиссар) связи
НКПС	Народный комиссариат (комиссар) путей сообщения
НКФ	Народный комиссариат (комиссар) финансов
НКТяжпром	Народный комиссариат тяжелой промышленности
ОКДВА	Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
НЭП	Новая экономическая политика
Оно	отдел народного образования
Осоавиахим	общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
Политбюро	Политическое бюро
ПриВО	Приволжский военный округ
ПУ Флота	политическое управление флота
ПУ РККА	Политическое управление РККА
РВС СССР	Революционный военный совет СССР
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	Российский государственный военный архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ	Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РИК	районный исполнительный комитет
РКИ	Рабоче-крестьянская инспекция

Рабоче-крестьянская Красная армия
(Красная армия)
Российская коммунистическая партия
(большевиков)
Российская социал-демократическая рабочая
партия (большевиков)
Среднеазиатский военный округ
Сибирский военный округ
Северо-Кавказский военный округ
Совет Народных Комиссаров
Союз Советских Социалистических Республик
Совет труда и обороны
Северный военный флот, Северный флот
тяжелый бомбардировщик
Тихоокеанская звезда
Тихоокеанский флот
Украинский военный округ
уполномоченный Наркома внутренних дел
Центральный исполнительный комитет
Центральный Комитет
Центральная контрольная комиссия

Алфавитно-именной указатель

- Аболтин В.А. 42, 43
Абрамович 139, 156
Авербух Б.С. см. Гамарник Б.С.
Актанка Гаврила 101
Актанка Кончи 99
Актанка Михаил 98, 100
Александров А.В. 208, 209
Алкснис Я.И. 192, 204, 217, 254, 295, 296, 301
Альпов А.П. 49
Андреев 245
Андрей см. Кульпе Я.К.
Андрианов Р.И. 61, 82
Антонов-Овсенко А.В. 306
Апанасенко 285, 288
Аронштам Л.Н. 247, 248, 258, 276, 283, 323, 326, 327
Арсеньев В.К. 25—27, 64, 65, 90, 108, 112, 113, 139, 142—147, 253, 311
Архипов 36
Асаткин А.Н. 233
Аюмкан Палаган 98
Барминский 327
Белов И.П. 285, 295
Бельды Канчи 98
Бельды М. 94
Бельский Л.Н. 16
Бельцов В.П. 12
Берг 113
Бергавинов С.А. 233, 243, 244, 250, 309, 339
Берзин Э.П. 263
Берзин Я.К. 136, 218
Берия Л.П. 283, 300, 306, 307, 314, 315, 328, 329
Билибин Н.Н. 139
Блюхер В.К. 48, 187, 200, 202, 217, 222, 223, 232, 234, 235, 236, 237, 239, 243, 245, 247, 251—256, 258, 259, 260, 262, 272, 278, 283, 286, 295, 296, 301, 307, 312, 314, 316, 322, 323, 325, 326, 338
Бош Е.Б. 308
Брискин М.А. 49, 89, 152, 153
Бубнов А.С. 160
Буденный С.М. 166, 167, 182, 202, 278, 285, 288, 295, 338
Булин А.С. 192, 277
Бухарин Н.И. 175, 179, 269, 272, 282, 300, 314
Вайнерос И.М. 276, 326
Варейкис И.М. 276, 325
Варт 114
Великанов Н.Т. 335, 340
Викторов М.В. 256, 262
Виноградов 215
Володарский М.М. 20
Волынский В.Я. 155, 156
Вольский М.П. 57, 94, 326
Ворошилов К.Е. 159—161, 163, 166—169, 171, 175, 176, 182, 187, 188, 191—194, 197—200, 202, 208, 210, 212—214, 218—220, 230—232, 234—237, 239—241, 244, 245, 249, 253, 272, 277—281, 284, 285, 287, 288, 289, 290, 302, 303, 313, 315, 325, 336—338
Вострецов С.С. 18
Газганов И.Я. 301
Гайдук В. 94, 97
Гамарник (Авербух) Б.С. 164, 176, 278, 300
Гамарник В.Я. см. Кочнева В.Я.
Гамарник Ф.Б. 301
Гаранч Б.Н. 266
Гарькавый И.И. 164

- Гензи Ж. 283
 Гербек Г.Г. 327
 Геринг Герман 220
 Гитлер Адольф 220
 Голодец Н.М. 299
 Гондатти Н.Л. 32, 75, 76, 126
 Гончарова С.В. 12
 Горячев Е.И. 295, 299
 Гринберг И.М. 286
 Гришин А.С. 298
 Грязнов И.К. 251, 259
 Давыдов 38
 Данкан Мария 101
 Демби 25
 Деникин А.И. 164
 Дерibas Г.Д. 232, 262, 272, 327
 Дзержинский Ф.Э. 20
 Диодоров 94
 Довженко А. 312
 Доминиковский Г. 38
 Дубинин А.Н. 12
 Дубинина М.А. 12
 Дубовой И.Н. 164, 287
 Дыбенко П.Е. 196, 285, 288, 295
 Егоров А.И. 176, 185, 192, 202, 204, 217, 278, 289, 301
 Ежов Н.И. 250, 269, 279, 290, 299, 300, 327
 Енукидзе А.С. 282, 283
 Жалсапова Ж.Б. 12
 Жданов А.А. 279
 Жданов И.М. 326
 Жигадло Е.В. 155
 Жигур 179
 Жильцов А.И. 204
 Жуков А.М. 12, 37
 Жуков Г.К. 183
 Заксор Алексей 94
 Западный С.И. 327
 Затонский В.П. 164, 308, 323
 Зиновьев Г. 81, 114
 Иванов К. 94
 Ивашкевич Б.А. 108, 110, 111
 Икрамов А.И. 277
 Ильин И.А. 161, 286
 Ионуе 43
 Каганович Л.М. 185, 239, 249, 269, 277, 279, 287, 314, 315
 Калинин М.И. 33, 279
 Калмыков М.В. 256, 257
 Каменев Л.Б. 81, 114
 Каменев С.С. 244, 245
 Карахан Л.М. 48, 222, 282, 283
 Карацупа И.Ф. 260
 Карелин 295
 Картвелишвили В.И. 328
 Картвелишвили (Лаврентьев) Л.И. 164, 247, 248, 250, 259, 260, 262, 263—265, 277, 304—310, 311, 312, 313, 315—329
 Картвелишвили (Лаврентьева) О.М. 328
 Каттель 248
 Кацва И.Б. 41, 43, 82
 Качалов И.Ф. 10
 Качалова (Петрова) М.П. 10
 Каширин Н.Д. 295
 Ким В. 318, 319
 Киров С.М. 296, 314
 Кисин 319
 Кишкин 246
 Кобозев П.А. 14, 15, 26, 30, 33
 Кобулов В. 329
 Комаров В.Л. 113
 Комаров П. 318
 Колытин М.П. 139, 149
 Корт А.И. 212, 279, 282, 285, 292, 293, 294, 296, 300
 Косарев А.В. 244, 277
 Косиор С.В. 151, 245
 Косицына Т.И. 12
 Косич Д.И. 204
 Котовский Г.И. 164

- Кочнева Виктория Яновна (Гамарник Вега) 163, 176, 271, 278
Кравченко Г. 318
Красников В.В. 41
Крымян 329
Крупская Н.К. 163
Крутов Г.М. 233, 248, 309, 316, 319, 326, 327
Крылов Л.П. 65, 82, 110
Кубяк Н.А. 14, 15, 28, 30, 31, 48, 49, 80, 89, 108, 123, 124, 128—130
Кузениц М.Б. 18, 137, 152, 153
Куйбышев В.В. 315
Кулик Г.И. 212, 338
Кулыгин 319
Кульпе Я.К. 137
Кушнарев 25
Лаврентьев Л.И. см. Картвелишвили Л.И.
Лаврентьева О.М. см. Картвелишвили О.М.
Лазо С. 20
Лактионов 338
Лапин А.Я. 258, 298
Левензон Ф.Я. 205
Левичев В.Н. 259
Лемберг 327
Ленин В.И. 23, 24, 29, 30, 120, 128, 157, 165, 167, 174, 206, 314, 328, 335, 338
Леонтий 136
Леплевский И.М. 279
Лехнов 319
Линберг А. 112
Липендин 299
Липский А. 94, 97, 105
Листовский П. 322
Литвин 295
Литвинов Макс. Макс. 239
Лобов А.А. 82, 118, 250
Лопатин И.А. 90
Лукс К.Я. 64, 110
Луценко 139
Любченко А.П. 299
Маландин Г.А. 256
Мамонов И.Т. 71, 82, 89, 139
Маркевич 250
Маркс К. 63, 314
Марченко 248
Масленников В.А. 41, 43, 139, 142, 149
Мацуката Каджиро 45, 46
Медведь Ф.Т. 89, 156
Межлаук В.И. 250
Мезис А.И. 243, 286
Мерецков К.А. 258
Мехлис Л.З. 292
Микоян А.И. 227, 250, 270, 314
Минаков С. 335
Миринин 319
Могильный 299
Молотов В.М. 130, 184, 185, 213, 246, 249, 261, 272, 273, 277, 279, 287, 290, 315, 322
Муклевич Р.А. 177, 231, 232, 233, 243, 248, 259
Муравьев Н.Н. 32
Навознова Е.Т. 267
Накано Сейго 45
Невельской Г.И. 20
Нихей 44, 45
Орахелашвили 307
Орджоникидзе Г.К. (Сепро) 179, 241, 243, 250, 269—272, 277
Орджоникидзе З.Г. 271
Орлов В.М. 176, 192, 204, 217, 301
Осепян Г.А. 217, 280
Павленко Н.И. 200
Павлов В.Н. 31, 33
Павлов И.С. 338
Панов С.Ф. 278
Пашкевич 139
Пентегов 113
Пепеляев А.Н. 18

- Перепечко И.П. 157, 224—226, 227, 233
 Петр Великий 20
 Петров 319
 Петровский Л.Г. 286, 287
 Пинеев М.Д. 50
 Пионтковский Л.Ф. 116
 Платонов А. 314
 Плеханов 248
 Полевой П.И. 108, 111, 113
 Полищук К.Е. 279
 Пономарёв 94
 Постышев П.П. 314
 Правдин И.Ф. 112
 Примаков В.М. 217, 292, 293, 296
 Путна В.К. 245, 283, 286, 292, 294, 296
 Пшеницын К.Ф. 16, 18, 24, 94, 149, 299
 Пятаков Г.Л. 269
 Радек К.Б. 269
 Радин 64
 Раскин 246
 Раскольников Ф.Ф. 302
 Рачков И.М. 161, 162, 259, 275
 Родин 156
 Рокоссовский К.К. 259
 Рослович Г.П. 37
 Рудаков Н.Г. 41
 Рудзук Я.Э. 250, 282, 283
 Руднева Ю.К. 266
 Рыков А.И. 175, 282, 326
 Савицкий 329
 Савич В.М. 108, 139
 Салеева Л.В. 12
 Салехов Н.И. 8
 Салов 248
 Самар Тимошка 94, 100
 Самуэльсон Л. 167, 179, 185, 199
 Сангурский М.В. 218, 327
 Светец Э.Г. 19
 Свинкин Ц.А. 256
 Седякин А.И. 192
 Серебряков Л.П. 269
 Сибирцев В.М. 20
 Слинкин И.В. 319
 Слюсаренко 139
 Смидович П.Г. 86, 87, 93
 Смородинов И.В. 277
 Снегов А.В. 328
 Соколов Б.В. 297, 298
 Соколовская Е. 319
 Сокольников Г.Я. 81, 269
 Соловьев Н. 99
 Сталин И.В. 30, 48, 114, 130, 139, 157, 161, 166, 167, 171—176, 189, 199, 206, 213, 214, 221, 223—225, 230, 231, 237—242, 244, 245, 246, 249, 250, 263, 266, 270, 272—274, 277—281, 283—287, 288, 289—292, 295, 296, 298—300, 302, 303, 304, 306, 307, 312—314, 315, 322, 323, 325—328, 333, 335, 338—340
 Стариков Н.Ф. 71, 89, 139
 Суворов В. 335, 340
 Сунь Ятсен 137, 222
 Суханов К.А. 20
 Таиров Р.А. 243
 Танака Г. 140
 Тарханов 319
 Тераго Х. 108
 Титов Е. 318, 319
 Тихонький 139
 Ткачев И.В. 210
 Токарский В.Н. 12
 Томский 175
 Триандафиллов В.К. 177, 179
 Троцкий Л.Д. 30, 34, 114, 269, 272, 281, 282, 286, 338
 Тумали Н. 97, 98, 100
 Туров 139
 Туровский С.А. 217
 Тухачевская М.П. 301
 Тухачевская Н.Е. 301

- Тухачевский М.Н. 171—174, 176, 179, 183—185, 191, 192, 194, 202, 204, 211, 212, 217, 218, 220, 242, 244, 275, 277, 279, 281, 282, 283, 285, 288—298, 300—302, 336, 337
Тэраяма Киосукэ 12
Уборевич И.П. 8, 34, 177, 192, 212, 275—277, 282, 283, 285, 287—290, 292—296, 300, 301
Удинкан Екатерина 94, 101
Удинкан Мария 101
Ульрих В.В. 295
Унтербергер П.Ф. 40
Уншлихт Н.С. 179
Уткин П.В. 20
Ушаков 295
Уэда 257
Фадеев А.А. 312, 320
Федин П.Г. 326
Федоров И.Ф. 96, 97, 104
Федько И.Ф. 164, 251, 258—260, 301, 324
Фельдман Б.М. 18, 82, 292, 294, 296
Филатова Е. 278
Флегонтов А.К. 118
Фрумкин М.И. 128
Фрунзе М.В. 167, 195
Фуллер Д. 194
Халевский 179
Харада 237
Хаустов В. 199
Хаханьян Г. Д. 134
Хетагурова В.С. 266—268
Хирота 237, 239
Ходжер Богдан 94
Хрушев Н.С. 313, 329
Целищев М.И. 49, 64, 65, 68, 71, 76, 89, 108
Цзалин Чжан 47
Червяков А.Г. 299
Черушев Н.С. 337
Чичерин Г.В. 41, 222
Чудинова Варвара 98, 101
Чуцкаев С.Е. 124, 134, 156
Шабалкин И. 325
Шабанов И. 318, 319
Шапошников Б.Н. 177, 295, 338
Шацкий 319
Шиманчик Е. 319
Ширазова 108
Широков С. 94
Шишагин 319
Шишлянников Р.А. 41, 43
Шкирятов М.Ф. 276
Шостакович Д. 298
Шпорт В.И. 6
Штейн М.Г. 312, 321, 322
Штернберг Л.Я. 113
Щаденко Е.А. 338
Эйдеман Р.П. 279, 282, 292, 294, 296
Эйхе Р.И. 304, 306
Эрдберг О. 319
Эрлих 248
Юркин 250
Ягода Г.Г. 179, 199, 282, 289
Якир И.Э. 8, 160, 161, 164, 275, 276, 277, 279, 280, 282, 283, 285, 287—290, 292, 293, 296, 300
Ярцев П.А. 218

Приложения

- ◆ Даты жизни и деятельности Я.Б. Гамарника
- ◆ Из статей и докладов Я.Б. Гамарника
- ◆ Основные издания о Я.Б. Гамарнике
- ◆ Из воспоминаний о Я.Б. Гамарнике
И.М. Рачков. Дар притяжения
М.Б. Кузениц. Скромность большевика,
стиль ученого
- ◆ Речь Е.В. Жигadlo на 2-м пленуме
Далькрайкома ВКП(б). Состояние
и перспективы сельскохозяйственной
кооперации в крае. 1929 г.
- ◆ Е.В. Жигadlo (первый директор
Покровской МТС в Приморье). Воспоминания
- ◆ Выступление В.К. Блюхера на Военном совете
при народном комиссаре обороны. 1935 г.
- ◆ Записка Р.А. Руденко в ЦК КПСС
о реабилитации Я.Б. Гамарника 22 июля 1955 г.

Даты жизни и деятельности Я.Б. Гамарника

1894, 2(14) июня	В Житомире в семье служащего Б. Пудиковича родился сын Янкель — Ян Борисович Гамарник.
1913	Закончил мужскую гимназию А.П. Ровнякова в Одессе с серебряной медалью. В г. Малин (Киевская губерния) занимался репетиторством.
1914, сентябрь	Поступил учиться в Петербургский психоневрологический институт. Начал революционную работу в студенческих организациях.
1915	Перевелся на юридический факультет Киевского университета.
1916	Познакомился с руководителями большевистского подполья на Украине.
1916, сентябрь	Вступил в РСДРП(б)
1917	Избран членом, а затем секретарем Киевского комитета РСДРП(б), участвовал в написании и издании листовок, прокламаций, выступал на митингах и собраниях.
1917, 24 октября	Направил в ЦК РСДРП(б) письмо Киевского комитета РСДРП(б) с сообщением о состоявшемся 18 октября в Киеве областном съезде Советов, на котором принята резолюция, требующая перехода всей власти в руки советов.
1917, 27 октября	Избран в состав Военно-революционного комитета в Киеве.
1917, 29 октября	В числе 14 партийных работников Киевского комитета РСДРП(б) арестован юнкерами.
1917, ноябрь	Выступил на массовом собрании рабочих Киевского «Арсенала» с обличительной речью контрреволюционной сущности Центральной Рады.
1918, март 17—19	На II Всеукраинском съезде Советов избран в состав президиума съезда, участвовал в выработке его решений.

- p>1918, мартp>Организовал и руководил большевистским подпольем в Харькове и Крыму, в Одессе возглавил подпольный комитет партии.
- 1918, апрель (19—20)p>Участвовал в Таганрогском партийном совещании, на котором принято решение о создании КП(б) Украины и о подготовке к созыву I съезда КП(б) Украины. Вместе с тт. Косиором, Бубновым, Затонским, Скрыпником и др. вошел в состав оргбюро.
- 1918, июль (5—12)p>Делегат I съезда Коммунистической партии Украины в Москве, избран в состав президиума съезда.
- 1918, июль (6)p>Вместе с делегатами I съезда КП(б) Украины участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа левых эсеров в Москве.
- 1918, июльp>Накануне I съезда КП(б) Украины в числе делегатов съезда был на приеме у В.И. Ленина. Дружеская беседа с Владимиром Ильичом по важнейшим проблемам съезда продолжалась около двух часов.
- 1918, июльp>Направлен на подпольную работу в Одессу, где возглавил городской комитет партии, а затем избран секретарем Одесского губернского комитета партии.
- 1918, октябрь (17—22)p>На Одесской областной партийной конференции избран делегатом на I съезд КП(б) Украины. Перед началом работы съезда в числе членов ЦК КП(б) Украины был приглашен в ЦК РКП(б) на совещание с В.И. Лениным.
- 1918, октябрь (17)p>Направлен в Харьковское большевистское подполье, вошел в состав Ревкома.
- 1918, декабрь (10)p>Был представителем от ЦК КП(б) Украины на I-м Крымском съезде большевистской партии Ревкома в Симферополе.
- 1919, майp>Избран председателем Одесского губернского комитета партии, а затем членом Совета обороны Одесского округа.

- 1919, август Назначен членом Реввоенсовета Южной группы войск 12 армии, командующим которой был И.Э. Якир, одновременно являлся комиссаром 58 стрелковой дивизии.
- 1919, август (20) Начало легендарного похода Южной группы войск 12-й армии. Вместе с командующим группой Якиром подписал приказ № 2 по Южной группе 12-й армии о походе на соединение с частями 12-й армии.
- 1919, август Написал «Памятку бойца Южной группы», которая была широко распространена среди войск группы.
- 1919, октябрь (4) Подписал вместе с И.Э. Якиром приказ № 22 о завершении похода Южной группы войск 12-й армии и о расформировании группы.
- 1919, октябрь Постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны под председательством В.И. Ленина 45 и 58 стрелковые дивизии за героический поход на соединение с северными войсками 12-й армии награждены Почетными революционными Красными знаменами, всему личному составу Южной группы назначена награда в размере месячного оклада содержания.
- 1920, февраль Направлен в Одессу, где избран председателем Одесского губкома КП(б) Украины.
- 1920, июль Переведен в Киев, где избран председателем губкома партии и членом губревкома.
- 1920, октябрь В журнале «Коммунист» (Киев) № 3 помещена статья Я.Б. Гамарника «25 Октября 1917 года».
- 1921 Возглавил в Киеве губернскую комиссию помощи голодающим Поволжья.
- 1923, январь Направлен на Дальний Восток уполномоченным ЦК РКП(б).
- 1923, 10 марта На первом губернском съезде Советов избран председателем Приморского губисполкома.
- 1924, май В качестве делегата парторганизации ДВО участвовал в работе XIII съезда РКП(б).

1924, июнь	Назначен на пост председателя Дальревкома.
1924, октябрь	Утвержден председателем областного бюро «Долой неграмотность».
1925, 23 января	Дальбюро РКП(б) возложило руководство предварительной комиссией для выработки плана принятия от японцев Северного Сахалина.
1925, июнь	По инициативе и с участием Гамарника в Хабаровске прошел туземный съезд ДВО.
1925	Под руководством Я.Б. Гамарника разработан десятилетний план колонизации и десятилетний план капитального строительства советского Дальнего Востока.
1925, сентябрь	В журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока» опубликовал статью «Советская колонизация ДВО».
1925, ноябрь	Выступил с докладом об экономическом строительстве Дальневосточного края на 7-й краевой партийной конференции.
1925, декабрь	Участвовал в работе XIV съезда ВКП(б) в качестве делегата парторганизации ДВК. Избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).
1926, март (15)	Выступил с отчетным докладом о работе Дальревкома на первом съезде Советов ДВК.
1926, март	Избран председателем Дальневосточного краевого исполнительного комитета.
1926, 11—12 апреля	По инициативе Я.Б. Гамарника работала конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока.
1927, февраль	Утвержден Политбюро ЦК секретарем Дальневосточного краевого комитета ВКП(б).
1927, март (17)	Выступил с отчетным докладом краевого комитета партии на 8-й Дальневосточной краевой партийной конференции. Избран секретарем Далькрайкома ВКП(б).

1927, июль	Секретарю ЦК ВКП(б) В.М. Молотову отправлено письмо о политическом положении на Дальнем Востоке.
1927, август	Выступил с докладом об итогах объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля — 9 августа в Хабаровске на партактиве
1928, февраль	Приказом Реввоенсовета СССР объявлено постановление президиума ЦИК СССР о награждении в ознаменование десятилетия Красной армии орденом Красного Знамени члена РВС Сибирского военного округа тов. Гамарника.
1928, 3 октября	Выступил на активе Владивостокской парторганизации с докладом «Ближайшие задачи Дальневосточной парторганизации»
1928	Направлен в Белоруссию. Избран первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии.
1928, декабрь (21)	Выступил с докладом на собрании Минской городской парторганизации «За монолитное единство рядов партии против уклонов как «левого», так и «правого» (Минская газета «Рабочий», 21.XII.1928 г.)
1929, февраль	Выступил с докладом от ЦК КП(б) Белоруссии на XII съезде коммунистической партии Белоруссии. Издан в Минске Белорусским Госиздатом (на белорусском языке), 1929.
1929, сентябрь	Как первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии и член РВС БВО участвовал во Всеармейских Бобруйских маневрах.
1929, октябрь	Назначен начальником Политуправления РККА и членом РВС Союза ССР.
1929, ноябрь	Выступил на совещании высшего начсостава Украинского военного округа (газета «Красная Звезда», 1923, 5 ноября).
1929, ноябрь	Выступил на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б), поддержал предложение о выводе из состава Политбюро ЦК лидеров правой оппозиции.

1929, 17 ноября	Назначен членом Оргбюро ЦК ВКП(б).
1929, декабрь (7)	Вышел очередной номер газеты «Красная Звезда» за подписью ответственного редактора Я.Б. Гамарника.
1929, декабрь	Подписал директиву начальника ПУ РККА о комсомольской работе (газета «Красная Звезда», 1929, декабрь 14).
1930, февраль (16)	Выступил на комсомольской конференции московского военного округа.
1930, февраль (23)	В газете «Правда» напечатана статья Гамарника «В тринадцатый год!».
1930, апрель	Утвержден председателем комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам укрепления обороноспособности Дальнего Востока (Дальневосточная комиссия).
1930, апрель — июнь	Командировка на Дальний Восток.
1930, июнь	Назначен первым заместителем наркома по военным и морским делам с сохранением должности начальника ПУ РККА.
1930, июнь	Делегат от партийной организации ДВК на XVI съезде ВКП(б). Избран членом ЦК ВКП(б).
1930, июль	Выступил с докладом о состоянии экспорта на Дальнем Востоке на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Принято постановление «О состоянии экспорта на Дальнем Востоке».
1930, ноябрь	ЦК ВКП(б) утвердило новое положение об организации в РККА комсомольских ячеек, подготовленное Политуправлением и согласованное с ЦК ВЛКСМ.
1931, февраль (5)	Выступил в газете «Красная Звезда» со статьей «Ворошилов».
1931, май	Проведено 3-е Всероссийское совещание секретарей партийных ячеек РККА. Я.Б. Гамарник сделал доклад.

- 1931, ноябрь — 1932, апрель Командировка на Дальний Восток. По поручению ЦК ВКП(б) и Правительства возглавил комиссию по выбору места для строительства заводов оборонного значения (город Комсомольск-на-Амуре).
- 1933, февраль Награжден орденом Ленина за выдающуюся работу по укреплению обороноспособности СССР (Постановление Президиума ЦИК СССР от 28.02.1933 г.).
- 1933, август — ноябрь Командировка на Дальний Восток.
- 1934, январь Выступил с докладом на окружной партконференции Московского военного округа.
- 1934, январь — февраль Делегат XVII съезда ВКП(б). Избран членом ЦК партии.
- 1934, декабрь Выступил с речью на Военном совете при наркомобороны.
- 1935 Под руководством Гамарника прошла аттестация всего политического состава армии с целью присвоения введенных новых воинских званий в Красной армии.
- 1935, сентябрь Присвоено воинское звание армейского комиссара 1 ранга.
- 1935, сентябрь Участвовал в маневрах Киевского и Харьковско-го военных округов во время высадки крупного воздушного десанта.
- 1935, 8 декабря Доклад начальника ПУ РККА Я.Б. Гамарника на заседании Военного совета при НКО.
- 1936, август — ноябрь Командировка на Дальний Восток.
- 1936, сентябрь Присутствовал на учениях Забайкальской и Приморской групп войск ОК ДВА.
- 1936, декабрь Участвовал во Всероссийском совещании жен командного начальствующего состава РККА.
- 1937, февраль Выступил на пленуме ЦК ВКП(б).
- 1937, март Выступил с речью на совещании актива Московского военного округа.

1937, март	Сделал доклад об итогах февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) на собрании актива Ленинградского военного округа и Балтийского флота.
1937, март	Выступил с речью на совещании партийного актива центральных управлений НКО об итогах февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б).
1937, апрель	Выступил с речью на совещании комсомольских работников Красной армии.
1937, май	Назначен уполномоченным представителем НКО в СНК СССР.
1937, май	Назначен членом военного совета Среднеазиатского военного округа.
1937, май (30)	Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в наркомате обороны и исключить из состава Военного совета как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре». (Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 1980-х гг. // Документы. — М.: 2003. — С. 685.)
1937, май (31)	Я.Б. Гамарник покончил жизнь самоубийством.

Источник: РГВА. Фонд 41126. Оп. 1. Д. 6. Исправлено и существенно дополнено Н. Дубининой.

Из статей и докладов Я.Б. Гамарника

ОТЧЕТ ДАЛЬРЕВКОМА И ДАЛЬЭКОСО ЗА 1923—24 ГОД

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время издание толстых ведомственных отчетов не в моде. Что же заставило ДРК издать настоящий годовой отчет? Объяснение в дальневосточной обстановке. Уже больше двух лет ДВО живет Советской жизнью, но только в последнее время медленно, постепенно Дальний Восток перестает быть terra incognita — неизвестной землей не только для Москвы, Центральных Соваппаратов, но и для Соваппаратов самой ДВО. Только в последнее время приведен в ясность ряд старых материалов и накоплен кое-какой, пока чрезвычайно незначительный, новый материал по экономике ДВО. Мало, плохо мы знаем Дальний Восток. А богатства ДВО настолько велики, разнообразны, перспективы края настолько громадны, что дело изучения ДВО имеет большое общегосударственное значение. Поэтому каждый новый статистический материал, каждая монография, каждый с виду скучный, но деловой, цифровой, ведомственный материал представляет собою вклад в чрезвычайно бедную библиотеку по экономике ДВО. Вот что заставило ДРК издать настоящий годовой отчет. Цель его — дать работникам Центра и самой ДВО материал о годовой работе Советской власти в ДВО, ряд новых систематизированных данных по экономике ДВО.

Итоги за год

Отчет охватывает собою 1923/24 год, т. е. второй год Советизации ДВО. И если принять в расчет, что первая половина этого года все еще являлась периодом организации власти, создания аппаратов, то наши требования к итогам оперативно-хозяйственной работы должны быть скромны. Каковы же общие итоги за год? Конъюнктурный обзор за 1923/1924 год формулирует их:

1. Огосударствление промышленности идет медленным, но неуклонным путем.

	Число рабочих в %			Валовая продукция в %		
	I к.	II к.	III к.	I к.	II к.	III к.
Государственная	64	67	70	57	59	61
Кооперативная	4	4	4	10	10	13
Частная	32	29	26	33	31	26

2. В лесопромышленности с увеличением общего производства намечается развитие лесозаготовительной продукции.

3. В области заработной платы — достижения в смысле нивелирования последней, а также общего повышения.

4. Процесс развития государственной торговли идет более интенсивным темпом, чем частной. Динамика общего торгового развития области за истекший год обнаруживает наличие положительных моментов, обороты государственной торговли увеличились на 42%. Общий оборот с 43 млн достиг — 51 млн.

5. Конъюнктура цен на грани нового хозяйственного года более благоприятна по отношению к началу истекшего года. Цены как на сельскохозяйственные товары, так и фабрично-заводской промышленности — значительно понизились.

6. Индекс цен за весь год имел весьма небольшие колебания. Расхождение индексов, имевшее место в октябре-месяце, сменилось с апреля-месяца устойчивым соотношением:

Отношение индексов цен в процентах к общему индексу

Товары	1923 год			1924 год								
	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Сельхоз.	62,6	63,6	66,8	69,1	73,4	77,0	73,2	71,9	70,2	75,4	75,4	71,0
Промышл.	134,2	126,2	125,8	124,5	121,3	120,4	117,9	117,9	116,2	118,3	118,7	118,3

Средн. сельхоз. 72,8

За 1/2 года промышл. 117,9

7. Посевная площадь ДВО в результате, главным образом, заметно пониженного урожая 1923 года, сопровождавшегося кроме того высоким процентом гибели хлебов, в 1924 году сократилась в среднем по области на 15%. Несмотря на понижение размера посевной площади, урожай 1924 года значительно выше урожая 1923 года. Общая валовая продукция четырех главных культур (ржи, пшеницы, гречихи и овса) увеличилась против 1923 года на 22%.

8. В области экспортно-импортных операций констатируется рост экспортных операций с 46 до 83% и падение импортных операций с 54 до 17% от общего оборота по внешней торговле.

9. Поступление доходов и производство расходов по местному и поступление доходов по государственному бюджету представляется в следующем виде за 1923—1924 год:

Кварталы	Местные доходы в т. р.	Местные доходы в т. р.	Государственные доходы в т. р.			
			Прямые	Косвен- ные	Гос. доходы	ВСЕГО
I	1981,2	1908,9	1894,1	2873,7	2086,7	6854,5
II	2906,9	2381,7	3494,1	2077,9	1841,4	7413,4
III	3844,5	2435,2	1729,1	1847,1	2732,2	6308,4
			за 2 м.	за 2 м.	за 2 м.	за 2 м.
IV	2354,4	3852,2	792,3	1380,2	1277,6	3450,1
	11 087,0	10 578,0	7909,6	8178,9	7937,9	24 026,4

Некоторый успех в работе за год налицо. Можно считать в основном законченным организационный период. Мы начинаем шагать в ногу со всем соваппаратом СССР. Успехи есть, но они еще чрезвычайно малы по сравнению с теми задачами, которые перед нами стоят.

Задачи на 1924—1925 год

Богатства ДВО — лес, рыба, золото, пушнина, уголь и т. д. — требуют разворачивания гигантской работы, огромных средств. Серьезной финансовой помощи Центр нам сегодня оказать не может. Но некоторые средства должны быть брошены Центром на Дальний Восток, в частности на золото, лес, рыбу. Задача же всех дальневосточных организаций, проявляя максимум экономии во всех расходах, не связанных непосредственно с хозяйственным ростом края, развивать основные отрасли хозяйства ДВО. И работу проводить при наличии малых средств планомерно, не разбрасываясь, сосредоточив свое внимание на основных отраслях хозяйства.

1924—1925 год должен быть годом плановой оперативно-хозяйственной работы. По-нашему, следует наметить следующие основные вехи:

I. Изучение ДВО

Необходимо, выделяя перед собой ряд основных задач на 1924—1925 год, в голову поставить вопрос об изучении ДВО. И здесь главное место статистике. Если статистика хромает во всем СССР, то у нас, в ДВО, она только-только подымается на ноги. Статистике в нынешнем году мы должны обеспечить максимум возможного разворачивания работы. Расходы на это дело — это расходы, тесно связанные с делом развития производительных сил края.

В 1924—1925 году мы должны значительно двинуть вперед статистическую работу ДВО.

II. Финансы

а) Жесткий бюджет Республики не дает ей возможности оказать серьезной финансовой поддержки своей Дальневосточной окраине на большую эксплуатационную работу богатств ДВО. Но Центр пришел нам на помощь, предоставив ряд бюджетных прав, кои, при жесткой экономии с нашей стороны, дадут нам возможность некоторую сумму бросить на нужды хозяйства ДВО. Поэтому основная задача нашего бюджета — обеспечить максимум доходных поступлений. Серьезные превышения доходов в бюджете — боевая задача года, задача всего соваппарата ДВО.

б) Закончить целиком денежную реформу, начатую в прошлом году.

в) Правильно построить, свести бездефицитно местные губернские бюджеты и укрепить волостной бюджет.

г) Проработать план кредитования, увязав его с нуждами основных отраслей хозяйства и кредитоспособностью хозяйственных органов; сроки и процент кредита должны соответствовать интересам хозяйства; как новая задача — создать коммунальный кредит.

III. Промышленность

Будущее Дальнего Востока в промышленности. Поэтому вся работа уже с сегодняшнего дня во всех отраслях должна служить делу промышленного развития ДВО. Из различных отраслей промышленности внимание в первую очередь лесу, рыбе и золоту.

а) Лес

Организационный вопрос решен существованием Государственного Треста «Дальлес». Работа его разворачивается, но финансовые ресурсы его даже для нынешнего масштаба работ недостаточны, а Тресту необходимы средства для значительно большего, нежели ныне, размаха работ. Укомплектовать средствами Трест — очередная задача.

б) Рыба

Организации рыбопромышленности — «Окаро», «Морепродукт» и «Госрыбпром». Здесь мы только еще прощупываем необходимую организацию. Истекший год кое-какой опыт дал. Существующие организации пока еще слабы. Надо их пересмотреть и наметить гибкую форму государственного аппарата по рыбопромышленности. И снова, конечно, финансы. Их в госрыбопромышленности чрезвычайно мало.

в) Золото

Проявленный в последнее время НКФином интерес к Дальневосточному золоту, если он выразится в серьезных денежных суммах, может двинуть нашу золотопромышленность. Перспективы здесь большие.

Необходимы средства и правильная организация дела. Средства должны быть даны НКФино. Для золотоскупки и золотоэксплуатации должна быть создана хорошо укомплектованная средствами организация — «Дальзолото».

Лес, рыба и золото требуют к себе внимания как основные, наиболее ударные отрасли хозяйства. Укомплектовать их средствами — это первоочередная задача. Наряду с этим — уголь, спирт, мукомольное дело, Петровский завод, Хабаровский сельскохозяйственный завод, Владивостокский судостроительный завод и местная промышленность также требуют средств и улучшения работы. Истекший год выявил ряд дефектов в работе хозяйствующих органов. Нет достаточной четкости, плановости в работе, много кустарничества, «широких планов» при малых деньгах.

Задача в 1924—1925 году — принять все меры к возможному укомплектованию средствами нашей промышленности, улучшить управление, ввести плановое начало.

IV. Сельское хозяйство

а) В нем в первую очередь внимание лесостроительству и рыбозаведению как базам соответствующих отраслей промышленности.

б) Сокращение посевной площади истекшего года должно обратить на себя внимание всего соваппарата ДВО, и должны быть приняты меры, способствующие увеличению посевной площади.

в) Работа по землеустройству в ДВО должна иметь особенно ударный характер.

V. Торговля и кооперация

Роль государственной и кооперативной торговли в общем торговом обороте ДВО — не велика. В торговле господствует частный капитал. Истекший год несколько усилил госторговлю и кооперацию. Задача укрепления госторговли и кооперации, особенно последней, стоит перед ДВО во весь рост; но каким путем? Нормальным ростом, не за счет административного воздействия на частную, ни в коем случае, не ценою сокращения товарооборота области. Борьба с частным капиталом — хорошей работой, снижением накладных расходов, гибким аппаратом. Реорганизация «Дальторга» и районирование кооперации должны способствовать улучшению работы, связи с рабоче-крестьянским потребителем.

VI. Внешняя торговля

- Задачи:
- а) Безубыточный баланс.
  - б) Борьба с контрабандой.
  - в) Внедрение советской продукции в Северную Маньчжурию.
  - г) Максимальное содействие транзиту на Владивосток.
  - д) Взаимоотношения Дальвнешторга с Торгпредствами, гарантирующие максимальную инициативу дальневосточным гос. и хозорганам, особенно в отношении леса и рыбы.

VII. Транзит через Владивосток

Владивосток или Дайрен — это большой вопрос для ДВО. Развитие Владивостокского порта — серьезнейшая задача ДВО. В текущем году этому вопросу должно быть уделено много внимания. Постановление Совнаркома СССР о транзитной части порта должно усилить Владивосток.

VIII. Транспорт

- а) Необходимо разрешить вопрос районирования дорог ДВО на основе принятого Дальэко-го решения.
- б) Необходимо тесней увязать работу желдор-ов с АГП.
- в) Четко разрешить организационные вопросы местного транспорта.
- г) Окончательно урегулировать погрузочно-разгрузочные работы в портах ДВО.

IX. Связь

Огромные пространства ДВО связать телефоном, телеграфом, особенно радио — это первостепенная задача для нормальной работы руководства.

Читу — Хабаровск — Благовещенск — Николаевск н/Амуре — Владивосток — Петропавловск связать хорошими средствами связи — это задача, которую в 1924—1925 году надо двинуть. Кое-что в этом году для начала радиостроительства можно и нужно сделать.

Вот, вчерне, общекраткие итоги прошлого года и вехи основной работы на 1924—1925 год.

Чтобы работа была успешной — необходимы следующие условия:

1. Москва должна помочь ДВО средствами, как по линии банков, так и по возможности непосредственным усилением оборотными средства-

ми промышленности ДВО, и, принимая во внимание дальность расстояния, предоставить Областному Центру максимум инициативы в работе.

2. Дальневосточные органы должны все лучше и лучше хозяйничать. Средств мало, работы непочатый край, поэтому надо во всю работу внести плановое начало, работу разворачивать по средствам, выбирая для этого наиболее ударные участки.

3. Тесней связаться всему соваппарату ДВО — от Областного Центра до сельсовета. Хорошая отчетность, хорошая взаимная информация, инструктаж и плановое руководство.

*Председатель ДРК и ДЭС
Я. Гамарник*

Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923—1924 год. Под редакцией секретаря Дальревкома М.П. Копытина и уполномоченного ЦСУ П.Е. Терлецкого. — Хабаровск, 1925. — С. 9—15.

Я.Б. Гамарник

Советская колонизация ДВО

Вот уже примерно месяцев 8 как колонизационная проблема Дальнего Востока поставлена во весь рост, стала основной и приобрела характер совершенно практической, насущной и срочной задачи в цепи основных больших вопросов развития производительных сил края. Дальэконо утверждены — перспективный 10-летний и оперативный на 1923—1926 год планы колонизации. Советский аппарат, и в первую очередь Дальземуправление, разворачивает практическую работу по приему и устройству переселенцев. 1925—1926 год будет первым годом организационной советской колонизации Дальне-Восточного Края. Начало близко, и к нему надо усиленно готовиться. Чтобы колонизационная работа, огромная по своим задачам и размаху, была достаточно успешно, без перебоев и организованно проведена, необходимо вокруг колонизационного вопроса создать на Дальнем Востоке атмосферу внимания к нему всей советской общественности, рабочих и крестьян и, главное, разъяснить, широко популяризировать отличие советской колонизационной политики от царской. Настоящий номер журнала целиком посвящается вопросам колонизации ДВО с освещением намеченных планов и основной своей задачей ставит привлечение широкого внимания к колонизационному вопросу. В первой же вводной статье мы хотим в общей постановке остановиться на задачах и характере советской колонизации, сравнив и противопоставив ее старой царской колонизации.

Колонизация ДВО в прошлом

В XVII веке Поярков, Хабаров и другие представители государственной Руси шли на Дальний Восток с тем, чтобы «в тех землях иноземцев под государеву высокую руку привести и в вечном холопстве укрепить». Этот лозунг Пояркова и Хабарова был с разными вариациями в соответствии с «духом времени» разных эпох царизма основным характерным лозунгом всей царской политики на Дальнем Востоке вплоть до самого падения царизма. И либеральный Муравьев, и Духовской, и Гондатти служили делу превращения края в огромную казарму и каторгу.

«Заполярный хутор — Дальний Восток — дешево достался по случаю. Изучить его, устроить с толком, вложить в него капитал, дать ему все способы к самостоятельному развитию — этого мы не сумели. Да и мало у кого были заботы о таких вещах. После первых же скороспелых попыток, под давлением досадливых неудач Петербург махнул рукой на новое приобретение. О нем вспоминали лишь тогда, когда грозила опасность, что «хутор» отвалится сам или его отнимут. Но что же сделано для самого края, вне зависимости от стратегических предприятий против внешних и внутренних врагов?» Вся история Приамурья полна лишь «взволнованным бездействием», которое царствует, по словам Тургенева, в петербургских и иных канцеляриях. В военных целях поощрялось земледелие. Тратились на войска громадные деньги (около 80% всех расходов), но ведь и только».

Так, в осторожных выражениях характеризует осторожная общественная организация в 1908 году в книге «Приамурье» отношение царского Петербурга к Дальне-Восточной окраине. На основе фактов, цифр, мы могли бы дать более полное представление об отношении царизма к Дальне-Восточному краю. Но достаточно и этой цитаты. Такое отношение к краю как исключительно военному аванпосту на берегах Тихого океана и Амура определяло собою всю колонизационную политику царизма.

В 1897 году Приамурский генерал-губернатор Духовской пишет всеподданнейшую записку: «Совершенно необходимо развивать начатое усиление Уссурийского казачьего войска, с распространением той же меры на Амурское, а также положить в основание начатого пересмотра землепользования в Забайкалье идею прочного создания для Сибири железной груди, в которую бы разбились всякие враждебные попытки желтой азиатской расы».

В 1908 году, по инициативе главноуправляющего землеустройством и земледелием, возбужден вопрос о большей выгодности направления на Дальний Восток регулярной армии с тем, чтобы 3 миллиона десятин предоставить под крестьянское переселение вместо казачьего, в расче-

те на то, что на этой земле крестьян можно устроить втрое больше, чем казаков. Советом министров записка «была поручена к проработке под углом зрения опять-таки исключительно военных задач — разрешит ли это стратегическую задачу и что будет дешевле стоить? **Никакого интереса к нуждам, к хозяйству края. Миллионы и миллионы рублей да казармы, крепости, тюрьмы на фонды Лихун-чанга и гроши на лесные, рыбные и горные богатства, на широкое и культурное развитие земледелия.**

Отсюда колонизация Дальнего Востока решала при царизме задачу стратегическую и полицейскую — переселение из центральной России, Украины, из плотно населенных губерний, в целях некоторого разрежения земельного крестьянского голода, грозившего устоям самодержавия. Поэтому царская колонизация имела следующие характерные черты.

1. Колонизация, не связанная с хозяйственными интересами края, не могла быть плановой, организованной. Темп ее, план ее определялся внешним военным положением России в отношении сопредельных стран и внутривластным положением. Поэтому колонизация имела прерывистый характер, то переселение усиливалось, то уменьшалось, то всячески поощрялось, то почти совсем запрещалось. Айгунский трактат, падение крепостного права, Боксерское восстание, Русско-японская война, революция 1905 года. Вот вехи кривой царской колонизации.

2. Колонизация не отвечала интересам хозяйства и не обеспечивала интересов переселенцев. Селили не в местах, удобных для земледелия, а в местах, имевших стратегическое для края значение. Сажали на болото, на камень, но зато по плану военведа. Министерства земледелия, промышленности и торговли имели малое отношение к делу колонизации. Военвед и полиция были фактически (а до 96 года полиция и формально) хозяевами этого дела. А вся работа была насквозь пропитана сугубо чиновным духом и полицейским держимордством. Сохранилось много ярких документов хаоса, злоупотреблений, насилия чиновников, халатности в царской организации переселения. Недаром, большой процент переселенцев ежегодно бежал назад с Дальнего Востока.

3. Поскольку колонизация носила стратегический характер, требовала создания пограничных казачьих поселений, она тем самым была сельско-хозяйственной колонизацией. Вопросы промышленной колонизации могли интересовать царизм только в части обслуживания промышленных предприятий, подсобных военному ведомству. Производительные силы края развивались слабо, промышленная колонизация была незначительна.

4. За счет крестьян и рабочих центральной России бросались миллионы на Дальний Восток. Так как колонизация не преследовала народ-

но-хозяйственных задач, то миллионы рублей уходили из России с тем, чтобы обратно туда не возвращаться. Крестьянин и рабочий не давали займы государству в интересах хозяйственного укрепления богатой естественными богатствами окраины с тем, чтобы хозяйственно укрепить государство в целом и тем получить данное займы. А царизм со шкурой драл эти миллионы с крестьян и рабочих во имя государственного господства на берегах Тихого океана.

Советская колонизация

1. Основные ее цели. Советская колонизация Дальне-Восточного края представляет собою, как для всего СССР, так и для самого края, огромную народно-хозяйственную задачу. Советской власти чужды стремления к военному господству на берегах Тихого океана, как чужды вообще империалистические цели. Все силы Советской власти направлены к тому, чтобы «запольный хутор» превратить в богатый цветущий край, добыть из земли горные богатства, покрыть тайгу лесопильными заводами, мощно развернуть рыбопромышленность, двинуть вперед сельское хозяйство, ликвидировать хлебный дефицит области и т. д. Возможности огромные, перспективы захватывающие — нужны люди и капиталы. Огромная территория, почти в 3 млн кв. километров, имеет менее 2-х млн населения. Краю нужна колонизация. СССР же в целом также заинтересован в колонизации края не только как в своей окраине, не только потому, что рост края хозяйственно выгоден всему Союзу, может быть источником ценностей для всей страны, но также и в силу того, что колонизация ДВО помогает разрешению всесоюзной проблемы относительно перенаселения деревни.

О перенаселении деревни много говорили и на XIV конференции РКП и на 3-м Съезде Советов СССР. Проблема эта в советском государстве решается и будет решаться по линии лучших форм землепользования, интенсификации хозяйства, технического прогресса в сельском хозяйстве и мощного роста промышленности. Но соответствующее место должно быть при решении проблемы перенаселения отведено и переселению. В «Правде», от 28 августа 1925 года т. Свидерский пишет: «Рост тяги к переселению характеризуется числом заявок на переселение, учитываемых Наркомземом и предъявляемых ходоками, прибывающими непосредственно в Москву. В 1922—1923 году таких заявок было зарегистрировано от 72 400 душ; с 1-го октября 1924 года по 1-е августа 1925 года оказалось принятых заявок от 290 000 душ. Действительные размеры переселенческой тяги, разумеется, во много раз значительней. Официальные заявки от малоземельных районов (в том числе и заявки Украины и Белоруссии) устанавливают потребность в переселении

5 миллионов душ. Учет избыточного населения, производимый, по заданию Наркомзема, Научным Исследовательским Колонизационным Институтом, коснувшийся пока только четырех районов, — северо-западного, западного, центрально-земледельческого и центрально-черноземного, — приводит к следующим цифрам: хозяйств, имеющих земельное обеспечение, не свыше одной десятины на едока, насчитывается в первом районе — 84%, во втором — 70%, в третьем — 51% и в четвертом — 74%. По исчислениям Колонизационного Института, в названных четырех районах, при данном техническом уровне сельского хозяйства, из всего запаса живой рабочей силы может быть использовано от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$, что в конечном итоге дает при норме в 4 дес. на одного работника избыточное население, в количестве почти $1\frac{1}{2}$ миллиона душ, а при норме в 5 дес. — в количестве около 1900 тыс. душ. **Вопрос об относительном аграрном перенаселении, таким образом, встал во весь свой рост.** Естественно, что население малоземельных районов, идя по линии наименьшего сопротивления, устремляется в местности, обладающие запасом свободных земель. Само собой разумеется, что государством должны быть приняты энергичные меры к максимальному удовлетворению потребности крестьянства в переселении, в особенности к тому, чтобы переселение происходило не стихийно, а планомерно.

Нам думается, что эта постановка вопроса совершенно верна. Не надо переоценивать роли переселения в разрешении относительного аграрного перенаселения в советских условиях, но не менее вредна и недооценка. Нельзя не учитывать массы крестьянских заявок о переселении, поступающих в Наркомзем, нельзя не доучитывать, особенно того, что, не взирая на трудные условия продвижения на Дальний Восток, и в текущем году есть неорганизованное, за свой страх и риск, переселение. Недооценка этого, как, например, в статье П. Попова в дискуссионном отделе «Большевики» № 9—10, — не верна.

2. Промышленная или сельскохозяйственная колонизация

Ориентировочно-перспективно этот вопрос в основном решен Дальэконом, определившим переселение в плане на 10 лет в 300 тыс. душ по линии сельского хозяйства и, примерно, в 100 тыс. душ по линии промышленности. Состояние народного хозяйства Дальне-Восточного края и общие вехи его ближайшего развития обязывают нас ставить так вопрос, как его поставило ДЭС.

Основная линия на сельскохозяйственную колонизацию вызывается не только нынешней ситуацией, но и ближайшими перспективами экономики Дальне-Восточного края, не только большим дефицитом краевой сельскохозяйственной продукции, но и тем, что переселение

из России, вызванное аграрным перенаселением, даст нам на Дальний Восток по преимуществу крестьян, желающих в первую очередь приложить свой труд к земле. Коррективы в намеченную программу ДЭС будет вносить развивающаяся экономика края. Наша задача — удовлетворять, нужды экономики края в людских массах, правильно планомерно регулируя приток и распределение их.

Темп колонизации и плановость ее

Темп переселенческого движения будет определяться темпом роста экономики края, всего Советского Союза и суммами, отпускаемыми государством на дело колонизации Дальнего Востока. ДЭС наметило перспективно к переселению на ДВ в 10-летний период — 400 тыс. душ. В Президиуме Госплана, в докладе о капитальном строительстве СССР, в части капитального строительства «Дальне-Восточного упора» темп переселенческого движения на ДВ намечался 500 тыс. душ на 5 лет, т. е. темп вдвое быстрый, чем намеченный ДЭС. Этот вопрос определения темпа требует специальной проработки в Москве с учетом интересов края и СССР в целом в деле переселения на ДВ и финансовых возможностей.

Огромному краю, только, только просыпающемуся от долгого сна, нужны люди и люди. Естественные богатства ждут своего использования человеком. Поэтому темп переселения должен быть по возможности быстрым. Но быстрота не должна быть за счет плановости, организованности движения.

Финансы. Вышеупомянутый 10-летний план колонизации, намечаемый ДЭС, требует 40 млн рублей, весь план капитального строительства требует, примерно, 300 млн рублей. Царизм тратил огромные средства на ДВ. С момента Айгунского договора до 1908 года истрачено — 3.403.211.046 рублей:

Дефициты от Приамурья и Квантунской области	715.521.696 р.
Война (1904—1907 гг.).....	2.282.834.242 р.
Китайская дорога.....	404.823.108 р.

За время с 1898 по 1908 г. средний ежегодный дефицит по Приамурью составлял 50 млн рублей.

Но все ассигнования имели, главным образом, военно-полицейско-синодский характер.

За 1892—1907 гг. ежегодно в среднем тратилось на:

Ведомство Святейшего синода	268.264 руб.
Министерство Внутренних Дел	2.435.458 руб.
Министерство Военное	11.682.102 руб.
Министерство Морское	6.527.872 руб.

Чрезвычайных расходов	16.325.870 руб.
А по ведомству Земельному	710.330 руб.
По министерству Торговли и Промышленности	55.702 руб.

В 1913 году бюджет ДВ составлял 168 млн рублей в расходной части и 28 в доходной.

При совласти с трудом, экономя каждую копейку, с очень незначительными затратами на восстановление и капитальное строительство, Дальний Восток, пострадавший от интервенции, вот уже три года сводит бездефицитно свой бюджет. Это находило свое оправдание в общем экономическом положении СССР. Теперь же, когда страна в целом далеко шагнула вперед, когда довоенный предел близок и завтра будет перейден, когда контрольные цифры Госплана красноречиво говорят о росте — скачке народного хозяйства СССР в 1925—1926 году, — мы имеем все основания выдвинуть вопрос о финансовой помощи Центра краю. Ориентировочно выявленная нами цифра на 10 лет, примерно, в 300 млн рублей, в среднем ежегодно 30 млн рублей на хозяйственное восстановление, капитальное строительство, колонизацию — скромна. Капиталы же, вложенные Центром в ДВ, сторицею окупятся. Эти суммы надо рассматривать, как заем краю на выгодных для государства и края основаниях.

Широко общественный характер колонизационного дела

«Приамурье» — отчет общеземской организации за 1908 г. — приводит следующее стихотворение о переселенческой работе царизма, ходившее в восьмидесятых годах по рукам Владивостока:

«Народ болел — мы их лечили,
Кто умер — тех похоронили;
Процент такой-то.
Везде видны плоды стараний,
Во всем царит мораль одна:
Страна почти заселена
И ждет дальнейших предписаний».

Эта характеристика халатности, неумения работать, чиновных методов — может быть с успехом отнесена не только к восьмидесятым годам, но и ко всему времени царской колонизации. Цели, задачи советской колонизации глубоко отличны от царских, и это определяет всю колонизационную практику Советской власти».

Рабоче-крестьянская общественность — партия, профсоюзы, кооперация, кресткомы, научные организации — все должны принять активное участие в этой работе.

Советский аппарат Дальнего Востока должен в этой работе максимально опереться на советскую общественность.

Начало с 1925—1926 года организованного советского переселенческого движения на Дальний Восток означает хозяйственное движение края вперед, и этому движению должны помочь трудовые массы края. Переселенец, вступающий на территорию Дальнего Востока, должен с самого начала встретить помощь, хорошую организацию дела. Нельзя закрывать глаза на все трудности переселенческого дела, но тем более оно должно быть в центре внимания всех советских государственных и общественных организаций. Ясная перспектива на ближайшие годы, четкий оперативный план на 1925—1926 год и тщательная подготовка организации переселения — вот основные задачи настоящего дня.

Экономическая жизнь Дальнего Востока. — 1925. — № 9. — С. 4—8.

Основные издания о Я.Б. Гамарнике

1. Борисов Е. Верный боец ленинской партии / К 70-летию со дня рождения Я.Б. Гамарника // Коммунист Вооруженных сил. — М.: 1964. — № 10.
2. Возвращенные имена. Сборник публицистических статей. В 2-х книгах. Книга 1. — М., 1989.
3. Гамарник Светлана. Бесстрашный солдат революции. К 75-летию со дня рождения Я.Б. Гамарника // Дальний Восток. — 1969. — № 6.
4. Горелик Я. Партийный деятель ленинского типа // Вопросы истории КПСС. — 1964. — № 6.
5. Горелик Я.М. Армейский комиссар I ранга Я.Б. Гамарник (к 90-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал. — 1984. — № 6.
6. Горлов В.М. Военно-политическая деятельность Я.Б. Гамарника (1917—1937 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М.: Военно-политическая акад. им. В.И. Ленина, 1990.
7. Дубинина Н.И. Командировка Я.Б. Гамарника на Дальний Восток // Материалы 54-й научной конференции преподавателей и аспирантов Дальневосточного государственного гуманитарного университета. — Хабаровск, 2008.
8. Дубинина Н.И. Самоубийство Я.Б. Гамарника в интерьере 1937 года // Материалы 56-й научной конференции преподавателей и аспирантов Дальневосточного государственного гуманитарного университета. — Хабаровск, 2010.
9. Дубинина Н.И. Дальневосточная вахта Яна Гамарника // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — Хабаровск, 2011. — № 1. — С. 14—24.
10. Жохов М. Ян Гамарник // Коммунист Вооруженных сил. — М., 1988.
11. Ленинская гвардия на Дальнем Востоке. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1970.
12. Медников Анатолий. В передовой цепи // Сб.: Партия шагает в революцию. — М.: Госполитиздат, 1964.
13. Рачков И. Из воспоминаний о Я.Б. Гамарнике // Военно-политический журнал. — М., 1964. — № 5.
14. Реабилитированы историей: Очерки о первых начальниках Главного политического управления Советской армии и ВМФ. — М.: Воен-издат, 1989.
15. Салехов Н. Горелик, Я. Товарищ Ян / Нарис про Яна Борисовича Гамарника / на украинском языке. — Киев: Державні видавництва політичної літератури УРСР, 1963. — 90 с.

16. Салехов Н.И. Ян Борисович Гамарник: Очерк о жизни и деятельности / Н.И. Салехов. — М.: Политиздат, 1964. — 80 с.

17. Тымчик Владимир Ильич. Комиссары Гражданской войны / В.И. Тымчик, П.А. Шевоцуков. — М.: Знание, 1989.

18. Ян Гамарник: Воспоминания друзей и соратников. — М.: Воениздат, 1978.

19. Ян Гамарник: Воспоминания друзей и соратников / Сост. К.Б. Богомолова-Гамарник и др. — Киев: Политиздат Украины, 1982. — 190 с.

20. Ян Гамарник. Командарм Штерн Ян Гамарник. Историко-биографический очерк воспоминаний соратников / Сост. З.Ш. Янгузов, К.Б. Богомолова-Гамарник. — Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1985.

21. Stephan John J. The Russian Far East: history. — California: Stanford University Press Stanford, 1994. — P. 176—179, 205—207.

Из воспоминаний о Я.Б. Гамарнике

И.М. РАЧКОВ

Дар притяжения

В октябре 1929 года, в один из первых же дней вступления Я.Б. Гамарника в должность начальника Политуправления РККА, его старший секретарь Наум Осипович Орлов, критически окинув меня взглядом с ног до головы, велел одеться по всей форме и побриться. Я насторожился: чем привлек его внимание рядовой работник сектора печати, почему так придирчиво осматривает? Орлов сообщил, что мне предстоит встреча с товарищем Гамарником. Можно понять, с каким волнением я поспешил домой переодеться, как беспокоился в ожидании вызова.

Ян Борисович вышел навстречу, пожал руку, подвел к креслу. Сам же он устроился на подлокотнике соседнего кресла. (Потом и я привык к этой манере — непринужденно вести разговор.)

Я почувствовал себя свободнее, но волнение не улеглось, особенно когда Гамарник прямо, без каких-либо предисловий, предложил работать у него секретарем. Признаюсь честно: у меня это не вызвало большого энтузиазма. Была думка поступить на учебу в академию, туда принимали до тридцати трех лет, а мне уже шел тридцать второй.

Гамарник слушал, не перебивая. Его суровый, чуть исподлобья взгляд был обращен на меня. Едва я кончил, он встал:

— Да, все правильно. Но не так легко мне сразу найти нужных сотрудников, а вас рекомендовал Якир.

Согласие я дал вовсе не потому, что доводы показались мне убедительными. Просто в силу воинской дисциплины. Имело значение и то, что Гамарник своей откровенностью вызывал уважение. Но я бы покривил душой, если бы стал уверять, будто с первой встречи проникся к нему симпатией и любовью. Более того, меня насторожила его сухая деловитость, немногословность. Выйдя из кабинета, я все еще чувствовал пристальный, сосредоточенный взгляд нового начальника.

Так началась моя работа в секретариате Яна Борисовича. За эти почти восемь лет много было пережито, увидено, сделано. Перед моими глазами постоянно был человек, который понимал жизнь как служение делу

Рачков Иван Михайлович (1898—1975). Солдат царской армии. Участник Гражданской войны. В 1930-е годы секретарь начальника Политуправления РККА Я.Б. Гамарника.

партии. Для него не существовало иных интересов и желаний, он не знал усталости и работал дни и ночи напролет.

Ян Борисович не принадлежал к числу тех руководителей, которые с первого же своего появления завоевывают симпатии подчиненных. Он не расточал улыбок, ему было чуждо похлопывание по плечу. Гамарник был требователен, строг, подчас суров. Но целеустремленность, сдержанная страстность, чувствовавшиеся в каждом шаге, в каждом слове, не могли не действовать на тех, кто работал рядом с ним. Он был демократичен по натуре, у него не возникало надобности держаться запанибрата, чтобы слыть «своим».

Вскоре после прихода в Политуправление Ян Борисович отправился в Украинский военный округ. Адрес был выбран не случайно. Там служило немало военачальников — соратников Гамарника по Гражданской войне. Сопровождая его в этой поездке, я восхищенно наблюдал, как душевно здоровался он с командующим УкрВО Ионой Эммануиловичем Якиром, с Иваном Наумовичем Дубовым, Ильей Ивановичем Гарькавым и другими командирами, чьи имена были широко известны в народе.

В Киеве было созвано совещание начсостава. Выступая на нем, Гамарник искренне, по-товарищески говорил, что вот, мол, «десятилетний отпуск» кончился, он вернулся в Красную армию, а поскольку за это время был связан с нею периодически, по совместительству с партийной работой, то просит товарищей помочь ему окунуться в гущу армейской жизни. И надо сказать, что командиры и политработники не оставили эти слова без столь же искреннего отклика. Они рассказывали о своих соединениях и частях, делились мыслями и заботами, смело выдвигали предложения.

Побывав затем в нескольких войсковых частях, Гамарник обогатил себя и личными наблюдениями. В Москву он возвращался, имея собственное представление о том, какими интересами живут войска, каковы их нужды и стремления. Ему не потребовалось много времени, чтобы снова войти в курс военной работы. Свидетельством тому могла служить опубликованная в «Правде» обстоятельная статья Яна Борисовича «В тринадцатый год». Посвящалась она XII годовщине Красной армии и напечатана 23 февраля 1930 года. Не история, не боевое прошлое занимали в ней автора, а самые актуальные — сегодняшние задачи Вооруженных Сил.

Позволю себе привести выдержки из этой статьи. «Сегодня больше, чем когда бы то ни было, — писал Гамарник, — надо ухватиться за важнейшее звено — за технику. Сегодня сильнее, громче, чем когда бы то ни было, должен звучать лозунг: «Дашь армии мотор, дашь автомобиль, танк, самолет, дашь технику, дашь лучшее, наиболее современное ору-

жие». А от армии больше, чем когда бы то ни было, надо требовать овладения техникой, научиться управлять ею, все выше поднимать техническую культуру бойца, командира и политработника...»

Далее в статье говорилось о необходимости четко, со всей решительностью проводить в жизнь директиву Реввоенсовета об укреплении единачалия, неуклонно повышать роль политработника: «Надо неустанно разъяснять красноармейцу обстановку, то новое, что есть во внутреннем и международном положении. Усилить пролетарское коммунистическое влияние на красноармейцев, интернационально воспитывать их, воспитывать в духе безграничной преданности пролетарской диктатуре и готовности до конца бороться за дело социализма — эта решающая задача политорганов и парторганизаций приобретает сейчас исключительное значение».

Он всегда решительно требовал повышения уровня боеготовности Красной армии перед лицом капиталистического окружения Советской страны. Это его требование нашло отражение в своеобразной фразе: «Никуда не годится тот политработник, тот командир, который не понимает или даже на одну минуту забывает, что основное, главное, решающее для армии всегда, а сейчас особенно, — это боевая подготовка».

Помню, как Ян Борисович работал над статьей, как снова и снова переписывал, правил странички, которые я приносил от машинистки. В эти дни, как и обычно, он был крайне занят, но когда кто-то из сотрудников неуверенно сказал, мол, пусть в секторе печати подработают, там есть опытные журналисты, Гамарник сурово глянул на советчика и продолжал сам шлифовать текст.

В мае 1931 года состоялось всеармейское совещание секретарей партийных ячеек. Основной доклад делал Ян Борисович. Особое внимание он обращал на умение партийных ячеек конкретно, по-деловому, вплотную заниматься вопросами боевой подготовки и овладения боевой техникой, примерности коммунистов и комсомольцев во всей военной службе. Он прямо говорил, что тот, кто не подает пример образцовой дисциплины, не достоин высокого звания члена партии и Ленинского комсомола. Главный тезис его доклада: решительно улучшить всю партийно-политическую работу, подчинить ее содержание, формы и методы новым сложным требованиям, выдвигаемым перед армией в связи с ее техническим оснащением и огромным политическим и культурным ростом приходящих в казарму бойцов.

Слушавшие Яна Борисовича могли подумать: как легко даются доклады ему — говорит свободно, не заглядывая ни в какие конспекты, будто беседует. Да, это так. Но готовился он к выступлению всегда тщательно, изучал много различных материалов, советовался с товарищами.

И если говорил легко и свободно, то это было результатом всесторонней подготовки, долгих размышлений.

При всей своей внешней сдержанности, даже суровости Ян Борисович был удивительно добрым, сердечным человеком. И чем ближе люди узнавали его, тем больше в этом убеждались. Всех нас восхищало его умение дружить, дорожить дружбой, проносить ее сквозь годы. Товарищеская близость, завязавшаяся в пору Гражданской войны до последних дней жизни связывала его с И.Э. Якиром, В.Н. Левичевым, И.Н. Дубовым, В.К. Блюхером, Г.А. Осепяном, Л.И. Картвелишвили. Если кто-то из них приезжал в Москву, непременно выкраивал час-другой, чтобы навестить Гамарника.

Обычно Ян Борисович не спрашивал подчиненных, как они себя чувствуют, как их здоровье. Но почему-то случалось так, что тому или иному товарищу вдруг звонили из Санитарного управления и сообщали, что ему выделена путевка в санаторий. Вскоре все мы убедились: это не случайность. Дела государственной важности, которыми постоянно был занят Ян Борисович, не заслоняли от него людей.

Работать при Гамарнике приходилось с напряжением, подчас трудно, но всегда интересно. И все же меня не оставляла мысль об учебе. Как-то я поделился ею с Яном Борисовичем.

— Да, помню, помню, — задумчиво сказал он. — Только сейчас вряд ли удастся. Обстановка... Дальний Восток...

Больше я не упоминал об учебе. Тем более что все мы, сотрудники секретариата Яна Борисовича, заразились его страстью — Дальним Востоком.

Дальневосточная деятельность Гамарника началась еще в двадцатые годы, но и в дальнейшем он вел поистине колоссальную работу по руководству экономическим, оборонным и культурным освоением Дальнего Востока.

Припоминаю малозначащий, казалось бы, случай. В одну из своих поездок, где-то в районе Уссурийска Ян Борисович повстречал И.А. Адамовича. Они были близко знакомы по Белоруссии, где Адамович возглавлял республиканский Совнарком. Теперь ему предстояла большая и ответственная работа здесь. Обрадованный встречей, он как «новичок» обратился к «старожилу»:

— Ян Борисович, подскажите, с чего лучше начать.

Гамарник широко улыбнулся.

— Прибери лошадь и телегу. Поезжай и вникай.

Это не было только шуткой. Гамарник сам придерживался такого правила. Еще работая в Приморском губисполкоме, Далькрайисполкоме и Далькрайкоме партии, он вдоль и поперек изъездил таежный край. С присущей ему обстоятельностью изучал природные условия, экономи-

ческие и оборонные возможности края, этнические особенности, своеобразие границ.

Ежегодно на 4—6 месяцев Ян Борисович оставлял свой служебный кабинет в Москве и отправлялся в далекий путь. На него, уполномоченного ЦК ВКП(б), возлагалось непосредственное руководство экономическим развитием Дальнего Востока. Он возглавлял специальную комиссию, куда входили начальник Штаба РККА А.И. Егоров, инспектор морских сил Р.А. Муклевич, командующий ОКДВА В.К. Блюхер и другие товарищи. Комиссия должна была решить ряд важных проблем военного характера, подготовить предложения для создания Тихоокеанского флота.

Ян Борисович глубоко вникал в службу и быт войск. Помню, стрелковый полк должен был совершить переход из Хабаровска к побережью. Идти предстояло по бездорожью, по зимней тайге. Гамарник проверил состояние полка и убедился, что у бойцов не хватает многих предметов бытового обихода, чтобы начать жизнь в районе нового расположения. Он посоветовал местным органам обратиться за помощью к населению — в то время наша страна была еще бедна, — и полк получил все необходимое. В результате тщательной подготовки переход был совершен успешно: в полку не оказалось ни одного заболевшего.

Или вот другой эпизод. С Балтики и Черного моря в Хабаровск прибыла группа моряков для службы на Амурской флотилии. Несколько человек, недовольных тем, что придется плавать «по какой-то реке», подали рапорты об увольнении в запас. Гамарник вызвал их. Он не распекал, не стыдил, а просто рассказал об Амуре, о его бурном нраве, о берегах, об истории этого края. Это был рассказ человека, влюбленного в Амур и умевшего заразить других своей любовью. Люди слушали как зачарованные, а потом попросили вернуть поданные рапорты. В заключение Ян Борисович сказал:

— Послужите, проведете учения и сами убедитесь, что такое Амур.

Через год Гамарник вновь встретился с этими моряками. Ни один из них не пожалел, что остался на Амурской флотилии.

Каждая его поездка в Приморский край — это бесконечное множество дел, бесчисленное количество вопросов, больших и малых, требовавших незамедлительного решения. Но одна из них особенно запечатлелась в моей памяти, как выдающееся событие в биографии Я.Б. Гамарника, да и в истории Дальнего Востока. Это было в 1932 году. Четырехмесячная командировка подходила к концу, и Ян Борисович дал из Владивостока телеграмму в Москву: работу, мол, завершил, пора возвращаться. Ответ был неожиданным: ему предлагали задержаться еще месяца на два, а пока выехать в Хабаровск к прямому проводу.

Через пару дней состоялся важный разговор. Центральный Комитет

партии и правительство поручили подыскать в нижнем течении Амура место для нового города, а также для металлургического, электротехнического и нефтеперегонного заводов. Создавалась специальная комиссия во главе с Я.Б. Гамарником. В нее вошли секретарь крайкома С.Н. Бергавинов, председатель крайисполкома Г.М. Крутое, инспектор морских сил Р.А. Муклевич, члены Реввоенсовета ОКДВА А.И. Мезис и Р.А. Таиров, другие руководящие работники и специалисты.

Маршрут комиссии нередко пролегал по нехоженным местам. По Амуру до села Пермское решили ехать на машинах. Впереди шли саперы, протрускивали лед: искали запорошенные снегом трещины.

Проехав около двухсот километров, члены комиссии неподалеку от села Троицкое впервые увидели местных жителей. Они были крайне удивлены появлением необычных гостей.

— Куда путь держите?

— К селу Пермское.

— Не проехать. Утонете.

Добравшись до села Троицкос, Ян Борисович связался по радио с В.К. Блюхером и попросил прислать самолет. Машина вскоре прибыла и, приземлившись прямо на амурском льду, приняла на борт членов комиссии.

Двое суток товарищи изучали эти места, определяли, где лучше прописать будущий город. Потом вернулись в Хабаровск.

Однако единодушия не было. Гамарник считал, что город надо строить на левом берегу Амура, Бергавинов — на правом. Каждый горячо отстаивал свои соображения и не мог убедить оппонента. Тогда обратились к Москве.

Как правило, Москва отвечала на запросы Яна Борисовича в течение суток. А тут проходят сутки, другие — ответа нет. Гамарника мучает бессонница.

На исходе третьих суток пришла телеграмма. Мнение Гамарника было признано более обоснованным, получило поддержку ЦК ВКП(б) и Совнаркома.

Вскоре в вагоне Гамарника собрались члены комиссии и руководящие военные работники. Встал вопрос: кто будет строить город на Амуре? Ян Борисович предложил бросить клич молодежи.

— Уверен, Саша Косарев нас поддержит.

К слову: Гамарник с большой теплотой относился к секретарю ЦК ВЛКСМ А.В. Косареву, считая его умным и энергичным человеком, настоящим вожаком молодежи, человеком дела.

Комсомольск-на-Амуре поглощал много времени у Гамарника. Центральный Комитет партии поручил ему следить за ходом строительных работ, снабжением стройки. Он принимал участие в создании планов

важнейших объектов, помогал решать проблему кадров, наблюдал за сроками работ.

В каждую последующую поездку Гамарник большую часть времени проводил среди строителей молодого города; на лесах строек, в бараках, в общежитиях, клубах. И всегда он был окружен людьми, с ними у него завязывались чистосердечные разговоры.

Этот немногословный, сдержанный человек обладал удивительным даром притяжения. Люди шли к нему с любыми делами, начиная от проектов новых станков и кончая проблемами лучшей жизни. Каждого он умел выслушать, каждому помочь, посоветовать. Его нисколько не тревожили трудности, которые он сам испытывал, но об условиях жизни строителей он заботился настойчиво. Энтузиазм Гамарника передавался окружающим. А без самоотверженности, без энтузиазма построить такой город было бы невозможно.

У писателя П.А. Павленко в романе «На Востоке» есть такое место: «В декабре прошлого года приехал из Москвы невысокий бородатый человек с мрачным лицом и добрыми глазами. Он приказал снарядить самолет на север и, посмотрев планы закладки города, сказал твердо: «Город начнем вот здесь, в тайге на Нижнем Амуре». Это о Яне Борисовиче, об основании Комсомольска-на-Амуре.

В первоначальном варианте романа Гамарнику была посвящена целая глава. Но, прочитав рукопись, Ян Борисович попросил убрать эту главу и не упоминать его фамилии. От главы осталось несколько строк.

Не только строительство Комсомольска-на-Амуре было связано с именем Гамарника. Посмотрите на карту Дальнего Востока. Вы видите угольный бассейн в районе южного Приморья. Строительством новых шахт, вопросами добычи угля занимался непосредственно Ян Борисович.

Да разве все перечислишь! Сколько труда вложил он в благоустройство Владивостока, реконструкцию Владивостокского порта. Он неустанно следил за строительством водопровода на участке Седанка — Владивосток. По его предложению и под его руководством прокладывались вторые пути на линии Забайкалье — Владивосток, строилась железная дорога Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре.

Никогда не забыть последней поездки на Дальний Восток осенью 1936 года. С ним тогда ездили заместитель начальника Генерального штаба Василий Николаевич Левичев, заместитель наркома оборонной промышленности Ромуальд Адамович Муклевич.

В Чите Я.Б. Гамарника встретили командующий войсками ОКДВА Василий Константинович Блюхер и член Военного совета Лазарь Наумович Аронштам. Оттуда все они отправились в район сосредоточения, где проводились учения войск Забайкальского военного округа. Учения,

в которых приняла участие и кавалерийская дивизия, возглавляемая Константином Константиновичем Рокоссовским, прошли успешно. Яна Борисовича не покидало бодрое, радостное настроение. Он похвалил командный состав и бойцов, но вместе с тем советовал совершенствовать выучку.

Через две недели Я.Б. Гамарник был в Уссурийске, где также проводились военные учения. Здесь встретились старые друзья по боевому походу 1919 года. Тогдашний начдив 58-й стрелковой Иван Федорович Федько, теперь уже командарм 2-го ранга, командовал Приморской группой ОКДВА. Бывший член РВС Южной группы 12-й армии Л.И. Картвелишвили являлся секретарем Далькрайкома партии. Гамарник, Блюхер, Картвелишвили с большим вниманием следили за действиями воинов-дальневосточников. Учения проходили напряженно, не прерываясь и ночью. Особенно обращали на себя внимание действия механизированных частей «красных», наносивших удар во фланг и тыл «синих». Наиболее ярким моментом явилось форсирование водной преграды.

По окончании учений в Уссурийске состоялся парад войск. Думаю, что у каждого участника этот парад оставил неизгладимое впечатление. Волнующей была встреча воинов-дальневосточников с трудящимися. Город принял праздничный вид. Жители и приехавшие колхозники встречали бойцов и командиров букетами цветов, подарками. По обеим сторонам трибуны разместились делегации предприятий и колхозов.

— Товарищи красноармейцы, командиры, политработники славной Особой Краснознаменной Дальневосточной армии! — говорил с трибуны Ян Борисович. — Поздравляю вас с успешным окончанием тактических учений, на которых вы показали высокий уровень боевой и политической подготовки. Войска действовали в трудных условиях непогоды, перед ними стояли сложные задачи. И эти задачи были выполнены хорошо, четко. Мы видели исключительную выносливость бойцов, высокую мобильность, искусное владение боевой техникой, образцовую дисциплину. Армия ярко продемонстрировала преданность Родине, нашей великой ленинской партии.

Потом выступали В.К. Блюхер, И.Ф. Федько. Они заверили, что войска ОКДВА будут совершенствовать боевое мастерство.

Под торжественные звуки марша мимо трибуны проходили пехота, конница, артиллерия, мотомехчасти, в воздухе пролетали эскадрильи.

Сразу же после Первомайского праздника 1937 года Ян Борисович слег — началось обострение давнего диабета. Однако работу продолжал. Нередко кто-нибудь из нас, секретарей, приезжал к нему домой с бумагами, а иногда и сам он приходил и допоздна засиживался в сво-

ем кабинете. Однажды к нему зашел попрощаться маршал М.Н. Тухачевский, уезжавший на новое место службы в Приволжский военный округ.

Помню, они стояли в проеме дверей, такие не похожие друг на друга и каждый по-своему красив.

— Счастливого пути, Михаил Николаевич!

— Поправляйтесь, Ян Борисович! То была их последняя встреча...

Источник: Ян Гамарник. Командарм Штерн. Ян Гамарник. Историко-биографический очерк, воспоминания соратников о дальневосточном периоде жизни и деятельности. — Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1985. — С. 5—60.

М.Б. КУЗЕНИЦ

Скромность большевика, стиль ученого

Яна Борисовича Гамарника мне довелось знать на протяжении ряда лет в бытность его председателем Дальневосточного ревкома, а затем первым секретарем Дальневосточного крайкома партии. Я в то время работал секретарем Далькрайкома комсомола и в аппарате крайкома партии.

Мне приходилось встречаться с ним в разных условиях и при различных обстоятельствах: не только на заседаниях Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) и пленумах, на съездах и конференциях, но и за деловой беседой, в командировке.

Прошли с того времени десятилетия. Конечно, многое стерлось, позабылось, но основные черты стойкого большевика и талантливого деятеля партии, простого и скромного человека прочно запечатлелись в моей памяти. Некоторыми своими воспоминаниями я и позволю себе поделиться с читателями.

Развитие комсомольского движения на Дальнем Востоке проходило в весьма сложной и своеобразной обстановке, связанной с общими политическими условиями. Стоит вспомнить, что Владивосток был освобожден от интервентов и белогвардейцев в 1922 году, что на Дальнем Востоке в течение некоторого времени существовало так называемое буферное государственное образование — Дальневосточная республика —

Кузениц Меер Беркович (1902—1972) в 1926—1927 гг. секретарь Дальневосточного краевого комитета РЛКСМ, затем на партийной работе в ДВК, в Москве.

со своим парламентом, правительством, внешними сношениями, политическими партиями. Сказывалась тогда и отдаленность от центра — Москвы. То, что для центральных областей Советской России было уже давно как бы пройденным этапом, на Дальнем Востоке только «усваивалось и осваивалось». В полной мере это относилось и к деятельности комсомола. Для успешного развития молодежного движения в этом крае особое значение имело повседневное, конкретное партийное руководство.

В этом отношении нам, прямо скажем, повезло. Ян Борисович настолько глубоко, всесторонне понимал задачи комсомола, его повседневные нужды, как будто сам был комсомольским работником. Да и внешность его располагала к себе молодежь: красивое, умное лицо, обрамленное бородой, лучистые глаза, приветливая улыбка. И манера держаться с людьми обаятельная — простой, общительный.

В отношении к нам, к его активу, у Яна Борисовича не было ничего покровительственного, навязчивого, «дидактического» (чего греха таить, некоторые считают покровительственное отношение признаком хорошего тона). Отношение всегда ровное, требовательное и вдохновляющее. Никакого «похлопывания по плечу», никакой риторики и всякого рода риторических эпитетов («наша славная молодежь»), никаких скидок на возраст. Помощь и совет везде, всегда и во всем — когда и где это необходимо.

Как-то Ян Борисович позвонил в крайком комсомола.

— Кузениц, вы не смогли бы зайти ко мне?

К слову — знаю по себе и по рассказам других, — Ян Борисович никогда не вызывал к себе людей в беспрекословном тоне: зайдите, и все тут. Обязательно узнает возможность явиться в предлагаемое им время.

И вот Ян Борисович говорит:

— Был у меня секретарь Борзинского укома партии Зызо. Беседовали на разные темы, попутно затронули и комсомольские дела. Хотя подробной беседы по этому вопросу не было, но у меня сложилось впечатление, что комсомольские руководители в Борзе уж чересчур «революционеры» и погибают. Проповедуют они там какой-то аскетизм. Надо бы вам съездить, пожить там немного и посмотреть что к чему.

Столкнулись мы в Борзе с весьма оригинальной ситуацией. Дочь квартирохозяйки-казачки, где жил комсомольский секретарь Дмитрий Мишин, была комсомолкой. Ее украшали длинные черные волосы, да и сама была красавица. Так вот — комсомольский актив поставил вопрос, что длинные волосы надо срезать. Мотив очень «убедительный»: за волосами надо ухаживать, мыть, плести, подбирать к ним ленты... На это уходит много времени, а его нужно употреблять на комсомольские дела. Одним словом, длинные волосы и косы наносят ущерб комсомолу,

и мораль сей басни такова — срезать косы. Сама-то комсомолка готова была на самопожертвование. Но мать... ни за что! Но и это еще не все. По Борзе прошел слух — у всех девушек остригут косы. И вот началась «гражданская война» в семьях. Пришли в движение мамыши: «Забередем своих девочек из комсомола, пока не поздно». Те в слезы. Не все устояли...

Впоследствии все окончилось благополучно. Косы остались. Мамаши успокоились.

После этого были мы (я и Климов — секретарь Забайкальского губкома КСМ) у Яна Борисовича с докладом о поездке в Борзю.

Ян Борисович взял со стола статистическую сводку роста и движения комсомола на Дальнем Востоке и, обращаясь к нам, сказал:

— Важен факт. Но не менее, а еще более важен урок, который следует извлечь. Предположим, что Зызо не был у меня и вас в Борзе тоже не было. Сколько посуды перебило бы комсомольское руководство на месте? А вот если бы вы внимательно и вовремя проанализировали борзинские цифры, то сразу заметили бы, что там в последнее время, при продолжающемся общем росте комсомола, количество девушек-комсомолок не увеличивается, а даже уменьшается. Достаточно было вникнуть в эти цифры, и все бы выявилось, а главное — намного раньше. Зачем, собственно, составляют статистические отчеты? Для подшивки, для отсылки в центр? Цифры — это отражение реальных жизненных процессов. Все, что делается, — делается во имя чего-то, для чего-то... Чехов как-то сказал, что если на сцене в первом акте висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить, в противном случае бессмысленно его вешивать на сцене. Если ведется статистика, то ведь ее надо изучать и пользоваться ею для руководства.

Борзинский урок крепко засел нам в голову. Был у нас в комсомольском активе элемент пренебрежения к цифрам. Бумага, мол, — это канцелярия, а канцелярия — значит, бюрократизм. Ребята на местах не случайно не любили всякую документацию. И тут нам Ян Борисович Гамарник наглядно показал, что бумага и цифры тоже могут нести полезную службу. Надо только творчески к ним относиться, вдумчиво анализировать.

Ян Борисович имел обыкновение посещать массовые собрания на предприятиях и в коллективах. Садился где-нибудь подальше и слушал. Правда, оставаться незамеченным ему не всегда удавалось — выдавала знаменитая борода. Такое участие в рабочих собраниях давало ему массу материала, который не выудишь ни в какой официальной беседе, ни в докладных описках и даже в разговоре «по душам» с одним человеком. А потом щедро делился этим материалом, заставлял работать.

Однажды он поставил перед крайкомом такую проблему.

— Походил я по ячейкам, — говорил он нам, — побывал и на некоторых комсомольских собраниях — на Дальсельмаше, на железной дороге, в затоне и других местах. Хочу высказать вам несколько соображений. Вот насчет критики. Когда критикуем кого-либо из работников — для чего мы это делаем? Для улучшения дела и для того, чтобы критикуемый лучше работал. Значит, мы должны так критиковать, чтобы товарищ не пал духом, а, наоборот, набрался бодрости и веры в свои силы. Если он падет духом, потеряет веру в себя, в свои возможности толку из него уже мало. Очень важно, критикуя, не затрагивать, человеческого достоинства. Тут не имеются в виду какие-нибудь скидки. Просто понять надо: требовательность и принципиальность не исключают, а предполагают уважение к человеческому достоинству.

Что же я видел в некоторых организациях, где последнее время побывал? Уж если навалятся на кого, так со всем пылом. Так пропесочат, что товарищу немало времени потребуется, чтобы прийти в себя. Во всем нужна мера. Цель — не перехлестывать.

И второе, на что я хочу обратить ваше внимание, — как в комсомольских комитетах реагируют на обращения и заявления комсомольцев. Беседовал я с вашими работниками во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и других местах. Кое-где наблюдал их со стороны. И вот что я вам скажу. Принять пришедшего в комитет товарища по какому-либо личному вопросу дело непростое. Тут нужны большой такт, чуткость. Особенно надо уметь выслушать человека. Слушать труднее, чем говорить. Иной сам проговорит час, а то и более, а послушать другого минут десять у него не хватает терпения. Умение принять человека, терпеливо выслушать его претензии много значит в партийной и комсомольской работе.

Ян Борисович посоветовал нам:

— Соберите членов бюро крайкома и секретарей окружкомов — Вишневого, Егорова, Левина, Пашко, Алентьева, Яшенко, Семина, Вдовина, Бебенина — и побеседуйте на сей счет. Это немаловажный вопрос. Это определяет стиль работы, а стиль, как вы знаете, неотделим от содержания и направления всех наших дел.

В начале 1927 года в Хабаровске собрался очередной пленум крайкома комсомола. Приехали товарищи с Камчатки и Сахалина, из Владивостока и Читы — со всего обширного края. Собрались мы в зале заседаний крайкома партии и сразу направили делегацию к Яну Борисовичу — выступить на пленуме.

— Собственно говоря, — обратился Ян Борисович к членам делегации, — о чем мне выступать? Предложения по всем вопросам мы в крайкоме партии в предварительном порядке рассмотрели. Наши соображения и советы передали в бюро крайкома комсомола, и они, как я знаю,

учтены в проектах резолюций. Но раз пришла делегация, то отказать неудобно. Что же, попытаемся.

И тут же попросил, чтобы ему прислали подшивку комсомольских газет, издающихся в крае. Позволю себе попутно заметить следующее: Ян Борисович очень внимательно относился к печати и хорошо понимал газетное и журнальное дело. Незабываем такой факт. Когда было решено основать наш центральный печатный орган — «Комсомольскую правду», то первый его редактор — Тарас Костров — советовался с Яном Борисовичем по вопросам организации газеты и приглашал его по мере возможности сотрудничать. Ян Борисович неоднократно делился и с нами своими взглядами на молодежную печать.

У нас, на Дальнем Востоке, в каждой губернии (а затем и в округах) издавалась комсомольская газета, а в Хабаровске — краевые комсомольская и пионерская газеты. Ян Борисович интересовался нашими газетами и наставлял отдел печати крайкома партии помогать им. Не могу не сказать и о том, что мы гордились нашим газетным хозяйством. В комсомольской прессе работала плеяда замечательных, способных молодых журналистов — Петр Гладкий, Николай Шемелин, Петр Чашин, Борис Завьялов впоследствии активные работники партийной и военной печати. Большую роль в развитии наших газет сыграл заведующий отделом печати крайкома партии В.Я. Волынский, участник знаменитого якутского восстания политических каторжан, человек умный, образованный. Когда, по инициативе Яна Борисовича, было решено подготовить и издать уникальную библиографию — Дальневосточную энциклопедию, редактором ее назначили Волынского.

Но возвратимся к прерванному рассказу.

На третий день, за несколько часов до закрытия пленума, пришел Ян Борисович. Он участвовал в обсуждении наших решений, высказывался по вопросам общей политики и хозяйственного строительства края, а затем выступил с заключительным словом. Кто слушал Гамарника, знает, что он был замечательный оратор. Его речь была чужда риторике, внешних эффектов, а всегда ровная, спокойная, глубоко содержательная. Самое сложное он умел преподносить просто, ясно и доходчиво. Слушать его было легко. На пленуме он выступал около 40 минут, и хотя к концу работы все порядком устали, мы слушали Яна Борисовича поистине затаив дыхание.

Говорил он о том, что уже не раз высказывал нам в крайкоме: о недооценке культурно-массовой работы. И раскрыл эту тему под углом зрения политического воспитания молодежи. Комсомольский актив порой не учитывал, что имеет дело с молодежью, увлекался одной политучебой, «политбоями» и забывал, что лучшая школа — активное участие в государственном и хозяйственном строительстве. И уж совсем почти забы-

вал, что политическому воспитанию вовсе не противоречит и не мешает культурное развитие.

— Я вам назову места, — говорил Ян Борисович, — где молодежь жалуется на скуку, сухость, и никого это не беспокоит. Молодежь хочет танцевать, а некоторые активисты считают это желание чуть ли не «пережитком капитализма». Многие ли среди вас, сидящих в этом зале, умеют танцевать? Говорят, что всего два человека, и то фамилии не называют, чтобы их не «дискредитировать». Вот у вас часто отмечается, что в ряде мест комсомол недостаточно растет за счет девушек. А почему? Вы не задумывались? Причина кроется в плохой культурно-массовой работе. А как с литературой, музыкой? Дальнейший подъем комсомольской работы в крае находится в тесной связи с оживлением всей нашей деятельности, с развертыванием культурно-массовой работы. Фланги никогда не должны отставать. На сегодня этот фланг надо подтянуть.

Весь ход дальнейшей работы показал, насколько был прав Ян Борисович.

Как-то после пленума я рассказал ему, что на одном торжественном вечере после официальной и «художественной» части были танцы и среди первых танцующих пар был член бюро крайкома комсомола — председатель Дальбюро юных пионеров Захар Сгибнев.

Ян Борисович, знавший Сгибнева по Владивостоку, шутя заметил: — Если Сгибнев танцует, значит, «лед тронулся»...

Гамарник очень интересовался воспитанием молодежи в духе революционных традиций, советовал привлекать к работе старые большевистские кадры и участников партизанского движения и радовался, когда узнавал, что такой-то старый большевик или секретарь партийной организации близок к комсомолу. А таких было немало и в Чите, и в Благовещенске, и во Владивостоке. Работавшие в разное время в крае старые революционеры — Кульпе, Буккау, Носок-Турский, Грановский, Кремницкий, Попок, Безайс, Трофимов, Петров, Леонтьев, Иванцов, Сидоров, Виноградова, Лавинская, Верховых, Ковальчук, Хорошайлов, Максимов, Шумный, Касрадзе много занимались с молодежью. Другьями комсомола были и такие видные руководители партизанского движения на Дальнем Востоке, как Владимир Бородавкин, Алексей Флегонтов, Михаил Вольский, Иван Петров, Иван Козодоев, Александр Игумнов. Любимцем комсомола был Костя Пшеницын — секретарь Приморского губкома партии. Привлекала в них, как и в Гамарнике, особенная черта — уважительное и терпеливое отношение к нашим мнениям, если даже они расходились с их собственными.

С Яном Борисовичем можно было спорить и свободно отстаивать свою точку зрения. Такая обстановка была на заседаниях, которыми он

руководил, так было и в деловых беседах. При общении с ним никто никогда не чувствовал себя в роли подчиненного или рангом пониже. Но простота и сила его убеждения настолько действовали, что каждый после деловой беседы с ним уходил, я бы сказал, одухотворенным, уверенным в своих силах. Могут спросить — не был ли Ян Борисович мягким, нечто вроде «либерала»? Нет, это был человек глубоко принципиальный, настойчивый и твердый. Но разве твердость, настойчивость и принципиальность противостоят простоте, терпеливости, уважению к мнениям товарищей по работе? Ведь это был партийный деятель ленинской школы.

Однажды вечером на улице Хабаровска я встретил Гамарника с коньками под мышкой. Он меня позвал и строго спросил:

— Я вас ни разу не встречал на катке, почему? Вы пишете резолюции о развитии спорта среди молодежи, а сами что? Пойдемте со мною, я в порядке «партийного руководства» вовлеку в спорт хотя бы одного комсомольского работника.

Положение было щекотливое, отговориться и не пойти — не нашлось причины, и я пошел за ним на стадион. Пришлось и краснеть, и потеть, но деваться некуда — коньки я освоил.

«Только тогда вы все в крайкоме комсомола будете иметь моральное право писать резолюции о спорте, — сказал после Ян Борисович, — когда сами покажете пример».

А вот иного характера факт. В Хабаровске, как и во всех других парторганизациях края, незадолго до XV партийного съезда, предстояли собрания в связи с очередной фракционной вылазкой троцкистско-зиновьевской оппозиции. Город был разделен на кусты (центр, железнодорожные организации, район Дальсельмаша, затон). Мне поручили выступить с докладом на собрании центрального куста. В то время одного из руководящих деятелей оппозиции — И.Т. Смильгу — назначили председателем Дальневосточного банка. Предполагалось, что он будет присутствовать на партсобрании и выступит. Я очень волновался. Выступать с докладом по таким вопросам, полемизировать с оппозиционерами, отстаивать генеральную линию партии мне приходилось много раз раньше. Но одно дело сражаться с оппозиционерами, так сказать, местного масштаба. А тут... Смильга! Буду ли я на уровне? Хватит ли у меня знаний и умения отпаривать такого опытного оппозиционера? Не подведу ли я не только себя, но и парторганизацию? С этими сомнениями я пошел к Яну Борисовичу.

— Собрание, на котором вам поручено выступать, — ответственное, — сказал он, выслушав меня. — Волнение ваше вполне закономерно. Каждый докладчик, если он чувствует ответственность за свое выступление, не может не волноваться. Не верьте, если кто утверждает, что он не

волнуется. Бахвальство! И я волнуюсь перед каждым выступлением, и другие волнуются. Вопрос вот в чем: суметь взять правильный тон и сразу — во всяком случае, быстро — установить контакт с аудиторией, чтобы участники собрания не просто присутствовали, а активно слушали вас. Но вы безусловно должны хорошо подготовиться и быть подкованным на обе ноги.

Он уделил мне тогда много времени. Кроме материалов, которые у меня уже имелись, назвал труды Ленина, которые мне следовало изучить дополнительно. Помню, рекомендовал также книгу, только что изданную краевым издательством «Книжное дело», — о классовом расслоении в селах Дальнего Востока. Автор ее — молодой способный товарищ, не так давно окончивший экономический вуз — инструктор крайкома Екатерина Жигadlo. Ян Борисович был одним из первых, если не первым, кто подробно ознакомился с этой оригинальной работой. Кроме того, по совету Яна Борисовича, я получил в крайкоме ряд других материалов по экономическим проблемам края. Он дал мне ценные методические советы. Настоящий пловец, говорил он, не боится глубины. Решение любой ответственной и сложной задачи требует глубинного проникновения в ее суть. Без серьезного познания существа наших расхождений с политическим противником, без принципиальной оценки позиций сторон тут не обойтись.

Умение Яна Борисовича убеждать было удивительным. В 1926 году в Хабаровске проходил первый краевой съезд Советов. На нем предстояло избрать краевой исполком. Это была как бы завершающая стадия преобразования советских государственных органов на Дальнем Востоке. До этого краевую власть представлял Дальревком. По поводу такого важного события, как первый съезд Советов, Хабаровск был украшен лозунгами, а на главной улице (Карла Маркса) воздвигнута арка. Украшение более чем скромное, но по тем временам казавшееся необычайной роскошью. На съезд приехало много делегатов-крестьян. Разумеется, почти все из единоличников: надо помнить, что это было задолго до массовой коллективизации. Среди части крестьянских делегатов появились разговоры: «Вот куда наши денюжки идут...» Представителем ВЦИК на съезд прибыл старейший деятель партии Петр Гермогенович Смидович. Разговоры эти дошли до президиума. Решили потолковать с делегатами. Созвали в виде неофициального совещания делегатов-крестьян. Открыл совещание Смидович и во вступительном слове сказал:

— Что ж, давайте потолкуем по этому вопросу. Пусть товарищ Гамарник, как председатель ревкома, объяснит нам, а мы посмотрим что к чему.

Ян Борисович повел разговор в форме беседы.

— К празднику забиваете кабана?

— Забиваем, а как же можно иначе.

— К празднику украшаете избу, моете, чистите?

— Конечно.

— К празднику ставите на стол все лучшее, что запасли, зовете гостей и съедаете то, что целый год берегли?

— Не без этого. Как все, так и мы, это же праздник!

— А съезд Советов — праздник или не праздник для народа?

— А кто же против? Конечно, праздник!

— Ну, а если праздник, к тому же праздник народа, так почему же не украсить город, в котором этот праздник происходит? Вы же избу украшаете для своих гостей, а почему же не украсить город для делегатов, для народа? Разве не самые они лучшие и желанные гости этого города?

— Ну, что там! Кто-то сказал, не подумавши. Разве мы не понимаем? Смилович очень серьезно спрашивает:

— Ну как, обсудим разъяснение товарища Гамарника?

— Не надо, не надо, все ясно! Чего там обсуждать.

Много хорошего сказано о Гамарнике как о видном партийном работнике, крупном деятеле наших Советских Вооруженных Сил. Мне хотелось бы отметить, что Ян Борисович был также крупным экономистом. Как председатель Дальревкома он руководил работой краевого экономического совещания (ЭКОСО) будучи его председателем.

На ЭКОСО он ставил очень серьезные проблемы и давал им оригинальные и смелые решения. Мне вспомнился его доклад о перспективах развития края. Не только по моим личным впечатлениям, но и объективно — в то время это был основополагающий документ о путях развития народного хозяйства Дальнего Востока.

Гамарник мастерски применил общие закономерности и принципы марксистско-ленинской теории в области хозяйственного строительства к особенностям края, обнаружив прекрасное знание всего Дальнего Востока, составных экономических районов, столь разных и не похожих друг на друга (рыба Камчатки, пшеница Амура, рис Приморья, уголь на востоке, животноводство на западе и так далее). Сельское хозяйство края, развивавшееся в дореволюционное время, как говорил Ян Борисович, в «интендантском» направлении должно быть перестроено — так, чтобы обеспечивать себя продовольствием и высвободить транспорт от дорогостоящих перевозок. Он отчетливо представлял себе проблемы и возможности индустриализации края на базе местных ресурсов.

Все тогда находились под впечатлением яркой картины, нарисованной им в докладе. Впечатление было такое, что мы в студенческой аудитории и прослушали заключительную курсовую лекцию ведущего профессора.

Он не любил говорить о себе. Но кое-чем, что ему было особенно дорого и близко, иногда делился.

Помню следующее. Он очень дорожил тем, что рабочие киевского арсенала все время помнят о нем и ежегодно к годовщине Великого Октября присылают ему приветственную телеграмму. Как-то случилось, что в канун Октябрьской годовщины в 1926 году я зашел к нему по текущим делам, а ему только что принесли поздравительную телеграмму. Он так был растроган (обычно Ян Борисович был всегда ровен в своих настроениях, по крайней мере внешне), что дал мне прочесть ее и сказал, что такие телеграммы он получает от киевлян из года в год.

Ян Борисович был простым и доступным, но хочу добавить — не простецким. Как бы хорошо он ни относился к товарищу, работнику, — он не любил и не допускал фамильярности, панибратства. При всей его скромности, каждый чувствовал, что имеет дело с секретарем крайкома — руководителем и старшим товарищем. В какой бы близости он ни был с товарищем — со всеми был на «вы». Я не помню никого, с кем бы Ян Борисович был на «ты», кроме К. Пшеницына. Но кто на Дальнем Востоке называл его по фамилии? Даже если кто и называл по фамилии, то все равно говорил — Костя Пшеницын. Гамарник очень любил и ценил этого человека.

Разглядеть в товарище сильную сторону, а в его работе ценное, вовремя одобрить, поддержать, дать толчок дальнейшему творчеству — это умел Гамарник.

Я как-то раз принес ему изданную крайкомом комсомола книжку о труде подростков в народном хозяйстве Дальнего Востока. Она ему понравилась, он отметил ее научное значение. Но заинтересовался и другим — каким образом крайком комсомола «добирается до такого рода проблем»? Мы рассказали ему об Экономической работе комсомола, которую мы проводили через профсоюзы и краевой отдел труда.

— То, что работа ваша не ограничивается только практикой и нуждами дня, а в какой-то степени поднимается на уровень обобщения и постановки проблем, — это хорошо и даже очень хорошо, — заметил Ян Борисович, внимательно выслушав нас. — Это, между прочим, говорит о том, что у вас там подобрались товарищи с исследовательскими задатками. Было бы желательно, чтобы такую молодежь посылали на учебу, большой толк будет.

Вспоминая сейчас товарищей тех лет, могу с удовлетворением сказать, как был прав Ян Борисович и в этом случае. Многие из наших тогда экономработников, пройдя «курс науки», с большой отдачей трудятся на благо Родины. С.Е. Левин окончил с отличием исторический и филологический факультеты пединститута, активно сотрудничает в Академии педагогических наук, превосходный преподаватель истории;

А.И. Стадниченко — старший научный сотрудник Института Азии АН СССР. Можно было бы назвать немало и других товарищей.

С большим уважением Ян Борисович относился к ветерану юношеского движения на Дальнем Востоке, бывшему секретарю Дальбюро ЦК ВЛКСМ Саше Позднякову, издавшему очерки по Истории комсомола Дальневосточного края — «У истоков». Эта книга содержала в себе сочные, красочные зарисовки, факты и портреты.

И какая радость была для нас, комсомольцев края, когда на пленуме крайкома партии Ян Борисович с похвалой отозвался об этой книге, первой по истории комсомола Дальнего Востока. Перед своим отъездом в Москву — к новому месту работы Ян Борисович на прощанье, в знак уважения, подарил Саше Позднякову свою фотографию.

Источник: Ян Гамарник. Командарм Штерн. Ян Гамарник. Историко-биографический очерк, воспоминания соратников о дальневосточном периоде жизни и деятельности. — Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во 1985. — С. 41—51.

Речь т. Жигadlo на 2 пленуме ДКК ВКП(б). Состояние и перспективы сельскохозяйственной кооперации в крае. 1929 г.

Я не буду останавливаться на общих вопросах нашего строительства, потому что о них давно договорились. Сейчас я хочу остановиться именно на том этапе нашего колхозного строительства, который характерен для сегодняшнего дня. Когда мы говорим о сегодняшнем дне, то нужно это увязывать с тем, что было до сих пор и какие перед нами стоят ближайшие задачи. Мы не совсем ясно учитываем то, что было до сих пор, что тяготеет от прошлого над сельским хозяйством и что будет мешать в дальнейшем. Ведь надо иметь в виду, что с.-х. кооперация сейчас переживает переломный момент, когда она встала вплотную перед новыми задачами. Она только с большим трудом проделала первую стадию своего существования — период, который можно было бы назвать периодом первоначального накопления или, как его любили называть старые работники, периодом «штурма». Именно сейчас нужно сказать, с какими трофеями организация вышла из этого первого периода своего существования. Тут говорили, что т. Лебедев был слишком самокритичен, а мне кажется, что он не достаточно упомянул о прошлом. В тот период, когда кооперация должна была перейти к производственному кооперированию деревни, она вышла с очень небольшими трофеями. Прежде всего, накопления кооперации ничтожны по сравнению с громадными возможностями, заложенными в многомиллионной деревенской массе. Почему это было? Почему кооперация до сих пор торговала, а не занималась производственным кооперированием и торговала недостаточно успешно? Если вспомним, какую малую поддержку мы оказывали ей до сих пор, в какой ожесточеннейшей конкуренции между государственной торговлей и сильной потребительской системой существовала наша с.-х. кооперация, тогда мы поймем это. Возьмите типичную кооперацию — мясную. Как будто в этой части с.-х. кооперация должна была обобщить производство. Между тем из года в год кооперации на это дело давали жалкие средства, и она, чтобы выполнить свои планы, должна была перехватывать деньги у военведа, у потребителя. А раз она брала деньги, она работала, так, как определяли эти деньги. Возьмите такое

Екатерина Владимировна Жигadlo (1897—1983), с 1925 по 1931 г. работала в Дальревкоме, Далькрайкоме ВКП(б) (заместитель заведующего сельхозотделом), в 1930—1931 гг. директор Покровской МТС в Приморье. Училась в Москве в аспирантуре. Была репрессирована в 1937 г.

дело, как лесное. Кооперация взялась за это дело потому только, что в Госторге сидел человек, который неудачно для Госторга, но удачно для кооперации заключил договор. Кооперация наняла 100 китайских рабочих и повела дело путем наемного труда, а не кооперирования. Если бы у ней были твердые кредиты, она могла бы иначе развернуть это дело. Поэтому нельзя говорить, что только старые члены с.-х. кооперации извращали установку. Здесь нужно взять некоторую вину и на себя, так как кооперация достаточной поддержки не получала; в прошлом году она была снята с 10 заготовительных пунктов в Амуре; база накопления ее сужалась. По части прибылей, капиталонакоплений кооперация недостаточно подготовлена, она не собрала еще материальной базы, чтобы перевести установку на производственное кооперирование деревни.

По части психологической. Какова готовность к этому делу системы? Здесь говорили, и я так же считаю, что кооперация снизу доверху не готова к тому, чтобы перейти на рельсы производственного кооперирования. Мне кажется, что не только кооперация. Когда я обследовала один крупный район в Амурском округе, я столкнулась с тем, что секретарь райкома партии не представляет себе, что кредитное товарищество, являющееся единственным представителем в сельскохозяйственном районе, призвано кооперировать деревню. Мне пришлось столкнуться с фактом, когда секретарь райкома партии уверял, что кооперирование деревни это не дело с.-х. кооперации, а дело РИКа. А т. Лебедев говорил, что примерно еще на полтора-два года вперед основным звеном в кооперации останется кредитка. Такая установка, несомненно, никуда не годится. Мы не подходим вплотную к производственному кооперированию крестьянства, если у нас еще два года основным звеном в производственной кооперации останется кредитка, и на базе этой несчастной кредитки, которая будет торговать и все вместе делать, будут сидеть уже 4 центра — краевой и два окружных. Если мы построим такую надстройку над одной худосочной кредиткой — это никуда не годится. И если мы сейчас говорим, что у нас недостаточно растут и развиваются производственные специальные виды объединений, то когда мы говорим о дальнейшей специализации, особое внимание должно быть уделено специализированным низовкам. Задача возможного объединения вокруг себя капиталов крестьянских масс остается сейчас первоочередной. Задача форсированного строительства специализированных колхозов на местах остается тоже первоочередной, а объединения районные, окружные и краевые есть только средство для того, чтобы улучшить и гибче направить и влиять на дальнейшее развитие этих производственных кооперативных объединений. И здесь несомненно нужно сказать, что должный перелом сделан и в крае, и на местах, и особенно в районах. Особенно на местах, ибо если мы будем считать, что кредитка не должна заниматься

кооперированием, что это дело органов власти, то на этой установке мы далеко не уедем.

Я хочу остановиться на печальном опыте специализации, который мы имеем и который нужно учесть в дальнейшем. Мы здесь имеем единственный союз, который выделен и существует, как специализированный вид с.-х. кооперации — это Дальпчелсоюз. И нужно сказать, что этот единственный специализированный союз сельхозкооперации на сегодняшний день не имеет ни одного производственного инструктора, т. е. он так же торгует, как торговал до сих пор Дальсельсоюз. Правда, он не имеет убытков, но потому только, что он рассматривает себя, как маленького торговца, имеет небольшой аппарат и только сбывает продукцию своих артелей. Ни одного мероприятия, хотя бы один общественный омшаник, ни одного инструктора, который бы занимался кооперированием процессов производства, мы не имеем. И нужно ставить задачу о новом оружии, как средстве кооперирования производства, а именно оружии специализации. Нужно, чтобы специализация не превращалась в кабинет, конторы окружных центров, а чтобы она действительно превращалась в оружие, через которое можно было бы поднять силы деревни, собрать средства и направить их на дело производственного кооперирования деревни. И в этом деле кооперирования особенно внимательно нужно проработать вопрос о машинно-тракторных станциях. Если мы организуем полеводческий союз, то нужно, чтобы он превратился в союз производственного кооперирования. Ему надо дать специальное задание по станции. Если мы создадим грандиозные планы машинно-тракторных станций, где будут использованы не только кооперация и ее кредит, но и кредит по линии переселения, если эта кооперация сможет войти в нее и взять на себя обслуживание переселенцев станцией, то это будет действительно перелом метода работы от кустарничества и регистрации, которую мы сейчас имеем. От той кустарной помощи, которая прежде оказывалась, к планоному разворачиванию массового производственного кооперирования, которое единственно сейчас может дать реальный успех и куда стоит действительно вкладывать государственные деньги.

Источник: ГАХК. 2-й пленум Далькрайкома ВКП(б). Состояние и перспективы сельскохозяйственной кооперации в крае. — Хабаровск, 1929. — С. 79—81.

Е.В. ЖИГАДЛО

(первый директор Покровской
МТС в Приморье)

Воспоминания

Ноябрь и декабрь 1930 года, помнится, для Приморья были холодными и ветреными... Темное небо, тучи, солнца нет, нет и теплой зимней шубы — снега... Я еду на вновь организующуюся МТС в Покровском районе Приморской области.

Еду налегке... Небольшой чемодан и... огромный мандат о моем назначении директором МТС, в котором перечисляются мои полномочия на открытие счетов в банках, получение и использование кредитов, совершение коммерческих сделок и т. д.

Еду и думаю о том, что уже начало декабря, я еду на голое место, где нет ни дома, ни аппарата, никаких материальных запасов, а с 1 или, в крайнем случае, с 10 марта в Приморье начинается сев...

Мне 33 года. Перед этим я два года проработала в Сельхозотделе Далькрайкома ВКП(б); написала небольшую, но доставшуюся мне напряженным полугодовым трудом книжечку «Классовое расслоение Дальневосточной деревни»; потом была заместителем заведующего сельхозотделом. Работа в аппарате не удовлетворяла; хотелось попробовать силы в самостоятельном деле.

Подоспела пора организации в крае первых МТС, и крайком партии по моей просьбе отпустил меня для работы в МТС. Теперь уже не помню почему в эту МТС. Да и не все ли равно — все 32 новые, все они создаются впервые?

Вот и Никольск-Уссурийский. Это последняя станция железной дороги. До райцентра — Покровки надо уже добираться на лошадях.

Радушно, более того, с братской теплотой встретил меня мой ровесник секретарь Покровского райкома партии. (Как несовершенно человеческая память! Его лицо, как живое, стоит перед глазами, а фамилии... увы... не помню! Кожевников или Кожанов?)

Сразу же обрадовал он меня тем, что в Покровке имеются национализированные и свободные в данное время здания, в которых можно разместить и контору МТС и мастерские. Прощаясь, протянул мне маленький, вороненый «браунинг» со словами: «Все-таки на самой границе, на той стороне Суйфуна (Раздольная. — Н.Д.) корчма «Приют контрабандиста», без оружия не хорошо, перепиши револьвер на свое имя!»

Окрыленная неожиданной удачей, с помощью того же секретаря нахожу попутную подводу и направляюсь в Покровку.

Прошли считанные дни: не успела я совершить все необходимые формальности в банке, райисполкоме; только-только привела в порядок здания, нашла на месте механика по тракторам и агронома-практика, как получаем телеграмму.

Во Владивосток из Америки прибыли в адрес МТС 25 гусеничных тракторов марки «Катерпиллар». Что делать? Доверить их перевозку железной дороге или вести своим ходом?

Уже троим с механиком и агрономом решаем эту диллему: от Никольска до МТС примерно столько же, как от Владивостока до Никольска. А от Никольска все равно гнать своим ходом... Решаем — гнать трактора самоходом!

Радостная весть о прибытии машин мгновенно облетает все колхозы; в МТС появляются колхозники — будущие трактористы; немедленно идут в ход плохенькие, выдавшие виды плакаты, замусоленные книжки; начинается «скоростное» обучение будущих водителей. Хорошо еще, что трактора пришли в виде довольно крупных агрегатов; предстояло в основном поднять и укрепить на рамы моторы да «обуть» их.

В этих хлопотах незаметно подошел январь, а с ним явился в МТС огромный детина — путиловец из Ленинграда с путевкой двадцатипяти-тысячника, направленный сельхозуправлением на место заместителя директора МТС.

С первых слов выясняется, что он как огня боится финансовых и организационных вопросов и признает только технику, а трактора — его неумная любовь... Так появился у меня заместитель — главный механик.

Вслед за тракторами мы получили три «Форда». Одну машину мы использовали как легковую. Садиться в кабину и выгонять своего заместителя в кузов мне не позволяла совесть, лезть самой в кузов тоже не хотелось. Я разрешила вопрос по-своему: «Сядь рядом с шофером» — сказала я, — «а меня потрудишься взять на колени!» С легкой руки какого-то остролова по этой причине нас стали называть Полтора директора... Надо полагать, что половиной всё-таки была я...

У меня с плеч гора свалилась! Теперь доставку тракторов из Владивостока обеспечит мой заместитель. Так оно и получилось. В начале февраля 25 новеньких гусеничных тракторов, сверкая своей краской и надписями «Сделано в США», вошли в ворота МТС.

До посевной менее месяца. Надо спешить с обучением трактористов. Механики, взамен теоретического обучения по картинкам, засадили всех трактористов за разборку и промывку машин, чтобы каждый мог на практике все ощупать своими руками и рассмотреть своими глазами.

Особенно трудно было учиться трактористам из корейского колхоза.

Из них только один кое-как говорил по-русски и служил переводчиком для остальных. Но глаза и руки были у всех, а жажда выучиться подгоняла...

Я тоже включилась в это обучение. И надо было видеть торжество какого-нибудь «знатока», который сумел поймать директора на незнании какой-нибудь детали!

Снег сошел. Открылась широкая долина вдоль берега реки Суйфун. Насколько видит глаз на расстоянии 200—300 метров по ней разбросаны глинобитные крепостички с подслеповатыми оконцами и бойницами для винтовок...

Эти поля при царском режиме принадлежали уссурийским казакам-стодесятинникам. Наделенные в давние годы заселения края ста десятинами на семью, казаки не прикладывали своих рук к земле; из поколения в поколение они сдавали свои земли в аренду китайцам, которые сеяли на плодородной, легкой, лессовой почве мак, добывали опиум и строили эти крепостцы, чтобы в них отсиживаться от грабителей — хунхузов, охотников пограбить опиум.

Хозяин земли — казак — знал только одно — он охранял «своих» китайцев, гарцуя на коне с винтовкой за плечами, от хунхузов и собирал с них дань — от 25 до 50% их урожая. Казачки не знали даже дороги к своим землям и никогда в поле не работали.

К годам коллективизации от старых казаков почти ничего не осталось, появились новые переселенцы из Белоруссии, китайцы, обитатели крепостей, ушли в Китай. Остались только полуразрушенные стены крепостей, которые так будут мешать нам в предстоящей пахоте и которые в одну посевную не стереть с лица земли! Об этом думала я, глядя на черные гнезда... Думала и о том, что Реввоенсовет Республики обещал прислать в Приморье демобилизованных красноармейцев вместе с семьями с Украины и Поволжья для укрепления пограничной территории крепкими колхозами. Земле не хватало рук, которые бы ее обработали!

И вот 8 марта начались страдные десять посевных суток!

Днем пахали и сеяли, а к 10 часам вечера три «Форда» привозили всех председателей и бригадиров на летучку.

Подводились итоги, председатели предъявляли свои требования, намечались мероприятия на завтра и к 12 часам все были дома. А с рассветом уже начиналась работа следующего дня.

Не знаю, как выдерживали эти темпы председатели, но я жила эти дни одним — выполнить план сева. Помню, в эти дни возвращалась я из района на двухколесной «американке» вдвоем с молоденькой конторской машинисткой. Ехали берегом Суйфуна, к которому выходили поперечные хребты зеленовато-фисташкового цвета, розовым пухом рас-

цветающего дикого персика. При ярком свете солнца — изумительная по красоте картина.

Девушка остановила лошадь, соскочила и в восторге бросилась собирать букет. В другое время, несомненно, то же самое сделала бы и я. Но сейчас все, кроме мыслей о себе, улетучилось из сознания, красота пейзажа не дошла до меня, не тронула. И, наоборот, до глубины души волновала нерадивость или равнодушие отдельных работников в общем очень крепкого коллектива МТС.

К этому времени нам был уже прислан в качестве главного агронома крупный специалист из крайземуправления. И надо было же случиться так, что на пятый день посевной у него умер сынишка! Похороны в деревне несложны. Товарищи вырыли могилку и в тот же день похоронили ребенка. На второй день главный агроном не выходит на работу, на третий день — тоже, на четвертое утро иду к нему сама. Сидят вдвоем с женой в темной комнате на полу и переживают; в этот момент я даже не осознавала, что поступаю жестоко. Мои упреки, конечно, были грубы, но я сказала ему: «Если бы ребенок болел, если нужно было бы его для спасения везти в Хабаровск, я бы, не задумываясь, отпустила бы Вас! Но его ведь нет... и не вернешь. Так как же Вы смеете забывать, что идет сев и Вы главный агроном! Или Вы немедленно выходите на работу, или я немедленно пишу приказ о Вашем увольнении».

Он вышел на работу, а работа, как известно, лучшее лечение от всякого горя. Приходилось быть жестокой, быть требовательной, иначе нельзя!

Молодой агроном-практикант заходит с утра в кабинет и просит разрешения поехать в Никольск встретить жену. Категорически отказываю, так как в этот день он должен был проверить глубину высева и качество заделки семян. Вдруг в окно вижу, что он вскакивает на машину.

Изо всех сил стучу в стекло, не рассчитала силы, вгорячах, высаживаю стекло напрочь... но шофер услышал и остановил машину. Я вышла, сняла с нее сконфуженного юношу и поручила шоферу захватить жену практиканта.

Трудно было быть беспристрастным и, главное, авторитетным арбитром между главным механиком и главным агрономом.

Знаний агрономии и техники у меня было для этого совершенно недостаточно. Зачастую случалось, что, подходя каждый со своей точки зрения, требовали от директора противоположных решений. Например, о скорости работы машины. Главный механик, в интересах повышения производительности ее труда, требовал работать на легких почвах на третьей скорости; главный агроном, мотивируя той же легкостью почв, категорически запрещал это, чтобы сохранить структуру почвы и т. д. Иногда выручало какое-то чутье, которому приходилось верить в таких случаях.

Но всему бывает конец. Кончилась и посевная. План был выполнен!

Никогда не забуду солнечного утра подведения итогов сева по МТС с выдвижением лучших трактористов на премирование. Жюри на первую премию представила трактористку-корейку, которая, не зная ни слова по-русски, освоила трактор, выработала на нем максимальное по МТС количество га и полностью сохранила машину.

Это предложение буквально огорошило русских ребят! Как это на первое место выдвигается девушка, да еще и корейнка! Пошли в ход насмешки: что из того, что она не разбила стеклянный отстойник, — это и дурак сможет! А как мотор?

Мигом сброшены яркие сатиновые, а кое у кого и атласные рубашки, засучены рукава и парни полезли в мотор и под него!

Через несколько минут сконфуженные и обескураженные отходят от трактора и молча надевают свои рубахи... А рядом с трактором стоит тоненькая как тростиночка девушка, и на лице гордость, счастье и радость безмерная. Она не понимает по-русски, но выражение лиц парней говорит ей яснее слов, что они признали превосходное состояние мотора!

Вообще, корейские колхозы, впервые получившие землю и базу для хозяйства, поражали своей изумительной трудоспособностью и добросовестностью! Когда я в первый раз приехала на тракторный стан корейского колхоза, я остановилась в изумлении! Что это? Девичья спаленка или общежитие пятнадцати трактористов, из которых только три девушки? Нары, против обыкновения, подняты над полом, на них направо и налево аккуратно сложенные одеяла, на гвозде над каждым чистое полотенце, посредине стоит стол для еды. Обувь все оставляют при входе, здесь чистота и свежий воздух! Какой контраст со станом русских колхозов! Там на полу на вершок грязи, хотя никаких коек нет и все спят на нем вповалку, дымище от махорки — не продохнешь! Грязь, мухи!

Прошли апрель и май, всходы радуют взор, пшеница начинает наливаться, и вдруг Суйфун выходит из берегов и выплескивает массу воды на прибрежные посевы; в отдельных местах ширина разлива достигает 4—5 километров. Мы отрезаны от райцентра... смыты телеграфные столбы, видим, как парят над разливом самолеты... Так проходит три дня. Наконец в усадьбе появляется всадник. Это председатель райисполкома, решивший навестить нас с целью разведки. Он зовет меня в Покровку на бюро райкома, но говорит, что проехать можно только верхом. Но я никогда не садилась на лошадей! «Ничего, научишься», — говорит он.

Я попросила подседлать мне кобылку-монголку, которая всегда возила меня на «американке» и которая была умна и кротка, как голубка, — и рискнула... Конь председателя, ударенный плетью, сразу взял в карьер, а за ним бросилась и моя кобылка. Предрика только успел крикнуть: «Держись!» И мы понеслись...

Словом, не имея никакого понятия, как я это поняла потом, как пользоваться стременами, я плюхалась на спине бедной лошадки, как на заборе, и моментально, конечно, набила себе ягодицы, а ей спину. Два часа езды до Покровки стали для меня настоящим адом. В райкоме я встретила председателя белорусского колхоза Карася. До колхоза 4 км. Сесть на лошадь я не в состоянии, иду и веду лошадь в поводу. Карась — верхом. Молча берет у меня лошадь и скачет вперед. А я еле еле доплетаюсь до колхоза пешком. Три дня после этого я не могла ни сесть, ни встать.

Зато очень быстро потом стала свободно ездить верхом.

Пшеница, простояв несколько суток в Суйфунской воде, кое-где полегла, но в целом вышла из наводнения в удовлетворительном виде, чему все мы были бесконечно рады. Затем она выстоялась, просохла и вот уже стоит в рост человека стеной. А в ней весело перекликаются фазаны, скопляясь прямо целыми стаями. Шоферы наших «Фордов» никогда не выезжали из дома без дробовика. Фазан подпускает машину буквально на десяток шагов. Шофер палит по нему прямо, сидя в кабине и возвращается с богатыми трофеями.

В разгар посевной прибыло несколько эшелонов демобилизованных красноармейцев с семьями, изъявивших желание переселиться в Приморье. В первую очередь заселяли приграничную полосу.

На самой границе с Китаем раскинулись земли нового красноармейского колхоза на уставе коммуны. Это была крепкая, богатая коммуна. Никогда не забуду обеды в ее столовой. Пышные пшеничные караваи, красные борщи со свининой, отдельный столик для ребятишек. И смущенный председатель, выпрашивающий у меня в какой из соседних колхозов лучше всего отправить хлопцев за невестами. Чтобы и недалеко было, и невест было много, чтобы хлопцы ненадолго задержались.

Тут же в столовой случайно услышала разговор коммунара с приехавшим гостем. Хвастается коммунар и своей коммуной с земельными просторами, и богатством; все есть — и мельница, и трактора, и богатый трудодень, и первое место в посевной, и прекрасные обеды — все хорошо, одна беда: директор МТС — баба!

И так больно задело это! Знаешь, что это заскорюзлая мелкобуржуазная спесь, а делается обидно... в их разговор не вмешалась. Не убедишь словами, если даже факты жизни не убедили!

В первый раз в этой коммуне я была, когда еще не распустилась зелень. Второй раз пришлось мне повести туда представителя из Москвы, присланного на уборочную и пожелавшего посмотреть «экзотику». Выехали верхом. Я к тому времени прилично овладела этим искусством. По моим расчетам, это было километров 10—12 езды, и запомнились мне три поворота, которые надо было не прозевать. Проехали, по моим расчетам, положенные километры, сделали нужные повороты, а перед глазами не

открывается долинка с высокими камышовыми крышами коммуны. Я говорю своему спутнику, что, наверное, я заблудилась и что, пожалуй, мы уже на китайской стороне...

Что с ним случилось? Побледнел как полотно и завопил: «Да, Вам хорошо, Вы женщина, а я мужчина, да еще у меня значок десятилетия ОГПУ». Сорвал значок и бросил его в кусты... Я проследила глазами его полет и увидела брошенный на земле сноп пшеницы, лежащий, видно, давно и насквозь проросший травой, и говорю: «Успокойтесь, проросшие снопы могут лежать только у нас, мы дома!»

И, действительно, вскоре заметили мы крыши коммуны, но долинки я не могла узнать — она вся окружена густой зеленью, и ушло впечатление простора, которое было весной.

Ночевали в поле на снопах вместе с колхозниками. Ночь была беспокойная, были выстрелы, которые навевали тревогу и разгоняли сон. А молодые женщины мне говорили: «Не волнуйтесь, мы уже привыкли, редкую ночь не стреляют. Ведь граница рядом».

Граница рядом. И не случайно переходит дорогу навстречу нашей бричке какая-то темная тень и шепчет: «Берегитесь, под мостом Вас ждет пуля!» Кто это? Друг или злопыхающий враг, желающий припугнуть? Увидим! Заместитель передает мне вожжи и берет в руки на всякий случай «наган». Вот и мост. Похлестываю лошадь. Проехали благополучно. Видно, просто пугали.

А вот и первая жертва пренебрежения к требованиям новой техники, пришедшей на смену сохе и плугу. Начали молотьбу. В корейском колхозе трактору, конечно, отвели целую пустующую фанзу. Ранним утром пошел в фанзу заводить трактор молодой тракторист. Бригада собралась и терпеливо ждет приезда трактора. Уже все озябли. Посылают узнать, почему он задерживается. А он сидит, чуть свесившись с сидения, и уже не дышит. Отравление парами лигроина. В фанзе тепло, и отсутствует вентиляция.

Долго перед моими глазами маячила фигура старой матери, распластавшаяся на циновке в надрывном плаче по погибшем сыне.

МТС, непосредственно подчиненная краю, имела в своем распоряжении богатую технику, и автомашины в том числе, которых не было ни у кого в районе. Это создавало ей известный авторитет, но одновременно вызывало зависть, которая выливалась порой в не очень красивые формы.

Как-то уже осенью, после уборочной, во второй половине дня звонит мне секретарь райкома и сообщает, что вечером назначено внеочередное заседание бюро, на которое мне нужно явиться. Мне нездоровилось, а уже наступила распутица, ехать надо верхом. Я попробовала отказаться, но он оговорил меня сообщением, что будет разбираться мое персональное дело, и потому явка обязательна.

Трясусь под мелким, скучным дождичком на своей монголке, струйки воды пробивают плащ и текут по спине. Холодно, устала. Вошла в конюшню, поставила свою лошадку, охватила ее мягкую морду руками, прижалась к ней, и так тяжело, обидно стало, что, чувствую, вот вот не выдержу и разревусь...

Очевидно, что-то отразилось на моем лице, так как секретарь сразу сказал: «Что с тобой, Катя, ты не здорова, посиди, мы отодвинем твой вопрос». Благодарна ему за чуткость безгранично. Докладывает зав. райпланом о пренебрежительном отношении директора МТС т. Жигадло Е.В. к директивам райплана, за что следует вынести строгое взыскание.

«Ей было вручено отношение райплана о предоставлении сведений относительно потребностей топлива по МТС на предстоящую зиму; она поставила в разносной книге букву «ж», неизвестно, что обозначающую, и бросила бумажку тут же на столе!»

В мозгу сразу же всплывает эта злосчастная бумажка, которую я, действительно, позабыла на столе в райплане... И тут же память подсказывает, что ответ на нее был отправлен немедленно. Слова же «буква «ж», неизвестно что обозначающая» вызвали так необходимую в эту минуту ответную иронию...

И я спокойно отвечаю: «Отношение я, конечно, не бросила, а забыла на столе, что моя фамилия начинается на букву «ж» я не виновата, но настоятельно прошу тут же проверить был ли дан мною ответ и когда, а заодно, прошу проверить, сколько районных организаций ответило на это отношение».

Пока один из членов бюро ушел с проверкой, занялись другими вопросами. Проверка показала: из пятнадцати адресатов по этому вопросу ответили райплану только три, причем первый ответ по времени из МТС; остальные до сих пор на запрос не ответили вовсе.

Без прений было принято решение, что никакого пренебрежения со стороны товарища Жигадло к директивам райплана проявлено не было. И тут я вспоминаю, что председатель райплана как-то попросил у меня полуторку, чтобы «съездить на фазанов». А я отказала. Другим ничем этот эпизод объяснить не смогла!

Проработала я в МТС один год. К этому времени исполнилось восемь лет моей практической работе на Дальнем Востоке после окончания Плехановского института, и мне захотелось, пока еще не ушли молодые годы, немного еще подучиться. Я подала заявление в аспирантуру Совхозного института в Москве. Получила согласие института на зачисление и уехала учиться.

28.11.1980 г. Жигадло

Выступление В.К. Блюхера на Военном совете при народном комиссаре обороны СССР. 1935 г.

Я, т. народный комиссар, хочу доложить вам некоторые особенности, под углом которых проходила боевая подготовка ОКДВА в текущем году, тем более что эти особенности среди нас, внутри самой армии, вызвали очень большие, я бы сказал, дискуссионные споры. В чем эти особенности. У некоторых товарищей после выступления т. Лапина создалось впечатление, что ОКДВА в горных условиях не подготавливалась. Это неправильно. Неправильно потому, что начиная с 1933 г. мы готовились к горным условиям ведения войны. В начале 1935 г. мы провели большое корпусное учение в Забайкальском округе. Я сожалею, что не присутствовал при выступлении Ивана Кессарионовича Грязнова. На этом учении мы хотели проверить управляемость и действия войск в резко пересеченной местности и способность маневра их на фланге у противника. В результате этого большого учения, на котором участвовали 4 штаба дивизии, штаб корпуса, управление Забайкальской группы, мы убедились, что, несмотря на натасканность в течение 2 лет, несмотря на то, что Забайкальская группа войск ОКДВА много занималась в горных условиях, — стрелковый корпус к операции оказался недостаточно подготовленным.

Т. Грязнов и т. Щестаков болезненно отнеслись к разбору, который я сделал, а картина такова. Корпус наступает на 30-километровом фронте. Была проведена нейтральная связь, на которую было ухлопано 511 км провода, участвовало 28—30 радиостанций, и все-таки связи не было. Было такое положение, когда штаб корпуса находился впереди штаба дивизии, штаб дивизии, как правило, отставал от штаба корпуса.

Мы ввели элемент ускоренной подготовки горных проходов артиллерийским огнем. Мы хотели сделать следующее: не нужно ждать 3—4 часа, а вот остается, предположим, до сумерек час времени — нужно в этот срок изготавиться. Я должен сказать, что начсостав не был подготовлен, связи не было. Поэтому был сделан вывод, что мы много ходили по горам, но освоить по-настоящему ведение войны в условиях горно-таежной местности не смогли. Я должен сказать, что у нас не просто горные условия, а горно-таежные, это значит высота 400—500 м, поднимаешься на эту высоту, а там болото. Вы помните, т. народный комиссар, когда были на Бароновском артполигоне. Мы забрались тогда на самое высокое место для того, чтобы видеть разгар столкновений 2 дивизий, и, как вы помните, мы увязли в болоте. Вот эти особенности горно-таежной местности у нас до этого года не учитывались и по-настоящему не прорабатывались.

Я должен сказать, что я согласен с оценкой, данной Яном Борисовичем, войскам нашего округа. Мы продвинулись резко вперед, но недо-тянулись до требований, которые перед нами ставятся. В 1936 г. мы будем работать таким образом, чтобы формулировка Яна Борисовича, в смысле оценки нашего округа, была бы нами оправдана.

Второе, что я хочу сказать, что является присущим для большинства округов. Мы в течение последних 2—3 лет очень много натаскивали наши штабы, наш командный состав и части на методическую форму боя по преодолению укрепленной полосы. И когда весной мы проводили целый ряд учений со штабами и с войсками, то убедились, что мы настолько приучили войска к методичности, что в процессе боя, даже встречного боя, войска не проявляют нужной инициативности, быстроты действия со стороны командиров батальонов, командиров рот и командиров взводов. Когда наблюдаешь картину встречного боя, когда все должно быть скоротечным, когда должны быстро наброситься на одну часть наступающего, с тем чтобы его разбить и немедленно наброситься на вторую часть подходящего противника, когда необходима инициатива со стороны всех командиров, так вот, когда наблюдаешь, то оказывается, что у нас этой быстроты нападения на противника нет. Все идет по заранее намеченному плану — штабы перемещаются с пункта на пункт, разбивают палатки, устанавливается телефонная связь, составляются плановые таблицы, т. е. идет нормальная работа. В общем, на учениях мы имеем все то, за что очень крепко ругал нас нарком в приказе № 0019.

Я приведу вам такой пример. Прихожу на один участок, вижу, что обстановка такая, что необходимо немедленно наступление. Опрашиваю командира батальона: обстановка ясно диктует необходимость быстрого действия и нападения на противника, почему вы не наступаете? Он отвечает: приказа нет. Подхожу к младшему командиру и спрашиваю: вам обстановка ясна? Он говорит: ясна. Говорю: расскажите. Он рассказывает: наступает противник человек 300, из этих 300 человек половина перед нами, и эта половина, находящаяся перед нами, обходится с тыла другой частью. Стало быть, информация как будто неплохая, люди понимают обстановку. Я спрашиваю его: почему же вы не наступаете? Он отвечает: приказа нет. Тогда я говорю: а что бы вы сделали, как бы вы поступили? Он говорит: я бы пошел в атаку. Ну и идите в атаку. Пошли. Но его не поддержало соседнее отделение, его не поддержала соседняя рота. Это очень характерный пример для наших войсковых частей. Эта схематичность, которая очень резко ввелась в войска, заставила меня дать приказ о том, чтобы войсковые части сосредоточили все свое внимание на условиях боя в горно-таежной местности и заострили свое внимание на встречных боях, отказавшись от схематизма.

Что мы сделали и каких результатов достигли за текущий год? Я дол-

жен сказать, т. нарком, что в этом году мы достигли больших результатов, и отнимать эти результаты у частей, у работников, которые так напряженно, не покладая рук, работали в этом году, было бы неправильно. Но можно ли сказать сегодня, что мы поставленные задачи полностью освоили? Нет, мы этого дела до конца еще не освоили. И с этой точки зрения прав Лапин, который отмечал наши недостатки. Должен сказать, что у нас по вопросу о горно-таежной войне существует две точки зрения. Если вы карту себе представляете, у нас из Приморья на запад для того, чтобы по-настоящему выбраться в Маньчжурию, надо перевалить два хребта длиной 250 км. Я считаю, что на этих горных глубинах и будут разыгрываться бои. Вот мы и стали учить войска, исходя из такого понимания перспективы. Чего достигли? Достигли мы не особенно большого, но уже передрались за принципы войны в горно-таежных условиях. Одни считают, что драка в таких горных условиях возможна только в полосе уже созданных путей, т. е. железных дорог, наличия трактов и т. д. Вторая точка зрения, я считаю, что мы должны готовить себя к будущим боям не только в полосе этих путей, но и к боям при движении по тайге. Так вот, если в первом случае мы имеем известные успехи, то вот для действия наших войск в условиях горно-таежной местности мы не подготовлены, и в смысле нашей личной подготовки, и организационной.

Когда мы попробовали, что дает горно-таежная местность без дорог, то 26-я дивизия в течение суток, двигаясь 21 час, прошла по карте 17 км, если учесть узкие подъемы — 21 км, т. е. дала в час 1 км. 21 км можно идти один день, самое большее два, но больше с таким напряжением не сделаешь. Возьмем 1-ю дивизию, более подготовленную в горных условиях, потому что там очень допытливый командир т. Фирсов, который сидит на этих острых горах уже три года, эта дивизия дает $1\frac{1}{2}$ км в час. В этих горно-таежных условиях конница идет в поводу, она максимально дала на маневрах 3 км. Самый интересный вывод — о мотомехвойсках. Мы пустили два батальона почти без дорог. Они давали в час 1,7 км, т. е. меньше 2 км, а главные силы, следовавшие за головными частями мотомехвойск, дали 2,5 км.

Голос с места. Они преодолевали зону заграждения.

Блюхер. Совершенно правильно, они преодолевали зону заграждения, но зону заграждения для передовых частей мы будем иметь, вероятно, на любом театре наших военных действий.

Японцы вопросам химии уделяют гораздо большее внимание, чем мы на Дальнем Востоке. Они создали два крупнейших химических завода. Они будут зверски глушить нас химией, и они к этой химии, несомненно, прибавят бактериологические средства. Я убежден, что холерой они нас будут травить зверски. Я тут не совсем согласен с товарищами,

которые считали необходимым клевать Фишмана. Его надо поддерживать, потому что вопросы противохимической защиты — это крупнейшие вопросы, которые чрезвычайно остро стоят, и в этом отношении я просил бы поддержать Фишмана.

Гамарник. Можно и поддержать, и поклевать.

Блюхер. Одно другое не исключает.

Я думаю, что норм, необходимых для быстрого продвижения, мы на сегодня еще не добились. И первый вывод, который мы делаем из всего этого, это то, что мы сами недостаточно освоили войну в горно-таежных условиях. Второй вывод — у нас нет организации войсковых частей для этого. Вьюков нет, тракторов нет, и поэтому получается так, что легкие и облегченные батальоны в такой таежной местности двигаются 3 км. Но отстают станковые пулеметы. Станок Соколова для нас не годится. Отстает и артиллерия. Тут много недоработано, и терпеть такую организацию нельзя. Нужно будет в дивизиях какие-то части перевести обязательно на горную организацию.

Левичев. Один стрелковый полк в дивизии.

Блюхер. Я видел этот ваш проект, но он не совсем нас удовлетворяет. Один полк в дивизии — это несколько расходится с пожеланиями целого ряда наших товарищей, над этим вопросом работающих, но немного увлекающихся. Один полк хорош, но для того, чтобы усилить этот полк, в составе дивизионной артиллерии должен быть дивизион тоже горной организации, который мог бы быть выброшен.

Левичев. Горная артиллерия тоже нужна.

Блюхер. Горной артиллерии надо добавить. Если нам не добавят, тогда нужно к гаубицам дать тягачи, которые бы тянули их в горных условиях. Мы будем зверски работать в 1936 г. И тут пусть Левичев нам поможет, иначе мы окажемся неподготовленными для драки с японцами. Японцы готовятся к войне не в горных условиях. Они, нахалы, совершенно точно убеждены, что как только они начнут с нами драться, они нас опрокинут в наши долины — Приморья и Амура. В этих полуравнинных условиях они могут драться на основании обычной организации. Но, независимо от этого, они имеют три горные дивизии, три горных полка главного командования. Моя просьба в том, чтобы помочь нам организационно и в вооружении вылезти из тупика горно-таежных условий войны. Второе. У нас резко отличается роль командира дивизии и дивизии в целом от фронта западноевропейской России. Я убежден, что у т. Уборевича и у т. Якира вопрос плотности фронта несколько иной, чем у нас. Затем, у вас менее остро стоит вопрос направления фронта, потому что у нас на Дальнем Востоке, если мы сложим наши границы, то получим 2200 км.

У т. Уборевича командир дивизии будет наступать, втиснутый в узкие рамки фронта. У нас направлений больше, чем иногда кажется по

карте. Тут вырастает роль оперативной подготовки командира дивизии, который будет действовать на отрыве, выполняя самостоятельные задачи, свойственные корпусу. На этом участке учебы мы поработали много. Если бы вы дали слово т. Пашковскому, он рассказал бы, как я проводил военные игры и учения у себя на Дальнем Востоке. Я требовал не только знания территорий, не только знания форм действий японских дивизий, но я требовал, чтобы они играли за японцев и передвигали бы японские поезда, сколько будет поездов, сколько подадут и т. д. В этом отношении мы в текущем году сделали очень резкий шаг вперед, и не плохой, за что нас Александр Ильич не должен ругать, хотя исчерпывающего доклада об этом мы как будто не представляли еще.

Следующая особенность, которая резко снижает наши достижения в огневом деле, в том, что мы ушли с обычных полковых стрельбищ. Не прав т. Халепский, когда говорит, что только танкодром выучивает езде. Танкодромы нас и загубили. Когда мы вышли осенью на маневры, мехбригада подошла к участку и ввела в бой только 10% машин, а 90% застряли на заливах. Иван Федорович говорит, что мы переплывем Амурский залив. Но переплывать по морю легче, т. народный комиссар, чем по реке. Во-вторых, Климент Ефремович, я совершенно не согласен с тем, чтобы иметь у т. Викторова такую бригаду для обороны побережья, но более выгодно иметь у т. Кожанова, потому что это средство — плавающий танк — гораздо более эффективно использовать в качестве десантного соединения, а не охраняющего берег. Мы все это изучили, Климент Ефремович, в прошлом году мы погибли на маленьких, узеньких пересеченных долинах и низинах. У нас, собственно говоря, мехбригады как определенного соединения на определенном направлении не было. В этом году мы сделали огромный шаг вперед.

Если мы в прошлом году, не умея преодолевать эти узкие долины, растерялись, то в этом году эту стадию перескочили. У Ивана Федоровича: Кравцов изобрел замечательную вещь — лопатку. Эта лопатка давала хорошие результаты на испытаниях, но когда вывели бригаду на маневры и ей пришлось переправляться через паршивенькую речонку, то пришлось потратить 7 часов. Необходимо проработать мероприятия по прохождению танков через низины и ручьи, свойственные нашему Дальнему Востоку. Нужно, чтобы эти мероприятия были бы проведены у вас, т. Халепский. Иначе нужной оперативности мы не получим. Следующий вывод, которым я хочу поделиться, это оперативно-тактическая глубина удара мехбригады. Общепринято — 70—80 км. В наших условиях, в условиях горно-таежной местности, — 30—40 км максимум. Поэтому мы сделали вывод, что оперативно-тактическая пробивная способность бригады — 15 км в сутки.

Уборевич. А почему тогда 30?

Блюхер. Потому что заправки хватает на 30. Когда баки сделаем, будет другое дело, но видно, что мы их не сделаем, пока нарком не даст как следует по затылку. 3 года вопрос не сдвигается с мертвой точки. Оперативная подготовка комсостава, командира дивизии в масштабе корпуса. В этом отношении мы успели в этом году немало, и это будет продолжаться и в будущем году. Дальше я хотел бы просить народного комиссара о следующем: учитывая проходимость мотомехсоединений на Дальнем Востоке, стоит вопрос об усилении средствами механического истребления противника, особенно учитывая небольшие хозяйственные ресурсы. А это является основной проблемой для Дальнего Востока. Когда мы говорим — дайте машины, возникает и другой вопрос: как быть с бензином.

Голос. А крекинг?

Блюхер. Крекинг не может обеспечить нас целиком, он питается за счет сахалинской нефти. Да, кроме того, нормальное пассажирское сообщение с Сахалином, наверное, будет прервано. Нужно разрешать проблему горючего либо огромным завозом его, либо переходом на газогенераторные установки. Я хочу предъявить счет т. Халепскому. Всем известно, что мы упираемся по любой машине в вопрос бензина. Почему же нам не даются машины с газогенераторными установками. Я знаю из материала, что в Германии имеется между Гамбургом и Берлином нормальное движение на газогенераторных двигателях. Решающим вопросом является вопрос о газогенераторах. Если мы будем иметь их на деревянном топливе, то мы не будем зависеть от другого горючего. Мы знаем свое положение и уверены, что будем бить японскую дивизию. Дело нелегкое. Я это знаю. У японцев 1000—2000 танков, я точно цифры сказать не могу, но механизация и вооружение не хуже нашего. Артиллерия неплохая.

С места. Два полка артиллерии в дивизии.

Блюхер. Не важно — один или два.

У японцев для горных условий вводят новое ружье, типа ружье-пистолет, весом 8—7½ кг. Такое ружье дают в каждый взвод. Это легкий пулемет. Станковый пулемет в горах плохо двигается, здесь нужно дать другую установку, людей больше? До сих пор мы говорили так, но теперь мы можем сказать, что у нас есть танковый батальон, которого не имеют японцы, и мы их побьем, я утверждаю это. Следующий вопрос, который у нас особенно выпирает. Я хочу подчеркнуть необычайную значимость наших авиадесантных войск для Дальнего Востока. Это для нас исключительно важное средство. У нас масса горных узостей и прочее, и если бы имели в нужном количестве авиадесантные части, причем, по моему мнению, они должны быть штатными, то мы могли бы раскупорить эти направления, которое противник будет закупоривать.

Какие нормы для нашего театра? Для корпуса нам нужно не менее одной авиадесантной бригады. Тогда целый ряд вопросов, связанных с преодолением узостей и горных пространств, может быть разрешен. Затем, Климент Ефремович, для нас имеет большое значение следующий вопрос, который является для Дальнего Востока особенно болезненным. Ни т. Якир, ни т. Уборевич, ни т. Шапошников этого не испытывают, — они имеют в своих округах огромное количество железных дорог, и если противник перережет одну дорогу, то у них есть вторая и третья, а у нас есть одна ниточка. Если у нас порезать Уссурийку, то никаких дорог больше нет. С этой точки зрения я считаю, что подготовка наших железнодорожных войск и подготовка железнодорожника вообще, восстановление железных дорог никуда не годится. Это самый консервативный, отсталый род войск. Средств мало. Об этом надо кричать.

Я хотел бы еще сказать напоследок следующее. У нас имеется принципиальный вопрос — для ОКДВА нужен механизированный корпус или мехбригада. В этом вопросе в армии имеется разногласие. Одна группа командиров говорит, что мехкорпус лучше, а я в этом отношении консерватор. Дайте нам усиленную танковую бригаду для направления. С корпусом будет масса неприятных вещей, и в смысле снабжения, и в смысле ремонта и восстановления. Усильте эту бригаду батальоном.

Выступление В.К. Блюхера на Военном совете при народном комиссаре обороны СССР. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г. // Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 246—252.

ЗАПИСКА Р.А. РУДЕНКО В ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ Я.Б. ГАМАРНИКА*

ЦК КПСС

22 июля 1955 г.

В связи с жалобами Гамарник И.М., Богомоловой-Гамарник К.Б. и Гамарник Ф.Б. Прокуратурой СССР проверена обоснованность обвинений, выдвинутых против бывшего заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной армии Гамарника Яна Борисовича.

Проверкой установлено:

31 мая 1937 года Гамарник Я.Б., будучи тяжело больным, выстрелом из пистолета покончил жизнь самоубийством.

После самоубийства Гамарника Я.Б. Ежовым и его сообщниками были получены показания арестованных к тому времени по обвинению в участии в контрреволюционном военном заговоре Тухачевского, Якира и Уборевича о причастности к указанному заговору также и Гамарника.

Свои показания Тухачевский, Якир и Уборевич подтвердили в судебном заседании специального присутствия Верховного Суда СССР. Однако показания указанных лиц в отношении Гамарника неконкретны, в ряде случаев противоречивы и никакими другими объективными данными не подтверждены.

Так, Якир в начале своих показаний заявил, что Гамарник высказывал якобы ему свое недовольство состоянием дел в наркомате обороны, однако он, Якир, не имея полномочий центра, не делал попыток к вовлечению Гамарника в военный заговор и не говорил ему о существовании такового.

В дальнейшем Якир изменил эти показания и заявил, что еще в 1936 году он якобы информировал Гамарника о проводившейся им, Якиром, Тухачевским и Уборевичем вредительской работе в пограничных районах, направленной на ослабление обороноспособности страны и что якобы Гамарник заявил тогда, что аналогичная работа проводится и на Дальнем Востоке. При этом Якир утверждает, что Гамарник в центр военного заговора не входил и непосредственного контакта по контрре-

---

* На первом листе записки имеются резолюция: «Согласен. Н. Хрушев. 22/VII» и подписи: «За — Н. Булганин. 30/VII», «За — К. Ворошилов», «За — Л. Каганович», «За — Г. Маленков», «За — А. Микоян», «За — В. Молотов», «За — М. Первухин». — Сост.

Я.Б. Гамарник реабилитирован 6 августа 1955 г., в партийном порядке — КПК при ЦК КПСС 7 октября 1955 г.

волюционной деятельности с Тухачевским, Корком и другими лицами не имел, а поддерживал эту связь якобы через Якира. Никаких конкретных фактов проводившейся якобы Гамарником контрреволюционной деятельности Якир привести не мог, ссылаясь на то, что Гамарник занимался вредительством на Дальнем Востоке, а он плохо знал Дальневосточный театр.

Осужденный Уборевич прямых показаний об участии Гамарника в военном заговоре не дал, но заявил, что его очень хвалил Тухачевский, что Гамарник, в свою очередь, поддерживал по ряду вопросов Тухачевского и других, и поэтому он предполагает, что Гамарник являлся членом центра военного заговора.

Более определенные показания о причастности Гамарника к военному заговору дал Тухачевский. Он показал, что в состав центра военного заговора входили: Тухачевский, Гамарник, Каменев С.С., Уборевич, Якир, Фельдман, Эйдеман, Зарем, Примаков и Корк.

Гамарник, как показал Тухачевский, в состав центра якобы вошел в 1934 году, занимал в нем руководящее положение и ведал подрывной деятельностью заговорщиков на Дальнем Востоке.

Эти показания Тухачевского находятся в явном противоречии с уже приведенными показаниями Якира и, кроме того, опровергаются показаниями других осужденных.

Так, осужденный по одному делу с Тухачевским Путна В.К. в отношении Гамарника показал:

«...я не допускаю участия Гамарника в троцкистской организации... когда он приезжал на Дальний Восток, он сказал, что мой доклад о том, что надо разьединить ОКДВА, он поставит в Москве».

Осужденный как участник центра военного заговора Фельдман Б.М. показал суду: «В отношении связи с Гамарником я лично ни слова не слышал и не знал, что Гамарник состоит членом центра. Гамарник вел такую линию в центральном аппарате, что мне хотя бы от малейшего его шага или малейшей осторожности догадаться о том, что он нам помогает, не было возможности, и я не могу этого сказать».

Гамарник, когда приезжал на Дальний Восток, Вы сами знаете, всегда о дальневосточных делах плохо отзывался — это факт, хвалил много Сангурского — это факт, об этом я сообщаю, делал он это с определенной целью. С моей стороны было бы неправильно, если бы я на основании этого мог сказать, что Гамарник состоит членом центра».

Другой осужденный, как участник центра — Корк А.И. показал:

«...В состав центра входят: Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман и я. Про других лиц, в частности про Гамарника, мне не говорил тогда Тухачевский и не говорил впоследствии».

При таком положении сомнительные показания Тухачевского, Яки-

ра и Уборевича, при отсутствии других объективных доказательств, не могут быть положены в основу обвинения Гамарника Я.Б. в измене Родине, и это обвинение с Гамарника Я.Б. должно быть снято.

В связи с этим считаю необходимым войти с предложением о признании необоснованными обвинений Гамарника Я.Б. в антисоветской деятельности.

Прошу рассмотреть.

*Генеральный прокурор СССР
Р. Руденко*

Источник: Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 — февраль 1956. — М., 2002. — С. 236 — 237.

Содержание

Вступительное слово Шпорта В.И. «Прозорливость первого руководителя Дальневосточного края»	5
От автора.....	7
Дан приказ: ему – на восток	13
Председатель Дальревкома	32
1925 год: Дальневосточный край – аванпост СССР на берегах Тихого океана.....	69
Туземный съезд ДВО	90
Первый председатель Дальневосточного исполкома, секретарь краевого комитета ВКП(б)	107
Правая рука наркома обороны	159
Полномочный представитель партийно-политического руководства СССР в ДВК	222
1937 год. Самоубийство Я.Б. Гамарника	269
Судьба друга	304
Заключение	330
Post scriptum.....	335
Источники и примечания.....	341
Список сокращений.....	357
Алфавитно-именной указатель	360
Приложения	365
Даты жизни и деятельности Я.Б. Гамарника	366
Из статей и докладов Я.Б. Гамарника	374
Основные издания о Я.Б. Гамарнике	388
Из воспоминаний о Я.Б. Гамарнике	390
Воспоминания Е.В. Жигadlo	412
Выступление В.К. Блюхера	420
Записка Р.А. Руденко	427

Нина Ивановна Дубинина

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ЯНА ГАМАРНИКА

Редактор *А.М. Абдрашитов*

Обложка, оформление *А.Н. Лихолетов*

Верстка *В.В. Ермакова*

Корректоры *И.В. Зайченко, С.Н. Сомова, О.В. Витязева*

Сдано в набор 01.04.2011. Подписано в печать 20.07.2011.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,00.

Заказ 237. Тираж 1000 экз.

Отпечатано КГУП «Хабаровская краевая типография».

680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Здание Дальревкома
в Хабаровске, 1925 г.

Нина Ивановна Дубинина

Предметом моего научного интереса
являются люди, посвятившие
Дальнему Востоку России свои
незаурядные интеллектуальные,
духовные и физические силы.
Нельзя, чтобы их славные имена
и дела засыпал песок забвения.
